

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ

Казанская губерния

КУЛЬТУРА

Казань – 2019

УДК 94(47):008(470.41)
ББК 63.3(2)611+(28-8 Каз)
Ч-39

*Издание подготовлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Авторский коллектив:

*Л.Р. Габдрафикова, Р.Р. Салихов, Е.В. Миронова,
Л.А. Бушуева, А.В. Виноградов, Д.Р. Зайнутдинов*

Научный редактор

доктор исторических наук *Л.Р. Габдрафикова*

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *Е.В. Миронова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А.И. Ногманов*
кандидат исторических наук *И.Р. Каримов*

Ч-39 Человек в революции: Казанская губерния. Культура:
коллективная монография / под ред. *Л.Р. Габдрафиковой*. –
Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. –
368 с. + 28 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-312-6

В монографии представлен историко-антропологический взгляд на культуру многонационального населения Казанской губернии накануне и в эпоху революции 1917 года. Культура анализируется с разных ракурсов: это и образец для подражания, и социальный опыт одновременно, обычное зрелище и вместе с тем художественная рефлексия. Революция делает уязвимой культуру во всем ее многообразии: артефактах и социальных отношениях. Отдельной проблемой является отношение человека к себе и к окружающей среде в условиях социальных катаклизмов. В книге особое внимание уделяется судьбе человека в революции: деятелям науки, литературы и искусства.

Монография рассчитана на специалистов, аспирантов и студентов, а также на всех, кто интересуется историей России и Поволжья.

На обложке: Ликвидация неграмотности. Художник Л.Н. Александров. 1927 г. ГМИИ РТ.

ISBN 978-5-94981-312-6

УДК 94(47):008(470.41)
ББК 63.3(2)611+(28-8 Каз)

© Авторы, 2019

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Л.Р. Габдрафикова)	6
---------------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Дореволюционные культурные ориентиры населения Поволжья	11
1.1. «...Серый обыватель, который не знал театра, сделался его постоянным посетителем» (социокультурная роль промышленных корпораций) (Л.Р. Габдрафикова)	11
1.2. «...Дворянство являлось естественным опекуном народа» (культурно-просветительская работа дворян Казанской губернии в сельской местности) (Е.В. Миронова)	25
1.3. «Первый взгляд на деревню дает впечатление города...» (социокультурный эффект татарского буржуазного стиля жизни) (Л.Р. Габдрафикова)	36
Глава 2. «Разумные развлечения» революционной поры	56
2.1. «...Комедия, близкая к фарсу, имеет успех благодаря сходству с политическим моментом» (культмассовые мероприятия в Казанской губернии в 1917–1918 гг.) (Е.В. Миронова)	56
2.2. «...Этот спектакль поражает даже больше, чем смена власти в России» (татарские культмассовые мероприятия накануне и в годы революции) (Л.Р. Габдрафикова)	72
Глава 3. Культура повседневности в революционные годы	85
3.1. «Санитарное состояние города в последнее время крайне неудовлетворительно...» (экологическая культура Казанской губернии в эпоху революции) (А.В. Виноградов)	85
3.2. «...Пироговский съезд врачей решил класть в спирт синьку и керосин» (медицинская культура жителей Казанской губернии в годы Первой мировой войны и революции) (Л.Р. Габдрафикова)	100
3.3. «Воинские части могут помешать правильному ходу выборов...» (правовая культура населения Поволжья в эпоху революции) (Д.Р. Зайнутдинов)	125
3.4. «...Эти обстоятельства открывают путь к пониманию всего безобразия происходящего» (культура общения жителей Казанской губернии в начале XX века) (Л.Р. Габдрафикова) ...	141

Глава 4. Интеллектуальные традиции в условиях революции	162
4.1. «Среди бытовой дряни – несчетные богатства...» (состояние архивных, музейных и библиотечных фондов Казанской губернии в 1917–1918 гг.) (Л.Р. Габдрафикова)	162
4.2. «Молодые ученые ни о чем больше не говорили, как только о пайках...» (научная интеллигенция Казани в 1917 – начале 1920-х гг.) (Л.А. Бушуева)	190
Глава 5. Художественная культура народов Поволжья в эпоху революции	212
5.1. «... До революции я еще мог чувствовать себя здесь более или менее сносно» (русские художники Казанской губернии в 1917–1920-е гг.) (Е.В. Миронова)	212
5.2. «Я мечтал о том дне, когда сумею взять в руки кисть и перо художника» (развитие татарского изобразительного искусства в начале XX века) (Л.Р. Габдрафикова)	227

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Татарская культура эпохи революции в лицах и образах (Р.Р. Салихов, Л.Р. Габдрафикова)	247
Дэрдменд (1859–1921)	247
Гаяз Исхаки (1878–1954)	253
Галиаскар Камал (1879–1933)	261
Мажит Гафури (1880–1934)	265
Сагит Рамеев (1880–1926)	268
Гафур Кулахметов (1881–1918)	272
Фатих Амирхан (1886–1926)	275
Габдулла Кариев (1886–1920)	279
Газиз Губайдуллин (1887–1937)	284
Вали Апанаев (1889–1922)	288
Гали Рахим (1892–1943)	291
Газиз Альмухаметов (1895–1938)	294
Опера «Сания» (1925)	299
Мансур Музафаров (1902–1966)	303
Галия Кайбицкая (1905–1993)	308
Латиф Хамиди (1906–1983)	311
Революция и татарская антропонимия	315
На волне революции: населённые пункты ТАССР 1920-х гг.	322

Приложения	336
<i>Приложение №1.</i> Прощение попечителя Казанского учебного округа М.Ломиковского на имя казанского губернатора с просьбой ограничить доступ учащихся к театральным показам в Казани	336
<i>Приложение №2.</i> О геологических экспедициях в Казанской губернии	336
<i>Приложение №3.</i> Обращение протоиерея Транквиллина Земляницкого к чувашской интеллигенции	337
<i>Приложение №4.</i> Экологическое состояние г. Казани	338
<i>Приложение №5.</i> Из воспоминаний художника П.А. Радимова о революции в Казани	339
Библиография	341
Список сокращений	364
Сведения об авторах	365

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является продолжением двухтомной монографии «Человек в революции: Казанская губерния». Безусловно, революция, даже в рамках одной губернии, слишком сложная научная проблема и невозможно дать исчерпывающие ответы на все вопросы о ней лишь в трех книгах. Но в заключительной монографии этой серии мы объединили две темы – революцию и культуру.

При этом в книге мы следуем обозначенной в двух предыдущих томах традиции историко-антропологического анализа событий начала XX в. Таким образом, у нас есть самое главное действующее лицо – человек. Человек как субъект и объект революции и культуры одновременно. Как совершенно справедливо отметил Р.С.Хакимов: *«Не бывает человека вне определенной культуры, и нет культуры, которая не была бы порождением тех или иных народов. Культура – основа не только этнической идентичности, но она также создает общность по религиозным, территориальным и другим признакам»*¹. Наша книга представляет Казанскую губернию как территорию с особыми культурными традициями, где пересекались носители разных ментальных установок. Так, для татарского народа понятие «культура» в начале XX в. имело особенное значение, ведь именно тогда появилась идея о «культурно-национальной автономии». Речь шла не о территориальной автономии, а об объединении татар всей бывшей Российской империи. Но центром национально-культурного притяжения для них должна была стать Казань.

Культура – очень многомерное понятие, охватывающее самые разные области человеческой жизнедеятельности. Поэтому культуру можно рассматривать по-разному. Наряду с материальным миром, культура – это духовное пространство в виде литературных, музыкальных, художественных произведений – проявления божественного дара маленького человека. Именно этот дар рождает в его душе новый мир: собственных смыслов и грез. Искусство и литература дают нам индивидуальный опыт осмысления прошлого и без этого прикосновение к раскаленному нерву художника вряд ли возможна полноценная реконструкция истории.

¹ Хакимов Р.С. Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. 2017. Т.2, №1. С.7.

Но было бы неправильно сводить культуру лишь к образцам художественного творчества. Поэтому мы решили отойти от привычного представления культуры и пришли к пониманию этой проблемы как квинтэссенции общественно-политического и социально-экономического фона революционного времени, а также повседневной жизни нескольких поколений людей. Культура находит отражение, прежде всего, в отношении человека к себе, к ближнему, к окружающей среде и любимым артефактам, к своим и чужим...

Российская культура претерпела несколько этапов кардинальных перемен. Если во второй половине XIX – начале XX в. произошла постепенная модернизация традиционных установок (ускоренная революцией 1905 г.), то революция 1917 г. и навязанные авторитарным способом советские идеалы стали своеобразным рубежом между старым миром и современностью. В советской историографии модернизация традиционного уклада, главным образом, мира рабочих и крестьян, всегда преподносилась как достижение Советов. Между тем, как показывает первая глава этой книги о дореволюционных культурных ориентирах, социокультурная работа среди крестьян и рабочих проводилась их патронами (дворянами и предпринимателями) задолго до 1917 г. Более того, эта работа в какой-то степени способствовала формированию культурных запросов рабочих и крестьян. Конечно, большую лепту внесли представители интеллигенции, которые выступали проводниками идей патронов.

Любопытным был путь аккультурации в татарском обществе, где оставались сильными традиции религиозной общины и инициаторами социокультурных преобразований выступали попечители-предприниматели. В результате, стиль жизни буржуазных слоев населения воспринимался большинством как образец для подражания. Поэтому к 1917 г. в татарской деревне высоким качеством жизни, в том числе с особыми культурными запросами, выделялись не только дворяне и интеллигенция, но и торговцы, духовенство и даже крестьяне. Это был не столько навязанный извне путь модернизации, а скорее внутренняя потребность в переменах. Революция 1917 г. вскоре прервала этот процесс постепенных преобразований.

Вторая глава монографии посвящена непосредственно событиям 1917 г. Революционное время сопровождалось политическими митингами и шествиями, которые плавно перетекали в теат-

ральные представления, концерты, литературные декламации и другие формы публичных выступлений. Это было время упоения свободой, в том числе свободой творчества, свободой слова. Например, к октябрю 1917 г. только в Казани выходило 38 газет и журналов на русском, татарском, марийском и чувашском языках. К концу года их число выросло до 54. Все издания были разной идейно-политической направленности². Но массовый информационный поток этой поры, в том числе театр, кино и музыка воспринимался населением, прежде всего, как развлечение. Поэтому в данной главе культура преподносится как объединение зрителя и зрителей.

Основной посыл некоторых глав этой книги можно выразить короткой фразой британского культуролога польского происхождения Б.Малиновского: «Культура – это определитель человеческого поведения (деятельности)»³. Особенно ярко этот тезис представлен в главе о культуре повседневности в революционные годы. Для нас это первый опыт объединения совершенно разных на первый взгляд направлений науки: экологии, медицины, права и этики. Но, если подумать, в третьей главе собраны практически все базовые направления культуры быта, которые при своей достаточной развитости обеспечивают комфортное существование личности в обществе: отношение человека к окружающей среде, к собственному здоровью и болезням, социальные коммуникации на самых разных уровнях, а также правовая грамотность гражданина. Изложенные факты показывают, что эти направления повседневной культуры населения Казанской губернии имели целый ряд проблем и находились к 1917 г. на начальной стадии развития. *«Слишком ясно, что Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры...»*, – с грустью писал о русском духе современник событий, философ Н.Бердяев⁴. Известный мыслитель подчеркивал, что в России нет «средней культуры» из-за постоянного стремления к абсолюту: будь то любовь или свобода.

² Насыров Т. Октябрь и гонения на казанскую русскую меньшевистскую прессу // Гасырлар авазы. 2014. №3/4. С.75.

³ Цит. по: Культурология / под ред. О.И. Ган. Екатеринбург, 2014. С.19.

⁴ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С.27.

Но если со «средней культурой» не сложилось, то иначе обстояли дела с ее высокими вариациями: художественным и интеллектуальным творчеством. Поэтому четвертая и пятая глава монографии освещают эти направления культуры.

Здесь нужно отметить, что революция 1917 г. перечеркнула былую корпоративную иерархию и расставила новые акценты в профессиональной среде. Например, особенно драматичными были перемены в Казанском университете, Казанской художественной школе и других учебно-научных центрах губернского города. Жизнь научной и художественной интеллигенции революционного периода усугублялась также бытовой неустроенностью.

Казалось бы, при социальных катаклизмах перед человеком стоит только одна задача – выживание. Но интеллектуалы и художники по-разному переживали вызовы времени. Многие из них даже в невыносимых бытовых и моральных условиях оставались верны собственному призванию, делу жизни. Такую целеустремленность демонстрировал художник Баки Урманче, который сквозь революционный хаос шел к единственной своей мечте. Хранители казанской старины, энтузиасты, невзирая на опасности и равнодушие большинства обывателей, спасали из революционных завалов предметы старины, рукописи и документы. Дело жизни возвышало человека над миром повседневных забот.

Вторая часть монографии представляет собой очерки о жизни и деятельности татарских писателей, музыкантов, артистов, ученых революционной поры. Их судьбы показывают, что татарская культура, по сути, была продуктом революции 1905–1907 гг. И даже деятели первых советских лет во многом продолжили национальные художественные традиции, заложенные этой эпохой. Необходимо подчеркнуть, что данные очерки охватывают далеко не всех представителей татарской литературы и искусства эпохи революции, они не претендуют на энциклопедичность. Задача второй, вспомогательной, части монографии – посмотреть на революцию с эмоциональной стороны, через биографии порой уже забытых персон. Революции начала XX века – это их надежды и потери.

После событий октября 1917 г. и установления власти Советов прошло уже более ста лет. И даже страны Советов больше нет. Но образы революции всегда с нами. Порой некоторые даже не догадываются о них. Это, конечно, множество «красных» топонимов, а также совершенно невероятных имен, рожденных революционной фантазией народа. В начале советской истории ро-

ПРЕДИСЛОВИЕ

дителей почти вынуждали выбирать чужие их слуху имена. Но теперь они – часть российской культуры, советское наследие татарского народа и семейная история почти каждого.

Серия исследовательских проектов, ставящих своей целью историко-антропологический анализ революций начала XX в. в Поволжье, проводилась с 2015 г. Мы рады, что за эти годы сумели внести собственный научный вклад в изучение истории Казанской губернии, и представили революционные страницы истории Поволжья с другой стороны. Кроме того, мы признательны руководству Республики Татарстан за поддержку наших научных исследований. Также мы благодарны Национальному музею Республики Татарстан и Государственному музею изобразительных искусств Республики Татарстан за предоставленные иллюстрации.

Однако изучение революции с точки зрения культуры, равно как и поиски следов эпохального события в явлениях современного мира, не останавливается на этом. В этой диалектике – суть науки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

- 1.1. *«...Серый обыватель, который не знал театра, сделался его постоянным посетителем» (социокультурная роль промышленных корпораций).*
- 1.2. *«...Дворянство являлось естественным опекуном народа» (культурно-просветительская работа дворян Казанской губернии в сельской местности).*
- 1.3. *«Первый взгляд на деревню дает впечатление города...» (социокультурный эффект татарского буржуазного стиля жизни).*

1.1. «...Серый обыватель, который не знал театра, сделался его постоянным посетителем» (социокультурная роль промышленных корпораций)

Наступившая после 1917 г. «диктатура пролетариата» в марксистской историографии преподносилась как один из факторов будущих культурных завоеваний. Но советский «культпросвет» имел дореволюционные корни. Хотя данная работа проводилась силами самого общества или отдельных неравнодушных лиц, без государственной поддержки. Из общественных объединений особенно плодотворной была деятельность комитетов Попечительства народной трезвости. Кроме того, внесли свою лепту в культурно-просветительское развитие населения муниципальные учреждения, сословные, конфессиональные общества. Эта деятельность, безусловно, была направлена и на рабочих. Примечательно, что даже в советской научной литературе признавали сей факт, но акцентировали внимание на том, что после революции 1905–1907 гг. «значительную работу по повышению культурно-образовательного уровня

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

рабочих с помощью рабочей печати, культурно-просветительских организаций и т.д. вели большевики»¹.

Помимо этого, определенную социокультурную работу среди своих рабочих вели сами работодатели-предприниматели. Еще со второй половины XIX в. в России зарождался особый тип социально ориентированного предпринимательства. Данный стиль ведения бизнеса был характерен для крупных предприятий – корпораций, где число рабочих доходило до 1000 и более человек. С усложнением производства и появлением новых технологий, росли требования к рабочим, ценились высококвалифицированные знатоки своего дела. Поэтому для рабочего создавались не только привлекательные финансовые условия, но и дополнительные социокультурные программы (открытие школ для детей рабочих, библиотек-читален и т.п.). Культурно-просветительская работа предпринимательства среди рабочих стала важной частью дореволюционной повседневности промышленных предприятий.

В Казани функционировало несколько крупных производственных объединений. Из них особенно заметной культурно-просветительской деятельностью отличилась семья промышленников Алафузовых.

Алафузовы всегда уделяли особое внимание вопросам просвещения. Еще в 1866 г. в Казанском Мариинском училище были учреждены три именные стипендии жены И.И. Алафузова – Людмилы Сергеевны Алафузовой. Для этого был открыт счет в Казанском отделении Государственного банка на сумму 3 200 руб., ежегодные проценты с данного вклада шли на выплату стипендий. Денежная помощь предназначалась для трех бедных девочек из купеческого и мещанского сословий². Несмотря на раннюю смерть Людмилы Алафузовой в 1868 г., стипендия её имени выдавалась вплоть до 1917 г.³

В 1872 г., то есть практически через несколько лет после основания предприятия, при кожевенных заводах и текстильной фабрике И.И.Алафузова открылось начальное училище. Примечательно, что возникло оно еще до появления законодательных требований о необходимости содержания фабрично-заводских школ при промышленных предприятиях. Училище было частным и содержалось на средства И.И.Алафузова. Размещалось оно в трех-

¹ *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России (1910–1914). М., 1987. С.145.

² ГА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.4530. Л.3.

³ Казанская Мариинская женская гимназия. Краткий исторический очерк, ее современное состояние и деятельность / сост. П.В.Траубенберг. Казань, 1900. С.27.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

этажном доме, нижний этаж которого занимала контора, на втором была школа. В школе работала одна преподавательница, она обучала грамоте и письму, арифметике. Иван Иванович стремился организовать фабрично-заводское училище в соответствии с требованиями времени. Кроме традиционных учебных пособий и письменных принадлежностей, предназначенных для народных училищ, в фабрично-заводской школе имелись также волшебные фонографы (проекторы), географические карты, анатомические атласы⁴.

В 1880-е гг. требования к промышленникам ужесточились. По закону 1882 г. о малолетних рабочих, если в фабрике или заводе трудились дети до 15 лет, то предприниматель обязан был открыть при предприятии начальное училище⁵. При алафузовских заводах и фабрике школа уже существовала, однако новые требования привели к ее закрытию. Дело в том, что в школе не было вероучителя. Иван Иванович Алафузов не стремился звать вероучителя – священнослужителя, главным образом, из-за смешанного состава учеников, не хотел отпугивать детей-мусульман. Но ревизоры не обращали внимания на эти нюансы, после долгих бюрократических переписок в 1887 г. фабрично-заводская школа была закрыта. Вновь она открылась лишь в 1893 г.

Это было долгожданное и радостное событие как для рабочих и служащих, так и для их детей. До этого они были вынуждены посещать другие городские школы, располагавшиеся вдали от фабрично-заводской территории. Всего перевелись из других начальных училищ на учебу в новую школу Алафузовых 250 детей.

При организации школьного дела руководство постаралось учесть и тот факт, что на предприятии работало большое количество татар. Поэтому был открыт русско-татарский класс, в котором обучались мусульмане. В 1907 г. количество учащихся составило 34 человека в возрасте от 7 до 14 лет. На рубеже XIX–XX вв. детей татарских рабочих и служащих учил Гафур Кулахметов. Тогда еще никому не известный молодой человек, в будущем стал знаменитым татарским писателем и общественным деятелем. С 1906 г. должность учителя русско-татарских классов занял выходец из Белебеевского уезда Уфимской губернии – Искандер Сакаев.

В отчетах Министерства просвещения фиксировались две школы Алафузовых: фабрично-заводское и русско-татарское училище. Попечителем школ была Лидия Андреевна Алафузова – вдова И.И.Алафузова.

⁴ ГА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.11. Л.3.

⁵ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России в XIX веке: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С.350.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

В 1898 г. при фабрично-заводском училище открылся ремесленный класс для девочек. В 2-х годичных курсах их учили кройке и шитью, выпускницы получали звание подмастериц и могли начать работу в мастерских фабрики. С расширением программы обучения и ростом количества учеников, увеличилось и число преподавателей фабрично-заводской школы. В конце XIX в. в ней работали восемь учителей⁶. По данным 1915 г., преподавательский состав Алафузовского фабрично-заводского училища вырос до десяти человек. Кроме того, обязанностью законоучителя исполнял священник В.П.Ивановский. Заведовал школой долгие годы Василий Степанович Коротков. Здесь же работала и его супруга Мария Федоровна Короткова⁷. Она продолжала свою педагогическую деятельность в Ягодной слободе и после установления советской власти.

И.И.Алафузов стал пионером в деле организации учебного заведения при предприятии. Более того, при его содействии в Ягодной слободе был организован мусульманский приход и построена мечеть, при которой тоже работала приходская школа.

В целом, крупные казанские промышленники не спешили открывать школы для детей своих рабочих. Кроме алафузовских училищ, было только одно аналогичное учебное заведение – при свечном и мыловаренном заводе братьев Крестовниковых. Одноклассное заводское училище на 60 учеников открылось в 1899 г., рассчитано оно было на детей христианского вероисповедания⁸. Очевидно, из-за расположения предприятия в Старотатарской слободе г. Казани с множеством мектебов и медресе у Крестовниковых не было острой необходимости в организации специальной школы для детей рабочих-татар.

Такая же ситуация сохранилась и в начале XX в. По данным 1913 г. в Казани при предприятиях работали три училища: 1) Алафузовское фабрично-заводское училище; 2) русско-татарское Алафузовское училище; 3) Заводское училище братьев Крестовниковых⁹. В 1915 г. последним училищем заведовала Л.Г.Егорова. Кроме законоучителя, в составе педагогического коллектива работали еще три учителя¹⁰.

⁶ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.802. Л.13–15.

⁷ Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. Казань, 1916. С.263.

⁸ Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени М.-Н. Вахитова (1855–1945). Казань, 1950. С.149.

⁹ История Казани в документах и материалах. XX век. Казань, 2004. С.552–553.

¹⁰ Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. Казань, 1916. С.263.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

В целом, большинство предпринимателей отличалось традиционными религиозными воззрениями, поэтому их благотворительная работа была направлена в большей степени на сферу общественного призрения: поддержку богаделен, больниц и приютов. Промышленников и торговцев, готовых жертвовать свои накопления на просвещение населения, тем более самостоятельно организовывать учебные и культурные центры было не так много¹¹. Но наследникам Ивана Ивановича Алафузова – брату Николаю Ивановичу и вдове Людмиле Александровне на рубеже XIX–XX вв. удалось претворить в жизнь грандиозную затею – постройку Народного образовательного дома (Алафузовского театра) в Ягодной слободе г. Казани. В этом доме впоследствии были сконцентрированы многие социальные учреждения предприятия, в том числе абсолютно новые: библиотека и театр.

При этом в Казани первой библиотекой при промышленном предприятии стала бесплатная читальня при Казанском пороховом заводе. В 1895 г. супруга генерала-майора М.М.Лукницкая выступила с ходатайством о разрешении ей открыть читальню в Пороховой слободе¹². В результате, библиотека была открыта в 1897 г. В том же году в ней насчитывалось 404 абонента. Среди читателей было много детей и подростков, они составляли более 55%. Книги выдавались два раза в неделю. Надо отметить, что книжный фонд читальни был скромным – всего 688 томов. Больше всего читатели спрашивали беллетристику. Библиотека содержалась за счет ежемесячных взносов служащих, а также случайных пожертвований¹³. В октябре 1898 г. в газете «Волжский вестник» появилась небольшая заметка «Народный театр в Пороховой слободе», в которой сообщалось, что «...рабочие Пороховой слободы решили собственными силами открыть народный театр, который один только и может спасти их от кабака и его тлетворного, развращающего влияния»¹⁴.

¹¹ В качестве уникального примера можно привести деятельность татарских фабрикантов Акчуриных в соседней Симбирской губернии. При их суконной фабрике в селе Гурьевка была организована своя школа, с 1914 г. работала бесплатная библиотека. В этой читальне имелись книги как на русском, так и на татарском языках. Акчуриных отличали прогрессивные взгляды, они интересовались техническими новинками, достижениями культуры, литературы и искусства. Показательно, что предприниматели специально пригласили к себе в гости поэта Габдуллу Тукая, чтобы лично пообщаться с гением татарской поэзии.

¹² ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10080. Л.1.

¹³ История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.5. Казань, 2014. С.363.

¹⁴ Там же. С.146.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Но, несмотря на эту газетную новость, при казенном Пороховом заводе народный театр так и не появился. Однако в том же году уже шло активное строительство другого будущего народного театра – Образовательного дома в Ягодной слободе. Строительство дома началось 18 июля 1898 г. По словам наследников Алафузова, проект создания Образовательного дома для фабрично-заводских работников в какой-то мере был продолжением заветов основателя фирмы Ивана Ивановича Алафузова¹⁵. Возможно, газетное сообщение появилось как раз на фоне слухов о строительстве именно этого объекта.

Культурно-просветительское учреждение Алафузовых по документам именовалось как «Александровский образовательный дом», в честь императора Александра II. Но в народном обиходе большее распространение получили названия Алафузовский народный театр, Алафузовский образовательный дом. Состоял он из двух этажей и полуподвального помещения. Автором проекта здания являлся архитектор Л.К.Хрщонович. На строительство многофункционального красивого здания предприятием было потрачено более 200 тыс. руб.¹⁶, что составляло практически треть ежегодной чистой прибыли фирмы Алафузовых. Вокруг дома был разбит сад.

Открытие Образовательного дома состоялось 17 сентября 1900 г. Это стало значительным событием как в жизни работников казанских предприятий торгово-промышленного общества Алафузовых, так в целом города Казани. На его открытии присутствовали казанский губернатор П.А.Полторацкий, попечитель Казанского учебного округа М.М.Алексеев, представители городских и земских учреждений, местные жители, рабочие и служащие предприятия. Руководство фирмы представлял главный доверенный в г.Казани – П.Т.Чесноков.

В честь открытия образовательного дома были выпущены специальные жетоны с надписью «Общество Алафузовских фабрик и заводов. Образовательный дом в Казани 1900 года». Памятные жетоны были эмалированными, зеленого и синего цветов. Руководство Образовательного дома дарило их и через несколько лет после торжественного открытия. Например, артистам-любителям Алафузовского народного театра за их безвозмездную работу¹⁷.

¹⁵ Записка об устройстве Образовательного Дома для рабочих на Алафузовских фабриках и заводах в Казани. Казань, 1899. С. 1.

¹⁶ Чканова Т.Б. Алафузовский Образовательный дом // Ежегодник–2004. Национальный музей Республики Татарстан. Казань, 2006. С. 154.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.288. Л.7 об.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

В Алафузовском образовательном доме разместили фабрично-заводскую школу, открыли ясли для детей рабочих, клуб служащих, библиотеку. Кроме того, была оборудована театральная сцена и зрительный зал на 900 мест. Театрально-концертный зал был организован с целью открытия здесь народного театра, демонстрации спектаклей и концертов, проведения просветительских лекций. Для того времени создание народного театра, тем более при промышленном предприятии, стало прогрессивным и необычным шагом. Поэтому и образовательный дом в газетах чаще именовали как Алафузовский народный театр. «Сегодня в час дня предстоит редкое торжество открытия первого в Казани народного театра», – сообщала в день открытия образовательного дома газета «Казанский телеграф» 17 сентября 1900 г. В честь торжественного открытия народного театра были приглашены профессиональные актеры из казанской оперной труппы. Они спели отдельные акты из спектаклей «Жизнь за царя» М.Глинки и «Русалка» А.Даргомыжского. Между тем, показали свой талант и актеры-любители из числа служащих. Они спели русский гимн¹⁸. Большинство фабрично-заводских рабочих в этот день впервые слушали оперу.

Открытием Образовательного дома Алафузовы старались направить свободное времяпрепровождение рабочих в иное русло, где присутствовали книги, просветительские лекции, концерты и спектакли. «Цель устройства этого дома – доставить фабрично-заводским рабочим разумно и с пользой проводить праздничные дни», – отмечали сами руководители предприятия¹⁹.

Через два месяца после открытия Образовательного дома – 14 ноября 1900 г. в ней начала работать библиотека-читальня. Сначала книг и периодических изданий было немного – всего 136 наименований книг. Среди них большую часть составляли произведения А.С.Грибоедова, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, В.А.Жуковского, И.А.Крылова, Н.М.Карамзина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.К.Толстого, Д.Байрона, И.Гете, М.Сервантеса, Ф.Шиллера, П.Бомарше, Мольера, Данте, В.Гюго, А.Дюма, Ж.Верна, Ч.Диккенса, М.Твена и других авторов. В 1900 году выписывались журналы «Нива», «Живописное обозрение», «Север», «Русский паломник», «Деревня», ежемесячное издание для детей «Игрушечка», «Техническое образование», «Электротехнический вестник», «Практическая медицина», «Ремесленная газета», «Технический сборник и вестник промышленности». Библиотекарем «изъявил желание» стать инженер-технолог Бернард Андрее-

¹⁸ Казанский телеграф. 1900. 17 сентября.

¹⁹ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д. 798. Л.4об.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

вич Веселовский. Открывалась читальня по вечерам. В будни от 19.30 до 21.30 час., в праздники и выходные дни: от 18 час. до 21 час. вечера²⁰. Вскоре фонд библиотеки составил 363 тома, комплектовался он из личной библиотеки семьи Алафузовых. На содержание читальни, выписку книг и журналов ежегодно фирмой выделялось до 400 руб. Постепенно число книг увеличилось и к 1916 г. составляло до 2500 томов книг духовно-нравственного, общеобразовательного и беллетристического содержания на русском и татарском языках²¹.

Книги в библиотеку жертвовались разными частными лицами. Например, более сотни томов на татарском языке подарил ахун Шарафетдин Хисамутдинович Абызов. Разрешение на открытие мусульманского отделения фабрично-заводской библиотеки было получено в мае 1906 г. 11 июня того же года на базе подаренных муллой книг открылась мусульманская читальня, предназначенная для рабочих и служащих из татар. На церемонии открытия присутствовал главный доверенный П.Т.Чесноков. Ахун Ш.Абызов в память усопших рабочих-мусульман, работавших на фабрике, прочитал суры из Корана. По сообщению татарской газеты «Казан мухбире», мусульманский священнослужитель отметил, что человек состоит из двух начал: материального и духовного. И если для поддержания первого нужны столовые, то для духовного развития – библиотеки. Работники предприятия Минхадж Шагиахметов и Зариф Галиев от имени всех рабочих объявили особую благодарность за открытие мусульманской библиотеки управляющему фабрикой П.Т.Чеснокову и ахуну Ш.Абызову²².

В декабре 1900 г. фабрично-заводская школа переместилась из старого помещения в новое здание Образовательного дома. Курс обучения теперь был расширен, из трехгодичного он превратился в четырехгодичный. В Алафузовском фабрично-заводском училище помимо общеобразовательной работы, была предусмотрена и программа для внешкольного развития. Например, устраивались различные ученические экскурсии в сопровождении учителей. К 1916 г. расход на содержание фабрично-заводской школы увеличился до 8 000 руб. в год. Основная масса выпускников училища вливалась, впоследствии в фабрично-заводской коллектив. Но часть из них поступила в городские училища и даже в гимназии²³.

²⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.123. Л.19 об.–28 об.

²¹ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.6.

²² ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2035. Л.1.

²³ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.5.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Администрация заботилась не только об обучении детей рабочих и служащих, но и просвещении взрослых. Так, в 1909 г. при фабрично-заводской школе работали вечерние взрослые курсы, где обучали русской грамоте. Эти курсы посещали около двух десятков рабочих-мусульман²⁴.

При этом идея о необходимости открытия вечерних курсов для рабочих на государственном уровне была закреплена еще в 1888 г. в «Положении о промышленном образовании». В нем имелся пункт об устройстве воскресно-вечерних классов и курсов для рабочих для «поднятия их общего уровня образования»²⁵. Как видим, на данном предприятии это требование было в какой-то степени реализовано. Хотя еще в 1902 г. у администрации имелись задумки по реализации технических курсов для рабочих. Прошение об организации курсов поддерживали и другие казанские промышленники – И.К.Крестовников, В.А. Свешников. Но проект остался нереализованным²⁶.

Еще одним важным направлением деятельности Образовательного дома была организация просветительских лекций. Некоторые из них проводились с применением «волшебных фонарей», то есть с проекцией различных картин. Такая форма подачи материала была наиболее доступной для простых слоев населения. Именно в такой форме еще с конца XIX в. устраивались просветительские лекции для широкого круга зрителей городскими и земскими органами самоуправления, общественными организациями.

Воскресные мероприятия, проходящие в Алафузовском народном доме, касались самых разных тем. Просветительские лекции духовно-нравственного характера на религиозные темы проводили студенты Казанской духовной академии. В 1907 г. была организована лекция, посвященная «народным университетам», которую читал В.Н. Ивановский. Он изложил свои мысли простым языком, без особых терминов, что очень понравилось слушателям. В зале Алафузовского театра собрались около 400 человек. В лекции говорилось о развитии «народных университетов» в Западной Европе и самое главное сообщалось об открытии подобных курсов для взрослых в Казани²⁷. В сентябре 1908 г. в Алафузовском доме прошла лекция по географии «Холодные страны и жизнь в них»,

²⁴ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.802. Л.8.

²⁵ Кошман Л.В. Указ. соч. С.350.

²⁶ Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань, 2015. С.181–182.

²⁷ Казанский телеграф. 1907. 6 мая. №4264.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

лектором был В.Н.Сементовский²⁸. Все лекции имели целью расширение культурного кругозора работников Алафузовских заводов и фабрик, и являлись для многих из них совершенно новой формой воскресного времяпрепровождения. На организацию чтений и бесед, в том числе на оплату услуг лекторов руководством фирмы Алафузовых расходовалось до 500 рублей в год²⁹.

Кроме того, в Алафузовском образовательном доме давали представления различные драматические коллективы, в том числе образовавшиеся после революции 1905 г. татарские театральные труппы. Например, в 1909 г. в Совет старейшин комитета Образовательного дома обратился известный артист и режиссер Габдулла Кариев от лица Товарищества мусульманских артистов г.Казани. Он просил разрешить им «устроить спектакль на татарском языке» в Алафузовском театре в честь «большого мусульманского праздника» вечером 4 или 5 октября. Артисты готовы были устроить театральный показ и утром, если вечера заняты. В итоге, мусульманской труппе дали разрешение на вечерний спектакль³⁰.

В Алафузовском образовательном доме неоднократно выступал казанский театральный критик Н.Ф.Юшков. Его лекции вызывали интерес у слушателей, поскольку многие служащие и рабочие участвовали в работе Алафузовского народного театра и устраивали любительские спектакли³¹.

Театральные постановки артистов-любителей из числа фабрично-заводских работников устраивались не только на русском языке, но и на татарском. Например, субботним днем 10 февраля 1907 г. артисты-любители представили татарский спектакль «Уят» («Стыд»). Интересно, что по сюжету пьесы главным героем являлся фабрикант Ильяс. Среди действующих лиц были также управляющий, бывший приказчик, рабочие и другие персонажи. Очевидно, что данная пьеса режиссером Ю.Гафуровым была выбрана неслучайно, она напоминала будни самих артистов – фабричных работников.

Также в Образовательном доме был организован собственный хор певчих и оркестр. На их содержание фирмой ежегодно расходовалось около 2000 руб.

Очевидно, что организаторы Алафузовы понимали, какое важное место в жизни человека играет свободное времяпрепровождение. Тяжесть и монотонность фабрично-заводской жизни

²⁸ Камско-Волжская речь. 1908. 28 сентября. №349.

²⁹ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.5.

³⁰ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.804. Л.7.

³¹ История Казани. Кн.1. Казань, 1988. С.280.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

приводили к тому, что многие рабочие и даже служащие превращались в своеобразных роботов, выходные дни которых ограничивались спиртными напитками и азартными играми (карты, домино и т.д.). Данная ограниченность социокультурных запросов отражалась в какой-то мере и на производственной деятельности, на трудовой этике (опоздания, прогулы, кражи, дерзость и т.д.).

Рабочие умудрялись даже при посещении народной аудитории Образовательного дома, что-нибудь ломать, например, унести из туалета какие-то детали сантехнических устройств и т.д. *«Вчера вечером 22 января, во время спектакля, кто-то из приходящей публики в нижнем мужском отделении училищного ватер-клозета снял у бачка цепь с ручкою и унес ее. О чем имею честь уведомить Вас и прошу заменить ее другою. После каждого спектакля в училищных ватер-клозетах замечаются крайне нежелательные беспорядки, против которых прошу Вас, Леонид Львович, принять меры предосторожности»*, – сообщал механику завода Л.Л.Хрщоновичу заведующий Алафузовским училищем В.С.Коротков 23 января 1912 г. Механик подтверждал жалобу учителя и также отмечал о том, что почти после каждого спектакля «ватер-клозет оказывается испорченным»³². Низкий культурный уровень рабочих, особенности их менталитета были достаточно устойчивыми явлениями и с трудом поддавались коррекции.

Алафузовский народный дом занимал важное место в повседневности жителей Ягодной слободы. По замечанию корреспондента газеты «Камско-Волжская речь» в 1909 г., *«всякий более или менее культурный слобожанин ясно и отчетливо сознавал, какую роль за последние десять лет играл в его жизни Алафузовский театр»*. Однообразные выходные и вечера после работы, которые скрашивали, в лучшем случае, походы в слободские кабаки и пивные, с открытием культурно-просветительского учреждения значительно изменились. У рабочих появилась альтернатива питейным заведениям. *«И вот на фоне этой обывательщины появляется Алафузовский театр. Правда, назначение этого театра было вовсе не то, чтобы он обслуживал слободу, но так это случилось – вскоре вокруг него стало группироваться все, что было лучшего в слободе, он остался им и до последнего времени. Спектакли, доступные раньше только для немногих, зажиточных слобожан, сделались близкими для широкой слободской публики и тот серый обыватель, который раньше не знал театра, теперь сделался его постоянным посетителем»*, – констатировал сторонний наблюдатель в 1909 г.³³

³² ГА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.7142. Л.7.

³³ История Казани в документах и материалах. XX век. Казань, 2004. С.541–542.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

С началом Первой мировой войны предприниматели пытались сохранить сформировавшуюся к этому времени культуру отдыха и продолжали работу в сфере просвещения. Их примеру следовали и служащие. Например, в 1916 г. был учрежден Просветительный фонд имени Лидии Андреевны и Николая Ивановича Алафузовых. Инициатором создания фонда выступило Общество потребителей при Алафузовских фабриках и заводах г. Казани. На образование просветительного фонда отчислен капитал в сумме 2 000 руб. из прибыли Общества за 1915–1916 г. Из этого капитала планировалось ежегодно отчислять 250 руб. на стипендии ученикам – детям членов Общества потребителей – служащих и рабочих, которые обучались в трех учебных заведениях г. Казани – мужском и женском коммерческих училищах (по 100 руб.) и во втором Городском Высшем начальном училище (50 руб.)³⁴.

Служащие и рабочие, ученики Алафузовской фабрично-заводской школы и в военное время охотно посещали библиотеку-читальню в Алафузовском образовательном доме. По данным 1916 г., только за один год посетителями библиотеки-читальни было прочитано около 7600 книг³⁵. Рядом с библиотекой размещался также физический кабинет для наглядного ознакомления с предметами по разным отраслям наук и музей производств³⁶. Работала фабрично-заводская школа, а также мектеб при мечети.

Вместе с тем большая часть Алафузовского образовательного дома в это время была занята под обмундировальными мастерскими. Весной 1915 г. администрация фирмы Алафузова отказала председателю училищной комиссии Казанской городской управы, когда тот попросил предоставить помещение в Алафузовском театре для устройства в нем «учреждений для народного развлечения». Руководство торгово-промышленного общества сослалось при этом на большое количество срочных заказов от военного ведомства³⁷. Аналогичный ответ получил в октябре 1916 г. служащий фабрики Василий Шувалов, когда обратился в администрацию с просьбой разрешить ему устраивать киносеансы в помещении театра. Шувалов писал, что у него есть оборудование и ранее он работал с различными кинематографическими фирмами. Хотя театр в это время был занят обмундировальной мастерской, он считал, что

³⁴ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.503. Л.1–2.

³⁵ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.6.

³⁶ ГА РТ. Ф.94. Оп.2. Д.798. Л.4об.

³⁷ Казанский телеграф. 1915. 1 апреля. №6541.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

можно совместить приятное с полезным и уделить киносеансам праздничные дни. Но руководство решило иначе³⁸. Таким образом, знаменитый Алафузовский образовательный (народный) дом, задававший тон культурной жизни всей Ягодной слободы Казани, в годы Первой мировой войны уже не играл той роли.

В августе 1917 г. здание Алафузовского народного театра серьезно пострадало от взрыва артиллерийских складов Порохового завода. Двухэтажное каменное здание подлежало ремонту. Были разбиты карниз, стропила, стекла, повреждены филенчатые перегородки, двери, оконные переплеты. Мастера собирались отлить и установить на место новые гипсовые кронштейны. Пострадал даже театральный занавес из волнистого железа, его планировали снять, выправить повреждения и установить обратно. Взрыв повредил театральные люстры, висевшие в зрительном зале и фойе. В смету ремонта администрация включила и покупку двух новых люстр стоимостью в 250 руб. Перекрытие железной крыши здания должно было обойтись в 733 руб. В целом, только на восстановление Алафузовского образовательного дома требовалось 16 891 руб. 84 коп.³⁹

Уже в конце 1917 г., когда повсеместно сокращалось производство, в связи с отсутствием военных заказов, Алафузовский образовательный дом вновь стал местом отдыха. Правда, здание использовалось, в основном, для развлечений. Например, в декабре 1917 г. управляющий Д.Пулудис обращается в фабрично-рабочий комитет с просьбой ограничить развлекательные мероприятия в Алафузовском образовательном доме, т.к. из-за постоянных вечерних спектаклей и ночных танцев в предприятии практически не оставались запасы топлива. *«В театре продолжают спектакли дольше 11 часов вечера, а после устраиваются танцы до 2–3 часов ночи, я неоднократно просил Комитет о недопустимости подобных явлений и поверьте мне это не мой каприз, а лишь исключительное и катастрофическое положение с топливом, – писал Д.Н.Пулудис, ориентируясь на слова старшего механика Л.Хрщоновича. – Мы должны каждый фунт нефти беречь как зеницу ока, ибо, повторяю, мы топливом не обеспечены и не по причине несвоевременной заботливости, а благодаря общему недостатку топлива по всему государству».* Доверенный фирмы просил проводить развлекательные мероприятия максимум до 11 час. вечера, а ночные танцы во-

³⁸ ГА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.10991. Л.217.

³⁹ ГА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.9. Л.39–40.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

все прекратить⁴⁰. Но никто уже не слушал управляющего, в предприятии, как по всей стране, царил хаос.

Надо отметить, что это здание и в годы советской власти и позднее использовалось как учреждение культуры. После 1917 г. в нем находился Дом культуры Казанского льнокомбината им. В.И.Ленина, долгие годы там размещался Казанский татарский государственный театр юного зрителя им.Г.Кариева. Это еще раз свидетельствует о том, сколько труда и любви было вложено при создании проекта и строительстве этого здания. Самое главное, что владельцы предприятия строили его для своих рабочих.

Таким образом, просветительская деятельность семьи Алафузовых и администрации их предприятия была разноплановой и продолжалась на протяжении почти шести десятилетий. В данной работе придавалось большое значение не оказанию разовой помощи, а системной поддержке, развитию социокультурной инфраструктуры. Поэтому практически с первых лет основания фирмы была организована фабрично-заводская школа, открылись долгосрочные стипендиальные программы.

В Казани и губернии практически не было других успешных примеров создания социокультурной инфраструктуры для работников одного предприятия, если не учитывать казенный Пороховой завод. Другой промышленный гигант – предприятие Крестовниковых – тоже делал многое для обеспечения различных потребностей своих рабочих: от организации больницы до школьного обучения, но усилия братьев Крестовниковых были несравнимы с социальными проектами семьи Алафузовых.

К началу XX в. был выстроен многопрофильный Алафузовский образовательный дом. Строительство этого дома было наглядным доказательством социокультурных изменений, произошедших в среде промышленных служащих и рабочих на рубеже XIX–XX столетий. В этот период увеличилось количество рабочих, которые представляли собой класс пролетариев: оторванные от своих крестьянских наделов они окончательно обосновались в промышленных окраинах городов. В эпоху технического прогресса наибольшую остроту приобрел вопрос о профессиональной квалификации работников, а также об их общем культурном уровне, ведь соблюдение трудовой этики тоже влияло на ход производства.

⁴⁰ ГА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.509. Л.9.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Существование в Алафузовских фабриках и заводах политических кружков среди рабочих говорило не только об их общем недовольстве своим материальным положением, но и об определенном культурно-образовательном уровне, когда работник мог осознавать свою гражданскую позицию и сформулировать собственные требования.

1.2. «...Дворянство являлось естественным опекуном народа» (культурно-просветительская работа дворян Казанской губернии в сельской местности)

Среди положительных последствий революции 1917 г. одним из важнейших является введение всеобщего обучения, поднятие культурного уровня народа. Несомненно, что именно советская власть способствовала этому, но и до революции такие попытки предпринимались. Причем не только государством и земством, но и отдельными представителями образованных слоев. Наиболее тесно с крестьянским сословием были связаны дворяне, многие из которых и после реформы 1861 г. продолжали жить в сельской местности бок о бок со своими бывшими крепостными. Кроме того, дворяне нанимали из деревенских жителей работников для своих поместий, иногда происходили и стычки между землевладельцем и сельским обществом по поводу нехватки земли у последнего. При этом крестьянин и помещик разговаривали на разных языках. Сельский труженик пытался выживать на маленьком клочке земли, а крупным помещикам принадлежали обширные земельные владения. Поэтому те дворяне, которые мыслили масштабно, понимали, что крестьян следует просвещать, чтобы они уяснили сложность обстоятельств и не организовали бунт «бессмысленный и беспощадный», а решали бы аграрный вопрос более цивилизованным путем.

Дворяне считали бунтовщические настроения следствием падения нравов, что могло быть устранено путем просвещения. Так, видный общественный деятель Казанской губернии Н.Е.Боратынский в своей речи к дворянским депутатам, собравшимся по случаю совершенного в 1866 г. покушения на Александра II, объяснял, что молодежь охладела к вере, проявляет неуважение к старшим, власти и частной собственности. Поэтому, по мнению дворянина, ближайшей задачей образования является воспитательное воздействие на сельское население⁴¹.

⁴¹ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.9416. Л.15а–16.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Порой распространением просвещения среди крестьян занимались целые семейства казанских дворян. Род Боратынских являлся ярким примером взаимодействия двух сословий. Сын известного поэта Евгения Абрамовича Боратынского, Николай Евгеньевич, женился на казанской дворянке Ольге Александровне Казем-Бек и стал основателем местной ветви Боратынских. Приобретая состояние и будучи гласным Казанского уездного земского собрания, он был инициатором создания школ в деревнях, помогал крестьянам в голодные времена, устраивал любительские спектакли с участием крестьян. Но более всего на образовательной ниве выделились его дети – Ксения и Александр.

Ксения Николаевна Боратынская родилась 3 января 1878 г. Болезненная и с хромотой она обучалась дома вместо гимназии, что пошло ей на пользу. Наемная учительница Вера Петровна, которая занималась с ней, оказала благотворное влияние на подростка и привила ей уважение к народу, к низшим сословиям. Впоследствии Ксения увлеклась идеями Льва Толстого и решила посвятить себя служению народу⁴². Большое влияние на неё оказала и мать, Ольга Александровна Боратынская (Казем-Бек). Она внушала дочери, что скоро все станут равны, и «наука и искусство будут достоянием массы»⁴³.

Желание учительствовать появилось у Ксении уже в юном возрасте. Её двоюродный дядя, Сергей Александрович Рачинский, являлся известным педагогом, и рассказы отца о нем способствовали романтизации профессии учителя. В 16 лет она сдала экзамены на звание домашней учительницы французского языка и получила свидетельство о среднем образовании. Когда у семьи начались финансовые трудности и возникла угроза продажи имения в селе Шушары, она нашла и в этом несчастье отрадную мысль, что сможет, наконец, реализовать свою мечту и устроиться в деревенскую школу⁴⁴. Но имение удалось сохранить, и было решено всей семьей перебраться туда. Именно в Шушарах Ксения Николаевна начала свою педагогическую деятельность. Отец был настроен категорически против идеи преподавания в школе, поэтому она набрала несколько деревенских детей, которым было далеко ходить в школу, и стала обучать их грамоте⁴⁵. А вечерами она вслух читала в рабочей избе книги. Работники относились к

⁴² *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С.89.

⁴³ Там же. С.99.

⁴⁴ Там же. С.103.

⁴⁵ *Боратынская К.Н.* Указ. соч. С.106.

ГЛАВА 1. Дореволюционные культурные ориентиры населения Поволжья

этой затее благодушно-снисходительно: «Пусть-де барышня потешится, а послушать можно – занятно!»⁴⁶.

Одним из способов приобщения крестьян к культуре стали литературные вечера. В 1899 г. в земских школах повсеместно прошли празднования юбилея Пушкина. Боратынские, поскольку поэт был другом и почти ровесником их деда, решили объединить оба торжества. В Шушарах в помещичьем летнем театре состоялась торжественное заседание, где был зачитан доклад о двух поэтах, а после состоялся концерт. Были приглашены крестьяне окрестных селений, выступали хоры – объединенный шушарский и каймарский и отдельный высокогорский. В них участвовали как учащиеся местных школ, так и просто талантливые крестьяне. Причем исполнялись не народные песни, а оперные произведения. Так, солисты, выступавшие с отдельными номерами, пели арии из оперы «Русалка», романс на слова Пушкина «Соловей мой, соловей, птица малая лесная...»⁴⁷. Шушарских детей, участвовавших в хоре, затем сводили в театр на оперу «Русалка», что произвело на них большое впечатление.

Желание Ксении Николаевны учительствовать было реализовано в 1900 г., когда она стала кандидаткой-практиканткой в одну из приходских городских школ в Казани. К тому времени она училась в Казанской художественной школе и жила в городе. В этой школе она проработала около года, но сухое, казенное отношение коллег и начальства к своим обязанностям вызвало у неё отторжение. Боратынская старалась подойти к делу творчески, и систематически занимала учеников не только на уроке, но и во время перемен, для других же учителей это представлялось, как тщеславное стремление выделиться. Они предрекали, что с годами она уймется и втиснется «в рамки школьной жизни»⁴⁸. Однако, по словам самой Ксении Николаевны, интерес к работе у нее никогда не пропал до самого окончания педагогической деятельности.

Вскоре, благодаря помощи брата, она заменяет заболевшую учительницу земской школы в родных Шушарах. Столкновение с реальностью не разбило в прах мечты молодой дворянки. «Я была влюблена в школу, в учеников, в свое дело, и этот великий двигатель пополнял некоторые пробелы, которые бывали у меня из-за моей неопытности»⁴⁹ – писала она в своих воспоминаниях. Сочетая получение знаний и нравственное воспитание, Боратынская

⁴⁶ Там же. С.118.

⁴⁷ Там же. С.139.

⁴⁸ *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С.179.

⁴⁹ Там же. С.207.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

стремилась взрастить в детях то лучшее, что в них имелось. Поставив в основу образования религию, она выдвигала на первый план не обрядовость, а стремление к высшему, духовному, лучшему. К каждому ученику Ксения Николаевна относилась как к личности, она искала индивидуальный подход, стараясь выявить и развить их способности.

В 1905 г., при поддержке своего брата Александра, она открыла двухклассную школу повышенного типа. В ней девочки и мальчики учились вместе, что было необычно для России того времени. Школа размещалась в доме Боратынских, недалеко от Шушар. В новое учебное заведение принимали крестьянских детей из близлежащих деревень, в том числе инородцев, не поступивших в мужскую и женскую учительские семинарии.

Ксения Николаевна относилась к преподаванию и воспитанию с большой любовью и ответственностью. Ученики проходили не только общеобразовательные предметы, как математика, литература, история и пр., но и занимались ручным трудом. В школе были ткацкая, столярная, кузнечная и гончарная мастерские, девочки также учились вышивать «по дерганому полотну»⁵⁰. Она использовала собственную методологию подачи и проверки материала. На уроках русского языка всякое правило превращалось в занимательные игры – «словообразование» или «грамматическую чепуху». При изучении физической географии устраивали экскурсии, например, в соседнюю каменоломню. Также была популярна «игра в почту, литературные экспромты, спектакли (Островского, Грибоедова), декламации и свободные диспуты»⁵¹. Но особый интерес сама Боратынская испытывала к живописи, поощряя иллюстративное рисование на изучаемую тему на всех устных уроках. В результате из ее учеников вышли талантливые художники – Никита Сверчков, Моисей Спиридонов и Михаил Адрианов. Они на отлично окончили Казанскую художественную школу и были посланы в Академию художеств в Петербург. В дальнейшем Адрианов работал у мариниста Николая Дубовского, Спиридонов стал заслуженным деятелем искусств, а Сверчков – директором художественной школы в Чебоксарах⁵².

В ходе общения с крестьянами Ксения Боратынская сталкивалась и с их нищетой, которая показывала громадную пропасть между сословиями. «Мне всегда было тяжело и стыдно перед ними, и я жалела, что я не простая учительница, тогда я бы на рав-

⁵⁰ Там же. С.326.

⁵¹ Алексеева-Боратынская О.А. Баратынка // Казань. 2000. №11. С.43.

⁵² Боратынская К.Н. Указ. соч. С.326–327.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

ных с ними правах и более смело могла выставлять свои требования, касающиеся учеников. Спрашиваю: «Почему у вас Варя или Миша не ходит в школу?» – «А кто с ребёнком будет?» – «Почему Вася пропустил два дня?» – «Обутки нет». – И я замолкала». Однако в школе их кормили очень хорошо по крестьянским меркам. Утром ученикам давали чай с молоком и сахаром и черным хлебом, в обед – пять раз в неделю жирный суп с мясом и кашу с маслом, либо картошку или макароны и так же ужин. Кроме того, по воскресеньям и праздникам кормили пирогами и белым хлебом⁵³. Но Боратынская продолжала считать, что этого мало!

Несмотря на столкновение с крестьянской бедностью, Ксения Николаевна оставалась идеалисткой, зачастую забывая, что мечты и реальность во многом расходятся. Так, в селе Верхняя Ия, которое предназначалось в наследство Ксении, она планировала наладить дом под школу-общину, где вечером бы собиралось все население на чтение и общую молитву. Все должны были трудиться сообща и жить одной общей жизнью. Земледелие было бы поставлено по последнему слову науки, а школа обслуживала всю окрестность. В воспитательном доме заботились бы о беспризорных детях, а в богадельне – о стариках. В больнице работали бы врачи и сестры по призванию⁵⁴.

Но, выйдя замуж, Боратынская увидела несбыточность своей мечты или же это объяснил ей муж. В итоге она отказалась от наследства в пользу племянника Павла Шульгина (сына старшей сестры Ольги)⁵⁵.

Но если тягу к преподаванию и стремление сделать мир лучше не смогли устранить различные трудности и препятствия, то её победило другое чувство. Еще в 1901 г. в дом Боратынских пришел крестьянин соседнего села Соловцово Архип Кузьмич Алексеев с просьбой помочь ему в подготовке к поступлению в учительский институт. Заниматься с ним стала Ксения Николаевна, и вскоре молодые люди влюбились друг в друга. Различное сословное происхождение и разница в статусах препятствовали их отношениям, но в 1907 г. они решили пожениться. Ксения Николаевна долго мучилась, что же выбрать – долг перед школой или личное счастье. В итоге она последовала совету психиатра Даркшевича, который считал, что «только замужество сделает меня трудоспособной; если же я отдамся только делу, то меня хватит ненадолго и выйдет:

⁵³ Там же. С.307.

⁵⁴ Там же. С.191.

⁵⁵ Там же.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

ни себе, ни людям»⁵⁶. Школа была закрыта, но дом молодой семьи продолжали посещать крестьянские дети, которые получали бесплатное образование или готовились к экзаменам.

Октябрь 1917 г. и последовавшие события принесли много горя семье Боратынских – был расстрелян Александр Николаевич, Архип Кузьмич ушел вместе с белогвардейцами и впоследствии умер от тифа, не повидав жену и детей, оставшихся в Казани, усадьбы перешли в руки государства. Но Ксения Николаевна, чувствующая дискомфорт от привилегированного положения по сравнению с крестьянами, как-то сказала: «Слава Богу, всё отняли!». А потом добавила: «Теперь осталось передать культуру»⁵⁷. И это были не просто слова – в советские годы Ксения Боратынская работала в школе-интернате, в яслях, вела уроки рисования в школе, читала лекции в Наркомпросе. Умерла она в 1958 г., полностью выполнив свой долг перед обществом.

Старший брат Ксении – Александр Николаевич Боратынский родился 4 июля 1867 г. Окончил Александр Николаевич элитарное Императорское Училище правоведения. Кроме преподавания общеобразовательных и специальных предметов, в воспитанниках училища развивали стремление к прекрасному: во время рекреаций училище было наполнено музыкой, поощряли посещение театра, а также устраивали свои собственные спектакли. Кроме того, в процессе учебы Боратынский общался в петербургских кругах, училище посещали его бывшие выпускники, среди которых были К.П.Победоносцев, А.Г.Булыгин, И.Г.Щегловитов и др.⁵⁸ После окончания училища в 1889 г. Боратынский поступает на службу в Министерство юстиции, работает в Казанском окружном суде, городским судьей в Чистополе, товарищем прокурора Симбирского окружного суда, почетным мировым судьей Казанского судебного округа. Но в 1889 г. умирает его отец и он вынужден вернуться в Казанскую губернию, чтобы заниматься имением. Здесь он недолгое время находится в должности почетного мирового судьи, но вскоре оставляет пост для службы в земстве. Одновременно он избирается на пост предводителя дворянства Казанского уезда. В последующем он стал депутатом в III Государственную думу и являлся одним из наиболее авторитетных и уважаемых дворян губернии.

⁵⁶ Там же. С.378.

⁵⁷ *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С.483.

⁵⁸ *Пашенный Н.Л.* Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://genrogge.ru/isj/isj-091-4.htm#v49>. Дата обращения: 22.09.2017.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Основные заботы Боратынского были связаны с образованием, поскольку при помощи него Александр Николаевич надеялся искоренить пороки общества. В просвещении он, как и его отец, видел путь к экономическому росту деревни, поскольку только грамотный крестьянин мог вести культурное земледелие, внедряя агротехнические новшества. По этой причине Александр Николаевич желал, чтобы образованные крестьяне не уходили из сел, а оставались бы там. Для этого, по его мнению, следовало развивать профессиональное образование. В 1904 г. в заседании Казанского уездного земского собрания он представил проект сельскохозяйственного училища для девочек. В последующем выпускницы должны были стать помощницами мужу в улучшении хозяйства⁵⁹. Предложение было рациональным, но мало учитывало порядки крестьянской жизни. Так, Боратынский полагал включить в программу обучения практические занятия, которые включали работу учениц в домах незажиточных деревенских жителей. Вместе с тем, в крестьянской семье девочки-подростки трудились наравне с взрослыми и мало, кто из родителей согласился бы отправить дочерей работать в чужом хозяйстве.

Не брезговал он и работой с отдельными крестьянами. Он принял будущего мужа Ксении Николаевны – Архипа, желавшего получить образование, и испробовал на нем свою теорию бездипломного образования. Александр Николаевич начал заниматься с ним по некоторым наукам, но когда понял, что тот собирается уехать из деревни, передал его сестре⁶⁰. Дело в том, что Боратынский хотел создать слой образованных крестьян, которые бы распространяли знания среди односельчан и способствовали экономическому расцвету деревни. Таким образом он хотел решить аграрный вопрос. Так, давая интервью газете «Обновление» в связи с аграрными волнениями во время революции 1905–1907 гг., он признает, что крестьяне хотят землю, но констатирует, что свободной земли нет, и предлагает лишь вести «искреннюю, творческую работу по улучшению крестьянского быта»⁶¹.

На его средства также содержалась школа Ксении Николаевны, он организовал крестьянский оркестр народных инструментов, устраивал спектакли с участием крестьян. Но при этом Александр Николаевич считал, что до формирования культурного, са-

⁵⁹ Постановления XL очередного Казанского уездного земского собрания 30 сентября по 8 октября 1904 г. Казань, 1904. С.21–22.

⁶⁰ *Боратынская К.Н.* Указ. соч. С.187.

⁶¹ О настроении крестьян (из бесед с А.Н. Боратынским) // *Обновление*. 1906. № 28 (14 февр.).

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

мостоятельно мыслящего крестьянина еще далеко, а пока им должны руководить образованные слои общества, в частности дворяне. Поэтому и относился он к крестьянам с заботой, но несколько снисходительно.

Следует отметить, что проявляемая забота о крестьянах не прошла незамеченной. После Февральской и Октябрьской революций, когда крестьяне самовольно захватывали земли дворян, а их самих нередко избивали и даже убивали, поместье Боратынских осталось нетронутым. Когда волостной комитет описал и опечатавал их имущество, крестьяне сломали печать и сказали, что Александр Николаевич может всё вывезти⁶². Но в 1918 г., несмотря на заступничество широких слоев населения, Боратынский был расстрелян по приказу М.И.Лациса, который считал, что дворян следует уничтожать лишь из-за их классовой принадлежности.

Другой представитель дворянского сословия, Николай Николаевич Белькович (1866–1920), способствовал открытию в Казани художественной школы, где благодаря демократическому уставу и небольшой плате за обучение могли учиться и дети крестьян. В отличие от Боратынских, Белькович не обладал обширными земельными запасами и денежными капиталами. Окончивший натуральный класс императорской Академии художеств⁶³, он посвятил свою жизнь не созданию картин, а привлечению к изобразительному искусству масс народа. В 1894 г. он, вместе с другими выпускниками Академии художеств – Х.Н.Скорняковым, Г.А.Медведевым, Ю.И.Тиссененом, А.И.Денисовым, ходатайствовал перед Академией об открытии художественной школы в Казани. Открытие состоялось на следующий год, и первым заведующим стал Белькович. По воспоминаниям К.Н.Боратынской, Николай Николаевич при организации школы думал, прежде всего, о крестьянских детях. Он мог, проводя урок в младших классах, где и учились крестьяне, подойти к первому попавшемуся ученику и от полноты чувств обнять его и поцеловать⁶⁴. Впоследствии из стен школы вышли такие художники «от сохи» как В.С.Сыромятников, А.И.Трапицын и др.

Хотя в должности заведующего Белькович пробыл лишь три года, за это время он вдобавок к живописному, открыл граверное и архитектурное отделение, бесплатные рисовальные классы для низших сословий, в особенности для ремесленников. В 1898 году он добровольно покинул свой пост и некоторое время служил в

⁶² *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М., 2007. С.405.

⁶³ *Ключевская Е.П.* Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – нач. XX века. СПб., 2009. С.20.

⁶⁴ *Боратынская К.Н.* Указ. соч. С.124.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

должности инспектора студентов Императорской Академии художеств. В 1905 году он вернулся в Казань и продолжил заниматься распространением художественного просвещения, состоял членом Казанской губернской земской управы. На этом посту Николай Николаевич способствовал открытию новых школ, развивал профессиональное образование.

После революции крестьяне явились в усадьбу к Бельковичу и заставили его уехать, но самого дворянина и его семью не тронули. В отличие от Боратынского, он помогал крестьянам просвещаться, но не оказывал им помощь в хозяйственных делах, как делал Александр Николаевич. Поэтому и крестьяне больше воспринимали его как помещика, а не защитника их интересов.

Но и после 1917 г. Белькович продолжил служить обществу. Он был назначен инспектором народного образования Лаишевского уезда, преподавал рисование в средней школе города Лаишево⁶⁵. В 1920 г. Николай Николаевич умер от свирепствовавшего в стране тифа.

Если для вышеописанных дворян просвещение крестьян становилось практически делом всей жизни, то другие занимались этим вопросом эпизодически. Так брат и сестра Константин и Мария Берстель задались «целью способствовать народному развитию»: при их участии в начале 1900-х гг. в Казыльском земском училище были организованы чтения с «туманными картинами», а сами зачинатели дела стали лекторами⁶⁶.

Подобные формы культурно-просветительской работы в уездной среде использовались повсеместно. В числе крупных жертвователей были братья Осокины. Старший из них, Петр Гаврилович, пожертвовал 200 рублей на устройство открытой в феврале 1862 г. библиотеки народных училищ⁶⁷. Другой брат, Алексей Гаврилович, на собственные средства построил дом для школы, учрежденной в 1880 г. в селе Воскресенском (Ковалях). На содержание учебного заведения уездному земству пришлось ежегодно ассигновать 258 рублей, но, учитывая стоимость здания и усадебной земли под ним, превышавшую полторы тысячи руб., это пожертвование стало существенным. Попечитель Каинковского земского училища А.В.Васильев обеспечивал ежегодное содержание опекаемой школы, построил новое здание, а также подарил библиотеку⁶⁸. Князь

⁶⁵ *Ключевская Е.П.* Указ. соч. С.20.

⁶⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.371. Л.1, 5, 7.

⁶⁷ Казанские губернские ведомости. 1862. № 30. С.300.

⁶⁸ *Железнякова Ю.Е.* Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань, 2005. С.66.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

П.Л.Ухтомский на собственные средства открыл в селе Макулове Свияжского уезда бесплатную библиотеку⁶⁹.

Ценность открытия библиотек в деревнях увеличивалась из-за того, что земства, в основном, занимались развитием школьной сети и уделяли мало внимания иным культурно-образовательным видам деятельности. Хотя спросом у крестьян пользовались религиозная литература и легкая публицистика⁷⁰, но имелась русская и зарубежная классическая литература. Но просветительская деятельность дворян обычно была направлена лишь на русских крестьян. Ухтомский планировал закупить для библиотеки книги на татарском языке, но административные ограничения не позволили этого сделать⁷¹.

Были те, кто рассматривал образование и культуру лишь как практические средства для улучшения благосостояния в селах. Такой политики, в частности, придерживался землевладелец Лаишевского уезда Петр Иванович Берстель. В 1870-е гг. он предоставил два своих дома под земскую школу и пару десятин земли – под больницу, ставшие крупнейшими в уезде. В 1895 г. дворянин предложил основать в селе Казылях дом трудолюбия и училище садоводства, огородничества и пчеловодства.

Правда, идея так и не была воплощена, хотя уездной управой признавалась желательность подобных заведений «в видах распространения сельскохозяйственных знаний». Выяснилось, что Петр Иванович не предложил проекта их организации, выделенная земля была «дурной почвы», пожертвованные здания – ветхими, требовали капитального ремонта и располагались на крестьянской и церковной земле. Реализация данного просветительского замысла затруднялась не отсутствием у дворянина четкого представления о структуре и принципах функционирования заведений, так как речь шла не о принципиально новых образовательных институтах, требовавших разработку плана их организации. К середине 90-х гг. XIX в. в Казанском крае действовало несколько подобных учреждений, занимавшихся профессиональной подготовкой молодежи. Среди них хозяйственно-рукодельная школа для девочек-сирот и дочерей родителей города Казани, школа детского трудолюбия, готовился к открытию Дом трудолюбия. Препятствием стало отсутствие уставного капитала.

Дворяне использовали и свое главенствующее положение в земствах, чтобы развивать сельское образование. В селе Усады в

⁶⁹ Валеев Н. Библиотека беспокойного гласного // Гасырлар авазы. 2006. № 1. С.243.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

1885 г. дворяне Журавлевы построили и оборудовали здание, в котором разместилась земская школа. В 1880 г. в селе Шапши при содействии землевладельца Депрейс была открыта земская школа, имеющая собственное помещение⁷². Случались и весьма неоднозначные ситуации. Так, помещик П.П.Перцов, занимавший должность председателя Казанской уездной земской управы, использовал свое служебное положение для поддержания учительского персонала в сельских школах. Возглавляемая им управа выдала без разрешения уездного земского собрания в награду наставнику Хотинской частной школы 30 рублей и учителю пеня 15 рублей⁷³.

Кроме того, представители высшего сословия прорабатывали те вопросы в области просвещения, которые были направлены на перспективу. Среди них – план по введению всеобщего начального обучения в Казанской губернии. Взгляды дворян на этот вопрос прояснились на заседаниях в земском собрании – все осознавали необходимость ликвидации безграмотности среди населения, но не имели единого мнения относительно того, как это нужно сделать. Губернский гласный К.А.Юшков считал более удобным начать с мужчин, другой земский деятель Д.А.Корсаков предлагал охватить грамотой все население. Опасаясь ропота в народе, в материальном и моральном плане неготового к обязательному обучению, земцы настаивали на постепенном его введении⁷⁴. В связи с созданием при Московском комитете грамоты комиссии по всеобщему обучению⁷⁵ в начале XX в. были предложены конкретные проекты, и обучение всех детей в Казанском уезде стало возможным уже с сентября 1909 г. В условиях начавшейся Первой мировой войны и последующих событий земство продолжало открывать новые школы⁷⁶.

Таким образом, можно выделить два типа культурного просвещения крестьян дворянами. Первый – идеалистический, его наиболее ярко проводили Боратынские и Н.Н.Белькович. Они верили, что просветительство является их призванием и долгом. В мировоззрении Ксении Николаевны и Александра Николаевича смешивались религиозное и общественное чувства. Им казалось,

⁷² *Износков И.А.* Список населённых мест Казанского уезда, с кратким их описанием. Казань, 1885. С.9.

⁷³ Казанское уездное земское собрание. Постановления Казанского уездного земского собрания. Экстренного 1871 г. Казань, 1872. С.8.

⁷⁴ Постановления Казанского губернского земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 3 по 22 декабря 1875 г. Казань, 1876. С.434–436.

⁷⁵ *Валева Н.Г.* Библиотечно-просветительная деятельность Казанского и Вятского земств. 1865–1917 гг. М., 2005. С.101, 105.

⁷⁶ *Железнякова Ю.Е.* Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань, 2005. С.42–43.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

что работая на благо общества, они исполняют божественную волю. Но идеализм Боратынских не был простым мечтанием, их деятельность действительно способствовала развитию образованности и повышению культурного уровня крестьянства.

Второй тип можно назвать практическим. Дворяне открывали школы, курсы повышения аграрной культуры для улучшения экономического положения крестьянства, таким образом, пытались решить аграрный вопрос.

Впрочем, такое разделение весьма условно. Боратынские также желали, чтобы крестьяне стали крепкими хозяевами, так и Берстели руководствовались не только практическими, но и гуманистическими мотивами.

Само многовековое сосуществование крестьян и дворян способствовало возникновению чувства ответственности у землевладельцев по отношению к крепостным. А после отмены крепостного права у многих помещиков вдобавок появилось и чувство вины за то, что их предки владели крестьянами как рабами. И чтобы хоть как-то оплатить долги своих отцов, они решили уничтожить этот рабский дух путем просвещения.

Иногда дворяне могли даже возгордиться своей работой на благо крестьян, забывая, что их земельные владения превосходят крестьянские участки в сотни раз. Так, бывший губернский предводитель дворянства Н.Д.Сазонов в 1906 г. говорил о том, что «в последние 50 лет дворянство являлось естественным опекуном народа и заботилось о нем, забывая личные интересы»⁷⁷. Но их деятельность по облагораживанию крестьянства не пропадала даром, способствуя развитию в народе лучших идеалов дворянства – служения народу, правдивости и порядочности.

1.3. «Первый взгляд на деревню дает впечатление города...» (социокультурный эффект татарского буржуазного стиля жизни)

Вторая половина XIX в. для российского общества стала временем динамичных изменений в самых разных сферах жизни. Реформенное время было связано с переменами в традиционном мировоззрении, с рационализацией поведения людей. Все эти тенденции нашли свое отражение в жизни татар-мусульман Рос-

⁷⁷ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства, 1–3 июня 1905, 16–20 февраля и 19 марта 1906 г. Казань, 1906. С.66.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

сийской империи и дали мощный импульс развитию татарской культуры в указанный период.

Особенность татарской повседневности конца XIX – начала XX вв. определялась спецификой мировоззрения, основанного на синтезе мусульманских ценностей и европейских заимствований. Быт городских татар, особенно богатых слоев населения, в это время обретал новые черты. Элементы городской культуры благодаря помещикам, торговцам и промышленникам проникали в сельскую местность, причем процесс этот начался еще в первой половине XIX столетия.

Например, в 1850-е годы была проведена опись имущества в доме богатейшего купца из Заказанья Мукмина Хозясеитова. Он проживал в деревне Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии и являлся успешным промышленником, владельцем кумачной мануфактуры. Украшением его родового гнезда была огромная гостиная, где стоял большой круглый стол с шестью стульями на кожаных подушках, а также ряд ломберных столиков из красного дерева, обшитых зеленым сукном. Кроме того, в комнате имелись несколько кожаных и полубархатных диванов, висели ростовое зеркало и дорогие настенные часы. При этом гостиная предназначалась скорее для представительских целей, в ней проходили встречи с чиновниками, уважаемыми гостями, различные меджлисы. Кроме гостиной, имелась еще «зала», с похожим интерьером. Как отмечает исследователь истории этой предпринимательской семьи Р.Р.Салихов, *«о «европеизации» сельского дома татарского мурзы-промышленника уже в первой половине XIX в. свидетельствует наличие большой столовой комнаты с полным набором необходимой мебели и посудных сервизов. Это и чашки с блюдами, чайники из китайского фарфора, молочники, польские серебряные ложки, медные самовары и т.д.»*. В столовой имелись удобные диваны, стол со стульями, посудный шкаф и зеркала. Вся мебель в доме была сделана из красного дерева⁷⁸.

Мукмин Хозясеитов был нетипичным предпринимателем. Несмотря на огромное состояние, он тратил свои средства не на роскошную жизнь, а, прежде всего, на религиозные нужды. Например, именно благодаря его стараниям появились соборные мечети в Уфе и Троицке. Образ жизни и устремления Мукмина Хозясеитова стали предвестниками нового стиля жизни и предстоящих изменений в татарском обществе. Как уже было отмечено выше, они определялись спецификой мировоззрения, сочетавше-

⁷⁸ Салихов Р.Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. Казань, 2015. С.78–79.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

го в себя как индивидуализм, так и новые формы коллективного сознания. Стремление к объединению и коллективным действиям базировалось не только на конфессионально-общинных интересах, но и на идее национального прогресса и культуры.

Термин «прогресс» (*тәррәкыять, тәрракий*) стал одним из самых часто употребляемых в начале XX в. Это слово то и дело появлялось на страницах татарских периодических изданий и в литературных произведениях. Как примеры прогресса и высокой культуры в татарских образованных кругах рассматривались различные страны мира: как европейские державы, так и мусульманская Османская империя, и даже Япония. В сводках жандармских органов джадидов (реформаторов) называли «мусульманскими прогрессистами». Практически любые культурные формы досуга (чтение, музыка, театр, синематограф и т.д.) интерпретировались ими как средство для достижения национального прогресса.

На этом фоне, в ходе копирования и адаптации элементов европейской культуры под татарский уклад, в городской среде формировался особый стиль жизни. Следование определенной моде в одежде, в оформлении интерьеров жилого пространства, в рационе питания, а также пользование новыми видами транспорта стали рассматриваться как признак прогрессивности человека, а отказ от них – как отсталости и религиозного фанатизма. Некоторые вещи приобретались не по прямой необходимости, а как атрибут моды, символ, в качестве социокультурного кода.

Надо отметить, что стиль жизни вырабатывается отдельными социальными группами и является продолжением культуры и ее трансформации. Стиль жизни включает в себя идеалы и потребности общества, объединенной определенной идеей. Для татарского общества этой идеей стал национальный прогресс.

Стиль жизни татарского буржуазного общества окончательно сформировался накануне Первой мировой войны. Его основными мотивами были стремление к образованию и прогрессу, личной успешности и конкурентоспособности, которые в конечном итоге способствовали интеграции татар-мусульман в российское общество.

Человек соответствующий этому стилю жизни:

- проживал чаще всего в городе и знал русский язык;
- имел определенное образование, окончил либо медресе, либо русское учебное заведение;
- род экономической деятельности мужчины был связан с умственной работой: управлением, торговлей, сферой услуг, культурой, образованием, религией;
- активно занимался общественной деятельностью, служил «прогрессу нации»: участвовал в работе различных обществ,

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

съездов, открывал школы, публиковался в газетах и журналах, сам их издавал. Часто эта работа соприкасалась с экономической деятельностью, но служила она и повышению престижа личности в обществе, тем самым обеспечивала для него определенный символический капитал;

- предпочитал городской костюм в европейском стиле, при этом в зависимости от степени «прогрессивности» человека в одежде могли присутствовать национальные элементы;

- имел дом или квартиру, где интерьер был обустроен в европейском стиле, со стандартным набором мебели. Стены могли быть украшены картинами;

- рационально относился к своему телу и здоровью, что выражалось в разнообразном рационе питания; в обращении за медицинской помощью к профессиональным врачам; в физическом укреплении организма;

- одним из пунктов его саморазвития и коммерческой успешности были путешествия и деловые поездки;

- много читал и постоянно расширял свой кругозор, именно он являлся целевой аудиторией татарских газет и журналов. Был знаком и с религиозными книгами, и со светской литературой, в том числе татарской, османской, русской и т.д.;

- предпочитал вести светский образ жизни: являлся постоянным зрителем театральных постановок, концертов, литературно-музыкальных вечеров, синематографа, слушателем публичных лекций, помимо этого проводил время в клубе (например, в игровой комнате, читальнях), в других общественных местах;

- увлекался музыкой: слушал граммофонные записи дома и в общественных местах, смотрел выступления певцов и артистов, а иногда и сам играл на музыкальных инструментах;

- много фотографировался, особенно по случаю какой-то даты, дарил эти снимки друзьям и близким. Фотоальбомы стали летописью его жизни и его семьи, заняли место традиционных родовых. Элементом самопрезентации, кроме фотографий, были еще визитки;

- не выставлял напоказ свою религиозность и следование ритуалам, вера была элементом его частной жизни;

- четко разделял коммерческую сферу и религиозную, пользовался всеми финансовыми инструментами буржуазной эпохи: банковскими вкладами, кредитами, ссудами, страхованием;

- считал, что женщина имеет право на свободное волеизъявление, в том числе в получении образования, в выборе рода деятельности, семейного положения;

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

– поддерживал идею моногамного брака, заключенного по любви, в этом контексте считал допустимыми и смешанные семейные союзы;

– уделял большое внимание воспитанию детей, в том числе разностороннему светскому образованию.

Таким образом, для татарского буржуазного стиля жизни были характерны европейский внешний вид, светская образованность, рациональное отношение к здоровью, моногамный брак, умеренная патриархальность в семье, активная общественная деятельность, умеренная религиозность, светский образ жизни и вариативность досуга, финансовые гарантии будущего, социальная мобильность. Человек, переехавший в город, старался соответствовать тем или иным признакам данного стиля, что помогало ему быстрее адаптироваться в новых условиях.

Формирование этого стиля началось еще в XIX в., когда татарские чиновники и предприниматели начали обустривать по-новому свои дома, перенимали детали городской моды. Но в этом слепом копировании еще не было идеологической подоплеки, равняющей новую моду с прогрессом. К началу XX в. уже сложилось определенное общественное мнение, со своими стереотипами.

В этот период одежда уже воспринималась как некое заявленное обществу. Например, Фатих Амирхан писал о своем младшем брате, что тот «каждый день меняет галстуки, чтобы показать свою прогрессивность»⁷⁹. Сам писатель слыл большим модником. Носил европейские костюмы, галстуки, шляпы; дополняли его европейский образ очки и трость.

А вот каким увидел поэта Сагита Рамиева в уфимском медресе «Галия» в 1915 г. шакирд Сайфи Кудаш: *«По внешнему виду отличается не только от Гафури, но и от всех окружающих. Одет в несколько поношенный черный сюртук. Такие сюртуки в ту пору носили представители высшей интеллигенции. Белый крахмальный воротничок. Вместо галстука – черный шелковый бант. Длинные черные волосы волнами вздымались надо лбом. Рамиев ходил без головного убора»*⁸⁰.

Имидж Сагита Рамиева менялся в ходе его учебы в медресе, во время работы в различных редакциях татарских газет в Казани, Астрахани. Например, за шесть лет до этого, в Казани, поэт Сагит Рамиев появлялся на литературных вечерах в красной рубашке и черном пиджаке, с длинными волосами и без головного

⁷⁹ Амирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда. Т. 4. Казан, 1986. Б.244.

⁸⁰ Кудаш С. Незабываемые минуты. Воспоминания. М., 1964. С.55–56.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

убора⁸¹. Писатель Галимджан Ибрагимов называл такой ансамбль примером «социалистической» моды. Татарские эсеры предпочитали ходить в красных рубашках, подпоясанных широким ремнем, а также, в отличие от остальных татар, не брили каждые две недели голову и отращивали волосы⁸². Но в годы реакции поменялся и стиль одежды бывших революционеров.

Такие личности, как Ф.Амирхан или С.Рамиев, конечно, были всегда на виду и привлекали всеобщее внимание. Их манеры, внешний вид, образ жизни неизменно ассоциировались в обществе с прогрессивностью и внутренней свободой. Произведения татарских литераторов начала XX в. тоже культивировали именно такие образы. Например, в рассказе «Как способствовать прогрессу нации» Ф.Амирхан подчеркивал, что главный герой – шакирд с прогрессивными взглядами – *«не носил, например, длиннополый казакин, хотя это было против правил медресе, а надевал удлиненный пиджак, сшитый портным-татаринном, на важные званые обеды ходил в накрахмаленном воротнике, который приберегал специально для таких случаев, волосы у него были длиннее, чем у других шакирдов, и завитки кокетливо выглядывали из-под тубетейки»*⁸³. В другом произведении «Праздники» писатель описывал дом Габдельмажита – сына татарского купца, живущего на «европейский лад», следующим образом: *«непривычно было видеть на стенах картины с изображением живых существ, огромный рояль в углу...»*⁸⁴.

Эти бытовые перемены находили отражение и в произведениях, повествующих о жизни татарской деревни. Например, в романе Г.Ибрагимова «Молодые сердца», опубликованном в 1912 г., описывается жизнь двух семей – муллы и мирзы. Обе старательно противопоставляют себя миру «мужиков» – простых крестьян. У мирзы Гарая это получается более естественно. Вероятно, в силу происхождения и сложившихся традиций поведения. Мулла Жалял выделялся из общей массы благодаря своей образованности, без врожденных привилегий, эту приобретенную инаковость он пытался подчеркнуть красивой одеждой, хорошим экипажем, добротным домом, городским интерьером, новыми манерами⁸⁵.

С новыми героями широкая публика знакомилась не только на страницах татарских книг, но и видела их на сцене. Поэтому определенную роль в распространении нового стиля жизни сыграли

⁸¹ Башири З. Сайланма эсэрлэр. Казан, 2014. Б.99.

⁸² Ибрагимов Г. Эсэрлэр: 8 томда. Т.7. Казан, 1984. Б.398.

⁸³ Амирхан Ф. На перепутье. Рассказы и повести. Казань, 1979. С.26.

⁸⁴ Там же. С.20.

⁸⁵ Ибрагимов Г. Сайланма эсэрлэр. Казан, 1957. Б.247–248, 306.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

татарские спектакли, в которых воплощались стереотипные образы джадидов и кадимистов, «новых людей», прогрессивной молодежи и представителей «старого» мира. Для части публики они служили образцом для подражания. Например, о связи театра и внешнего вида его зрителей в 1913 г. писал критик Г.Карам, отмечая изменения, произошедшие за последние несколько лет⁸⁶. На очевидный прогресс в области моды, демонстрируемый зрителями татарского театра указывали и другие авторы⁸⁷.

Внешнему образу человека должны были соответствовать его занятия. Как отмечалось выше, чаще всего работа приверженца нового стиля жизни была связана с интеллектуальной сферой. Именно на рубеже XIX–XX вв. среди татар появляется особая социальная категория – светская интеллигенция. Конечно, ее отдельные представители жили и в первой половине XIX в., но это были скорее единичные случаи. С появлением же мугаллимов (учителей), публицистов, писателей, артистов, музыкантов можно было говорить уже о целой группе. Они вели совершенно другой образ жизни, далекий от будней обывателя.

В связи с этим можно привести теорию о праздном классе американского социолога Т.Веблена. Он выделял группу людей, которая не была занята на производстве, а занималась так называемыми «почетными» занятиями. Сюда исследователь относил управление, военное дело, религию, развлечения, спорт. Этих людей отличали утонченные манеры, что свидетельствовало, прежде всего, о том, что они имеют время и возможности для соответствующего воспитания и образования. Особое место в жизни праздного класса занимают такие моменты, как «демонстративная праздность» и «демонстративное потребление», они становятся основными средствами достижения общественного уважения. При этом потребление материальных благ особенно ярко выражено в городах, где оно является одним из существенных элементов повседневной жизни. *«Растущая разборчивость до мелочей в качестве еды, питья и т.д. вскоре затрагивает не только образ жизни, но также воспитание и духовное развитие праздного господина. (...) Чтобы избежать пошлости, он должен воспитывать свой вкус, ибо теперь на него ложится обязанность уметь как следует отличать в потребляемых товарах «знатное происхождение» от «низших», – писал он⁸⁸.*

⁸⁶ Карам Г. «Шэрык» клубында театр вә музыка мәүсименең якүне // Сәхибжамал Гыйззәтуллина-Волжская: әдәби-нәфис, документаль, биографик жыентык / тез.-авт. Ж.Миңнуллин. Казан, 2012. Б.405.

⁸⁷ «Зөләйха» // Исхакый Г. Әсәрләр. Т.8. Казан, 2001. Б.316.

⁸⁸ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С.112–113.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

токи этого разделения исследователь искал в архаических стремлениях, например, в хищническом поведении людей. Когда предметом охоты становилась модифицированная в престиж доблесть.

Татарский буржуазный стиль жизни был характерен, прежде всего, для городских татар. В деревне долгое время сохранялся традиционный быт, хотя изменения эпохи модернизации коснулись и сельских жителей. Но, как образно заметил Г.Тукай, в отличие от города, в деревне вместо «музыки и танцев», «певцов и циркачей», «бульваров и театров» есть только таинственный лес, где водится незабвенный Шурале. Поэтому, несмотря на роскошные сельские усадьбы промышленников, вроде Мукмина Хозясеитова, или же некоторых татарских дворянских семей, отголоски стиля жизни татар-прогрессистов дошли до большинства сельчан лишь накануне революции 1917 г. Например, в знаменитом Кырлае, в Заказанье, сохранился двухэтажный дом Ахметхан-бая начала XX в. Он был куплен и перевезен в деревню местным торговцем перед самой революцией. На верхнем этаже располагались жилые комнаты хозяев, нижний этаж использовался как комната прислуги, кухня, столовая и хозяйственные помещения. Однако владелец нового недвижимого имущества пользовался своим приобретением совсем недолго.

Разрыв между сельскими и городскими татарами на рубеже XIX–XX вв. не был столь высоким как, например, в русском обществе. Основная масса успешных татарских предпринимателей – это купцы «новой волны» – выходцы из деревень. Многие татарские светские деятели выросли в сельской местности. Например, один из самых популярных писателей и общественных деятелей начала XX века Г.Исхаки, а также поэт Г.Тукай, и этот список можно продолжать достаточно долго.

Но основными двигателями национального прогресса, в том числе распространителями нового стиля жизни, выступали предприниматели. Собственно именно из-за данной социальной прослойки – купцов «новой волны», не желавшей полностью отрываться от традиций, и стало возможно формирование нового стиля, который пытался сочетать в себе как ценности модернисти, так и национальные традиции. Поэтому придавалось большое значение поставщику новых товаров и услуг. Микроэкономика татарского мира в этот период была особенно успешной, ведь именно через предпринимателей-единоверцев татарское общество открывало для себя все новшества эпохи технического прогресса. Среди поставляемых товаров была и уникальная продукция. Помимо огромного издательского рынка, это предметы одежды и обуви,

**ГЛАВА 1. ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ**

продукты питания и даже музыкальные пластинки. На этой волне родилась и потребность в своем, татарском театре.

Безусловно, новый опыт городских татар транслировался и в сельскую местность. Именно предприниматели служили примером для подражания и возили новые товары в сельские ярмарки, открывали постоянные лавки в больших населённых пунктах. Вместо одежды из домотканого полотна некоторые крестьяне выбрали фабричное сукно и ситец, менялся рацион питания.

Так одно из ранних воспоминаний детства писателя Амирхана Еники, выросшего в Белебеевском уезде Уфимской губернии, было связано с лимонами. *«А еще засела в памяти такая подробность: когда на стол ставили кипящий самовар, он (дедушка писателя – прим. Л.Г.) бросал в его трубу на горящие угли кусочек лимонной кожуры, после чего на весь дом распространялся удивительный аромат. Этот запах я помню и теперь, вот только странно: откуда же в те времена лимоны в ауле? Видно, покупали на базаре в Буздяке или Даулякане. В Даулякане, помню, были специальные фруктовые подвалы. Человек по имени Мулладжан ходил по улицам с корзиной, в которой лежали лимоны, обернутые в прозрачную бумагу с узорами, и кричал: «Лимоны, кому лимоны?! Надо же! Теперь мне это кажется сказкой»⁸⁹*. Но изменения произошли не только в культуре питания, городская мода проникла и в деревенские интерьеры.

Стены богатых домов украшали часы, а у некоторых были даже граммофоны. Свидетель эпохи, поэт Сагит Сунчелей писал, что если весь XIX в. прошел под флагом гнета народной музыки, то в начале следующего столетия граммофоны есть «во всех деревнях, что у мужика, что у муллы»⁹⁰. Причем граммофоны привозили даже по пути из хаджа. Например, житель села Средняя Ока Красноуфимского уезда Пермской губернии Гали Сабитов в конце XIX в. именно из Мекки привез домой это музыкальное устройство⁹¹. Критика консервативно настроенных единоверцев различного рода музыкальных развлечений, очевидно, не всегда учитывалась широкими слоями населения. Так, житель деревни Каркали Бугульминского уезда Самарской губернии Б.Надыршин вспоминал о том, что в начале XX в. в доме местного торговца Кияма имелся граммофон. Поэтому они с мальчишками вечерами прогуливались под окнами его дома, в надежде, что хозяева включат чудо-устройство. Не менее впечатляющим для детворы был еще велосипед другого

⁸⁹ Еники А. Страницы прошлого. Казань, 1998. С.26–27.

⁹⁰ Сунчелэй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан, 2005. Б.236.

⁹¹ Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. Уфа, 1992. С.110–111.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

деревенского торговца Нагима. Когда он на велосипеде появлялся на улице, все мальчишки непременно бежали за ним⁹².

В этот период росла социальная мобильность, все больше отходников-крестьян отправлялись за длинным рублем в далекие края. Некоторые из них возвращались на малую Родину и прикладывали немало усилий для преобразования жизни в деревне. Успешные предприниматели не забывали о своих корнях и поддерживали односельчан, помогали им с трудоустройством в городе. Но были и те, кто оказывал помощь непосредственно своей сельской общине. Строительство мечетей, поддержка медресе, мугаллимов и открытие новых школ – все это входило в орбиту нового стиля жизни татарской буржуазии.

Так в селе Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии выделялся двухэтажный деревянный дом купца Мухаметзяна Ахметзянова. Уроженец этого села в конце XIX в. выстроил красивый дом, декорированный резьбой. Купец торговал промышленными товарами и бакалеей, постоянно в селе не проживал. Но помогал местному медресе братьев Буби, оказывал им серьезную финансовую поддержку⁹³.

Значительную роль в социокультурном развитии родной деревни сыграл купец Загидулла Шафигуллин. В 1859 г., будучи крестьянином д.Акзегитово Цивильского уезда Казанской губернии, он уехал на заработки, сначала в Приуралье, затем оказался в Сибири. В родную деревню вернулся в начале 1870-х гг. уже состоятельным человеком. В 1870 г. Шафигуллин на свои средства организовал в Акзегитово мужскую школу, построил двухэтажное здание для нового учебного заведения. Акзегитовское мужское медресе стало единственным высшим мусульманским училищем во всем Цивильском уезде. В 1872 г. в одноэтажном доме открылась женская школа⁹⁴. Это был очень прогрессивный шаг для того времени, ведь в Казанской губернии тогда не было специальных мусульманских школ для девочек.

В 1876 г. предприниматель построил новый дом в родной деревне. Дом оказался нетипичным деревенским строением. Двухэтажный деревянный дом был вытянут в глубину дома. На улице выходили три узких и одно широкое окно с красивыми наличниками. Второй этаж представлял собой мезонин. Дом был образцом

⁹² Рәхимев Ж. Сайланма эсэрләр: 4 томда. Т.1. Казан, 2008. Б.120–121.

⁹³ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань, 1995. С.152.

⁹⁴ Там же. С.209.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

городской эклектики и поражал воображение сельчан и гостей деревни внешним декором. Здесь было и сплошное остекление, точеные балясины и другие украшения⁹⁵. 40-летний Загидулла Шафигуллин построил в родной деревне комфортное жилье с учетом всех последних тенденций городской архитектурной моды конца XIX в. и взыскательного вкуса татарина, склонного к ярким и радостным цветам в оформлении домов.

По воспоминаниям старожилов Акзегитово, внутри двора имелся еще одноэтажный гостевой дом с красивым балконом. Этот дом тоже был достаточно просторным. За гостевым домом устроили небольшое искусственное озеро, окруженное цветами. Наряду с яблонями в саду выращивали и другие фрукты и ягоды. Постепенно этот новый подход к сельскому хозяйству перенимался и другими жителями Акзегитово.

Водоснабжение акзегитовского дома Шафигуллиных тоже было продуманным. Рядом с домом, прямо у ворот, был вырыт глубокий колодец. Он был крытым. Кроме того, питьевую воду брали в роднике «Имани кизляве». Источник находился недалеко от усадьбы, а дорогу от дома Шафигуллина до родника вымостили камнями. Двор Загидуллы-бая тоже был вымощен камнями⁹⁶.

Окончательно Загидулла Шафигуллин перебрался в Акзегитово только в начале XX в. Тем не менее, за это время он сделал очень многое для процветания родной деревни. Помимо школ и мечети, он старался благоустроить всю деревню и окрестности. В Акзегитово в начале XX в. имелась мостовая, что было редкостью даже для некоторых уездных городов⁹⁷. Все эти мероприятия по благоустройству деревенских улиц и пространства вокруг селения были проведены исключительно на средства Загидуллы Шафигуллина.

Вот как оценивали родную деревню Загидуллы Шафигуллина его современники в начале XX в.: *«Дер. Акзегитово 41 год находится под влиянием Шафигуллина. Акзегитовцев-торговцев можно встретить во всей России и в самой отдаленной тайге Сибири. Дер. Акзегитово пестрит разноцветными красками, изобилует железными крышами и шикарными для дер. Цивильского уезда строениями. Первый взгляд на деревню дает впечатление города, утопающего в массе зелени. Все это нужно приписать к заслугам Загидуллы Шафигуллина»*⁹⁸.

⁹⁵ Объекты культурного наследия Республики Татарстан. Т.1. М., 2017. С.375.

⁹⁶ Тимершин И. Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан, 2001. Б.24.

⁹⁷ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.477. Л.4.

⁹⁸ ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.772. Л.113 об.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Однако за годы отсутствия в родной деревне, он успел отдалиться от земляков. Старики помнили его еще босоногим пастушком, но не смели напомнить об этом солидному купцу с суровым взглядом. Не всем понравилось, что предприниматель стал получать всех жизни, забывая о сельской иерархии, вольно обращался с общественными землями, что-то вечно строил и придумывал. Люди исподтишка наблюдали за «причудами» богача, пускали слухи о том, что богатство он нажил грабежами и воровством⁹⁹. Не все смогли принять успешность односельчанина, который был таким же, как все, и стал вдруг совершенно другим.

Впрочем, к тому времени, в 1910-х гг., в традиционное сельское сообщество городская культура и новый стиль жизни начали проникать и по другим каналам. В это время в большом количестве издавались татарские книги, журналы и газеты. Представители торговых фирм возили книги по селам и деревням, по замечанию современников, «где сбывают их тысячами, так как мусульманские книги вообще очень дешевы и по цене доступны почти каждому простолюдину»¹⁰⁰. Постепенно появился еще один вариант сбыта: торговцы выписывали газеты в нескольких экземплярах и продавали периодику на ближайших сельских базарах¹⁰¹. Иногда газеты раздавали даже бесплатно, если преследовалась определенная агитационная цель. Например, перед выборами депутатов Госдумы¹⁰². Поэтому татарские периодические издания стали доступны самому широкому кругу читателей.

В татарском обществе высоко ценились ученые люди, в роли которых выступали, как правило, религиозные деятели, муллы и учащиеся медресе. На рубеже XIX–XX вв. стала доминировать светская ученость, одним из признаков причастности к этим знаниям было чтение книг, газет и журналов. «... *Разница между тем человеком, который читает газету и тем, который не читает, такое же, как между небом и землей. Так как газеты – прогресс, то надо стараться, чтобы в каждой деревне были газеты, чтобы они приобрелись более или менее состоятельными людьми*», – писали авторы самарского журнала «Иктисад» в 1913 г.¹⁰³ Неслучайно А.Еники, вспоминая свои подростковые годы в селе Давлеканово, отмечал: «в домах купцов, особенно у приказчиков хранились газеты и журналы за прошлые годы (дореволюционные – прим. Л.Г.): «Ялт-

⁹⁹ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.477. Л.4.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.9073. Л.1 об.–4 об.

¹⁰¹ Багин С.А. О пропаганде ислама путем печати. Казань, 1909. С.7.

¹⁰² ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.811. Л.10 об.

¹⁰³ Иктисад. 1913. №1.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Йолт», «Ак юл», «Сююмбике», «Аң», «Шура»»¹⁰⁴. Отмеченные им издания доставлялись в эти края из Казани и Оренбурга.

Но не только сельские предприниматели активно выписывали татарскую прессу. Интересовались повременной печатью и религиозные деятели. Например, в 1911 г. жандармы конфисковали у муллы д. По речке Мамся Казанского уезда Хадея Ихсанова номера журналов «Ялт-Йолт» и газет «Тарджеман», «Идель»¹⁰⁵.

Художник Баки Урманче первые иллюстрации тоже увидел на страницах газет. По его словам, это было во время русско-японской войны. Его отец, служивший муллой в деревне Куль-Черкен Тетюшского уезда Казанской губернии, выписывал газеты, а его маленький сын с интересом разглядывал публикуемые там фотографии военных кораблей, и пытался срисовывать их¹⁰⁶.

Писатель Риза Ишморат вспоминал о том, как его отец–мулла из Уфимской губернии постоянно читал, а дома было много книг не только на татарском языке, но и на азербайджанском и турецком. Выписывал деревенский имам и татарские газеты. Сначала это был «Тарджеман», после 1905 г. в доме отца Ризы Ишмората читали уже газеты «Вақыт», «Йолдыз», «Сибирия», «Тормыш», журналы «Шура», «Мәғлүмәт», «Аң», «Икътисад». Для детей мулла выписывал детский журнал «Ак юл». В семье Ризы татарские газеты и журналы не выбрасывались, а бережно хранились. Мулла делал подшивки периодических изданий¹⁰⁷.

С таким же интересом сельскими жителями покупались книги, которые приносили неплохой доход торговцам на базарах. Например, Зейнаб Баширова, 1903 г.р., выросшая в деревне Юлсубино (Балтач) Лаишевского уезда Казанской губернии, писала о том, что ее детство прошло в «темной отсталой деревне бывшей царской России». Она была дочерью местного муллы, при этом девочка с детства сочиняла стихи, творческое начало открылось в ней под влиянием новых татарских книг той поры. *«Поныне сохранились в памяти прекрасно иллюстрированные, многокрасочные книжки Г.Тукая («Кунелле сахифэлэр», «Жуаныч», «Алтын этэч» и др.), ставшие настольными книгами моего детства»,* – вспоминала Зейнаб ханум в советское время¹⁰⁸. Книжная культура в сельской местности была развита, прежде всего, среди учащей-

¹⁰⁴ Еники А. Страницы прошлого. Казань, 1998. С.157.

¹⁰⁵ История селений Ашитского джиена Заказанья / под ред. А.И.Ногманова. Казань, 2017. С.220.

¹⁰⁶ Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. С.336–337.

¹⁰⁷ Риза Ишморат: Истәлекләр. Казан, 2004. Б.14.

¹⁰⁸ ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.381. Л.1–2.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

ся молодежи. Шакирды с жадностью впитывали новую информацию, доставая самыми разными способами татарские книги.

Так, шакирд из деревни Каркали Бугульминского уезда Самарской губернии – Шариф Замилов знакомил односельчан со стихами, тогда еще малоизвестного в деревенской среде, поэта Габдуллы Тукая и, конечно, многочисленными другими татарскими книгами. Их привозили на местную ярмарку из Казани. Книго-торговцы обычно квартировали в доме пекаря Карима, жившего на Базарной улице. После ярмарки его сын Фазыл оставлял книги у себя и распространял среди односельчан. Так они попадали в руки обычного крестьянского сына Шарифа. *«Книги Фазыл агая настолько душевные, что ты их никогда не читаешь один. Их слушали с интересом и старики, и старушки, и молодые девушки во время вечерних посиделок»*, – вспоминал уже в советские годы Ш.Замилов¹⁰⁹.

Помимо печатных трудов источником информации выступали приезжие мугаллимы и торговцы, шакирды городских медресе. Большая часть учеников, выходцев из сельской местности, возвращалась потом в родные края. Но за годы учебы и жизни в городе многие из них привыкали к новой моде и продолжали одеваться в той же манере.

Младшая сестра Фатиха Карими – Закира Шараф вспоминала, как брат после четырехлетней учебы в Стамбуле придерживался городской моды, носил костюмы «а-ля франка». А когда в конце 1890-х гг. повез младшую сестру и брата в Крым, по пути купил им новую одежду, в том числе модные ботинки и красную феску. Эти детские впечатления навсегда остались в памяти маленьких путешественников, впервые выехавших за пределы родной деревни¹¹⁰. Молодой мугаллим Фатих Карими был для жителей Миннибаево Бугульминского уезда как человек из другого мира. Таковыми же казались и остальные мугаллимы в татарских деревнях.

Например, в записной книжке сельского мугаллима из Красноуфимского уезда Пермской губернии Мустафы Мухамедова были зафиксированы расходы на покупку таких предметов, как пенсне, зонт, бархат, гармоника и т.д. Необычными для сельчанина того времени были и продукты питания, купленные им: кондитерские изделия, мороженое, папиросы и т.п. Записи своих

¹⁰⁹ Габдрафикова Л.Р. Забытая тетрадь татарского шакирда эпохи революции: 1909–1918 (воспоминания Шарифа Замилова) // Историческая этнология. 2017. Т.2, №2. С.350.

¹¹⁰ Фатих Карими: Научно-биографический сборник. Казань, 2000. С.83.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

расходов он вел на рубеже XIX–XX вв.¹¹¹ Конечно же, бытовые привычки таких людей, вроде мугаллима Мухамедова, не оставались незамеченными и оказывали определенное влияние на традиционную жизнь других крестьян. Кроме того, образованные и неравнодушные лица, всегда стремились словом и делом изменить положение крестьян, улучшить их быт.

Например, в 1907 г. мулла из Буинского уезда Симбирской губернии, депутата 2-й Государственной думы Абдуллу Нежеметдинова местные органы власти обвинили в антиправительственной деятельности. Но вся вина служителя культа и народного избранника была лишь в том, что он призывал сельское население воспользоваться банковскими кредитами и купить на эти деньги земли¹¹².

В некоторых уголках с целью просвещения населения возникали даже общественные объединения. В том же 1907 г. в селе Байряки Бугульминского уезда Самарской губернии было создано Байрякинского общества мусульман-прогрессистов. Целью общества было провозглашено «улучшение и развитие культурной, правовой, экономической жизни мусульман и распространение современного просвещения в городе Бугульме Самарской губернии, в городах Белебее и Мензелинске Уфимской губернии». Учредителями являлись муллы д.Байряки Масагут Губайдуллин, Мухсин Губайдуллин и Ахметзян Мухамадеев¹¹³. Село Байряка, где действовало новометодное медресе «Губайдия», было известно на всю округу. Прогрессивность местных жителей не ограничилось только созданием особого общества, были и другие примеры. Так, шакирды и мугаллимы медресе «Губайдия» поставили спектакль «Жизнь с тремя женами» по пьесе Гаяза Исхаки и 22 января 1913 г. представили вниманию жителей селе Байряка¹¹⁴.

В том же Бугульминском уезде в д.Каркали в 1911 г. открылось Каркалинское кредитное товарищество¹¹⁵. Это был очень прогрессивный шаг для своего времени, призванный облегчить материальные трудности сельчан. Инициатором открытия такого общества в селе Каркали был местный муэдзин Заки, сын Ситдика. Именно он являлся председателем кредитного товарищества. Члены общества взяли в аренду различные сельскохозяйственные

¹¹¹ Давлетбаев Б.С. Большая Ока. История села. Уфа, 1992. С.110–111.

¹¹² ГАУО. Ф.76. Оп.6. Д.280. Л.9.

¹¹³ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1204. Л.48–65 об.

¹¹⁴ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.261.

¹¹⁵ ЦГАСО. Ф.400. Оп.1. Д.266. Л.1.

орудия труда, стремились внедрить среди сельчан прогрессивные способы возделывания земли.

Конечно, не везде муллы и другие религиозные деятели придерживались передовых взглядов и выступали инициаторами создания обществ. Как правило, в деревнях возникали конфликты с мугаллимами и муллами, т.к. первые как раз являлись воплощением новой жизни, а вторые тесно были связаны со старыми представлениями. Критике подвергался внешний вид мугаллима, его поведение и манеры. Например, карсунский уездный исправник в 1909 г. сообщал о том, что мугаллим Киям Имангулов, работавший в школе при фабрике Акчуриных в селе Гурьевка, «как и большинство молодых татар не придерживается строгих мусульманских правил»¹¹⁶. Безусловно, исправник полагался на сведения, предоставленные самими мусульманами. Тем не менее, фигура мугаллима была уважаемой в деревне. Нередко его поддерживали авторитетные предприниматели.

Так, выходец из д. Арняш Казанского уезда – казанский купец Галим Галиакберович Галеев в начале XX в. для местной школы нанял мугаллима Салаутдина Латыпова. Молодой учитель с 1904 г. обучал детей по новому методу. Купец Галеев платил ему жалованье – 10 руб. в месяц. Социальная инициатива купца Галеева значительно оживила школьную жизнь Арняша. Несмотря на сокращение числа жителей деревни, в начале XX в. выросло количество учащихся в мектебе. Например, в 1896 г. мектеб посещали 25 чел., а в 1909 г. – 52 чел.¹¹⁷ Таким образом, после того как торговые дела Галеева начали приносить стабильный доход и появились свободные средства, он обратил внимание на нужды родной деревни. О таких купцах говорили, что они заботятся о «национальном прогрессе». Очевидно, что для предпринимателя это было вроде накопления символического капитала.

После начала Первой мировой войны социокультурная жизнь деревни претерпела некоторые изменения. Например, утверждение уставов общественных объединений после первой русской революции встречало различные затруднения. Даже в городских условиях многие общества закрывались, как правило, из-за подозрения в панисламистской пропаганде. В военный период на оборот некоторые инициативные группы получили возможность

¹¹⁶ ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.591. Л.25.

¹¹⁷ *Габдрафикова Л.Р.* «Новые люди» Заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы конференции / отв. ред. А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 2018. С.188–193.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

для регистрации своих обществ, главным образом, из-за того, что многие из них обозначались как благотворительные. Возобнови-лась эта практика и в сельской местности. Например, в 1915 г. жители села Верхние Киги Златоустовского уезда Уфимской губернии радовались утверждению, «после долгих хлопот», устава местного мусульманского общества вспомоществования. Конечно, одним из главных направлений деятельности должен был стать сбор средств на нужды войны. Вместе с тем, члены общества планировали и открытие ремесленного училища в селе¹¹⁸.

В благотворительных целях в деревнях проводили и театральные представления. Вместо мугаллимов все чаще в роли лидеров социокультурных мероприятий выступали татарские учительницы-мугаллимы. Например, в январе 1915 г. молодежь с. Мелеуз Стерлитамакского уезда Уфимской губернии впервые показала спектакль на татарском языке. Инициатором благотворительного спектакля выступила местная учительница Р.В.Урманцева. Молодежь как морально, так и материально поддержал авторитетный купец Х.Г.Усманов. Зал был полный, а «приезжей публике из других деревень за неимением билетов пришлось отказать»¹¹⁹. Мугаллима Г.Калимуллина вспоминала, как осенью 1917 г. молодежь с. Альметьево Бугульминского уезда Самарской губернии организовала драмкружок и решила поставить спектакль. Среди деревенских актеров-любителей Гайникамал-ханум была единственной девушкой. Для сельского театрального представления приспособили амбар одного богатого крестьянина. Несмотря на протесты со стороны некоторых жителей Альметьево молодежь продолжала репетиции, и показ все-таки состоялся¹²⁰. В этот период в деревне уже получили некоторое распространение «городские» музыкальные инструменты: скрипки и гармоники.

В годы войны особую актуальность приобрели различные общества потребления и кооперации, кредитные товарищества, призванные бороться с наступившим дефицитом. Как уже было отмечено выше, в некоторых сельских населённых пунктах такие общества были созданы еще в 1910-е гг.

Заданный еще накануне войны тренд на новый стиль жизни сохранялся и в дальнейшем. Например, очень показательны воспоминания упомянутого выше Шарифа Замилова. В 1916/1917

¹¹⁸ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань, 2015. С.183.

¹¹⁹ Там же. С.185.

¹²⁰ Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р.Габдрафиковой. Казань, 2017. С.263–264.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

учебном году его пригласили учителем в деревню Керлигач Бугульминского уезда. Сразу после этого вся семья Замилова начинает хлопотать по поводу гардероба будущего мугаллима. Ему тут же купили брюки и пиджак, взяли у купца-родственника поношенное пальто. Сменив кардинально имидж, бывший шакирд смог почувствовать себя настоящим «мугаллим эфенди»¹²¹.

Баки Урманче, вспоминая конец 1917 г. – начало 1918 г., уделял некоторое внимание вопросу о внешнем виде, как своего, так и знакомых. В этот период будущий художник жил в уездном городе Глазове, в Вятской губернии. Бывшему военному, назначенному на ответственную должность в сфере народного образования, было некомфортно из-за того, что, за неимением приличного костюма, приходилось носить солдатскую блузу. Не было у него и «приличной» меховой шапки, пока знакомый Сахипгарай Ямбаев не подарил ему свою. Этот предприниматель был уважаемым человеком в маленьком городе, а супруга его Махруй-ханум работала мугаллимой. Как подчеркивал Урманче, на официальные собрания Сахипгарай-мурза приходил в аккуратном сером сюртуке, а на голове его чаще всего можно было увидеть бархатный каляпуш. Впрочем, иногда он позволял себе появляться в обществе и без традиционного головного убора. Баки Урманче часто бывал в доме этой супружеской четы. *«Было сразу видно, что дом их обустроен по-европейски, как у образованных людей, – писал он. – Суть их образованности, например, выражалась в том, что в их доме, в одном из глухих уголков Российской империи, можно было увидеть не только ковры, но и книги и фортепиано»*. На музыкальном инструменте играл глава семьи¹²².

Очень любопытна коллективная фотография Исполнительного бюро Союза солдаток-мусульманок г. Казани, сделанная в 1917 г. В составе этого общественного объединения были, в основном, женщины-работницы. Например, одна из активисток Г.Тазетдинова трудилась переплетчицей в типографии Каримовых. Но, большинство женщин, несмотря на бедное происхождение и скромный достаток, предстали перед объективом фотографа в образах татарских барышень (туташлар): в расшитых миниатюрных калфаках. Судя по всему, для них было очень важно соответствовать стилю образованных и богатых татарок. Хотя, следуя за своими наставницами, русскими революционерками, они могли бы

¹²¹ Габдрафикова Л.Р. Забытая тетрадь татарского шакирда... С.353.

¹²² Урманче Б. Гомернең беренче хәтирәләре // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. С.332–335.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

отказаться от «буржуазных» атрибутов и сфотографироваться в повседневном облике¹²³.

Были и другие примеры. Например, 17 августа 1917 г. в 1,5 верстах от села Высокая Гора Собакинской волости Казанского уезда был найден труп убитого татарина 30 лет. Личность его так и не была установлена, но на нем зафиксировали следующую одежду: *«фетровая светлокоричневая шляпа, темно-зеленая тюбетейка, светлокоричневое легкое, городского покроя, пальто, черные триковые брюки, белая плотной ткани рубашка и такие же подштанники, мелкие резиновые калоши, кожаные ботинки и зеленые нитяные носки»*¹²⁴. Обращает на себя внимание то, что у этого человека были два головных убора: тюбетейка и шляпа. Имея «прогрессивный» вид, он все же сохранил традиционную этноконфессиональную идентичность. Конечно, убитый мог быть кем угодно. Тем не менее, его внешний вид показывает, что образы, культивируемые десятилетие назад на страницах татарских книг и на сцене татарского театра, прочно вошли в татарский быт.

Кроме того, в эпоху революции не вызвали жарких споров и такие явления повседневной жизни как чтение светских книг и периодической печати, просмотр спектаклей и концертов, участие в различных обществах и собраниях и многие другие моменты. Значит ли это, что стиль жизни татарского буржуазного общества стал всеобщим? Конечно, нет. Но, безусловно, мы видим его социокультурный потенциал и очевидное влияние на жизнь татарской деревни. Так называемое «окультуривание» сельских масс, как и пролетариата, началось не после установления власти Советов, а гораздо раньше: в 1910-е годы, вместе с идеальными представлениями о национальном прогрессе и другой жизни образованного социума. Эта созданная татарскими прогрессистами социокультурная среда стала, впоследствии, удобной базой для реализации программ советской власти.

Если рассуждать о татарском буржуазном обществе в русле теории П.Бурдые о габитусе, то созданный прогрессистами стиль жизни служил некой матрицей установок этой социальной группы. В рамках стиля жизни формируется и символический капитал. Человек владеет капиталом и властью, а они преобразуются в глазах общества в иррациональный символичный ряд, который впоследствии также можно использовать как определенный кредит доверия. В случае с татарским буржуазным обществом симво-

¹²³ Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г. ... С.260.

¹²⁴ Известия Казанского Губернского Комиссариата (Губерн. ведом.). 1917. 4 октября. №68.

ГЛАВА 1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

лический капитал – это не столько капитал и власть, а скорее обладание определенными знаниями и причастность к миру избранных. В то же время символический капитал П.Бурдьё имеет, по его словам, «маргинальную ценность», как только практики отдельной социальной группы становятся более распространенными в широких слоях населения, они теряют свою символическую привлекательность¹²⁵.

К 1917 г. атрибуты стиля жизни татарского буржуазного общества имели в некотором роде «маргинальную ценность». Поэтому часть тех самых татарских прогрессистов, а также их юных последователей, в эпоху революции стала примерять на себя иные социальные роли и ценности других субкультур, в том числе адептов партии большевиков. Уже в первые годы советской власти буржуазный стиль жизни татарского общества превратился в осуждаемое явление, хотя он еще не был полностью вытеснен из обихода.

Например, писатель Афзал Шамов, вспоминая студенческую юность начала 1920-х г. в Казани, отмечал, что в те годы студенты рабфака и Коммунистического университета не любили студентов в старой форме, воспринимали их как чужих. *«Происходило это не только из-за их формы, но и из-за взглядов, психологии, образа жизни и быта, их считали остатками дореволюционной эпохи. Известно, что это был несколько поверхностный, инфантильный взгляд. Тогда еще оставалась очень сильной социальной болезнью, когда человека судили исключительно по его внешнему виду, не обращая внимания на его мысли и чувства, идеалы»*, – писал он¹²⁶. Кроме того, писатель подчеркивал, что в те годы они были врагами и галстуков, и шляп, и даже танцев, считая их буржуазными атрибутами. Впрочем, позднее он признавал, что эта была «странная эпоха» (сэйер заман)¹²⁷.

Странная эпоха разделила на два лагеря татарских прогрессистов, разделявших когда-то одни и те же ценности, придерживавшихся одинакового стиля жизни, живших мечтой о национальном прогрессе. Одна часть была объявлена буржуазными националистами, других постарались «подружить» с идеями социал-демократии. А стиль жизни татарского буржуазного общества остался навсегда на страницах книг, уступив место навязанной извне мечте о скорейшей диктатуре мирового пролетариата.

¹²⁵ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С.233–278.

¹²⁶ Шамов А. Чын хикәяләр: хикәяләр, очерклар, истәлекләр. Казан, 1986. Б.225–226.

¹²⁷ Шунда ук. Б.233.

ГЛАВА 2

«РАЗУМНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ» РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОРЫ

- 2.1. *«...Комедия, близкая к фарсу, имеет успех благодаря сходству с политическим моментом» (культмассовые мероприятия в Казанской губернии в 1917–1918 гг.).*
- 2.2. *«...Этот спектакль поражает даже больше, чем смена власти в России» (татарские культмассовые мероприятия накануне и в годы революции).*

2.1. «...Комедия, близкая к фарсу, имеет успех благодаря сходству с политическим моментом» (культмассовые мероприятия в Казанской губернии в 1917–1918 гг.)

В Российской империи централизованное государственное управление культурой не сложилось¹. Существовали общественные организации, которые содействовали развитию отдельных областей искусства, например, Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО), Императорское общество поощрения художников и т.д.

Кроме того, некоторые элементы культурной политики были в компетенции министерств народного просвещения и внутренних дел. В последнем был сосредоточен главный инструмент, с помощью которого правительство влияло на культурные процессы – цензура. Временное правительство вскоре после своего создания ликвидировало Главное управление по делам печати, осуществлявшее надзор за печатной продукцией, а постановлениями 27 апреля отменила цензуру печати и публичных зрелищ, к которым относились театральные, музыкальные, живописные и кинематографические произведения². Наблюдение за различными представлениями вверялось комиссарам Временного правительства, которые могли его приостановить, если оно вызывало общест-

¹ Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани в годы Первой мировой войны. Дисс. ... к.и.н. Казань, 1997. С.200.

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Отдел 2. № 93. СПб., 1917. С.212–215; Там же. № 94. С.215–218; Там же. № 95. С.218–219.

венные беспорядки³. Также производство могло быть запрещено, в случае нарушения уголовного законодательства.

До Февральской революции основным органом, занимавшимся устройством культурных развлечений в Казани, была Комиссия по организации разумных развлечений для народа, действовавшая при Казанской городской управе с 1915 г.⁴ В её задачи входило просвещение населения путем устройства различных увеселительных мероприятий, направленных на поднятие культурного уровня людей.

Но после февраля 1917 г. от регулирования культуры власть отстранилась. Эту функцию частично взяли на себя Советы. Образованные при них культурно-просветительские отделы были призваны нести образование в широкие народные массы, а роль искусства заключалась в приобщении крестьян и рабочих к «сокровищам» мировой культуры.

Весной 1917 г. при Казанском Совете солдатских и рабочих депутатов создается культурно-просветительский отдел (КПО), состоявший из представителей различных политических, общественных, национальных и культурных организаций. Первоначально отдел выделил в своем составе лекционную, библиотечную, издательскую и комиссию по изысканию средств⁵. Но уже в июне того же года появляется комиссия разумных развлечений, которая берет на себя функции, ранее выполнявшиеся городским самоуправлением. Комиссия заведует культурными мероприятиями не только в Казани, но и в уездах, однако губернский город по-прежнему оставался в центре внимания как сосредоточение творческих сил. Её председателем был избран Константин Михайлович Яхонтов.

КПО стремился объединить вокруг себя все организации, обладающие сходными с отделом задачами. Обсуждалась необходимость связать воедино все культурно-просветительские секции – полковые, ротные, дивизионные, заводские⁶. Таким образом, в компетенцию комиссии Совета входил более широкий круг обязанностей, чем он был у комиссии при управе. Соответственно, возможности также расширялись.

Кроме КПО и городской управы, устройством разумных развлечений занимались и общественные организации, особенно в сельской местности. Уже через несколько дней после получения известий о революции в Петрограде в селе Каймары Казанского уезда

³ Там же. № 95. С.219.

⁴ *Хайрутдинова Д.Р.* Указ. соч. С.74.

⁵ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.82.

⁶ Там же. Л.7 об.

появилось «Каймарское гражданское общество для внешкольного образования, сельского хозяйства и разумных развлечений», которое на первых порах проводило чтение газет и новостных телеграмм, а затем планировалось устроить кинематограф⁷. Подобные общества устраивались и в других местностях: «Союз женщин Лаишевской волости», который устроил драматическую секцию и ставил спектакли в деревне Войкино⁸; «Сотнурский просветительский кружок» в Царевококшайском уезде, члены которого предполагали ставить спектакли и музыкально-вокальные вечера⁹. В Казани демонстрировали свои способности широкой публике учащиеся музыкального училища, которые объединились в кружок.

Сами деятели искусств после Февраля стали объединяться в союзы и общества. 27 марта был образован Союз служащих в кинематографах. Присутствовало около 60 человек, председателем правления союза единогласно был избран К.И. Жуковский¹⁰. Театральные работники объединялись в рамках общероссийского Русского театрального общества и посылали своих делегатов на съезды общества¹¹. Кроме того, в Казани существовал Союз трудовой интеллигенции. Его задачи определялись так: 1. Защита интересов культуры; 2. Выявление профессиональных классовых интересов трудовой интеллигенции и их защита; 3. Строительство совместно с другими организациями обновленной России. Каждый член союза вносил лишь по 10 копеек в год. Планировалось организовывать лекции, чтения, выступать в печати и т.д.¹² Как правило, эти союзы занимались защитой интересов своих членов, оказанием материальной и медицинской помощи членам союза¹³.

После октября 1917 г. в сфере развивающих развлечений ведущую роль продолжал играть культурно-просветительский отдел. Он способствовал обустройству помещений для организации развлечений и интеллектуального отдыха. Уже в марте 1917 г. в газетах появляются предложения организовать «Народный дом» в Казани, в котором бы проводились лекции и чтения, устраивались концерты¹⁴. Но создан он был только в декабре 1917-го. Вслед за созданием народного дома для всех появляются подобные заве-

⁷ Камско-Волжская речь. 1917. 15 марта.

⁸ Там же. 1917. 1 августа.

⁹ Там же. 1917. 23 июля.

¹⁰ Камско-Волжская речь. 1917. 30 марта.

¹¹ Казанское слово. 1918. 2 марта.

¹² Камско-Волжская речь. 1917. 4 июля.

¹³ Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани... С.78.

¹⁴ Камско-Волжская речь. 1917. 24 марта.

дения для определенных слоев населения. 21 января 1918 г. открывает свои двери «Дом солдата». Он был открыт на средства и по инициативе «Всемирного Христианского союза молодых людей», образованного в Америке. Хотя организация и называлась христианской, но не преследовала никаких религиозных целей и занималась чисто культурно-просветительской работой. Дом открывался с разрешения Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и при участии его членов в контакте с КПО. В нем располагался лекционный и концертный зал на 600 человек, классы для школ грамоты и ведения курсов по различным отраслям знания, читальня, библиотека, музей, дешевый буфет и даже парикмахерская¹⁵. Поскольку собственных средств не хватало, такое заведение, созданное при помощи иностранной организации, было выгодно для Совета.

Народные дома открывались и в других городах. Так, в Чистополе он был открыт 2 февраля 1918 г. органами городского самоуправления, однако уже к лету того же года переходит в ведение советской власти¹⁶.

Октябрьская революция способствовала еще большему распространению искусства среди народа. Массово организуются самодеятельные творческие коллективы, управление культурными развлечениями всё более переходит в руки государства. В августе 1919 г. в составе Народного комиссариата просвещения были образованы театральный и киноотдел, что централизовало управления этими отраслями искусства. Творческие деятели шли на сотрудничество с советской властью и устраивали концерты и спектакли для рабочих и крестьян.

Музыкальная культура

Главнейшим образовательным учреждением в этой сфере было Казанское музыкальное училище Императорского Русского Музыкального Общества (ИРМО). Возникнув в 1904 году, уже через восемь лет на съезде директоров музыкальных учебных заведений ИРМО было отмечено в числе четырех лучших в России, наряду с Киевским, Харьковским и Одесским училищами¹⁷. Директором училища являлся Рудольф Августович Гуммерт (1861–1921), выпускник Петербургской консерватории. Еще в 1894 году он от-

¹⁵ За землю и волю. 1918. 25 января.

¹⁶ ГА РТ. Ф.777. Оп.48. Д.29. Л.18 об., 42.

¹⁷ Карлова Е.К. Казанское музыкальное училище в предоктябрьский период (1904–1917). // Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Сб. науч. трудов. Казань, 1993. С.36.

крыл в Казани частную музыкальную школу, которая и была затем преобразована в училище.

В 1917 г. Гуммерт, как и в целом преподаватели и учащиеся училища, поддержал происходившие преобразования. В октябре 1917 Рудольф Августович на собрании преподавателей и учащихся заявил: «Распространение музыкального искусства для всех нас есть цель и средство»¹⁸. Студенты устраивали концерты для широкой публики¹⁹.

К 1917 г. существовало несколько организаций, координировавших музыкальную жизнь Казани. ИРМО способствовало привлечению в город лучших музыкальных сил. Его казанское отделение возглавлял главный архитектор Казани С.В. Бечко-Друзин²⁰. Общество приглашало известных музыкантов, которые разнообразили культурную жизнь города. Так, 19 марта 1917 г. оно организовало собрание, на котором выступал знаменитый пианист, профессор московской консерватории А.К. Боровский²¹.

Но наибольшую активность проявляла комиссия разумных развлечений при культурно-просветительском отделе Совета рабочих и солдатских депутатов, с которой сотрудничало и ИРМО. Комиссия также организовывала гастрольные знаменитостей, но одновременно устраивала деятельность самодеятельных музыкальных групп. Весной-летом 1917 г. ею проводились симфонические концерты. Цены на билеты были вполне доступны даже необеспеченному населению: места в городском театре на народный концерт симфонического оркестра, состоявшегося 7 мая, стоили от 5 коп. до 1 руб.²² Собранный комиссией оркестр был небольшим, но, судя по отзывам в прессе, состоял из опытных музыкантов. В него входили А. Томская, Е. Бурская, Ф. Кац²³. Дирижером был преподаватель Казанского музыкального училища Я.А. Позен.

Словосочетание «разумные развлечения» в названии комиссии было не случайно. После Февральской революции различные общественные силы, а особенно культпросветотделы, стремились распространить высокое искусство среди широких масс народа, воспитать в нем художественный вкус. На это и были направлены

¹⁸ Спиридонова В.М. Казанское музыкальное училище в первые годы советской власти. // Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Сб. науч. трудов. Казань, 1993. С.51.

¹⁹ Камско-Волжская речь. 1917. 12 марта.

²⁰ Хайрутдинова Д.Р. Указ. соч. С.185.

²¹ Камско-Волжская речь. 1917. 12 марта.

²² Камско-Волжская речь. 1917. 7 мая.

²³ Там же.

симфонические концерты, так называемые «вечера серьезной музыки». Слушателям предлагались произведения П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, К. Сен-Санса и др.²⁴ Средства, собранные на этих вечерах, шли на дальнейшее развитие культуры и устройство новых концертов.

Массовым явлением стали и благотворительные концерты, устраиваемые в пользу того или иного социально незащищенного слоя населения. Причем на такие мероприятия приглашались как профессиональные музыканты и певцы, так и самородки. Например, КПО при организации концерта в пользу солдаток привлекал артистов-любителей и пригласил два военных оркестра. А Союз увечных воинов для сбора средств на нужды инвалидов решил устраивать концерты, для этого просил губернского комиссара Временного правительства продлить подачу электричества в их здание во время благотворительного вечера до двух часов ночи²⁵. Привлекалась и молодежь – в июне в селе Васильево был устроен спектакль-концерт, где участвовали представители драматической секции союза общеобразовательных средних учебных заведений Казани²⁶.

Отличительной чертой революционного периода стало взаимопроникновение культуры и политики, что в музыкальной сфере проявилось в концертах-митингах. На них артисты выступали прямо на улицах рабочих окраин безо всякой декорации, костюмов и бутафории²⁷. Примером может служить концерт-митинг, состоявшийся 1 октября 1917 г. с целью пропаганды займа Свободы, которой был организован Временным правительством. На нем выступал гастролировавший по России с поддержкой займа симфонический оркестр гвардии Волынского полка М.О. Штеймана, который исполнил произведения Римского-Корсакова. В отличие от концертов, проводившихся комиссией разумных развлечений, билеты на представление были не столь дешевыми. Чтобы пройти на концерт, требовалось заплатить 1 руб. 45 коп., а стоимость мест начиналась от 2,5 и доходила до 10 руб.²⁸

Следует отметить, что в Казань – крупный культурный центр – часто приезжали столичные знаменитости. Революция не послужила поводом для прекращения гастролей. В мае 1917 г. город посетила труппа артистов московских государственных театров

²⁴ Камско-Волжская речь. 1917. 28 июня.

²⁵ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.26. Л.282.

²⁶ Камско-Волжская речь. 1917. 18 июня.

²⁷ Хайрутдинова Д.Р. Указ. соч. С.187.

²⁸ Камско-Волжская речь. 1917. 29 сентября.

Максимова с дивертисментом «Песни свободы, песни войны, песни любви». Если сам руководитель труппы исполнял произведения именно на заявленную тему, имевшую политический оттенок, то остальные артисты выступали в произвольной манере²⁹. Незадолго до приезда труппы в Казани побывала прима-балерина Мариинского театра О.И. Преображенская, танцевавшая при сопровождении музыки Ф. Шопена, Э. Грига, А. Скрябина³⁰. А в июне 1918 г. родной город посетил Ф.И. Шаляпин, за билетами на концерт которого выстраивались длинные очереди³¹.

После Февральской революции музыкальная жизнь Казани расцвела. Продолжали проводиться концерты, ставиться оперы и музыкальные номера, но теперь они стали более доступны для простого народа, который действительно стал приобщаться к высокой культуре. Стали популярны произведения на революционную тематику, которые воодушевляли слушателей и способствовали росту популярности исполнителей. Одновременно музыкальные вечера служили источником для сбора средств малоимущим или в помощь правительству и советам.

События октября 1917 г. дезорганизовали нормальный ход течения дел в Казани, внеся неразбериху и сумятицу и в музыкальную жизнь. Запланированный на 25 октября в здании Дворянского собрания концерт-митинг пришлось перенести на 5 декабря, а митинг, как утративший актуальность, и вовсе отменить³².

Возникали конфликты и с рабочими. Ставившаяся в Большом театре довольно трудная к постановке оперетта «Ева» была на грани провала, поскольку рабочие сцены по каким-то причинам отказались от работ. В результате за эту сложную работу вынуждены были взяться участники спектакля. Хотя из-за этого, как сообщает корреспондент «Камско-Волжской речи», и были некоторые недостатки, но в целом всё прошло отлично³³.

Советская власть немедленно взялась за распространение музыкальной культуры в еще больших масштабах, чем было раньше. При городском самоуправлении была организована театральная подкомиссия, которая занималась и устройством симфонических концертов. Она решила, что следует расширить географию выступлений и принести свет музыкальной культуры на рабочие ок-

²⁹ Там же. 31 мая.

³⁰ Там же. 14 мая.

³¹ За землю и волю. 1918. 28 июня.

³² Камско-Волжская речь. 1917. 10 ноября.

³³ Там же. 23 ноября.

раины. Кроме традиционных концертов в Панаевском саду, задумывалось проводить их летом 1918 г. в Адмиралтейской, Ягодной, Кизической и Козьей слободах – в театре при фабрике Алафузовых; в Плетенях – на заводе братьев Крестовниковых и в Суконной – в садоводстве Квасникова. Но из 55 тысяч рублей, необходимых для осуществления этого плана, имелось лишь 23,7 тысячи, вырученные с организации концертов летом 1917 года³⁴. Эти намерения были, несомненно, амбициозными, но неизвестно, как восприняли бы жители этих слобод такую музыку.

Активная политика Советов по демократизации искусства, по всей видимости, привлекла музыкальных деятелей. Р.А. Гуммерт, как было сказано выше, поддержал мероприятия большевиков. Он предлагает различные проекты реформирования музыкального образования, вместе с В.М. Айоновым, директором музыкально-драматических курсов, открывшихся 1 января 1918 г.³⁵, представляет проект Народной консерватории³⁶. Также Гуммерт возглавляет коллегия музыкального образования³⁷, разрабатывает планы открытия Народных музыкальных школ в разных районах Казани³⁸.

Руководитель хора Иван Семенович Морев (1862–1933) также принял Октябрьскую революцию. В прежние годы он руководил различными хоровыми коллективами, исполняя духовную и светскую музыку, но желал получить под своё управление большой хор. Эта надежда исполнилась только после революции, когда под его началом сформировался коллектив в 400–450 человек, с которым он непрерывно выступал³⁹.

Учащиеся музыкального училища не менее своих учителей участвовали в новой жизни. Еще в мае 1917 г. ими был создан кружок, участники которого выступали с благотворительными концертами, причем не только в Казани, но и, например, в дачной местности «Красная горка»⁴⁰. Члены кружка продолжили свои выступления и после Октябрьской революции, устраивая концер-

³⁴ Упрочение советской власти в Татарии. Сборник документов. Казань, 1964. С.161.

³⁵ *Спиридонова В.М.* Указ. соч. С.53.

³⁶ Там же. С.55.

³⁷ *Хайрутдинова Д.Р.* Культурная жизнь Казани... С.77.

³⁸ *Мартынова Ю.А.* Р.А. Гуммерт и его роль в становлении профессионального музыкального образования в Поволжье // *Филология и культура*. 2012. № 4 (30). С.337.

³⁹ *Марабаева Ю.А.* Педагогическая и просветительская деятельность И.С. Морев: к вопросу становления и развития специального музыкального образования в Казани // *Вестник КНИТУ*. 2012. №5. С.254.

⁴⁰ Камско-Волжская речь. 1917. 1 июля.

ты в Дворянском собрании и Коммерческом училище. Также они приглашали с концертами музыкальных деятелей из других городов, в том числе известного дирижера государственных театров А.П. Асланова⁴¹. Деятельность кружка продолжалась два года⁴².

Для людей также стала более доступна классическая музыка. Летом 1918 г. в бывшем Панаевском саду ежедневно проводились концерты большого (50 человек) симфонического оркестра под управлением Э. Меттера. Иногда концерт сопровождался одиночным или хоровым пением⁴³. Концерты можно было слушать бесплатно, что, несомненно, способствовало популяризации музыкальной культуры среди широких слоев населения.

Театральная жизнь

К 1917 г. в Казани действовало 4 основных русских театра: Городской, Новый, Театр Миниатюр и недавно открывшийся Большой театр⁴⁴. Все театры действовали на коммерческой основе и зависели от продаж билетов, что заставляло антрепренеров ставить те спектакли, которые могли понравиться публике. Такое положение театров не всегда шло на пользу качеству представлений.

Деятельность театров регулировалась театральной комиссией Казанской городской думы. Но она лишь искала антрепренеров, которые платили за аренду здания, заключала с ними договоры, а формирование труппы и репертуар оставались делом самих антрепренеров⁴⁵. Естественно, что после февраля 1917 г. появляются постановки на революционную тему. В Театре Миниатюр была поставлена драма о революции «Гибель монархии»⁴⁶. В Большом театре – находившаяся ранее под запретом пьеса Мережковского «Павел Первый»⁴⁷. Но даже в период революционного подъема преобладали старые постановки, было много комедийных пьес, легких и не требующих большой внутренней работы. Например,

⁴¹ Камско-Волжская речь. 1917. 26 июля.

⁴² Спиридонова В.М. Указ. соч. С.52.

⁴³ За землю и волю. 1918. 7 июля.

⁴⁴ Хайрутдинова Д.Р. Опыт создания виртуальных экскурсий для молодежи: Казань – город развлечений (театр, музыка, кино в Казани в начале XX века) // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3(14). С.31.

⁴⁵ Благов Ю.А. Казанский русский драматический театр в процессе преобразования из частной антрепризы в репертуарный советский театр (1919–1939 гг.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3. С.58.

⁴⁶ Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани в годы Первой мировой войны. Дисс. ... к.и.н. Казань, 1997. С.138.

⁴⁷ Камско-Волжская речь. 1917. 28 июня.

поставленная в Большом театре «Комедия двора», по отзыву корреспондента «Камско-Волжской речи», представляет собой «пустячок, легкая комедия, близкая к фарсу, имеет успех благодаря некоторому сходству с теперешним политическим моментом»⁴⁸.

Кроме профессиональных трупп, выступали самодеятельные коллективы, которые устраивали благотворительные выступления. В них перемежались развлекательные моменты и революционный пафос. 16 апреля 1917 г. состоялся любительский спектакль в пользу фонда «Борцам за свободу», где постановки комедий Соловьева и Аверченко соседствовали с фильмом «Торжество свободы», сопровождавшимся исполнением марсельезы⁴⁹. Молодежь также принимала участие в этом движении. Драматическая секция общеобразовательных средних учебных заведений организовала спектакль, средства от которого пошли родительскому комитету при Казанской 2-й гимназии на устройство подготовительных курсов для учеников средней школы, получивших переэкзаменовки. Учащиеся подошли к делу с юмором и поставили комедию Островского «Трудовой хлеб»⁵⁰.

Отрицательно сказалась на театральном деле быстро набиравшая обороты инфляция. При подготовке Городского театра к зимнему сезону обнаружилось, что все цены возросли в несколько раз. Полотно, краски, материалы для бутафории подорожали на 500–600%, за электроэнергию взимается вместо прежних 18 коп. – 40 коп. Хотя в контракте, заключенном городом с театром, было указано, что за ассенизацию плата составляет 1400 руб., в августе она уже достигла 8000 руб. Расходы на отопление, афиши, объявления в газетах, рабочие руки сильно вздорожали. Чтобы не оставлять творческих работников театра за гранью нищеты, им пришлось увеличить жалованье. В связи с таким положением антрепренер М.Ф. Степанов обратился в городскую театральную комиссию с заявлением о повышении цен на места не больше 30%. К тому моменту цены на кресла в первом ряду составляли 4,5 руб., в то время как в Большом театре эти же места стоили 7,5 руб.⁵¹

Хотя Временное правительство и отменило цензуру, но уже летом 1917 г. восторг от революции стал проходить, а июльская большевистская демонстрация напугала власть. О возврате прежней цензуры речь, конечно, не шла, но кое-какие ограничения были введены. В августе начальником городской милиции было изда-

⁴⁸ Камско-Волжская речь. 1917. 7 июля.

⁴⁹ Там же. 1917. 16 апреля.

⁵⁰ Там же. 1917. 18 мая.

⁵¹ Камско-Волжская речь. 1917. 1 августа.

но распоряжение типографиям Казани не принимать без просмотра им афиши увеселительных заведений, в том числе и театров. Без его распоряжения такие афиши печатать не дозволялось⁵².

Театральные выступления проходили и в деревнях. Союз молодежи дал спектакль-концерт в селе Кукмор в честь открытия там ремесленного училища. На такое зрелище пришло много посетителей. В результате на нужды училища было собрано 1265 руб., из них 1155 руб. чистой прибыли⁵³.

Гораздо большие изменения в деятельность театров внесли события октября 1917 г. Признавая большую общественную значимость театра и как средства просвещения, и как инструмента агитации, уже 9 ноября 1917 г. все театры были переданы в ведение Государственной комиссии по просвещению, затем преобразованной в Народный комиссариат просвещения. Заведыванием театрами занимался отдел искусств. Все театры Казани перешли в ведомство Советов⁵⁴. В 1919 г. они были полностью национализированы.

Но даже до окончательной национализации местные власти в отношении отдельных театров могли принимать самостоятельные решения. Так, в феврале 1918 г. для нужд Совета конфискован Новый клуб (он же Новый театр) вместе с библиотекой, игровой комнатой и пр. Такая мера была принята для размещения приехавших на областной от 11-ти губерний съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, но и в дальнейшем планировалось его использовать по назначению, то есть для культурно-просветительской деятельности⁵⁵.

Поскольку большевики опирались на пролетариат, стали создаваться самодеятельные рабочие театры. Спектакли организовывались в Народных домах, где действовали собственные драматические труппы из рабочих. Был организован рабочий клуб «Новая жизнь». О важности театра говорит тот факт, что уже 6 ноября 1917 г. культурно-просветительская комиссия Казанского порохового завода приступила к переделке барака в театр организации драматической труппы, в которую вошли рабочие, служащие и администрация завода⁵⁶.

Спектакли, проводимые рабочими, были направлены на сбор средств для социально значимых мероприятий. Первая постановка

⁵² Там же. 1917. 8 августа.

⁵³ Там же. 1917. 12 августа.

⁵⁴ *Ингвар И., Илялова И.* Русский театр в Казани (советский период). Казань, 1991. С. 10.

⁵⁵ За землю и волю. 1918. 15 февраля.

⁵⁶ Культурная революция в Татарии (1917–1937 гг.). Казань, 1986. С.93.

в клубе «Новая жизнь» – комедия Островского «Правда хорошо, а счастье лучше», состоявшаяся 27 января 1918 г., была направлена на помощь безработным Казани. Организаторы обращались к рабочим, которые должны были посетить постановку: «...помня, что разрешение рабочего вопроса, поставленного на очередь русской революцией, невозможно без взаимопомощи рабочих, без проведения в жизнь единого общего лозунга «один за всех и все за одного», вы должны откликнуться на это первое начинание в жизни рабочего клуба "Новая жизнь"»⁵⁷. В Чистополе поставили две пьесы, сбор с которых пошел непосредственно на нужды партии⁵⁸.

Изменяется и репертуар. Становится меньше комедий, ставятся социальные драмы, как «Вера Мирцева», ставшая первым общедоступным спектаклем в Большом театре⁵⁹. Или ставящие философские, но в то же время современные вопросы пьесы Леонида Андреева. Несмотря на явно выраженную антирелигиозную большевистскую политику, в недавно конфискованном Новом клубе в апреле 1918 г. для делегатов IV Крестьянского съезда была поставлена мистерия «Царь Иудейский». Крестьяне, многие из которых видели театральную постановку, были настолько впечатлены, что «во время хода пьесы и в антрактах в театре соблюдалась образцовая тишина и порядок»⁶⁰.

Вызванная войной и революциями разруха приводила к повышению преступности, от которой страдали и театральные заведения. Еще в марте 1917 г. у уполномоченного дирекции драматической труппы городского театра А.Т. Мевес, Шелковского, на железнодорожной станции «Казань» украли почти всю его библиотеку, состоящую из пьес, включенных в предполагаемый репертуар сезона, и ролей к ним. Дирекции театра пришлось срочно менять репертуар, что сказалось на качестве постановок. Оказалось, что библиотеку украли пассажиры, которые продали её крестьянке А.И. Савченковой за 7 руб., которая, в свою очередь, перепродала пьесы букинистам и другим лицам. Полиция разыскала всех покупателей и вернула украденное⁶¹. Другим пострадавшим стал владелец Большого театра А.А. Розенберг, который заявил, что из его театра производится систематическая кража театральной обстановки и гарнитура⁶².

⁵⁷ Культурное строительство в Татарии. 1917–1941. Казань, 1971. С.161.

⁵⁸ Там же. С.490.

⁵⁹ За землю и волю. 1918. 9 июня.

⁶⁰ За землю и волю. 1918. 3 апреля.

⁶¹ Камско-Волжская речь. 1917. 5 марта.

⁶² За землю и волю. 1918. 6 июня.

Также жертвами воров становились зрители, желавшие посмотреть на представления народного кукольного театра, так называемого «Петрушку». Поскольку толпа, желающая посмотреть эти сценки, собирается прямо на улицах, то многие становятся жертвами карманных воришек, которых развелось в большом количестве⁶³.

Но деятели театра становились жертвами не только воров. Возвращавшийся из театра при Новом клубе помощник режиссера И. Скобелев-Вадимов увидел, как какой-то молодой человек, впоследствии представившийся братом казанского чиновника Владимиром, избивает знакомого Вадимову старичка-газетчика. Вадимов заступился, но Владимир достал револьвер и застрелил его. У убитого остались без всяких средств старуха-мать, жена и ребенок⁶⁴.

Таким образом, театральные постановки, освободившиеся после Февральской революции от власти цензуры на некоторое время, лишь слегка изменив репертуар, вновь возвратились к прежним постановкам, зависимым от вкуса невзыскательного зрителя. Большевики принесли централизованное и продуманное управление театром, но взамен ограничило его свободу, впоследствии полностью поставив его в зависимость от своей политики.

Казанский синемаграф

В 1917 г. в Казани была уже довольно широкая сеть кинотеатров. Действовали кинотеатры «Унион», «Электра», «Пассаж», «Паллас», «Олимп», «Ампир», «Художественный», «Луч», «Свет» и др.⁶⁵ Кроме того, существовал кинематограф в некоторых уездных городах губернии.

Перед самой революцией кинотеатры показывали фильмы о традиционной русской жизни, по классическим произведениям: в «Электре» шла «Тройка скачет, тройка мчится», в «Пассаже» – «Барышня-крестьянка»⁶⁶. Но к середине марта, всего через две недели после свержения монархии, начинают идти «Темные силы Григория Распутина», «Царские холопы»⁶⁷, демонстрируются «Да здравствует свободная Русь (Долой цепи)», «Великие дни рево-

⁶³ За землю и волю. 1918. 30 апреля.

⁶⁴ За землю и волю. 1918. 13 апреля.

⁶⁵ Хайрутдинова Д.Р. Культурная жизнь Казани... С.109.

⁶⁶ Камско-Волжская речь. 1917. 28 февраля.

⁶⁷ Хайрутдинова Д.Р. Указ. соч. С.139.

люции в Петрограде и Москве»⁶⁸. Продолжают идти патриотические фильмы, проповедующие войну до победы, – «Знамена победно шумят», «Предатели России. Мясоедов и Ко».

Вместе с тем большую долю показов составляли просто развлекательные фильмы. Особенно их доля увеличивается к середине лета 1917 г., когда из проката практически исчезают ленты на революционные темы. Возможно, это было связано с наступавшей реакцией⁶⁹, или же сказались разочарование населения в деятельности Временного правительства.

Свои кинематографы имелись и на крупных предприятиях, например, на пороховом заводе. Они были организованы в результате деятельности КПО, который помогал в постановке сеансов⁷⁰.

Заинтересованность Совета в кино проявлялась не только в организации показов. В «Электре» летом 1917 г. члены исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выступали с лекциями о политическом положении в стране. Выступления пользовались большим успехом, а сбор с них шел на организационную и культурно-просветительскую деятельность Совета⁷¹. Театр был предоставлен на летний сезон в бесплатное пользование Совету, но ему потребовалось большее. 21 июля исполнительный комитет солдатской секции Совета издает резолюцию, в которой заявляет о переходе театра «Электра» в полное распоряжение культурно-просветительского отдела. Перед этим Совет и владельцы театра пытались договориться об аренде, но не сошлись в условиях. Как указывалось в резолюции, такие меры вызваны необходимостью вести предвыборную агитацию, но хозяева кинотеатра заявляют, что главным мотивом Совета было получение средств на печатание литературы и агитацию⁷².

За «Электру» пытался вступить губернский комиссар Временного правительства, отметив, что реквизиция может быть произведена только для нужд государственной обороны⁷³, но, по всей видимости, Совет не прислушался к этой просьбе и театр перешел в его пользование.

⁶⁸ Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917). Казань, 2007. С.97.

⁶⁹ Хайрутдинова Д.Р. Указ. соч. С.141.

⁷⁰ Там же. С.24.

⁷¹ Кинематограф в Казани. 1897–1917 гг. Сборник док. и материалов. Казань, 2007. С.123.

⁷² Камско-Волжская речь. 1917. 27 июля.

⁷³ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.54.

Такие реквизиции продолжатся после Октябрьской революции. В декабре 1917 г. таким же манером перешел в ведение местного Совета солдатских и рабочих депутатов кинематограф в Чистополе⁷⁴. Бывшие владельцы Токарев и Борхин остались как наемные рабочие, но уже через месяц их уволили как препятствующих работе⁷⁵.

Большевики рассматривали кино не только как образовательно-пропагандистский инструмент, но и как источник дохода. Весной 1918 г. Совет городского хозяйства Казани установил налог на кинематограф, который давал до 1500 руб. ежегодно⁷⁶.

Кинематограф был важен для периферии губернии, где не было развито театральное дело. В Чистополе обсуждался вопрос о деятельности комиссара кинематографа⁷⁷. А в Елабуге, когда комиссар по просвещению зачитал доклад об открытии в уезде библиотек и изб-читален, ему предложили выработать другой доклад, обратив самое серьезное внимание на передвижные кинематографы и живые беседы с населением⁷⁸.

Кроме распространения уже снятых фильмов, были попытки организовать съемки картин в Казани. Еще с 1910 г. владелец кинотеатра «Аполло» Гренинг стал производить кинохронику, но с началом Первой Мировой войны съемки были прекращены. Сохранились кадры съемок Казани в 1917 г., но до большого фильма дело дошло в 1918 г. Председатель союза служащих в кинематографах К.И. Жуковский предложил использовать для просветительских целей кинематограф. Докладчик Маргалеев сделал доклад о демонстрации картин, где будет сопоставлен ряд фактов и действий представителей: 1) полной монархии, 2) конституционной монархии, 3) демократической республики. Или на экране воспроизвести картину выборов в Учредительное собрание или провести параллель характера толпы при бывшей форме правления и при демократической республике, причем в первом случае должна фигурировать пьяная толпа, а в последнем – проникнутая сознанием и увлекающаяся чтением, беседами и т.д. Но собрание КПО решило, что предложение Жуковского неприемлемо, так как

⁷⁴ Упрочение советской власти в Татарии. Сборник док. и материалов. Казань, 1964. С.108.

⁷⁵ Там же. С.136.

⁷⁶ За землю и волю. 1918. 12 марта.

⁷⁷ Упрочение советской власти в Татарии... С.132.

⁷⁸ Там же. С.323.

один экран через сравнение тезисов правления не в состоянии ярко осветить все недостатки и преимущества правлений, для картины необходимо пояснение. К тому же создание картин требует много времени.

В том же году был снят фильм «Взятие Казани» приездом оператором Эдуардом Тиссе о захвате города красногвардейцами во главе с Л. Троцким. Лента имела пропагандистское значение, но в то же время может считаться документальной съемкой. Она сохранилась до наших дней, но нуждается в реставрации.

Февральская революция внесла лишь небольшие изменения в сферу культурных развлечений. Была ликвидирована цензура, на некоторое время стали популярны патриотические и революционные произведения. Но основным регулирующим фактором по-прежнему остается рынок, и массовый зритель продолжает потреблять низкокачественную продукцию, практически все культурные заведения также сосредоточены в Казани. Ситуацию пытаются исправить культурно-просветительские организации при Советах. Они организуют концерты, театральные постановки, проводят кинематографические сеансы на предприятиях и в уездных городах, стимулируют самодеятельность среди рабочих. Благодаря их деятельности, достижения высокой культуры становятся более доступными простому народу и отвлекают их от низкопробных развлечений.

Таким образом, революция 1917 г. еще более способствовала привитию рабочим и крестьянам художественного вкуса. Управление культурой централизуется, театры и кинотеатры переходят из частных рук в ведение Советов, пропагандируется симфоническая музыка. Но культура становится всё более зависимой от политики, вместе с её образовательной функцией возрастает и пропаганда. Казанские деятели культуры в большинстве своем приняли смену власти, по крайней мере, в ближайшее после революции время. Это говорит о том, что они поверили в преобразования и надеялись в дальнейшем служить искусству и народу.

2.2. «...Этот спектакль поражает даже больше, чем смена власти в России» (татарские культмассовые мероприятия накануне и в годы революции)

Татарская культурная жизнь и до революции, и в первые годы советской власти существовала самостоятельно и представляла собой особое пространство, автономность которой была продиктована не только татарским языком, но и национальными традициями и иными идеологическими установками. Например, по замечанию Т.Давлетшина, «советский режим в повседневной практике столкнулся с трудностями, вызванными недостатком подготовленных людей, знающих татарский язык, культуру и психологию народа, для управления и культурно-пропагандного обслуживания полутора миллионов татарского населения, живущего в Татарстане, и несколько миллионов – за его пределами»⁷⁹.

Накануне 1917 г. в татарской культуре наметились два направления развития: развлекательное и просветительское.

Особенно ярко развлекательный формат нашел отражение в музыкальной культуре. На рубеже XIX-XX вв. преобладал вульгарный стиль подачи музыкального материала. Но и такое творчество находило своих потребителей и даже тиражировалось в виде грампластинок. Однако в обществе все чаще звучала критика подобной музыки, причем не от мусульманского духовенства, а от светской интеллигенции. Часть слушателей отмечала, что некоторым певцам и певицам, граммофонные записи которых были распространены среди населения, не хватает воспитания и образования.

Если развлекательное направление было нацелено лишь на извлечение прибыли и преследовало только коммерческие задачи, то просветительское, было пронизано романтикой идеи национального прогресса. Параллельно с коммерческими проектами развивались другие музыкальные формы.

После 1905 г. альтернативой трактирным выступлениям артистов стали литературно-музыкальные вечера («эдэбият ахшамы»). Именно эти мероприятия способствовали установлению позитивного отношения к музыке. Основной идеей многих литературно-музыкальных вечеров было возвращение к истокам – народному песенному творчеству, самобытному и лишенному бездумного подражания русской культуре. Это было связано с ростом национального самосознания и появлением идеи о необходимости развития национальной культуры.

⁷⁹ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Казань, 2005. С.277.

На таком фоне появлялись новые музыкальные произведения. Например, в 1913 г. Загидулла Яруллин, тапер из синематографа «Свет», написал «Марш Тукая» в память о безвременно ушедшем поэте. Такие композиции ни у кого уже не вызывали ассоциаций с развлекательным форматом.

Любительские музыкальные коллективы работали при клубах (например, казанский «Восточный клуб») и различных учебных заведений. Хор учениц под руководством Ф.Агиева действовал в Татарской женской гимназии Фатихи Аитовой в Казани. Солистой хора была будущая певица и композитор Сара Садыкова⁸⁰.

«Сейчас, слава Аллаху, в нашем народе есть люди, понимающие искусство. Поэтому мы надеемся на прогресс в области национальной музыки и драмы», – констатировал музыкант-любитель Г.Садыков в газете «Юлдуз» в конце 1916 г.⁸¹ Ему вторил в том же 1916 г. писатель Фатих Амирхан. Поздравляя татарский театр с десятилетним юбилеем, он желал театру идти вперед по тому же светлорому «национальному пути» («милли юл») и избегать темных дорог⁸².

За десятилетие, прошедшее со времен первой революции, в татарском обществе наметились определенные перемены в восприятии музыки и театра. За короткий период времени до 1917 г. татарская городская культура приобрела солидный опыт проведения общественных развлечений. Например, по свидетельству Рабиги Габитовой, участницы первых любительских спектаклей, к 1911 г. татарский театр стал обычным явлением. Помимо их любительского кружка, появились другие, в это время работали уже и профессиональные труппы. *«Даже те отсталые элементы, метавшие раньше «гром и молнию» против такого дерзновения молодежи, как спектакль перестали ломать себе голову в изыскании средств для предотвращения его и стали преспокойно посещать их даже со своими женами, не выходявшими ранее изпод «чапана или чадры»»,* – писала она⁸³.

Публика к этому времени привыкла и к литературно-музыкальным вечерам, где исполнялись национальные песни и мело-

⁸⁰ Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2013. С.210.

⁸¹ Йолдыз. 1916. 30 декабрь.

⁸² Амирхан Ф. Эсэрләр: 4 томда. Т.4. Казан, 1986. Б.151.

⁸³ Абзалина Р.А. Воспоминания о первом театре // Театр XXI века и вызовы нового времени: материалы международной научно-практ. конференции, посвященной 110-летию татарского театра. Казань, 2017. С.66.

дии. Оркестры народных инструментов выступали и перед сеансами в синематографе, а также во время антрактов татарских спектаклей. Все эти общественные развлечения стали частью повседневной жизни городских татар. Более того, эти явления начали оказывать даже некоторое влияние на них. Театральный критик Г.Карам в 1913 г. отмечал, что татарский театр находит отражение в разных сферах народной жизни, воспитывает в своих зрителях эстетическое чувство, влияет даже на их внешний вид⁸⁴.

Культурная жизнь русского тыла в годы Первой мировой войны имела свои специфические черты. Большинство средств, собранных во время культурно-массовых собраний, направлялось на благотворительные нужды: семьям военнослужащих, раненым и больным солдатам, армии. Поэтому работали не только профессиональные артисты, но и образовалось множество любительских коллективов, в том числе в сельской местности. Инициаторами таких мероприятий, как правило, выступала интеллигенция, учащаяся молодежь.

До войны татарским деятелям культуры весьма сложно было получить разрешение на проведение татарских культурно-массовых мероприятий (спектаклей, концертов, вечеров), т.к. этому противились представители мусульманского духовенства. Как известно, музыка и производные от нее развлечения долгое время считались харамом, т.е. явлениями, призывающими к развратным действиям, а потому не соответствующими мусульманской традиции. Когда началась война, на государственном уровне контролировалась благотворительная деятельность. И муллы уже не могли запрещать театральные представления или концерты, ссылаясь только на свои религиозные убеждения. Этот, казалось бы, незначительный момент дал новый импульс для развития татарского театрального и музыкального искусства.

Как театральные представления, так и различные концерты и вечера теперь организовывались чаще всего с целью благотворительного сбора. Такие спектакли и вечера собирали больше зрителей. Если обычные представления посещались теми, кто привык к подобным культурным развлечениям, то на благотворительные показы шли и неискушенные театральной жизнью зрители. С одной стороны их привлекала благотворительная сторона мероприятия, с другой – такой культурный досуг не вызывал осуждения со стороны консервативно настроенного старшего поколения.

⁸⁴ Карам Г. «Шәрык» клубында театр вә музыка мәүсименең якүне // Сәхибҗамал Гыйззәтуллина-Волжская: әдәби-нәфис, документаль, биографик җыентык. Казан, 2012. Б.405.

Накануне 1914 г. и в годы войны профессиональные татарские драматические товарищества работали в разных городах империи: Уфе, Оренбурге, Астрахани и т.д. Конечно, это было связано, в первую очередь, с личностными конфликтами между артистами и антрепренёрами, невозможностью совместной работы в рамках одной труппы, коммерческими интересами и иными сопутствующими причинами, но в то же время данная тенденция способствовала развитию здоровой конкуренции, творческой свободе и новым театральным экспериментам. На смену своеобразной монополии «Сайяр» и ее руководителя Габдуллы Кариева пришли многочисленные театральные коллективы («Нур», «Ширкат», «Татар артистларының драма ширкәте», «Мохтариат» и др.⁸⁵) инициаторы которых нередко были выходцами из «Сайяра». Как, например, организовавшая в Уфе труппу «Нур», Сахипджамал Гиззатуллина-Волжская.

Если в первые годы существования татарского театра в нем служили исключительно мужчины, а первой и единственной профессиональной актрисой долго оставалась С.Гиззатуллина-Волжская, то в годы войны, и связанного отчасти с ней нараставшего женского движения за эмансипацию, в татарских драматических товариществах работало достаточно много женщин. Например, в 1915–1916 гг. в труппу «Сайяр» пришли актрисы Нагима Таждарова, Нафига Арапова, Фатима Гумерова, Фатима Ильская⁸⁶. Связано это было и с тем, что некоторых артистов призвали в армию. Подобные кадровые перемены были характерны для всех театральных коллективов.

Конечно, из-за большого количества развернувшихся в тылу госпиталей все сложнее было с выбором помещения для культурно-массовых мероприятий. Летом 1915 г. из-за этого закрылся знаменитый «Восточный клуб» в Казани. Члены клуба приняли решение о его сдаче под лазарет⁸⁷. Закрылось одно из самых любимых мест культурного отдыха мусульман города. Надо отметить, что до войны труппа «Сайяр» работала именно в «Восточном клубе». Лишившись стационарного помещения, они начали давать свои представления в разных залах Казани, в том числе в «Новом клубе» и «Большом театре». Для труппы было не привычным выступление в больших залах. Например, один из зрителей,

⁸⁵ См. подробнее: Мэхмүтов һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. Казан, 1988.

⁸⁶ Мэхмүтов һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Күрс. хезм. Б.162.

⁸⁷ У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник док. и материалов. Кн.2. Казань, 2003. С.92.

после просмотра татарского спектакля в «Большом театре», отмечал, что артисты говорили очень тихо и от того сидящие на задних рядах не всегда могли уловить их реплики⁸⁸.

Экстремальные условия военного времени способствовали развитию народного творчества. Если до 1914 г. публиковались песенные сборники сомнительного содержания, то с началом войны невероятно популярными стали солдатские песни (байты). Они выходили отдельными книжками. Авторами песен являлись солдаты, произведения для публикации извлекались из их писем. Интересно, что, по одной из версий, песню «Галиябану» драматург Мирхайдар Файзи тоже услышал в 1916 г. от одного солдата. Позднее, вдохновленный песней, автор представил публике пьесу «Сагад-бану» («Галиябану»)⁸⁹. Впрочем, уже в 1915 г. песня «Галиябану» звучала на татарских концертах. Например, летом того года в Казани ее исполнили Фаттах Латыпов и Сатира Ахмадеева⁹⁰.

19 мая 1917 г. труппа «Сайяр» отметила десятилетний юбилей. *«Труппа "Сайяр" постоянного театра не имеет и поэтому сейчас её спектакли носят гастрольный характер. Теперь в ней принимают участие и женщины, в первые годы основания женские роли исполнялись мужчинами же. Теперь среди мусульман Казани поднят вопрос об устройстве постоянного татарского театра, на который уже производится сбор денег»*, – сообщила газета «Камско-Волжская речь»⁹¹. Речь шла о сборе денег на строительство Дома свободы (Ирек йорты). В этот период было организовано Общество народного театра, а сборы с представлений некоторых спектаклей направлялись в специальный фонд «Ирек йорты». Например, в апреле 1917 г. Г.Исхаки передал все свои будущие авторские гонорары с постановки новой пьесы «Тартышу» («Борьба») в этот фонд⁹². Планировалось, что дом станет постоянным зданием труппы «Сайяр». Однако стремительно меняющиеся реалии 1917 г. помешали этим планам.

Увеличение количества татарских трупп делало особенно актуальным вопрос о репертуаре. Безусловно, имелся определенный набор пьес, которые ставились с первых дней работы татар-

⁸⁸ Ф. Гаяз эфэнде шәрәфена // Исхакый Г. Сайланма эсәрләр: 15 томда. Т.8. Казан, 2001. Б.295; «Зөләйха» // Шунда ук. Б.314.

⁸⁹ Шәрәфиев Р. Җан сызлавында туган «Галиябану» // Безнең мирас. 2016 [Электронный ресурс] <http://beznenmiras.ru/djan-syzlavynnda-tugan-galiyabanu/>. Дата обращения 15.10.2018.

⁹⁰ Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда. Т.4. Казан, 1986. Б.146.

⁹¹ Камско-Волжская речь. 1917. 27 мая. №113.

⁹² Исхакый Г. Сайланма эсәрләр: 15 томда. Т.8. Казан, 2001. Б.441.

ского театра. Это, прежде всего, переводные произведения русских авторов. Например, постоянно ставились спектакли по мотивам пьес А.Н.Островского. Признанным татарским драматургом был Г.Камал. Злободневные темы татарской повседневности поднимались в драматических произведениях Г.Исхаки. Его пьесы «Жизнь с тремя женами», «Мугаллима» были любимы зрителями. Накануне Первой мировой войны репертуар татарского театра обогатился новыми пьесами, созданными С.Рамиевым, Ф.Амирханом, К.Тинчуриным, Ф.Сайфи-Казанлы⁹³.

Отмена цензуры после февраля 1917 г. открыла новые возможности для татарского театра. Для сравнения, труппа «Сайяр» за 1911–1914 гг. в среднем каждый год представляла 9 премьер, в 1917 г. число премьер выросло до 26. Среди них были как переводные пьесы, так и произведения татарских писателей. Это были спектакли по пьесам Г.Исхаки, К.Тинчурина, Ф.Бурнаша, Г.Кулахметова, Ш.Камала, М.Укмасыя⁹⁴.

Первой премьерой труппы «Сайяр» после февраля 1917 г. стала постановка по пьесе Сагита Сунчелея «Элмансур» (Альманзор), авторизованного перевода трагедии Г.Гейне. Судьба великого кордовского военачальника всегда привлекала внимание западноевропейских авторов еще со средневековья. В 1821 г. государственный деятель мусульманской Испании стал героем произведения Г.Гейне. Эта знаменитая трагедия, связанная с историей исламской культуры, не оставила равнодушным и татарского поэта. Его перевод был опубликован еще в 1913 г., но некоторые критиковали его за излишне вольное обращение с оригиналом. Так, Г.Ибрагимов писал, что С.Сунчелей перестарался с адаптацией текста для татарского читателя и «вытеснил» из текста самого Г.Гейне⁹⁵. Вместе с тем в 1916 г. оренбургская труппа И.Кудашева-Ашкадарского представила театральную интерпретацию сочинения С.Сунчелея, а 10 марта 1917 г. «Альманзор» увидели и казанские зрители. Труппа Г.Кариева хотела поставить эту пьесу еще до событий февраля 1917 г., но не смогла получить на это разрешения от казанского цензора. Видимо, на фоне войны с другим халифом (османским султаном) он посчитал не желательным романтизацию истории Арабского халифата и тем более театральный показ на эту тему. Революция принесла свободу слова и дала волю творческим исканиям, в том числе в татарском театре. 10

⁹³ Мэхмүтов Н., Илялова И., Гыйззэт Б. Күрс. хезм. Б.164.

⁹⁴ Репертуар Татарского академического театра имени Галиасгара Камала. 1906–1996 гг. Казань, 1996. С.7–9.

⁹⁵ Сүнчэлэй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан, 2005. Б.351.

марта зал был полным. Однако, по мнению критика Г.Карам, зрители не поняли этот спектакль, а особенно утомительными он считал длинные монологи героев пьесы⁹⁶.

Тем не менее, в течение трех лет после первого показа в 1916 г. пьеса «Альманзор» ставилась в разных театрах около шести-семи раз. За это время, по просьбе артистов, автор перевода немного сократил и изменил текст. С.Сунчелей увидел спектакль впервые лишь в начале 1919 г., в Казани. На этот раз трагедия об Альмансуре была поставлена М.Мутиным, он же был в главной роли. Но автор был разочарован игрой актеров, их слабой подготовкой и искажениями своего текста. Он писал, что на сцене «Альманзор» был далек и от Гейне, и от Сунчелей, и даже от самого Альмансура, да и вообще от трагедии⁹⁷.

В отличие от непонятного для широких масс спектакля о героях мусульманской Испании, другая, ждавшая своего часа, пьеса о несчастной судьбе мусульман Российской империи имела грандиозный успех у зрителей. Постановка пьесы Гаяза Исхаки «Зулейха», посвященной насильственному крещению татар в XIX веке, стала громким событием татарской культурной жизни. Обращение к этой болезненной теме и показ на театральной сцене стало возможно лишь после февральской революции. Например, Ш.Ахмадеев в газете «Юлдуз» писал, что появление такого спектакля – самое удивительное явление современности, которое поражает даже больше чем смена власти в России. В то же время, он прямо связывал театральный показ с наступлением новой эпохи свободы (хөррият дөнһясы)⁹⁸. Чуть позднее в апрельском номере журнала «Аң» была опубликована рецензия Г.Карам. Он также отмечал своевременность и значимость театральной постановки «Зулейха». По словам критика, тем самым труппа «Сайяр» продемонстрировала свое почтение к новым гражданам нового правительства.

Премьера спектакля прошла 17 марта 1917 г. в Казани. В главной роли блистала Гульсум Болгарская. Габдулла Кариев, чей бенефис проходил в этот день, сыграл сразу две роли – старика Гимади (отца Зулейхи) и Габдуллы. Даже Карим Тинчурин участвовал в эти дни в постановке, ему отвели небольшую роль мужа главной героини Салимджана. В течение первой недели спектакль показали два раза, и оба раза зал был полным⁹⁹. Впоследствии, в

⁹⁶ Кәрам Г. Фатыйма Ильскаяның бенефисы вә «Әльмансур» фажиғәсе // Габдулла Кариев: тарихи-документаль җыентык. Казан, 2011. Б.257.

⁹⁷ Сунчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан, 2005. Б.247.

⁹⁸ Ш.Ә. Зөләйха // Исхакий Г. Әсәрләр. Т.8. Казан, 2001. Б.292–293.

⁹⁹ Кәрам Г. Габдулла Кариев бенефисы // Шунда ук. Б.300–302.

течение 1917 г. «Зулейха» собирала своих зрителей еще много раз. В апреле один из показов приурочили к приезду автора – Г.Исхаки, кроме этого, спектакль в этом месяце был сыгран еще два раза и современники отмечали большие сборы. «*Это произведение является страшной памятью о деспотичной старой России*», – отмечал все тот же Г.Карам¹⁰⁰.

Несмотря на то, что театр всегда осуждался консервативными силами общества, в данной трагедии поднимались религиозные вопросы. Автор ставил религиозные убеждения выше материнского инстинкта. Неслучайно, казанский миссионер Е.Малов внимательно следил за показами «Зулейхи» в Казани. Ему интересно было все: от содержания самой пьесы до восприятия материала зрителями¹⁰¹.

В конце апреля Г.Кариев вместе со своей труппой отправился в Москву, представлять спектакль вниманию участников Всероссийского мусульманского съезда. Свидетели отмечали, что труппа добиралась до Москвы с большими трудностями, «на крыше вагона». Но, несмотря ни на что, московская премьера революционной «Зулейхи» состоялась 4 мая 1917 г. в зале Русского драматического театра Корша (совр. Театр наций). После театрального представления автору пьесы Г.Исхаки артисты передали символический подарок от 80-летней мусульманской старушки-кряшенки из Казанской губернии – пару лаптей¹⁰².

Г.Исхаки в мае 1917 г. передал труппе «Сайяр» эксклюзивное право на постановку «Зулейхи» в течение трех лет. Г.Кариев планировал объездить со спектаклем Поволжье, Туркестан, Кавказ. Однако уже в конце этого года все эти планы были нарушены. Поэтому этот спектакль остался в истории как один из символов революционного духа свободы весны-лета 1917 года.

Трагедия «Зулейха» особенно привлекала зрителей не только своим содержанием, но и необычной для того времени формой подачи материала. Это была одна из первых музыкальных пьес: для ряда эпизодов имелись специально написанные композиции, исполняемые оркестром. По замечанию композитора Султана Габяши, они «производили на слушателей потрясающее впечатление»¹⁰³.

Вместе с тем, театральная интерпретация произведения Г.Исхаки имела и ряд существенных недостатков. Основным из них была затянутасть пьесы, поэтому спектакль длился почти семь ча-

¹⁰⁰ Карам Г. «Зөләйха»ның өченче мәртәбә уйналуы // Шунда ук. Б.303–304.

¹⁰¹ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.56. Оп.1. Д.5. Л.66.

¹⁰² Тюменов Р. «Зөләйха» – Мәскәүдә // Исхакый Г. Әсәрләр. Т.8. Казан, 2001. Б.309.

¹⁰³ Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях. Часть 1. Казань, 1994. С.38–39.

сов¹⁰⁴. Впоследствии некоторые моменты были переработаны автором, но, тем не менее, и во время летних показов «Зулейхи» зрители проводили в театре от 9-ти вечера до 3-х утра¹⁰⁵. Такая затаенность была характерна не только для спектакля по пьесе Г.Исхаки. Эта театральная практика продолжалась и в 1918 г., когда труппа «Сайяр» представила вниманию казанской публики трагедию Ф.Бурнаша «Тагир и Зухра». «*Каким бы замечательным ни был спектакль «Тагир и Зухра» его затаенность очень надоела зрителям и даже умерила все положительные впечатления от игры*», – отмечал Г.Карам. Спектакль шел 7, 5 часов и критик сравнивал пребывание в театре с продолжительностью рабочего дня¹⁰⁶.

Весной 1917 г. практически одновременно вниманию зрителей были представлены сразу две музыкальные пьесы. Если в Казани поставили «Зулейху» (с авторской музыкой), то в Оренбурге зрители впервые увидели татарский спектакль «Галиябану».

Мирхайдар Файзи начал писать еще накануне Первой мировой войны, но издатели не сразу оценили его творчество. Так, в 1913 г. издательство «Гасыр» вернуло ему пьесу «Праздник в деревне» («Авыл бэйрәме»). Но М.Файзи продолжал литературную деятельность и в 1916 г. отправил очередную свою пьесу «Галиябану» руководителю оренбургской татарской труппы В.Муртазину-Иманскому. От него он получил восторженный отклик, антрепренер сразу решил сделать спектакль, более того хотел получить от автора эксклюзивное право на постановку пьесы. Таким образом, пьеса «Галиябану», вошедшая позднее в золотой фонд тюркского театра, была впервые показана в Оренбурге 19 марта 1917 г. труппой «Ширкат». Первыми исполнителями ролей Галиябану и Халиля стали Сара Байкина и Валиулла Муртазин-Иманский.

Пьеса до сих пор не сходит со сцены тюркоязычных театров России. В родном городе автора – Орске – спектакль по пьесе М.Файзи был сыгран 29 декабря 1917 г. В роли Галиябану выступила будущая звезда Башкирского драмтеатра Бадар Юсупова, а Галимабану сыграл сам драматург¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Карам Г. Габдулла Кариев бенефисы // Исхакий Г. Әсәрләр. Т.8. Казан, 2001. Б.300–302.

¹⁰⁵ «Зөләйха» // Шунда ук. Б.316–317.

¹⁰⁶ Карам Г. Бенифислар: «Галиябану» – «Беренче таң» – «Таһир белән Зөһрә» // Габдулла Кариев: тарихи-документаль җыентык. Казан, 2011. Б.308.

¹⁰⁷ Файзуллин М., Абдуллина Д. Мирхайдар Файзи: Повествование о жизни. Казань, 1987. С.29, 31.

В 1920-е гг., эта традиция – выстраивание целого театрального представления вокруг одной народной песни – стала основным трендом татарского театра.

В Казани первый показ «Галиябану» состоялся 6 апреля 1918 г. В главных ролях были задействованы Ашраф Синяева и Ситдик Айдаров. Ашраф Синяева пришла в труппу «Сайяр» осенью 1917 г.¹⁰⁸ Она являлась уроженкой Елабуги, окончила местную женскую гимназию. Потом против воли родителей уехала в столицу, продолжила образование на Петровских курсах сценического искусства. А.Синяева была единственной татарской актрисой, получившей актерское образование еще до революции. Некоторое время она служила в русских труппах Петрограда, но Г.Кариев уговорил ее перейти в «Сайяр» и продолжить работу в татарском театре. Воплощенный ею образ Галиябану был тепло воспринят зрителями, но, по словам Г.Карам, в речи актрисы чувствовалась определенная скованность, он называл это «тотыклык» и считал, что данный недостаток легко устраним¹⁰⁹. Очевидно, в манере игры А.Синяевой еще чувствовалось влияние русского театра.

За годы Первой мировой войны татарская культура значительно изменилась. Во главу угла ставились уже не столько развлечения, а идеи национального прогресса, основанные на истории и культуре народа. За это время подросло новое поколение интеллигенции. Пришедшая на смену молодежь обладала необходимыми профессиональными навыками и новым эстетическим восприятием. С 1915 г. учился в Казанском университете композитор Султан Габяши, один из авторов первой татарской оперы «Сания». Он принимал активное участие в музыкальной и театральной жизни Казани, написал музыку к спектаклю «Зулейха». В 1917 г. во время казанских представлений труппы «Сайяр» среди музыкантов-любителей выступали будущие композиторы Салих Сайдашев и Мансур Музафаров. Первый играл на трубе, второй – на кларнете¹¹⁰. С.Сайдашев в это время учился в музыкальном училище игре на фортепиано у профессора О.О.Родзевича¹¹¹.

В 1917 г. поражал уфимскую публику своими самобытными выступлениями певец Газиз Альмухаметов. Он исполнял народные песни: «Гульназира», «Сакмар», «Ак каен», «Зульхижа». При

¹⁰⁸ Айдаров С. Әшраф ханым Синяева // Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. Казан, 2003. Б.244.

¹⁰⁹ Карам Г. Бенифислар: «Галиябану» – «Беренче таң» – «Таһир белән Зөһрә» // Габдулла Кариев: тарихи-документаль жьентык. Казан, 2011. Б.304.

¹¹⁰ Салих Сәйдәшев турында истәлекләр. Казан, 1980. Б.21.

¹¹¹ Там же. С.9.

этом не стремился как-то «облагородить» их – изменить ритм, слова, мотив. Вместе с конферансье, поэтом Шайхзадой Бабичем, они давали удивительные концерты.

Зрители были в восторге от концертов, ведущим которых был Ш.Бабич. Его отличала ироничность, а под маской весельчака часто скрывались грустные раздумья о тяжелой действительности. В 1916 г. в уфимском издательстве «Тормыш» был выпущен даже сборник «Көлке капчыгы» (Мешок смеха) по мотивам концертных выступлений Ш.Бабича. В предисловии к этому сборнику поэт рассуждал о пользе смеха, о его благотворном влиянии на человека, а также о том, что с помощью юмора можно говорить о серьезных вещах.

Война повлияла на актерский состав татарских драматических трупп, некоторые актеры были призваны в армию, увеличилось количество женщин. Представительницы прекрасного пола начали завоевывать себе место и на музыкальной сцене. Так, в этот период выделялась певица Абруй Сайфи. Она принимала активное участие в общественно-политической жизни, но не оставляла и свою концертную деятельность¹¹².

Продолжением бурного развития татарского театра стал социальный заказ на создание татарского кинематографа. В июле 1917 г. его озвучил общественно-политический деятель Мирсаид Султангалиев во время 2-го Всероссийского мусульманского съезда. Он подчеркнул необходимость организации «народного кинематографа», приспособленного «к психологии и быту мусульманских народностей России, «при участии мусульманских писателей и артистов»¹¹³. Но идея о создании татарского кино долгое время оставалась нереализованной и в советское время.

С 1918 г. театральная жизнь пошла на убыль, резко сократилось количество премьер. В этих условиях труппа «Сайяр» представила вниманию зрителей только 15 новых спектаклей. Среди них были «Галиябану» М.Файзи, «Молодые сердца» и «Тигир-Зухра» Ф.Бурнаша. Кроме того, было много спектаклей по переводным пьесам. Традиционно проще всего адаптировались под вкусы татарских зрителей пьесы тюркских авторов. Например, в этот год «Сайяр» выбрала для постановки пьесу Намука Кемаля «Ватан» («Родина»)¹¹⁴. Вероятно, в эпоху Гражданской войны тема Отечества была одной из самых злободневных.

¹¹² Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г. Казань, 2017. С.259, 262, 267.

¹¹³ ГА РТ. Ф.186. Оп.1. Д.77. Л.150.

¹¹⁴ Репертуар Татарского академического театра имени Галиасгара Камала. 1906–1996 гг. Казань, 1996. С.7–9.

Кроме того, из афиш этого периода сохранился плакат, сообщавший о предстоящем в Панаевском саду показе спектакля «Эдэп-сезлэр», подготовленном под руководством И.Кудашева-Ашкадарского. Театральное представление было приурочено празднованию окончания мусульманского поста – Ураза-байрама на 27 июня 1918 г. Планировались также и другие музыкальные номера¹¹⁵.

Многие труппы в этот период уже распались. Актеры были задействованы в различных фронтовых театральных бригадах, либо оставили прежнюю деятельность. Так, именно после 1917 г. перестала работать труппа «Нур». Основательница труппы, первая татарская актриса Сахипджамал Гиззатуллина-Волжская во время Гражданской войны оказалась в Ижевске и впоследствии обосновалась в этом заводском городке.

Театральные представления в эти годы организовывались спонтанно, когда в одном городе оказывались актеры бывших трупп «Сайяр», «Нур». Например, в 1919 г. в Казани были поставлены лишь три новых спектакля по драмам Ш.Усманова «Первый шаг» и «Кровавые дни», а также по пьесе К.Тинчурина «Юсуф и Зулейха»¹¹⁶.

Культурно-массовые мероприятия организовывались Политотделом Центральной мусульманской военной коллегии. Активным участником этих концертов был и художник Б.Урманче, заведовавший в 1919 г. секцией изоискусства этой организации. Он прекрасно исполнял народные песни, а аккомпанировали ему музыканты С.Сайдашев и Г.Зайпин. Во время своей учебы во ВХУТЕМАСе в 1920–1926 гг. Б.Урманче оставался одним из организаторов и участников концертов «восточной музыки». По признанию самого Урманче, в эти годы его знали в Москве больше как певца, чем художника¹¹⁷.

Уже с 1918 г. татарские культурно-массовые мероприятия, в особенности, литературно-музыкальные постановки стали важной частью советской агитационной машины. «... *Перед каждым нашим представлением выступал штатный агитатор или наш руководитель, рассказывали о текущем моменте, о делах на других фронтах, главное о целях и задачах нашей Красной Армии...*, –

¹¹⁵ Гайнетдинов А.М. Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә сакланучы афишалар. Казан, 2016. Б.6.

¹¹⁶ Репертуар Татарского академического театра имени Галиасгара Камала... С.10.

¹¹⁷ Монасыпов Ш. Б.Урманче и татарская музыка // Искусство, рожденное Октябрем (О творчестве народного художника Татарии Б.Урманче). Казань, 1989. С.57.

вспоминала участница Гражданской войны М.Ш. Зайнуллина. – Ставились спектакли «Женитьба» Гоголя, «Денщик Гали», исполняли мы песни, тогда еще пели «Марсельезу», интернационал, песни Д.Бедного, «Варшавянку», «Смело товарищи в ногу» и другие татарские песни». Некоторые татарские песни переделывались на новый лад. Например, среди них встречались такие:

*Сандугач, кучерчен [күгәрчен],
Колчак кача куремсен [күрмәсен]!*

*Тау астиндан [астында] салкын чишлэ [чишмә],
Чылтар, чылтар агадыр,
Алга омтыр, шатлан дуслар
Колчак качык [качып] барадыр!¹¹⁸*

Позднее культмассовые мероприятия, помимо агитации за новый социальный строй, имели целью антирелигиозную пропаганду. В частности, советские восточные вечера «нацменов» специально противопоставлялись отдельным религиозным праздникам мусульман – Курбан-байраму, Рамазану и т.д. (впрочем, в той же манере устраивались и «Комсомольские пасхи» для бывшей православной молодежи). Татарские театральные труппы, получившие государственный статус, подключились к этой пропагандистской работе, в сущности, продолжив сложившуюся еще в начале XX в. традицию – высмеивания консервативных взглядов, фанатичных мулл, аморальных богачей и т.д.

Между тем, многие из нового поколения представителей татарской культуры раскрыли свой творческий потенциал уже при советской власти. В первую очередь, это касалось музыкального искусства. Вниманию публики были представлены авторские романсы, музыкальные спектакли, а в 1920-е годы – даже первая опера. Народные песни и мелодии в этот период были переложены на ноты. Вместе с новым музыкальным оформлением менялась и эстетика татарского театра, на авансцену были выдвинуты поющие главные герои. Музыкальные спектакли, в том числе на основе народных песен («Галиябану», «Башмачки» и др.), надолго стали визитной карточкой национального театра.

Но в дальнейшем оба направления развития татарской культуры – и развлекательное, и просветительское – были вытеснены курсом на пропаганду, что было неизбежно при новой власти.

¹¹⁸ ГА РТ. Ф.П–30. Оп.3. Д.1184. Л.10.

ГЛАВА 3

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

- 3.1. *«Санитарное состояние города в последнее время крайне неудовлетворительно...» (экологическая культура Казанской губернии в эпоху революции).*
- 3.2. *«...Пироговский съезд врачей решил класть в спирт синьку и керосин» (медицинская культура жителей Казанской губернии в годы Первой мировой войны и революции).*
- 3.3. *«Воинские части могут помешать правильному ходу выборов ...» (правовая культура населения Поволжья в эпоху революции).*
- 3.4. *«...Эти обстоятельства открывают путь к пониманию всего безобразия происходящего» (культура общения жителей Казанской губернии в начале XX века).*

3.1. «Санитарное состояние города в последнее время крайне неудовлетворительно...» (экологическая культура Казанской губернии в эпоху революции)¹

Великая российская революция привела к глубоким преобразованиям не только в области политики, экономики и культуры: помимо них серьезным изменениям подвергся такой важный аспект общественной жизни, как взаимодействие с окружающей средой. Стремительный переход в руки крестьян обширных земельных угодий, ранее принадлежавших государству и помещикам, в сочетании с острой нехваткой продовольствия способствовал усиленной эксплуатации природных ресурсов, неумеренным вырубкам лесов и охоте на диких животных. В связи с Первой мировой и последовавшей за ней Гражданской войной вопросы промышленности и городской санитарии на долгое время потеряли свою актуальность в глазах современников, что также имело негативные с экологической точки зрения последствия.

¹ Автор благодарит Энди Бруно, профессора Университета Северного Иллинойса в Урбана-Шампейне (США), за помощь в работе над разделом.

Факторы окружающей среды находились также и «по ту сторону» революции: несправедливое распределение прав на использование земельных угодий, антисанитарные условия проживания в рабочих кварталах, неблагоприятная экологическая ситуация вокруг крупных заводов и фабрик – все это вносило значительный вклад в углубление конфликта между различными социальными группами российского общества.

Великая российская революция, таким образом, предстает как глубоко «экологическое» по своему характеру событие, и историко-экологический подход, крайне редко применявшийся в ее изучении, способен существенно расширить существующие представления о причинах и последствиях событий 1917 г. С позиций экологической истории революция впервые была рассмотрена американскими исследователями, чьи работы по-прежнему остаются, фактически, единственными в этой области. В 2000 г. вышла в свет монография Дугласа Винера, где в одном из разделов («Охрана окружающей среды и революция») автор предпринял первую попытку проследить особенности экологической политики молодого Советского государства². Вслед за ней были опубликованы исследования Брайанна Бонома, посвященные постреволюционному лесному хозяйству³: согласно его выводам, охрана лесов в первые годы советской власти основывалась на прежних «царских» принципах, и влекла за собой едва ли не столь же активное противодействие со стороны крестьян, которые видели в консервационистской деятельности ущемление своих прав, обещанных самими большевиками. Как «непримиримых врагов» описывает леса и революцию Стивен Брэнн, посвятивший экологической истории революционных событий главу своей книги о российском лесохозяйстве в 1905–1953 гг.⁴: леса предстают здесь как «наследственные монархи природы, воплощение консерватизма в ландшафте»⁵, резко контрастирующая с революционным хаосом.

² *Weiner D. Models of nature. Ecology, conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburgh, 2000. P.19–31.* Вопреки ожиданиям, охрана окружающей среды в Советской России 1920-х гг., по мнению автора, во многих отношениях превосходила таковую в царской России.

³ *Bonhomme B. Forests, peasants, and revolutionaries: forest conservation and organization in Soviet Russia. Boulder, 2005; Idem. A Revolution in the forests? Forest conservation in Soviet Russia, 1917–1925 // Environmental history. Vol. 7(3). P.411–434.*

⁴ *Brain S. Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, 2011.*

⁵ *Ibid. P.54.*

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Названные исследования, однако, рассматривают взаимодействие общества и природы в эпоху Российской революции в широком масштабе, преимущественно освещая вопросы государственной политики в отношении охраны окружающей среды и биологических ресурсов. За их рамками неизбежно остался ряд существенных вопросов, связанных, в частности, с промышленной экологией, городской санитарией, и, главное, с повседневными практиками населения страны, которые оказывали существенное влияние на природное окружение и также значительно изменились после 1917 г.

Исследуя экологическую историю революции на пространстве Казанской губернии, необходимо уделить внимание тем вопросам, которые имеют наибольшее значение с позиций региональной истории. Весьма важную роль играло изменение регламентации потребления природных ресурсов широкими массами крестьянского населения: хотя этот процесс происходил на всей территории Российского государства, он приобретал здесь особую специфику, связанную с географическими и социально-политическими особенностями региона. Кроме того, исследователи часто обходили вниманием проблемы загрязнения окружающей среды, которые также являлись конфликтогенным фактором в дореволюционном российском обществе.

Как и во всем мире, в Казанской губернии загрязнение окружающей среды в начале XX в. состояло из двух ключевых компонентов, обозначенных французскими исследователями как *pollution microbienne* и *pollution industrielle*⁶. Причиной первого вида загрязнения были бытовые отходы, нечистоты органического характера, заражавшие воздух, почву и источники питьевой воды. Во многих российских городах, и в том числе в Казани, это явление наиболее ярко проявляло себя на рубеже XIX–XX вв., когда городская инфраструктура не справлялась с нагрузкой резко увеличивавшегося в результате урбанизации населения. *Pollution industrielle* представляло собой менее распространенную экологическую проблему для России в эпоху революции: оно было вызвано отбросами промышленных производств минерального и химического происхождения (нефть, продукты сгорания применявшихся в производстве веществ, побочные продукты заводов и фабрик, и т.д.). Такого рода загрязнение встречалось реже и в

⁶ Le Roy Ladurie E. Un concept: L'unification microbienne du monde (XIVe – XVIIe siècles). Geneva, 1973. P.627–696; Goubert J.-P. Environnement et urbanisation: Rapport General // Sixieme Congres international d'histoire economique, Copenhagen 19–23 aout 1974. Copenhagen, 1974. P.59–69.

основном сопровождало довольно крупные предприятия, однако его результаты были более ярко выражены и обычно вызывали большее недовольство со стороны горожан. Даже если опасные производства применяли известные на тот момент очистные сооружения (а это встречалось крайне редко), они не улучшали условий труда внутри заводских цехов, что нередко провоцировало конфликты между трудящимися и работодателями.

Накануне революции Казань являлась одним из важных промышленных центров Российской империи. С середины XIX столетия здесь работал ряд крупных заводов и фабрик, которые составляли основу промышленного потенциала Среднего Поволжья, а в отдельных отраслях – и всего государства. Важным поставщиком амуниции для российской армии были суконные и кожевенные фабрики И.И. Алафузова, располагавшиеся в Адмиралтейской слободе. Треть всех российских свечей, олеина и глицерина в 90-е гг. XIX в. производилась на заводе братьев Крестовниковых в Казани⁷.

Однако регион должен был платить достаточно высокую цену за наличие крупных промышленных предприятий на его территории: рабочее движение и ухудшение санитарно-экологической обстановки были почти неизбежными спутниками их деятельности накануне революционных событий. Заводы Крестовниковых и И.И. Алафузова нередко становились причиной длительных разбирательств по поводу порчи воды в водоемах – озере Кабан и реке Казанке⁸, но вопрос об их санитарном состоянии является дискуссионным: промышленность вносила свой вклад не только в загрязнение окружающей среды, но и в совершенствование городской инфраструктуры⁹ (кроме того, вред от промышленных предприятий иногда мог меркнуть в сравнении с объемами бытового загрязнения).

В начале XX в., когда признаки приближающегося политического кризиса становились все более заметными, промышленное загрязнение в Казани стало одним из наиболее острых вопросов, который обсуждался на всероссийском уровне. Однако причиной

⁷ Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени М.-Н. Вахитова (1855–1945). Казань, 1950. С.68.

⁸ ГА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.31282; Виноградов А.В. К вопросу об экологическом состоянии завода бр. Крестовниковых в Казани (вторая половина XIX в.) // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее. Материалы VI Международных Стахеевских чтений. Елабуга, 2013. С.58–60.

⁹ Фан-Юнг Г.Ю. Становление и развитие крупных промышленных предприятий в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков (на примере казанского стеариново-мыловаренного завода братьев Крестовниковых). Дисс. ... к.и.н. Казань, 2016. С.136.

ухудшения экологической обстановки, которое подчеркнуло неразрешимые противоречия между общественностью и государством, стали не промышленные гиганты, а относительно небольшое химическое предприятие. Оно было основано в 1894 г. елабужскими промышленниками Ушковыми и предназначено для выпуска серной кислоты, необходимой соседнему Пороховому заводу¹⁰. Открытие производства какого бы то ни было химического реагента требовало особого разрешения от губернских органов власти, но довольно скоро, безо всякого согласования, промышленники запустили несколько новых нелегальных производств, которые и вызвали бурное общественное недовольство. Кроме серной кислоты, завод начал выпускать сульфат натрия, соляную кислоту и хлорную известь.

При изготовлении всех этих веществ в атмосферу выделялось значительное количество хлороводорода, весьма токсичного газа, который был опасен для людей, животных, растений и даже имущества горожан. Соприкасаясь с влажной поверхностью человеческих глаз и дыхательных путей, он способствовал образованию соляной кислоты, что вызывало, в лучшем случае, раздражение покровов, а в худшем – серьезные хронические заболевания. Та же химическая реакция уничтожала листву на плодовых и лесных деревьях, приводила к смерти пчел, куриц, иногда – домашних животных. Железные крыши домов, окружавших завод, приходилось чинить ежегодно; окна чернели, бронзовые предметы и телеграфные провода приобретали неестественный оттенок.

Но наибольший интерес в этом случае вызывают не сами экологические последствия деятельности химического завода Ушковых, а реакция на них со стороны различных социальных акторов: горожан, местного самоуправления, губернских властей и высшей власти Российской империи, которая (в «лице» Министерства внутренних дел и Правительствующего Сената) также принимала участие в разрешении конфликта. Поскольку в России начала XX столетия еще не существовало хорошо проработанного санитарного или экологического законодательства, возникшая кризисная ситуация не имела готовых решений, и жители Казани могли исходить лишь из собственных представлений о социальной справедливости. Является ли допустимым обмен здоровья одних людей на коммерческую прибыль других? Чью сторону должно занимать правосудие в аналогичных ситуациях – государства или граждан? Безусловно, эти вопросы имели актуальность не только

¹⁰ РГИА. Ф.23. Оп.17. Д.160.

для жителей города в связи с экологическими проблемами вокруг завода Ушковых, но и для всего российского общества, стоявшего на пороге революционных потрясений.

Разбирательство началось в июне 1900 г. с жалобы, поданной жителями Малой Игумновой слободы в Санитарно-исполнительную комиссию Казанской городской управы. В ней говорилось: «Выделяемые газы не только приносят постоянный нашему здоровью вред, но и наши сады и крыши все испорчены, а Городской лес близ этого завода начал уже сохнуть и портиться. О санитарном благоустройстве и опасности в пожарном отношении мы уже не говорим. Покорнейше просим возможно скорее принять все зависящие меры к устранению вреда от завода»¹¹. Проведенный вскоре осмотр предприятия показал, что претензии горожан были вполне обоснованны, причем все неудобства были вызваны теми видами производств, на которые завод не имел разрешения. Соответствующее прошение с просьбой немедленно прекратить их было направлено членами Управы в Строительное отделение Казанского губернского правления.

Немаловажно, что в числе подписавших прошение экспертов и активных борцов за чистоту воздуха был Иван Васильевич Годнев, казанский гражданин, медик и общественный деятель. С 1907 по 1917 г. он был депутатом III и IV созывов Государственной Думы Российской империи, где участвовал во фракции «Союза 17 октября» и работал товарищем председателя Комиссии о народном здравии. В июле 1917 г. И.В. Годнев вошел в состав Временного правительства в должности государственного контролера, где пробыл вплоть до Октябрьского переворота.

Впрочем, участие в разбирательстве политика столь высокого уровня не принесло жителям Игумновых слобод желаемых результатов. Почти сразу Казанское губернское правление начало проводить протекционистскую политику в отношении завода, утверждая, что производство «устроено с такими усовершенствованными техническими приспособлениями, при которых сульфатный завод не может оказывать какого-либо вредного воздействия на людей или чистоту воздуха и воды»¹². Подобные заявления, однако, сопровождались непрекращающимся потоком жалоб на завод со стороны горожан, в которых аргументированно доказывалось, что ни одно другое предприятие в городе не способно вызвать столь серьезное загрязнение окружающей среды.

¹¹ ГА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.27. Л.1.

¹² ГА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.27. Л.12об.

Когда неэффективность диалога между городским самоуправлением и губернской властью по вопросам охраны окружающей среды стала очевидной, городской голова А.А. Лебедев направил письма в Правительствующий Сенат и Министерство внутренних дел по поводу экологической ситуации в Казани. В них утверждалось, что Губернское правление намеренно использует пробелы в российских санитарных и фабричных законах, и, хотя уверяет, что ведет надзор за заводом, надзор этот непрозрачен и не может служить гарантией безвредности производства¹³.

Министерство внутренних дел сравнительно быстро отреагировало на это обращение, издав указ о запрещении Товариществу вредного производства в Казани¹⁴. Существенно большее время потребовалось для решения Правительствующему Сенату – оно увидело свет лишь в 1906 г., в разгар Первой российской революции. В постановлении говорилось: *«Положение дел, несомненно, обязывало губернское начальство, не ограничиваясь лишь некоторыми указанными (мерами – прим. А.В.), выработать, при содействии сведущих людей, целый ряд точно определенных мер, выполнение которых оградило бы в должной мере жителей... от вредного влияния сульфатного производства на заводе Ушкова. Между тем, Казанское губернское правление... разрешило сульфатное производство. Правительствующий Сенат определяет: постановление Казанского губернского правления отменить, постановить новое определение на точном основании приведенных выше указаний»*¹⁵.

Можно предположить, что подобное решение было продиктовано политической ситуацией в стране и призвано было повысить престиж власти среди населения одного из крупных провинциальных городов Российской империи. Тем не менее, Казанское губернское правление не отступило даже перед Правительствующим Сенатом: запретив производство на непродолжительный срок, чтобы дожидаться спада недовольства, оно вскоре опять разрешило его ввиду неких вновь открывшихся обстоятельств, представленных рядом ученых-экспертов¹⁶. Горожанам не помогла и повторная апелляция, результаты которой были аналогичными: в 1911 г. вредное химическое производство в очередной раз было запрещено, а потом разрешено под видом эксперимента. Его итоги были подведены в январе 1912 г. Согласно медицинской стати-

¹³ ГА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.27. Л.63–64.

¹⁴ РГИА. Ф.1287. Оп.41. Д.1458.

¹⁵ ГА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.27. Л.110об.

¹⁶ ГА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.27. Л.130–131.

стике, собранной думским врачом А.О. Рясенцевым, заболеваемость жителей Большой Игумновой слободы бронхитом, ларингитом, болезнями глаз и дыхательных путей была до двух раз выше, чем в Адмиралтейской слободе (при этом последняя располагалась не настолько далеко от завода, чтобы его действие могло совершенно не ощущаться)¹⁷. Полученные результаты, однако, были истолкованы врачом своеобразно: поскольку в течение нескольких месяцев перед исследованием производство не функционировало ввиду повторного запрета от Правительствующего Сената, оно не могло быть причиной страданий горожан. Версия о том, что предшествующие годы активного загрязнения окружающей среды могли стать причиной хронических болезней, по-видимому, им не рассматривалась.

Основываясь на данных А.О. Рясенцева и других лояльных к промышленникам экспертов, Казанское губернское правление не нашло оснований для ограничения химического производства, которое впоследствии продолжало функционировать еще несколько лет. Жалобы жителей и апелляции со стороны местного самоуправления на этом прекратились, но натяжки и противоречия в финальном рассмотрении дела позволяют предположить, что причиной тому было не столько улучшение экологической ситуации, сколько разочарование казанцев в легальных методах борьбы за свои законные права.

Это обстоятельство имело большое значение для последующих революционных событий, в которых Казань сыграла заметную роль. Отношение властей Казанской губернии к проблемам промышленного загрязнения не было типичным для всей Российской империи исследуемой эпохи: так, например, Петроковское губернское правление с 1876 по 1894 г. само инициировало разбирательства с промышленниками по поводу порчи воздуха и воды, а в 1906 г. в Министерство внутренних дел поступила жалоба костромских промышленников, которые искали защиты от «санитарного произвола» полиции и местных чиновников¹⁸. В Казани же диалог между властью и зарождавшимся гражданским обществом по вопросам охраны окружающей среды так и не состоялся по вине региональных властей, при благосклонной позиции высших органов власти.

Завод Товарищества «Ушков и К^о» в Казани прекратил свое существование в 1917 г., но не в связи с политическими потрясе-

¹⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.3. Д.2716. Л.48.

¹⁸ Хлопин Г.В. Химическая промышленность и народное здоровье. Очерки из области профессиональной гигиены. Очерк 1. Петроград, 1920. С.59–60, 70.

ниями: 14 августа на соседнем Пороховом заводе начался пожар, печально известный под названием «Казанская катастрофа». Продолжавшийся, по меньшей мере, в течение 10 дней, он унес жизни более 20 человек и вызвал панику среди горожан, многие из которых бежали из города. Пожар на Пороховом заводе стал заметным событием в общероссийском масштабе: комиссия по расследованию происшествия была собрана лично А.Ф. Керенским, а генерал Л.Г. Корнилов объявил, что пожар произошел при несомненном участии германских агентов. Неудивительно, что в сложившейся ситуации не шло и речи об экологических последствиях катастрофы, хотя они, по-видимому, были велики: помимо 12 000 пулеметов, миллиона снарядов и более 500 зданий, было уничтожено также почти 30 000 тонн нефти в цистернах, стоявших на берегу реки Казанки. Независимо от того, куда в результате попала нефть – в атмосферу или водоемы – это должно было иметь серьезные последствия для экосистемы.

Будучи одним из ключевых предприятий военно-промышленного комплекса, Пороховой завод вскоре был восстановлен, в отличие от частного химического завода Ушковых. Многолетнее химическое загрязнение воздуха в Большой Игумновой слободе на этом прекратилось.

Однако необходимо учитывать, что промышленность не была единственным виновником ухудшения экологической ситуации в городе: многие проблемы были вызваны самими горожанами, которые утилизировали свои бытовые отходы весьма опасными, негигиеничными способами. От нескончаемого потока нечистот страдали практически все городские водоемы – озеро Кабан, Черное озеро, протока Булак, река Казанка и многие другие – которые, в то же время, служили источником воды для пищевых и технических нужд.

Непригодная для питья вода была причиной крайне высокой заболеваемости и смертности, вспышек эпидемий различных смертельных заболеваний, включая холеру, которая унесла жизни многих казанских горожан. Подобный экологический кризис произошел вследствие быстрых темпов роста городского населения, свойственных эпохе промышленного переворота. Приезжая в город из сельской местности, люди долгое время стремились вести привычный образ жизни, включающий традиционные практики обращения с мусором и бытовыми нечистотами; кроме того, городской инфраструктуре требовалось длительное время, чтобы приспособиться под нужды времени. Закономерно, что переход-

ный период был достаточно трудным как для граждан, так и для властей, которые отвечали за благоустройство.

Бытовое загрязнение в городах предреволюционной России и борьба с ним достаточно подробно изучены российскими исследователями, в том числе и на примере Казанской губернии¹⁹. С точки зрения роли факторов окружающей среды в истории Российской революции более важным представляется то, что не все жители города одинаково страдали от неблагоприятной санитарной обстановки и были подвержены связанным с ней опасностям: распределение нечистот имело важный социальный подтекст, отражавший взаимоотношения между различными группами населения. Их распределение от окраин к центру города по мере роста уровня обеспеченности было свойственно, за редким исключением, всем промышленным центрам, однако в Казани ситуация осложнялась в связи с рельефом территории. К концу XIX столетия город располагался на нескольких холмах (Кремлёвском, Марусовском, Федосеевском и др.), разделенных водоемами и глубокими оврагами, куда шел поток нечистот с возвышенных территорий. С двух сторон город омывался реками Волгой и Казанкой, поймы которых традиционно использовались в качестве мест утилизации мусора, хотя впоследствии разливы рек перестали справляться с возложенной на них нагрузкой. Тем не менее, рост спроса на землю и жилье в Казани привел к тому, что даже самые неблагоприятные для жизни участки были застроены жилыми кварталами, тогда как возвышенные территории превратились в места проживания наиболее обеспеченных мещан, купцов, дворян и духовенства. В предшествующие революции десятилетия представители власти не только рассматривали подобную социальную сегрегацию как должное, но и поощряли ее законодательно: так, например, малообеспеченным горожанам было запрещено занимать земельные участки и строить жилье в Красной слободе, располагавшейся на обширной и сухой возвышенности. Согласно распоряжению городского главы и плану преобразования Казани губернского архитектора Ф.И. Петонди, неимущих горожан стали принудительно выселять оттуда в намного менее благоприятные места²⁰.

¹⁹ Вишленкова Е.А. Не пей воду из Кабана! Экологический кризис в Казани XIX века // Родина. 2005. №8. С.95; Мингазова Н.М. Казанские озера (исторический обзор). Казань, 1989; Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. Казань, 2001.

²⁰ Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001. С.91.

При этом необходимо учитывать, что именно в нездоровых, низменных районах население достигало своей наивысшей концентрации, поскольку богатые домохозяйства имели большую площадь. Окраины города государством контролировались слабо, что приводило к стихийной застройке и формированию трущоб, где антисанитария росла соизмеримо с преступностью и недовольством в отношении действовавшей власти. Корреспондент газеты «Казанский биржевой листок» так описывал процесс заселения казанских окраин: *«Прибывший из деревни безземельный крестьянин или отставной солдат... роет себе землянку и проживает в ней, пользуясь заработками, даваемыми ему городом; через год-другой он выдвигает свою землянку наружу, кое-как сбивает из досок или бревешек стенки и покрывает тесом либо лубком, далее обносит свой двор тыном. Около этого нового домовладельца вскоре непременно является другой, затем третий и наконец нежданно-негаданно является на свет Божий целый квартал с кривыми переулками, закоулками, с пустою незаселенной землей внутри, куда пробраться никак нельзя... Собственники зачастую вводятся во владение по давности»*²¹. Хотя заметка была опубликована в 1889 г., она позволяет судить о состоянии прелетарских кварталов города вплоть до революции 1917 г.

Безусловно, городские власти предпринимали необходимые усилия по обеспечению населения водой надлежащего качества и стремились наладить систему вывоза отходов, но для многих горожан эти услуги стали доступными лишь в годы советской власти. Так, например, еще в 1874 г. в Казани появился водопровод, снабжавший город водой из родников близ деревни Пановки, однако значительная часть жителей продолжала брать воду из колодцев, не имея средств (или не желая) платить за сравнительно дорогую водопроводную воду. Стремясь подтолкнуть казанцев к использованию водопровода, власти постановили закрыть значительное количество колодцев в городе, но в результате ситуация только ухудшилась, поскольку беднота начала потреблять еще менее пригодную воду из открытых водоемов. Столь же непопулярны по причине высокой цены на услуги оставались «чистоделы» – люди, вывозившие в бочках бытовые отходы в специально отведенные места. Как ни парадоксально, целенаправленная деятельность городского самоуправления по улучшению санитарной обстановки не только привела к противоположному результату, но и лишь способствовала углублению противоречий между «верхами» и «низами» города.

²¹ Казанский биржевой листок. 5 февраля 1889 г. №29. С.3.

После революции советские организации, ответственные за городское благоустройство, видели причины многих своих проблем в наследии царской России, где не уделялось достаточного внимания содержанию пролетарских районов. В одном из отчетов Казанского городского отдела коммунального хозяйства говорилось: *«в Забулачье, в Суконной, Засыпкиной, Ягодной, Адмиралтейской слободах население вымирало, и окраины Казани совсем бы опустели, если бы население вовремя не восполнялось притоком людей со стороны деревни. В противоположность окраинам, верхняя часть города «процветала». Широкие улицы покрывались торцовыми мостовыми, по сторонам прокапывались у деревянных тротуаров канавы, садились липки, березки»*²². В то же время, нельзя не учитывать, что контраст в благоустройстве между центральными и окраинными районами города во многом происходил из различий в уровне культуры их населения. В связи с довольно низким уровнем экологической культуры, подавляющее большинство горожан проявляли полное безразличие к решению санитарных и гигиенических проблем. К примеру, Казанская городская дума неоднократно поднимала вопрос о расселении жилых кварталов, попадающих под затопление во время весеннего разлива. Когда, наконец, был решен вопрос о безвозмездном выделении земли для этих целей, на вопрос гласных Думы: *«Не желаете ли вы оставить занимаемые вами места и перенести строения на более удобные городские, которые будут отдаваться без пошлин?»*, домовладельцы единогласно ответили отказом²³. Аналогичную пассивность горожане проявляли в вопросе мощения улиц, на состояние которых они часто жаловались: когда городские власти предложили собрать от 10 до 20 камней от одного домовладения для строительства мостовых, они получили всего 400 камней со всего города²⁴.

Недовольство городских жителей, подогреваемое, в том числе, неблагоприятной санитарно-экологической обстановкой, имело большое значение для Российской революции. Именно в крупных городах, больших промышленных центрах назревало революционное движение, которое впоследствии привело к Октябрьскому перевороту. Однако достаточно большой в этом процессе была и роль крестьян, недовольных существовавшей системой взаимодействия с государством и крупными землевладельцами. Поскольку проблемы промышленного и бытового загрязнения

²² ГА РТ. Ф.1130. Оп.1. Д.295. Л.17.

²³ ГА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.3166. Л.12–12об.

²⁴ Начало попыток благоустройства г. Казани // Казанский биржевой листок. 1889 г. №12. С.3.

обычно не были актуальны в сельской местности, здесь социальные противоречия чаще основывались на распределении природных ресурсов. Вместе с ростом населения их дефицит становился все более выраженным, а властная регламентация потребления – более суровой.

Главным биологическим ресурсом дореволюционной эпохи и ранних советских лет был лес, наиболее распространенный строительный материал и вид топлива. Долгое время Казанская губерния считалась одним из лесистых регионов европейской России, и, в отличие от многих других губерний, соединяла в себе различные типы лесов: от тайги на севере до лиственных лесов вдоль реки Камы и южнее. Корабельные дубовые леса стали редкими еще в XVIII в., в период существования Казанского Адмиралтейства; к концу же XIX столетия в отдельных уездах даже самые дешевые виды дерева стали большим дефицитом. Причиной тому было нерасчетливое потребление леса и слабый государственный контроль над ним в течение предшествующих десятилетий: в отдельные периоды губерния ежегодно лишалась более 26 тысяч гектаров лесных площадей²⁵.

Стремясь оградить леса от чрезмерных порубок, государство разделило их на несколько категорий, важнейшими из которых были частные, казенные (государственные) и крестьянские, принадлежавшие общине. Последние вырубались наиболее активно вследствие феномена, известного как «трагедия общинных ресурсов»: в условиях коллективного пользования в выигрыше оказывались те, кто успевал получить большую долю от общего ресурса, тогда как последствия его дефицита сказывались на всей общине одинаково²⁶. Сложнее обстояли дела с частными и государственными лесами – их использование было строго регламентировано, и нарушение установленных правил каралось в соответствии с законом.

Несмотря на это, сдерживать крестьянское наступление на леса, «воплощение консерватизма в ландшафте» по словам Стивена Брэйна²⁷, было крайне трудно в силу того, что они не признавали чью бы то ни было собственность на природные блага, кроме общественной. Законные запреты на порубки в лесах, принадлежавших частным лицам, воспринимались крестьянами как несправедливое нарушение их неотъемлемых прав. В начале XX столетия

²⁵ Голубев П. Кустарные промыслы в Казанской губернии. Казань, 1886. 58 с.

²⁶ Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. № 3859. P.1243–1248.

²⁷ Brain S. Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, 2011. P.54.

А.Ф. Рудзкий, профессор Санкт-Петербургского лесного института, указывал, что «тот же самый крестьянин, который неспособен присвоить себе чужой грош, чужую копну сена или чужой хомут, нисколько не стесняется вырубить в чужом лесу жердь или бревно»²⁸. Как следствие, рубки частных лесов, принадлежавших помещикам и другим крупным землевладельцам, часто использовались крестьянами как своеобразная форма социального протеста.

Несколько более лояльным было отношение крестьянства к казенным лесам, поскольку они, во-первых, охранялись более строго, и, во-вторых, главными виновниками бед простого народа чаще представлялись дворяне, помещики и купцы, а не высшая власть в лице царя. Характерный случай описывал Д.И. Стахеев, уроженец сопредельной Вятской губернии, в своем рассказе «Лесопромышленники». Проезжая вместе с крестьянином-извозчиком по казенному лесу, автор, ведущий повествование от своего имени, увидел множество деревьев, сломанных недавним ураганом. Зная, что местные жители страдают от недостатка древесины, он спросил у крестьянина, почему лес до сих пор не убран – упавшие деревья еще могли пойти в дело, а если бы они начали гнить, то здоровый лес мог сгнить вслед за ними. Показателен ответ крестьянина: «Може, и сгниет... Казенный ведь!». Погибающие без должного ухода казенные и частновладельческие леса на фоне острого дефицита древесины в сельской местности были в предреволюционной России достаточно распространенным явлением, которое, безусловно, не могло способствовать росту авторитета императорской власти в глазах населения.

Русская революция стала пиком не только социальной напряженности, но и бесконтрольного использования природных ресурсов, которое привело к весьма тяжелым последствиям для окружающей среды. В связи с началом Первой мировой войны в стране обозначилась острая нехватка продовольственных товаров, что незамедлительно сказалось на масштабах рубки лесов и охоты на диких животных, а последовавшая за этим Гражданская война лишь усугубила ситуацию. По подсчетам М.А. Цветкова²⁹, к 1914 г. рубки лесов в Казанской губернии достигли своего абсолютного исторического максимума, доведя процент лесистости до 29%.

²⁸ Агафонова А.Б. Идея справедливого распределения лесных ресурсов и их эксплуатация в Вологодской и Новгородской губерниях в последней трети XIX – начале XX вв. // Проблемы социальной справедливости и современность. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Череповец, 2014. С.97.

²⁹ Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С.90–94.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Глубокий экономический кризис, а впоследствии голод, разразившийся в Поволжье в 1921 г., сняли все рациональные ограничения на охоту. Хотя проследить историческую динамику численности диких животных довольно трудно, Л.М.Баскину и А.В.Прищепову удалось собрать примерную статистику численности лосей на территории современного Татарстана в период с 1700 по 2007 г. Она показывает, что еще в 1910 г. на одном гектаре земли можно было встретить около трех представителей этого вида, а 10 лет спустя их не осталось вовсе. После столь серьезного потрясения популяция лосей начала восстанавливаться в республике только к середине XX столетия³⁰.

В годы революции существенно пострадала также и городская среда, забота о которой на долгое время исчезла с повестки дня. Проблемы, которые были свойственны Казани еще в XIX в., стали намного более выраженными: выгребные ямы не очищались, помещения отапливались редко и слабо (по всей видимости, из-за нехватки дров), уборка общественных мест проводилась плохо. Все это влияло на здоровье местных жителей, и прежде всего детей, среди которых начали распространяться многие инфекционные заболевания³¹. 13 августа 1917 г. состоялось особое совещание при Казанском губернском комиссаре по вопросам упорядочения санитарной стороны торговли съестными припасами и пищевыми продуктами, в материалах которого говорилось: *«Санитарное состояние города в последнее время, мягко выражаясь, крайне неудовлетворительно, и неблагополучие это далеко не выражается лишь в недостаточности надзора за качеством продаваемых съестных продуктов около вокзала и пристаней, сколько-нибудь систематического надзора нет ни на вокзале, ни на пристанях, ни на рынках города, ни в ресторанах, ни в трактирах, ни в столовых, ни в местах приготовления и продажи пищевых продуктов, да и вообще санитарного надзора в городе нет»*³². По характеристике санитарного врача, состояние города было ниже всякой критики, что выражалось в загрязнении почвы из выгребных ям, площадей и рынков бытовым мусором. Очистка города была невозможной из-за недостатка средств у Городской управы³³.

³⁰ Баскин Л.М., Прищепов А.В. Динамика популяций лося (*Alces alces*) в Поволжье // Поволжский экологический журнал. 2011. №2. С.219.

³¹ Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р.Габдрафиковой. Казань, 2017. С.313.

³² ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.212.

³³ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.25. Л.212об.

Тем не менее, нельзя рассматривать революцию как сугубо негативное с экологической точки зрения явление. Только при советской власти, в 1928 г., в Казани началось строительство канализации, хотя необходимость в ней назрела гораздо раньше. На протяжении XX столетия, в связи с индустриализацией и развитием нефтяной промышленности, снизилась нагрузка на природные ресурсы, что позволило приостановить темпы обезлесения и несколько увеличить количество лесов в республике. После революции в регионе началась целенаправленная работа по охране окружающей среды и диких животных – в частности, были реинтродуцированы те их виды, которые некогда были полностью истреблены в Казанской губернии, включая бобров. Экологическая обстановка вокруг промышленных предприятий по-прежнему вызывает беспокойство горожан, но ситуации, подобные той, что сложилась вокруг Казанского химического завода Товарищества «Ушков и К^о», теперь вряд ли возможны. В этой связи, революцию 1917 г. можно рассматривать как революцию во взаимодействии между человеком и природой, которая, невзирая на тяжелые кризисные годы, в результате вывела их на новый уровень.

3.2. «...Пироговский съезд врачей решил класть в спирт синьку и керосин» (медицинская культура жителей Казанской губернии в годы Первой мировой войны и революции)

Медицинская культура является важной составляющей культуры в целом, она определяет качество жизни, взаимоотношения между людьми (врач и пациент, больной и его близкое окружение) и самое главное отношение человека к себе, к собственному здоровью. Это понятие близко по своему содержанию с термином «медицинализация», который охватывает инфраструктурное развитие медицины и вовлеченность индивида в сферу научных медицинских знаний. Вместе с тем данный вид культуры включает в себя биоэтику, это направление науки входит в обязательную программу подготовки современных врачей. Медицинская культура близка и к экологической культуре, но обращена она не столько на окружающую среду, а на самого человека.

Специалисты выделяют несколько уровней медицинской культуры. Например, в зависимости от её носителей она может подразделяться на профессиональную и обыденную. Еще в середине

XX в. понятие «медицинская культура» употреблялось только в контексте профессиональной этики врачей и других медработников. *«Медицинская культура – понятие комплексное, оно складывается из очень и очень многих элементов. Тут, в первую очередь, и высокое мастерство врача, его любовное, внимательное и вдумчивое отношение к больному, тут и тщательный и в то же время вежливый уход сестры и санитарки, здесь же организованность и слаженность всего коллектива и умение предусмотреть все удобства для больного и создать ему необходимый комфорт и уют»,* – писал заслуженный врач Марийской АССР Фаддей Мартынович Контский³⁴. Его книга «Врач и больной» о культуре поведения врачей выдержала в 1950–1960-е гг. несколько изданий. Начиная свою карьеру в качестве земского врача Казанской губернии.

Сегодня медицинская культура, кроме профессиональной, включает обыденную и индивидуальную. *«Массовая медицинская культура во все исторические эпохи является формой общественного сознания и практической деятельности людей, отражающей в упрощенной и видоизмененной форме профессиональные медицинские знания о видах и причинах различных заболеваний, методах их лечения и предупреждения, о медицинских работниках, системе здравоохранения и охраны здоровья граждан и т.д.»* – отмечает М.Н. Жарова³⁵.

Медицинская культура привлекает нас, прежде всего, как один из маркеров общественного сознания. Годы Первой мировой войны и эпоха революции сделали проблемы медицины актуальными как никогда, выдвинув на первый план вопросы жизни и смерти человека. Это способствовало и трансформации обыденных представлений о медицине. Обществом все яснее осознавалась взаимосвязь между общим культурным развитием и здоровьем населения. *« – Но при чем здесь культура? – спросит читатель. – Мрут у нас люди, – значит такова их судьба.... В том то и дело, что каждый народ сам делает свою судьбу, «всякий сам кузнец своего счастья». – Чем грамотнее народ, тем больше он знает, а чем больше знает, тем легче оберегается от болезней и лучше лечит их. Поэтому жители культурных стран долговечнее, чем жители малокультурных, – таких как Россия»,* – делал выводы автор казанской газеты «Земская неделя» в 1917 г.³⁶

³⁴ Контский Ф.М. Врач и больной. Культура медицинского обслуживания и основные элементы врачебной этики. Изд. 3-е. Йошкар-Ола, 1959. С.71.

³⁵ Жарова М.Н. Медицинская культура российского общества // Главврач. 2011. №6. С.87–95.

³⁶ Земская неделя. 1917. 26 февраля. №9. С.7.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

К началу XX в. в формировании обыденных представлений о научной медицине большую роль играли: 1) земская медицина; 2) противоэпидемиологическая работа; 3) фармацевтический рынок и коммерческая реклама; 4) благотворительность.

В России существовала сложившаяся система земской медицины, но продолжали открываться новые амбулаторные пункты и стационары. Земства вели заметную работу в сфере медицинского просвещения. За более чем полувековую историю земские врачи и фельдшеры внесли значительный вклад в дело здравоохранения, медицинская помощь стала доступной для широких слоев населения, и самое главное менялось отношение пациентов к научной медицине, которая становилась более предпочтительной.

В 1898 г. в Казани прошел VII Пироговский съезд врачей, где обсуждались проблемы здоровья населения Поволжья и Урала. Как краевые патологии были особо выделены зуб, актиномикоз, каменная болезнь, трахома. К слову, борьба с трахомой была актуальным вопросом земской медицины и спустя семнадцать лет. Как отмечал член земской медкомиссии, доктор И.С.Кривоносов в 1915 г. из 2,5 млн. человек, проживавших в Казанской губернии, 850 тыс. были больны трахомой³⁷. Это хроническое инфекционное заболевание глаз приводило к слепоте.

Кроме земских органов, здравоохранительные функции были у врачебных отделений при Губернских правлениях. Они осуществляли надзор за всеми медицинскими учреждениями, курировали санитарно-эпидемиологическую работу на местах. Противоэпидемиологические меры являлись одним из факторов развития медицинского кругозора населения, поскольку регулировали вопросы быта, религиозных ритуалов.

В конце XIX – начале XX вв. в России продолжала бурно развиваться научная медицина. В этот период появились новые виды медицинских исследований (например, рентгенография), которые также внедрялись в медицинскую практику. Рентгеновские аппараты позволяли диагностировать рак и туберкулез на ранних стадиях.

Наряду с научными достижениями получила развитие и коммерческая сторона медицинской сферы: фармацевтический рынок предлагал средства от самых разных проблем. Доля медицинских препаратов в печатной рекламе была заметной, производители

³⁷ Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике. 1917–1934. Очерки истории. Казань, 1999. С.100.

обещали вылечить практически все недуги³⁸. Кроме пилюль и мазей, производители медицинских товаров предлагали разнообразные аппараты: для борьбы с морщинами, для исправления формы носа и др. Многие из предлагаемых средств были сомнительного качества и не всегда оправдывали ожиданий покупателя, они вводили пациента в заблуждение. Но реклама укрепляла веру в силу чудодейственных пилюль и новых изобретений в сфере медицины.

Кроме рекламы, еще одним каналом медицинского просвещения широких слоев населения стала благотворительная работа. На рубеже XIX–XX вв. эта деятельность носила коллективный характер, она регулировалась различными общественными организациями. Для сбора пожертвований проводились специальные благотворительные акции (концерты, спектакли, ярмарки), создавались комитеты и общества. Сбор пожертвований осуществлялся и в пользу больных с определенными заболеваниями. Эта тенденция по выделению отдельных болезней была тесно связана с деятельностью Красного Креста и других европейских организаций.

Например, накануне Первой мировой войны повсеместно в России проходили дни Белого цветка, в ходе которых собирались пожертвования в пользу больных. Благотворительная акция «День Белого цветка» была инициирована Европейской Лигой борьбы с чахоткой при Международном обществе Красный Крест, в ней принимали участие и некоторые королевские дома. Неудивительно, что с 1911 г. в России День Белого цветка проходил под эгидой Императорского Дома Романовых.

За несколько лет до этого, в Санкт-Петербурге в 1908 г. было организовано Общество борьбы с раковыми заболеваниями, получившее позднее название «Всероссийское общество борьбы с раковыми заболеваниями»³⁹. Общество ставило перед собой за-

³⁸ Например, часто встречалась реклама пилюль «Ара» для желудка, свеч «Анузоль» от геморроя, слабительного «Purgen», средства для мужской потенции «Амрита», средств от выпадения волос и от перхоти, кремов от угрей, пилюль от ожирения, средств от пота и т.д.

³⁹ «Рак ежегодно уносит в могилу все увеличивающееся число жертв, число заболеваний безостановочно растет, и в некоторых странах смертность от рака сравнялась уже почти со смертностью от другого бича человечества – чахотки, – говорилось в обращении Всероссийского общества борьбы с раковыми заболеваниями, составленном в марте 1912 г. – В России положение раковых больных особенно тяжелое, так как вследствие малой обеспеченности больничной и врачебной помощью населения вообще, они нередко встречают отказ в приеме в общие больницы, и без того переполненные другими больными. Попав в больницу чаще всего лишь тогда, когда уже радикальная хирургическая помощь запоздала, они не находят там излечения и

дачу, как научного изучения раковых заболеваний, так и организацию лечения и призрения раковых больных, а также распространение сведений об опухолях среди населения и привлечение к борьбе против рака. В 1914 г. «Всероссийское общество борьбы с раковыми заболеваниями» созвало в Петрограде I Всероссийский съезд по этой медицинской проблеме⁴⁰.

Но начавшаяся Первая мировая война отбросила задачи гражданского здравоохранения, выдвинув на первый план проблемы военной медицины. В условиях войны стали массово открываться временные медицинские учреждения для раненых и больных воинов. Организация и функционирование госпиталей и лазаретов стало возможно благодаря участию широких слоев населения, в мирное время далеких от сферы медицины.

В ходе Первой мировой войны в Казани при пожарной службе были организованы кареты скорой помощи, предназначенные для перевозки раненых от вокзала до госпиталей⁴¹. Но, по назначению врача, могли использоваться и простыми «обывателями». Кареты были одиночные и парные. Обслуживали их, как правило, работники пожарной службы. При карете скорой помощи также был санитар⁴². Но карет было недостаточно, поэтому уже после февраля 1917 г. общественностью высказывались мнения о необходимости учреждения особой службы скорой перевозки больных, действующей и днем, и ночью. При этом подчеркивалось, что для заразных больных нужно выделить отдельное средство перевозки⁴³.

медленно гибнут. А сколько несчастных обречено болеть и умирать в невозможной плохой домашней обстановке, отравляя одновременно существование своим домашним и близким лицам видом разлагающихся зловонных язв!» (ГА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.378. Л.62).

⁴⁰ Большая медицинская энциклопедия. Т. XXII. М., 1984. С.484.

⁴¹ Надо отметить, что в Казани Общество врачей для подачи скорой медицинской помощи было образовано еще в 1903 г., устав общества был утвержден 26 апреля. Членами-учредителями выступили 14 человек, в том числе врачи Перимов В.А., Лурия Р.А., Кадыгробов Б.А., Веселицкий П.Л. и другие. Основной целью общества была подача скорой медицинской помощи жителям города в любое время суток, но, прежде всего, в ночное время. Для этого планировалось организовать дежурство врачей в определенных пунктах, но уставом не был предусмотрен выезд врача к больному (Устав Общества врачей для подачи скорой медицинской помощи в г. Казани. Казань, 1903).

⁴² ГА РТ. Ф.512. Оп.16. Д.7. Л.4.

⁴³ Голос труда. 1917. 13 июля. №20.

Если на местах тяжелораненых⁴⁴ солдат встречали кареты скорой помощи, то для их эвакуации из линии фронта организовывались санитарные поезда. Некоторые из них были оборудованы общественными силами. Например, лазаретные поезда были снаряжены Объединенной дворянской организацией. На линии фронта в Галиции в эвакуационных работах активно участвовал и представитель Казанской губернии, дворянский предводитель Свяжского уезда В.А. Паулуччи⁴⁵.

Ежедневно в разные российские города на поездах и пароходах прибывали сотни раненых и больных военнослужащих. Причем если в первые месяцы войны их встречали в тылу с некоторым воодушевлением, то позднее прибытие раненых солдат стало обыденным явлением и им уже не устраивались торжественные встречи. Казанская жандармерия зафиксировала лишь один подобный случай – 8 сентября 1914 г. Вечером того дня в губернский город привезли 320 человек раненых, при этом встречающая публика давала солдатам деньги, папиросы, угощала яблоками и французскими булками. Больше такого ажиотажа вокруг санитарных поездов и пароходов с ранеными не наблюдалось⁴⁶.

Раненых на вокзалах и пристанях принимали представители трех ведомств (Красного Креста, земства и городского самоуправления). Санитары каждой из организаций должны были иметь на руке для отличия свои знаки: 1) красный крест, земства – синий крест, город – зеленый крест. Любопытно, что к работе по перевозке больных не допускались санитары-добровольцы, считалось, что они «вносят своей суетой лишь беспорядок»⁴⁷.

Под началом Красного Креста, земства и городских самоуправлений различными учреждениями организовывались госпитали и лазареты. Согласно постановлению Общегородского союза помощи больным и раненым воинам и семьям запасных в начале войны во всей Казанской губернии власти должны были организовать госпитали на 9000 мест, причем только в Казани – медицинские учреж-

⁴⁴ Остальных больных, с легкими ранениями, перевозили на трамваях, по 25 человек в каждом вагоне (Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сб. документов и материалов. Казань, 2014. С.49).

⁴⁵ *Миронова Е.В.* Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сб. матер. Всеросс. научн. конф. Казань, 2014. С.294.

⁴⁶ ГА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1493. Л.1.

⁴⁷ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сб. документов и материалов. Казань, 2014. С.49.

дения на 4 500⁴⁸. Но в реальности мест размещения больных и раненых военнослужащих понадобилось еще больше.

При этом в Казани функционировал военный госпиталь, организованный еще в XVIII в. на Арском поле. Госпитальная улица (совр. Чехова) называлась так из-за местоположения данного лечебного учреждения солдат Казанского гарнизона. В 1914 г. он был рассчитан на 1160 мест, но в годы войны число коек было доведено до 2 тысяч.

Первые временные госпитали были устроены в клиниках Казанского университета: в главном здании – лазарет на 75 чел., при гинекологической клинике – на 20. Последний лазарет содержал на свои средства профессор В.С.Груздев. Например, в феврале 1915 г. он внес 125 рублей с формулировкой «что бы хотя отчасти возместить клинике расходы, понесенные ею на содержание раненых»⁴⁹.

В середине сентября 1914 г. открылся Центральный лазарет, куда привозили тяжелораненых. Здесь проводил операции профессор В.Л.Боголюбов, главный врач госпиталей Союза городов в Казани и главный хирург общины Красного Креста.

В конце 1915 г. по всей губернии действовали временные лечебные заведения, рассчитанные на 9 138 мест. Из них – 8 579 мест приходилось на госпитали и лазареты Казани, остальные 559 мест размещения были организованы в уездах. Львиная доля больниц была сконцентрирована в самой Казани. В губернском городе функционировало 105 госпиталей и 7 лазаретов. При этом лазарет казанского общества «Красного Креста» насчитывал 13 отделений в городе и 2 филиала в Казанском и Свияжском уездах⁵⁰. Одним из казанских госпиталей в эти годы руководил знаменитый хирург А.В.Вишневский. Вместе с тем, он продолжал читать лекции по госпитальной клинике и хирургии в университете.

Госпитали и лазареты открывались в помещениях присутственных мест, общественных организаций, учебных заведений⁵¹.

⁴⁸ Казанский телеграф. 1914. 20 сентября. №6391.

⁴⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны... С.62.

⁵⁰ Подсчитано автором по: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. Казань, 1916. С.604–616.

⁵¹ Так, уже к октябрю 1914 г. помещения для размещения раненых воинов были организованы в Высшем начальном училище (850 кроватей), Казанском университете (530), в Казанском 1-м реальном училище (60), Казанском промышленном училище (50), Казанской 4-й женской гимназии (20), Казанском ветеринарном институте (10), Казанской мужской 2-й гимназии (10). (Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сб. документов и материалов. Казань, 2014. С.51).

Например, под больницы были выделены помещения в здании Дворянского собрания, знаменитого татарского «Восточного клуба» и других учреждений. На территории Казанского кремля в присутственных местах Тюремного ведомства начал работать еще один лазарет военного ведомства. К 1915 г. многие здания учебных заведений использовались для санитарных нужд армии⁵².

Открыли свои госпитали крупные коммерческие предприятия и общественные объединения. Лечебные учреждения были организованы администрацией завода братьев Крестовниковых, торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов.

2 ноября 1914 г. торжественно открылся Мусульманский госпиталь в Казани. Лечебное учреждение размещалось в доме купца Галикеева в Старотатарской слободе. Для устройства мусульманского госпиталя привлекли специалистов-медиков из мусульман. Заведовал учреждением врач А.Терегулов, помогали ему женщины-врачи С.Агиева, М.Девлет-Кильдеева. В хозяйственном комитете состояли А.Терегулов, общественные деятели С.Алкин, С.Максуди, Г.Баруди, С.Аитов и другие лица. Сбором пожертвований на нужды госпиталя занимались в основном купцы и муллы. На годовое содержание в 1914/1915 гг. (без учета аренды помещения) было потрачено более 18 тыс. рублей.

При этом надо отметить, что у татар-мусульман данного периода наблюдалось особое отношение к медицинским услугам. Широкие слои населения продолжали относиться с недоверием ко всему иноверному. Неслучайно перед принятием решения об открытии мусульманского госпиталя в Казани часть общественности задавалась вопросом об отношении шариата к таким учреждениям, интересовались, не запрещено ли это в исламе. Однако богословы заверили сомневавшихся мусульман, что не только можно, но и нужно открывать богоугодные заведения⁵³.

Сотрудники госпиталей и общественные силы старались обеспечить пациентов не только медицинской помощью, но и задумывались об их свободном времяпрепровождении и морально-духовной поддержке. Например, мулла 5-й соборной мечети Казани, известный общественный деятель и богослов Галимджан Баруди выступил с предложением о необходимости посещения в городских госпиталях раненых и больных солдат мусульманскими священнослужителями для религиозных бесед⁵⁴. Но Городская управа не всем казанским муллам разрешила посещение солдат-

⁵² ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.23547, 23548.

⁵³ Казанский телеграф. 1914. 16 сентября. №6387.

⁵⁴ Казанский телеграф. 1914. 26 ноября. №6445.

единоверцев, право проведения духовных бесед с ранеными получили только несколько ахунов⁵⁵. В революционное время при Казанском военном госпитале работала специальная культурно-просветительская комиссия. В июне 1917 г. силами комиссии в госпитале была организована бесплатная библиотека-читальня. Она работала с 4 до 8 вечера каждый день, в читальню не допускались больные заразного и венерического отделений⁵⁶.

В сельской местности организаторами лазаретов выступали некоторые помещики Казанской губернии. Например, открылись лазареты в с. Шушары Казанского уезда (имение А.Н.Боратынского), с. Три Озера Спасского уезда (Е.С.Молоствовой), с.Отрадное и Зеленовка Спасского уезда (Ляпуновых), с.Буртасы того же уезда (Ю.В.Трубникова), Змиевской экономии княгини Ливен в Чистопольском уезде, с. Тангачи Лаишевского уезда (А.Д.Нератова). Эти лазареты были рассчитаны на 10–20 коек⁵⁷.

Постоянно ощущалась нехватка медицинского персонала, особенно младшего. Казанская община сестер милосердия Красного Креста была основана еще в 1886 г.⁵⁸, но она не могла обеспечить кадрами всю губернию и тем более фронт. Поэтому лица, служившие в мирное время в других сферах, в срочном порядке переквалифицировались в сестер милосердия и санитаров. При университете были организованы двухмесячные курсы по подготовке сестер милосердия, где преподавали В.Л.Боголюбов, С.С.Зимницкий, А.В.Вишневский и другие. *«Число слушателей и слушательниц, принятых на курсы, превысило цифру 200, причем, за недостатком мест, многим пришлось отказать»*, – докладывали организаторы через два месяца работы. Значительную часть обучавшихся составляли лица со средним образовательным цензом, несколько человек имели высшее образование. Выпускники получали справку об окончании курсов, желающие, по предложению Красного Креста, могли сдать экзамен на звание сестры милосердия. Для этого нужно было пройти испытания по анатомии с физиологией, общей патологии с бактериологией, гигиене, хирургии и уходу за ранеными, внутренним болезням и уходу за больными, латинскому языку и рецептуре⁵⁹. За первый

⁵⁵ Город Казань. 1914. 18 декабря. №403.

⁵⁶ Голос труда. 1917. 3 июля. №17.

⁵⁷ *Миროнова Е.В.* Указ. соч. С.294.

⁵⁸ ГА РТ. Ф.Р115. Оп.1. Д.58. Л.2.

⁵⁹ Казанская губерния в период Первой мировой войны... С.59.

год курсы окончили 260 сестер милосердия, 170 из них отправились в действующую армию⁶⁰.

Вопросы медицины, пронизывающие жизнь фронта и тыла, нашли отражение и в сфере искусства. Например, в годы войны труппой «Сайяр» была поставлена пьеса «Сестра милосердия». Это было переводное произведение⁶¹. Судя по всему, за основу была взята пьеса М.Кирияковой, написанная еще в 1877 г. Примечательно, что в период русско-турецкой войны в русской литературе доминировал романтический образ сестер милосердия, в отличие от более резких характеристик начала XX в.⁶² Хотя патриотическая пропаганда того времени приветствовала именно идеальный образ сестер милосердия. Вероятно, этим и был обусловлен выбор пьесы.

Между тем реальный облик сестер милосердия иногда не совпадал с их пропагандируемым образом. Работа с пациентами в лазарете была далека от литературных зарисовок о самоотверженном, возвышенном служении народу, больничные условия иногда шокировали новоиспеченный низший медицинский персонал. Например, 15 апреля 1916 г. Главное Управление Российского Общества Красного Креста отправило Окружным и Местным Управлениям, Местным Комитетам и Попечительным Советам сестер милосердия и Главноуполномоченным Общества циркуляр «О недопустимости отказа сестер милосердия работать в заразных госпиталях», где сообщалось о том, что многие сестры милосердия в условиях эпидемий отказываются смотреть за больными в инфекционных отделениях⁶³. Главное Управление просило Общи-

⁶⁰ Писарева С. Казанский университет в Первой мировой войне [Электронный ресурс] <https://kpfu.ru/news/kazanskij-universitet-v-pervoj-mirovoj-vojne-80333.html>. Дата обращения 15.11.2017.

⁶¹ Миңнуллин Ж. Шәрәк клубы. Казан, 2013. Б.34.

⁶² Симонова О. Образ сестры милосердия в русской литературе конца XIX – начала XX века: диалог с традицией // Интелрос. 2015. №1 [Электронный ресурс] <http://www.intelros.ru>. Дата обращения 15.11.2017.

⁶³ Вот что говорилось в этом документе: «В последнее время, когда затишье на фронте отразилось в значительном уменьшении числа раненых в госпиталях и наряду с этим, как всегда, с началом весны, усилились эпидемические заболевания как среди войск, так и окружающего их населения, что повлекло за собой увеличение количества эпидемических отрядов и вызвало необходимость открытия инфекционных палат в госпиталях, согласно полученных Главным Управлением сведений, стали повторяться случаи отказа сестер милосердия принимать назначения в эпидемические отряды и в инфекционные госпитали; те же из них, которые работали уже в госпиталях, где затем пришлось открыть инфекционные палаты, требовали откомандирования их в резерв или назначения «в передовые отряды», мотивируя свой отказ работать

ны Красного Креста провести разъяснительную работу среди сестер милосердия, что они обязаны оказывать помощь не только раненым солдатам, но и больным инфекционными болезнями.

Обращает на себя внимание то, что уже в 1926 г. произошла замена термина «сестра милосердия» на понятие «медицинская сестра»⁶⁴. Последнее понятие уже не указывает на человеколюбивый характер этой службы. Безусловно, перемена, прежде всего, была обусловлена желанием новой власти очистить лексику от дореволюционных выражений, но эта культурная трансформация обозначений неслась в себе и новое смысловое значение данной профессии.

В годы войны ощущалась нехватка высококвалифицированных специалистов-медиков. Поэтому с лета 1915 г. Министерством народного просвещения был определен курс на ускоренную подготовку врачей, уже в 1916 г. срок обучения врачей был сокращен с 5 до 4 лет. В Казанском университете также признавалось, что первостепенной образовательной задачей является ускоренная подготовка военных врачей. Медицинский факультет университета был самым многочисленным. Как отмечает исследователь Л.А.Бушуева, «с началом Первой мировой войны его численность еще более увеличилась. Так, в 1917 г. профессора медицинского факультета составляли более трети всего профессорского состава. Практически все они были задействованы в исследованиях в области военной медицины и в работе Красного креста»⁶⁵.

В условиях военного времени стал особенно злободневным вопрос о высшем медицинском образовании для женщин. Казанская медицинская общественность в лице профессоров-медиков еще с 1909 г. ходатайствовала об открытии в губернском городе высших женских медицинских курсов. Действовало даже «Общество для устройства в Казани Высших женских медицинских курсов – Казанского женского медицинского института», 23 ноября 1916 г. оно подготовило прошение о необходимости открытия с 1917 г. Женского медицинского института. «Вторая отечественная

в заразных госпиталях и лазаретах тем, что Общины послали их на театр военных действий для подачи помощи больным (не заразной болезнью) и раненым воинам, а не на борьбу с эпидемией» (ГА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.378. Л.133а; Сборник правил о службе сестер милосердия. Петроград, 1916. С.37–38).

⁶⁴ Жарова М. Краткий очерк развития медицинской этики в Европе и в России // RELGA. Научно-культурологический журнал. 15.06.2010. №8 [206] [Электронный ресурс] <http://www.relga.ru>. Дата обращения 30.11.2017.

⁶⁵ Человек в революции. Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. Казань, 2017. С.193.

война и связанные с ней события лишней раз подчеркнули большую нужду во врачах в нашей стране – и в городе, и в особенности в деревне. С другой стороны, особенности населения Востока России с его сильно выраженным инородческим элементом давно уже выдвинули на очередь вопрос о необходимости образовать солидный кадр врачей-женщин. Под влиянием назревшей потребности страны в женщинах-врачах, одни за другим открываются за последние годы и месяцы, в крупных русских городах, женские медицинские курсы. В них устремился целый поток русских женщин, всегда относившихся чутко к высшему медицинскому образованию. Очередь давно за Казанью, занимающей центральное положение на Востоке и, выполняя свою историческую миссию, она должна пополниться новым высшим учебным заведением, дающим возможность изучать медицину женщинам», – говорилось в данном прошении⁶⁶.

Февральские события 1917 г. в корне изменили правовое положение женщин в России. К лету 1917 г. они получили избирательные права. Именно в этих условиях, в мае того же года стало возможно и открытие Высших женских медицинских курсов в Казани и появление нового поколения женщин-врачей. В 1920 г. данные курсы были присоединены к медицинскому факультету Казанского университета.

Помимо лазаретов и госпиталей, актуальным был вопрос об оказании помощи инвалидам войны. С этой целью недалеко от Казани близ Раифской пустыни планировалось строительство Дома инвалидов. Большинство горожан и жителей губернии приняли участие в благотворительных сборах. Специально для татарского населения был выпущен плакат, где надпись о целях сбора выполнена арабской графикой на татарском языке. К концу 1915 г. населением губернии было собрано 59 300 рублей, в сосновом лесу на эти деньги возведено Центральное здание и три павильона. Но революционные события помешали реализации этой идеи⁶⁷.

Планируемый Дом инвалидов был рассчитан не более чем на 50 мест, но количество калек, раненых, контуженых солдат было гораздо больше. К сожалению, уровень медицинской помощи оставался довольно низким, и многим солдатам приходилось ампутировать ноги или руки. «Деревянная нога» вернувшегося с фронта солдата стала наиболее частым символом ужасов войны в

⁶⁶ ГА РТ. Ф.777. Оп. 47. Д.4. Л.1–1об.

⁶⁷ *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). Казань, 2015. С.192–193.

татарской художественной литературе. Калеки стали частью повседневности большинства населения.

Во вторых, кроме непосредственного участия в организации и функционировании больничных учреждений, посещения раненых и больных солдат-родственников в лазаретах и госпиталях, широкие слои населения в годы войны столкнулись с работой многочисленных медицинских комиссий. В работе данных органов участвовали не только врачи, но и чиновники военных и других ведомств. Эти медицинско-бюрократические образования представляли собой некий мост между тыловой жизнью и фронтом: медицинское освидетельствование проходили призывники, солдаты, получившие ранения, а также инвалиды войны. Заключение врача имело для обратившегося в комиссию человека жизненное значение.

Например, вернувшиеся с войны солдаты-инвалиды добивались назначения пособий с большим трудом. Медицинские комиссии, как правило, признавали лишь частичную потерю трудоспособности, либо связывали болезни и увечья не с войной, а списывали на прежнее, довоенное состояние здоровья. Если у них имелись легкие ранения (к примеру, зубы выбиты, отстрелена кисть и т.п.) уже труднее было добиться назначения пенсии. К примеру, крестьянин д.Чирки-Дюртелей Тетюшского уезда С.Зайнуллин, бывший рядовой, обратился в июне 1915 г. к земскому начальнику с просьбой о пособии. У него отсутствовали ногтевые фаланги указательного и среднего пальца правой руки в результате ранения 22 августа 1914 г. под Люблином. Комиссия решила, что военное увечье представляет собой менее 10 процентов утраты трудоспособности, поэтому в дополнительной материальной поддержке со стороны казны бывший солдат не нуждается. Такого рода прошений очень много, в большом количестве они отложились в фондах волостных правлений, уездных воинских присутствий. Бывшие солдаты годами обивали пороги официальных учреждений в надежде получить хоть какую-то помощь от государства. Но в условиях военного времени, а потом и смены власти это становилось все труднее⁶⁸.

Помимо назначения социальных пособий, именно члены комиссии после медицинского освидетельствования решали, кого из призывников и запасных солдат отправлять на фронт. Аналогичные комиссии определяли, кого из попавшихся в лазарет солдат можно демобилизовать или хотя бы временно отправить домой. Широкие полномочия медицинских комиссий открывали простор для различ-

⁶⁸ Там же. С.247–248.

ных коррумпированных схем, что свидетельствовало о дегуманизации медицинской сферы. Например, один из татарских солдат некий Мухамед-Садык сообщал в письме родным в октябре 1915 г., что его знакомый готовится к медицинскому освидетельствованию и просил прислать денег. «*Что же касается дела Абдуллы, то для него нужно 700 рублей денег, это сделают здесь 2 человека вместе. Для этого дела нужен еще 1 человек – фельдшер, надо будет и ему*», – писал он⁶⁹. Освобождение от военной службы посредством псевдомедицинских рекомендаций практиковалось и в тылу. Так в начале 1917 г. в Чистополе жандармскими органами была раскрыта группа лиц, занимавшихся организацией отсрочки от военной службы для состоятельных призывников. В их числе был доктор уездного по воинской повинности присутствия Михаил Александрович Неклепаев. От призыва освобождали несколькими способами: 1) до медицинского освидетельствования доктор давал призывнику различные препараты для ухудшения его состояния; 2) вместо подлежащего призыву человека освидетельствование проходило подставное лицо, имевшее определенные болезни; 3) в некоторых случаях просто выдавались документы о негодности к военной службе навсегда или же на определенное время. Особенно активно эта группа действовала во время мобилизаций 1914–1915 гг. Но в начале 1916 года о деятельности доктора Неклепаева стало известно другим членам уездного воинского присутствия и они уже перестали прислушиваться к его мнению⁷⁰. Таким образом, военные условия наряду с бескорыстным служением своему делу, высветили и негативные стороны врачебной профессии. Прежде всего, когда дело касалось медицинско-бюрократических образований.

В третьих, кроме работы госпиталей и медицинских комиссий, на обыденном уровне вовлечение в сферу медицинских знаний происходило из-за реалий военного времени. Плохое питание, скученность населения в городах приводили к развитию эпидемических заболеваний. Кроме того, из-за войны прекратились торговые отношения с Германией, которая до войны служила основным поставщиком лекарственных препаратов. Как отмечал, профессор Казанского университета Н.Ф.Высоцкий, из-за этого наблюдался дефицит ряда препаратов: «цены на них поднялись до небывалых размеров и в настоящее время многие из этих средств уже нельзя достать ни за какие деньги»⁷¹. Профессор А.Е. Арбу-

⁶⁹ ГА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.102 об.

⁷⁰ ГА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1636. Л.29–30.

⁷¹ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.25133. Л.1.

зов в декабре 1915 г. пояснял Казанской городской думе, что *«благодаря привычке покупать в Германии ряд лекарственных продуктов в России совсем отсутствует изготовление их; кроме того, торговый договор с Германией лишил Россию возможности обрабатывать даже хинин»*⁷². Как известно, именно под руководством А.Е.Арбузова на заводе братьев Крестовниковых впервые в России было организовано производство салициловых препаратов из отечественного сырья, в их числе был необходимый для фронта аспирин.

В Россию до начала войны импортировали даже йод, поэтому вскоре начала ощущаться острая нехватка данного препарата. Например, в 1915 г. в Ученых записках Казанского университета была опубликована заметка «Йодная вата», авторы которой предлагали взамен жидкому йоду для предупреждения гнойного заражения ран употреблять твердые соли: йодистый калий и медный купорос. Авторы считали, что йод выделяется при смачивании ваты, в которой находятся эти соли. Между тем, в России в это время уже практиковался другой способ добычи йода: из перевязочных отбросов. В Казани регенерацией йода таким способом занимался приват-доцент университета А.М. Васильев. Йод, полученный из использованных бинтов и ват, сдавался в склад медикаментов земского и городского союзов⁷³. Такие сомнительные способы получения необходимых медицинских препаратов лишь усиливали факторы риска развития эпидемий.

Источником инфекции нередко служили вернувшиеся из фронта солдаты. В группе риска, прежде всего, были работники госпиталей и лазаретов. Например, профессор С.С.Зимницкий за революционный период дважды переносил сыпной тиф, при этом получил осложнения в виде поражения аорты и ее клапанов. Но он спокойно относился к своим недугам, ухудшению здоровья и даже включил результаты самонаблюдения в некоторые научные статьи⁷⁴. Однако не все медики так хладнокровно переносили издержки профессии. Как уже отмечалось ранее, некоторые сестры милосердия, испугавшись заражения, даже отказывались оказывать медицинскую помощь солдатам, страдавшим инфекционными болезнями, что расценивалось Красным Крестом как абсолютно

⁷² История Казани в документах и материалах. XX век. Казань, 2004. С.63.

⁷³ Казанская губерния в период Первой мировой войны... С.83–84.

⁷⁴ См. *Богоявленский В.Ф.* Профессор Семен Семенович Зимницкий – врач, ученый, патриот. Казань, 1970.

недопустимое для них поведение⁷⁵. В первые годы советской власти с медицинскими работниками, отказывавшимися ухаживать за тифозными больными, боролись по законам военного времени. Медработники считались «мобилизованными и состоящими на военном положении», поэтому в 1920 г. уклоняющихся служащих привлекали к суду⁷⁶.

Основными заразными заболеваниями в годы Первой мировой войны стали тиф (брюшной, сыпной, возвратный), холера, дизентерия, оспа. Больше всего солдаты болели разными видами тифа. Возбудители сыпного и возвратного тифа являлись насекомые (вши), а брюшной тиф передавался, в основном, через продукты питания. Смертность чаще всего наступала от сыпного тифа. Высокая смертность наблюдалась и среди больных холерой (33,1%). Заболевших оспой было сравнительно немного и люди, как правило, выздоравливали. Помимо инфекций, достаточно высоким был процент тех, кто страдал цингой: 93,2 человека на 1000 солдат. Смертность составляла 0,2%⁷⁷.

В 1915 г. Казанское губернское земское собрание выработало план противоэпидемических мероприятий, согласно которому собирались устроить санпропускник для прибывающих с фронта больных, снабжать ночлежные дома дезинфицирующими средствами, организовать санитарные отряды для контроля продуктов питания и т.д.⁷⁸ Но этих мер было явно недостаточно, а эпидемия уже набирала обороты.

Например, судя по донесениям учебных заведений Казанского учебного округа с 1916 г. наблюдалась эпидемия ряда заболеваний. Так, в Ксенинской женской гимназии в Казани в ноябре 1916 г. была проведена дезинфекция помещений после эпидемии дифтерита и скарлатины. Гимназия была закрыта с 15 ноября до 15 декабря 1916 г. 22–24 ноября в помещениях гимназии, под руководством городского санитарного врача, при участии санитарного отряда Врачебного комитета, была произведена пароформалиновая дезинфекция с последующей нейтрализацией аммиаком и сулемовым раствором⁷⁹. К этому времени одна из учениц гимназии

⁷⁵ ГА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.378. Л.133а; Сборник правил о службе сестер милосердия. Петроград, 1916. С.37–38.

⁷⁶ Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике. 1917–1934. Очерки истории. Казань, 1999. С.166.

⁷⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С.99.

⁷⁸ Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Указ. соч. С.99.

⁷⁹ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.25412. Л.20.

умерла от дифтерита⁸⁰. Но даже после окончания карантина в гимназии были отмечены случаи заболевания дифтеритом и в конце года и в марте 1917-го. Кроме того, в учебных заведениях округа учащиеся болели краснухой, сыпным тифом, ветряной оспой, чесоткой. Наиболее массовый характер имели скарлатина, дифтерит и чесотка⁸¹. В 1918 г. среди учениц Казанской 2-й женской гимназии отмечены случаи заболевания свинкой⁸².

Кроме страха инфекционных заболеваний, в годы войны общество столкнулось с новыми видами оружия. Например, после применения удушливых газов на фронте население стало интересоваться не столько новым видом оружия, а последствиями его применения и мерами безопасности. Распространению новых знаний в обществе способствовала мобилизация информационных и научных сил. Начался сбор информации об этой проблеме. Как сообщал ректор Казанского университета в августе 1915 г., *«он вошел в сношение с директорами средних учебных заведений: гимназий, реальных и технических училищ с целью объединения работ по изысканию способов применения удушливых газов и борьбы с ними, а также запросил гг. профессоров и преподавателей университета о производимых ими в означенном направлении работах. Но из директоров сведения доставили еще немногие»*⁸³. Летом того же 1915 г. в Казанском университете была организована комиссия по изысканию способов применения удушливых газов и борьбы с ними. В работе комиссии участвовали профессора А.Я.Богородский, Ф.М.Флавицкий, Д.А.Гольдгаммер, А.Ф.Самойлов, А.Е.Арбузов, А.Н. Остряков и другие⁸⁴.

Об удушливых газах и мерах борьбы с ними писали газеты, были выпущены информационные листки. В июне 1915 г. военный цензор Н.Ф. Катанов отмечал, что встречаются татарские письма, написанные на обороте «печатного русского наставления на 1/2 писчей бумаги о повязках против германских ядовитых газов»⁸⁵. Кроме того, солдаты сами сообщали о новом оружии в своих письмах. *«Нет никакой пощады от их снарядов и газов. Все время приходится ходить в маске, – писал из действующей армии Ибрагим Юсупов родственнику Б.Ш.Юсупову в Казань 27 марта 1916 г. – Если нет маски или не успел ее надеть – все готово, солдат падает*

⁸⁰ Там же. Л.19.

⁸¹ Там же. Л.1–36.

⁸² ГА РТ. Ф.125. Оп.2. Д.371. Л.4.

⁸³ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник... С.75.

⁸⁴ Писарева С. Указ. соч.

⁸⁵ ГА РТ. Ф.1154. Оп.1. Д.35. Л.75 об.

и задыхается, лицо делается синим, а зубы моментально желтеют. Единственная защита – это маска»⁸⁶. Все эти моменты содействовали расширению околонатурного кругозора обывателей.

Если с одной стороны часть общества опасалось инфекционных болезней, удушливых газов и других потенциальных источников смерти, то другая часть в этот период добровольно подвергала свою жизнь опасности. Например, призывники специально наносили вред своему здоровью, надеясь освободиться так от военной службы. *«...Портят себе глаза, ноги и руки. Ноги они режут и в раны кладут медные деньги или засыпают порохом, – рассказывал Сергей Сизов о жителях с.Федотово Челнинского кантона ТАССР в 1921 г. – Им работать или ходить нельзя, и их на военную службу не берут»⁸⁷.*

Немало вреда здоровью населения было нанесено благодаря распространению суррогатов алкоголя. Из-за действующего «сухого закона» военного времени дефицитный спирт добывался населением самыми разными способами. Между тем, было немало отравившихся техническим спиртом, порой с летальным исходом. Например, в Казани не раз были зафиксированы смертельные случаи из-за употребления политуры⁸⁸. Но это не останавливало желающих найти утешение в алкогольном забвении. Технический спирт добывали, в том числе, через работников медицинской сферы, поэтому некоторые слои населения обивали пороги аптек, медицинских учреждений. Среди суррогатов алкоголя самым распространенным стал денатурат (технический спирт). *«Насколько денатурат распространен среди населения и насколько он стал популярен мне самому пришлось в этом убедиться: проезжая по Рыбнорядской улице мимо казенной лавки по субботам и перед масленицей я видел большие «хвосты», пожалуй, еще больше чем у городских продовольственных лавок», – отмечал пристав 6-й части г. Казани 25 февраля 1917 г.»⁸⁹. «Денатурированный спирт редко пьют чистым, но его обязательно разбавляют полтораградусным солодовым напитком (почему этот напиток в столь короткое время стал завоевывать общие симпатии рабочей массы и лавки торгующие этим напитком стали за последнее время расти*

⁸⁶ Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник... С.161.

⁸⁷ Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сб. матер. и док. Казань-Чебоксары, 2014. С.224–225.

⁸⁸ Город Казань. 1914. 24 октября. №364; Город Казань. 1914. 23 декабря. №413.

⁸⁹ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.160. Л.171.

не по дням, а по часам), фруктовой водой и, наконец, квасом, – свидетельствовал современник эпохи революции. – Или же в квас обязательно примешивается известная доза денатурата, а отсюда получается опьяняющая «бражка». То же характерен запах денатур. веществ от пьяного, хотя он уверяет, что пил только солодовый напиток»⁹⁰. Многие рабочие были прекрасно наслышаны о вреде суррогатов, но пытались убедить себя в обратном. Любопытно, что некоторые из них ссылались на информацию из сферы научной медицины. Так, когда упомянутый выше казанский пристав подошел к «хвосту», стоявших за денатуратом, и попытался указать рабочим на вред технического спирта, некоторые из них ответили, что «последний Пироговский съезд врачей решил класть в спирт синьку и керосин, а потому он и не вреден, разве противен на вкус»⁹¹. В этом фрагменте обращает на себя внимание «Пироговский съезд врачей» – корпоративное событие имело общественное значение и даже псевдонаучная информация подкреплялась авторитетом медицинского сообщества.

Кроме запрещенного алкоголя, в этот период получают распространение наркотические средства. Как отмечают исследователи, именно «сухой закон» способствовал популяризации морфия, кокаина и опия – наркотических веществ, широко используемых тогда в медицине. После 1917 г. наркоманы встречались не только в столицах, но и в губернских, и уездных городах и даже в сельской местности. Данное явление было тесно связано с маргинализацией населения и ростом социальных девиаций в 1920-х гг.⁹²

Таким образом, в годы Первой мировой войны население испытало на себе моральное и физическое воздействие целого ряда химических веществ. Если удушливые газы, как самый устрашающий источник смерти, существовали лишь в головах жителей тыла и большинства солдат, то отношение к суррогатам алкоголя было смешанным. Губительные последствия употребления денатурата и политуры не пугали подавляющую массу населения, что свидетельствовало об ослаблении морально-духовных ориентиров общества и его маргинализации.

События февраля 1917 г. лишь усугубили тяжелое социально-экономическое положение населения. Фармацевтический рынок,

⁹⁰ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.160. Л.171 об.

⁹¹ Там же.

⁹² Артеменко Н.А., Петрище Т.Л. Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы // Вестник ВГМУ. 2015. Том 14, №6. С.93–95.

как уже было отмечено, функционировал с большим трудом. Неслучайно, в этот период некоторые врачи обратили внимание на потенциал народных методов лечения, на фитотерапию. Так, в январе 1917 г. профессор Казанского университета Н.Ф.Высоцкий открыл краткосрочные курсы для сельских учителей и учительниц по изучению лекарственных растений. Они работали во время Рождественских каникул. На занятиях говорили о правилах сбора, сушки и обработки дикорастущих лекарственных растений местности для рынка. Прежде всего, организатор курса ставил себе целью направить традиционный промысел населения в более правильное русло. Как отмечал Н.Ф.Высоцкий, сельские женщины и дети издавна занимаются сбором лекарственных трав, но из-за того, что не соблюдается целый ряд условий, эти растения малопригодны для врачевания. Поэтому профессор решил, что лучше всего будет обучить приемам сбора и сушки лекарственных трав сельских учителей, чтобы в будущем они просвещали остальное население⁹³.

К слову, уже в советское время, в 1921 г. вынашивались планы об организации в Арском кантоне питомника лекарственных трав⁹⁴. Очевидно, из-за нехватки медикаментов вопросы фитотерапии долгое время еще оставались актуальными.

В период революционного хаоса практически перестал работать санитарный надзор, что привело к развитию антисанитарии в городах. Например, в Казани к августу 1917 г. не очищались выгребные ямы, были загрязнены мусором и отбросами площади и рынки⁹⁵. *«Санитарное состояние Казани не только не улучшилось, а с каждым годом все ухудшается, достигнув не терпимых пределов за время войны, оно делается угрожающим для населения, – сообщала газета «Камско-Волжская речь» в августе 1917 г. – Необходимо систематический надзор за изготовлением и продажей съестных припасов; необходимо поставить на должную высоту организацию борьбы с эпидемическими болезнями, необходимо, наконец, врачебно-санитарный надзор за школами»*⁹⁶. Неслучайно советские первомайские субботники ставили целью очистку городов от бытового мусора, накопленного за революционное время, и были направлены на борьбу с антисанитарией. Например, в Казани первые аналогичные субботники прошли в 1919 г.

⁹³ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.25133. Л.1.

⁹⁴ ГА РТ. Ф.Р1821. Оп.1. Д.230. Л.1.

⁹⁵ Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. Казань, 2017. С.105.

⁹⁶ Камско-Волжская речь. 1917. 23 августа. №182.

Но устраивались они директивным способом⁹⁷. Кроме субботников, проводились еще «недели чистоты». Так, в ноябре 1920 г. в рамках «недели чистоты» во всех кантонах нужно было очистить от мусора служебные и производственные помещения⁹⁸.

Постоянный рост цен отражался не только на дефиците продуктов питания и товаров, повышалась плата и за различные услуги. Так, с 10 июля 1917 г. Торговые бани г. Казани повысили плату за пользование банями на 100 процентов. Объяснялось это ростом цен на топливо, рабочие руки и материалы для ремонта⁹⁹. Повышение цен за банные услуги было встречено большинством населения негативно, посещение бани для них становилось не позволительной роскошью. Например, в муниципальной программе казанских эсеров, предложенных к обсуждению на собрании Военной организации партии 13 июля, был пункт о доступных ценах на банные услуги. При этом эсеры предлагали устроить сеть общественных бань, ванн с душами, летних купаний с доступными ценами, а для бедных оказывать услуги бесплатно¹⁰⁰. Но эти обсуждения оставались лишь проектом. Лишь в 1920-е годы в качестве меры против эпидемии тифа стали устраиваться «банные» недели. Они проводились в Казани, Тетюшском, Лаишевском и других кантонах¹⁰¹. Но в 1917 г. тиф еще не приобрел столь ужасающих масштабов, а бани оставались для широких слоев населения труднодоступными. И не только из-за цены – некоторые бани были закрыты из-за забастовок рабочих.

В этот период, кроме социально-экономических трудностей, в сферу санитарного и медицинского обслуживания проникли различные политические воззрения. Профессиональные корпорации (профсоюзы) находились под влиянием партии социал-демократов. Под их руководством устраивались политические забастовки. Так, в начале октября 1917 г. объявили забастовку казанские металлисты, в результате которой перестала выходить на работу машинная команда «Центральных бань» С.А.Меркулова (4 человека). Эти рабочие отвечали за водоснабжение бань. Остановилось огромное городское предприятие, обслуживавшее значительную часть города. Ежедневно бани посещали 4000–6000

⁹⁷ ГА РТ. Ф.Р98. Оп.1. Д.125. Л.1.

⁹⁸ Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике. 1917–1934. Очерки истории. Казань, 1999. С.168–169.

⁹⁹ Камско-Волжская речь. 1917. 7 июля. №146.

¹⁰⁰ Голос труда. 1917. 13 июля. №20.

¹⁰¹ Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Указ. соч. С.167.

человек. Вынужденно остались без работы 100 других работников – банщики и банщицы. При этом у машинной команды не было претензий к работодателю, но они должны были таким образом поддержать стачечный комитет Союза металлистов г.Казани¹⁰².

Различия в политических воззрениях вели к расколу в профессиональной среде врачей. Разлад в корпорации, естественно, отражался на взаимоотношениях врача и пациента. Так некоторые медицинские работники Шамовской больницы в 1917 г. самовольно взяли себе отпуска, что серьезно повлияло на внутреннюю организацию лечебного учреждения. Из семи штатных врачей в августе 1917 г. на месте службы находилась только исполнявшая обязанности ординатора Е.А. Аносова, все остальные были в отпуске. *«Приемы еще кое-как ведутся, стационарные же больные без надзора, и помощь в экстренных случаях почти отсутствует, так как дежурства врачей совсем нет, а фельдшера переутомлены дежурством, через два дня»*, – сообщал корреспондент газеты «Камско-Волжская речь»¹⁰³.

Шамовская больница уже не первый раз оказывалось в затруднительном положении. В июне 1917 г. из-за временной приостановки действий городского газового завода, учреждение осталось без газа. После этого старший врач больницы сообщил городской управе, что *«из-за прекращения отпуска газа, крайне нужного при операциях, придется приостановить всякие хирургические работы в больнице»*¹⁰⁴. Вероятно, одной из причин самовольных отпусков врачей были и невозможные условия труда.

В целом, среди врачей в этот период выделились два противоборствующих лагеря: поддержавшие классовый подход, врач-большевики и беспартийные сторонники системы земской медицины. Между двумя группами уже после февраля 1917 года шли жаркие споры о будущих путях развития медицины в новом государстве. Об эмоциональной борьбе этого периода, о пережитом «девятом вале революции» вспоминал спустя десять лет бывший земский врач, профессор Моисей Маркович Гран. Сторонников земской медицины он ассоциировал с идеологией «пироговщины». Идеологические споры были связаны, главным образом, с тем, что земские врачи верили в эффективность уже функционирующей системы здравоохранения, а обещания большевиков казались слишком туманными. К 1917 г. 50-летний М.М.Гран был известным санитарным

¹⁰² Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. Казань, 2017. С.105.

¹⁰³ Камско-Волжская речь. 1917. 6 августа. №170.

¹⁰⁴ Камско-Волжская речь. 1917. 6 июня. №121.

врачом, общественным деятелем и относился к лагерю «пироговщины». *«Нам казались туманными, отвлеченными, нереальными образы будущей «Советской медицины», мы не верили в будущее и реальность революционной советской медицины, – вспоминал он. – А борьба за революционную советскую медицину, как вся борьба за советскую власть, неминуемо влекла за собой разрушение всей врачебно-санитарной организации. Нам казалось, что наша реформаторская деятельность и будет истинно революционной и реальной. А коммунисты с истинно революционным пафосом творили свое дело. Старая земско-общественная медицинская организация трещала по всем швам, коммунисты сознательно с революционным пафосом разрушали эту организацию»*¹⁰⁵.

Очевидно, продолжением этого спора была практика некоторых врачей выписывать своим пациентам рецепты с несуществующими в местных аптеках препаратами. Таким образом, они пытались выразить свой протест после захвата власти Советами. В казанской газете «Знамя революции» 20 января 1918 г. вышла заметка по этому поводу под названием «Гнусность недобросовестных врачей», где сообщалось об этой практике. *«В последние дни в городские аптеки стали являться в большом количестве лица с рецептами от врачей на приготовление лекарств из таких медикаментов заграничного производства, которых давно уже из-за войны нет ни в аптеках, ни в аптекарских магазинах. До муниципализации аптек врачи, зная об отсутствии в аптеках подобных медикаментов, выдавали своим пациентам рецепты на лекарства, приготовляемые лишь из медикаментов русского производства, но соответствующих заграничным»*¹⁰⁶. В заметке поведение врачей связывали с муниципализацией аптек и потерей врачами своего «побочного заработка от аптекарей за рекомендацию их аптек своим пациентам». Между тем, «неправильные» рецепты являются свидетельством консолидации профессионального сообщества врачей и их борьбы против незаконной власти.

Но в новых условиях самым незавидным было положение пациентов. *«Одурчаиваемые такими недобросовестными врачами злосчастные пациенты бродяги из аптеки в аптеку в поисках прописанного лекарства и начинают жаловаться: «Вот раньше, когда аптеки не были городскими, всякое лекарство в них имелось», –*

¹⁰⁵ Гран М.М. К 10-летию советской медицины // Сборник здравоохранения ТССР. 1928. №1. Казань, 1928. С.20.

¹⁰⁶ Упрочение советской власти в Татарии (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Казань, 1964. С.145.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

писал автор заметки, разоблачая непрофессиональное поведение медиков¹⁰⁷.

В целом, первые годы советской власти были отмечены острой нехваткой медицинских кадров, участковыми больницами заведовали лекарские помощники и даже ротные фельдшеры.

В 1920 г. начал свою работу Клинический институт для усовершенствования врачей (ГИДУВ) под руководством профессора Р.А.Лурии. Институту были переданы здания бывших военных госпиталей, в том числе лазарет Казанской общины сестер милосердия Красного Креста, здание Крестьянского банка, особняк купца Окопишникова¹⁰⁸.

Все медицинские работники испытывали материальные трудности, особенно тяжело приходилось во время голода в Поволжье. В это время многие лечебные учреждения были закрыты, их содержание за счет нового государство было невыполнимой задачей. Поэтому Финансовые комиссии революционных комитетов могли возложить это на население. Так, в октябре 1918 г. Ревком Лаишевского уезда постановил обложить единовременным налогом всех жителей уезда «для усиления средств на содержание больниц в уезде и на приобретение медикаментов»¹⁰⁹. Безусловно, для населения это было тяжелым финансовым бременем. Среди плательщиков встречались и беженцы, которые и без этого влачили плачевное существование.

В Казани основными медицинскими центрами оставались Бывшая губернская земская больница на Покровской улице, бывшая Александровская больница (ул. Бутлерова) и Шамовская больница¹¹⁰. Определенный сдвиг наметился лишь в 1924 г., когда начали возобновлять работу закрытых когда-то больниц и открывать новые врачебные участки¹¹¹.

В 1920-е гг. основное внимание уделяли борьбе с инфекционными заболеваниями. В Казанском университете началась подготовка врачей по специальности «инфекционные болезни». Еще в 1918 г. в Казани под руководством А.Ф.Агафонова была организована Инфекционная больница для детей¹¹².

¹⁰⁷ Там же. С.146.

¹⁰⁸ Казанский ГИДУВ им. В.И.Ленина. 1920–1990. Казань, 1990. С.11.

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф.Р109. Оп.1. Д.25. Л.1.

¹¹⁰ Казанский ГИДУВ им. В.И.Ленина... С.9.

¹¹¹ Здравоохранение в ТССР за 10 лет // Сборник здравоохранения ТССР. 1928. №1. Казань, 1928. С.9.

¹¹² *Анохин В.А.* Инфекционная служба: заслуги прошлого и взгляд в будущее. К 80-летию кафедры детских инфекций Казанского государственного медицин-

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Важной составляющей борьбы с инфекциями было санитарное просвещение населения. В Казани открылся Дом санитарного просвещения, работали специализированные санитарно-гигиенические музеи, проводились лекции, выпускались просветительские брошюры и плакаты. Только за 1925–1926 гг. Татнаркомздравом было издано лишь на татарском языке 20 различных брошюр санитарно-просветительского характера с общим тиражом 900 000 экземпляров¹¹³.

Таким образом, за данный исторический промежуток медицинская культура в Казанской губернии развивалась неравномерно. Серьезным вызовом для медицинской науки и культуры стала эпоха войн и революций. Сократились сроки обучения врачей, увеличилась нагрузка, не хватало медикаментов или же их вовсе не было. В этих условиях, были переоценены традиционные методики врачевания (например, фитотерапия), начались вести исследования по замещению импортных препаратов (аспирин, йод и т.д.). Врачебная корпорация в годы революции пережила внутренний раскол, вызванный идеологическими разногласиями. Самовольные отпуска, рецепты с отсутствующими в аптеках препаратами, влияли, прежде всего, на состояние пациентов. Революционное время стало испытанием для врачебной этики, в ходе которого они должны были ответить на вопрос: применим ли классовый подход к пациентам?

В ходе революционных преобразований была разрушена до-революционная система здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы. Усиленные миграционные потоки, ухудшение условий быта и питания, доминирование вопросов военной медицины, отсутствие санитарного контроля привели к росту эпидемий. Обыденная медицинская культура не была идентична профессиональной, являлась слабым отражением ее достижений. Так, обыватели более чутко реагировали на возможную опасность газовых атак, но совершенно безответственно подходили к употреблению опасных для здоровья суррогатов алкоголя.

Все эти моменты показывают, что в России не была развита индивидуальная медицинская культура, для большинства населения основным ориентиром оставались правительственные директивы в области санитарии, а также указания в рамках больничного лечения. Между тем, без директив, состояние собственного здоровья мало кто связывал с качеством жизни, санитарными ус-

ского университета // Вестник современной клинической медицины. 2013. Том 6, вып. 3. С.5–6.

¹¹³ Здравоохранение в ТССР за 10 лет... С.16.

ловиями вокруг и т.д. Из-за неразвитости медицинской культуры страдала и экологическая культура.

Ослабление санитарного надзора в годы войны и революционного хаоса привело к колоссальному росту различных инфекционных заболеваний. Это было связано с тем, что наряду с достижениями в профессиональной медицинской культуре, широкие массы демонстрировали равнодушие к санитарно-гигиеническим правилам. Традиционное мышление масс изживалось директивными путями в 1920-е гг.

3.3. «Воинские части могут помешать правильному ходу выборов...» (правовая культура населения Поволжья в эпоху революции)

Правовая культура представляет собой концентрированное выражение общей культуры в стране. Именно в правовой культуре сосредотачиваются все духовные и нравственные достижения народа. Правовая культура – это правовой фундамент общества. Уровень правосознания, режим законности, состояние правопорядка, юридическая техника, сбалансированность правотворческой деятельности и правоприменения неизменные элементы правовой культуры, определяющие ее уровень. Высокий уровень данного вида культуры гарантирует незыблемость системы ценностей, накопленных народом в области права, и обеспечивает динамику прогрессивного развития. Однако правовая культура не имеет линейности развития, она, как и все правовые явления, в свою очередь, являющиеся частью социальных феноменов, переживает спады и подъемы, которые можно отследить в определенных исторических этапах существования государственности.

Исторические этапы подъема и развития правовой культуры в России можно выделить достаточно четко:

– период демократических реформ и становление отраслевого законодательства в 1860–1880 гг.,

– становление конституционализма и парламентаризма в 1900–1910 гг.,

– либерально-демократические реформы правовой системы февраля-октября 1917 г.

Каждый из исторических этапов отражает определенный уровень правовой культуры народных масс, общественных групп, непосредственно личности. Проводя исследование правовой куль-

туры нельзя не учитывать региональный фактор в ее развитии. Правовая культура во многом зависит от правового пространства. Таким образом, чем государство более централизованно и меньше по объему, тем единообразнее будет правовая культура на всей территории страны. При этом для больших государств характерна неоднородность правовой культуры. Российская империя была огромным суперцентрализованным и архаичным государством одновременно. Справедливо отмечает В.В. Кочетков, что «в начале XX в. Российская империя представляла собой довольно странное образование. С одной стороны, это была одна из великих (по военной и экономической мощи) держав Европы, а, с другой стороны, – архаическое общество, раздираемое изнутри классовыми, сословными, конфессиональными и национальными противоречиями»¹¹⁴. Например, уровень правовой культуры народностей Прибалтики и Средней Азии был далеко не одинаков. Более того, даже в определенных общественных группах (национальных, сословных), существовавших на одной территории (например, Казанская губерния и Оренбургская губерния), уровень правовой культуры ощутимо различался.

В первую очередь сказывалось отсутствие единого устоявшегося правового пространства, а также действие норм религиозного и обычного права.

Нормы обычного права не позволяли простому народу понять смысл норм материального и процессуального права. Несомненно, что нормы обычного права, заключая в себе элементы национальной культуры, способствовали ее сохранению, однако они требовали определенного регулирования и, порой, даже санкционирования со стороны государства. Например, прогрессивная татарская пресса не раз ставила в упрек народным массам нежелание отрешения от консервативной догматики и бытовых правил поведения не отвечающим требованиям современной жизни¹¹⁵. Таким образом, татарские интеллектуалы старались подчеркнуть, что правовая культура предполагает наличие определенных знаний об основных положениях законодательства и умение в минимальном объеме пользоваться ими. Показательным в этом отношении является труд М.Бигиева о теории государства и права, где он подчеркивал необходимость согласованных действий в юриди-

¹¹⁴ Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX века: монография. М., 2014. С.237.

¹¹⁵ Мусульманская газета. 16 января 1914 г. №2.

ческой практике¹¹⁶. Тем не менее, татарские интеллектуалы не стремились полностью искоренить религиозную специфику из правовой культуры татарского народа. Религиозные нормы формируют нравственность, самобытность, уважение к правовым предписаниям, которые в свою очередь дополняют и обогащают содержание правовой культуры, делая ее более устойчивой к социальным потрясениям.

В целом накануне событий 1917 года, для правовой области были характерны юридические коллизии, законодательство не было до конца систематизировано. Это мешало равномерному развитию правовой культуры по всей стране. Подобная проблема характерна для всех государств, существовавших в форме «империи», будь то Российская, Британская или Французская империи. Данная форма создает внутри страны многонациональные и мультирелигиозные общества, чрезвычайно сложные в административном управлении; законодательство делится на нормы для титульной нации и прочих народов; право приобретает характер сословности. Именно поэтому длительный период существования империи лишь усугубляет ее правовое положение, лишает легитимности режим в целом. В то же время в правовой культуре происходят заметные расщеления.

Таким образом, можно отметить, что в Российской империи существовало одновременно несколько видов правовых культур, объединенных в одну «имперскую правовую культуру». Данный фактор стал одним из катализаторов, вызвавшим революционные события 1917 г. и последующую Гражданскую войну. Сильному давлению подверглась правовая идеология, претерпевая воздействие со стороны крупнейших идейных течений того периода – консерватизма, либерализма, демократии, социализма.

¹¹⁶ Татарские джаиды были не только сторонниками применения новых методов в образовании, но и сторонниками приобщения мусульман к нормам светского права, выступали за глубокую модификацию правовых предписаний шариата и пересмотр норм обычного права. Например, одним из главных трудов Мусы Джаруллаха Бигиева в области теории государства и права является «Введение к трактату «Аль-Муафакат»» («Оригинальный трактат по методам согласования позиций мазхабов»), изданное им в Казани в 1909 г. Данная работа содержит основные разделы теории государства и права, такие как «методология», «источники права», «толкование норм права». Деятельность Мусы Бигиева, как и большинства представителей татарской интеллигенции, в области правовой культуры сводилась к тому, чтобы вырвать татарский народ из глубин низового уровня правосознания (в данном случае из сферы шариата) и перевести на более высокий (комбинация элементов исламской юриспруденции с нормами светского права) (*Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. / сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. Т. 2. Казань, 2006. С.34–44*).

Рассматривая правовую культуру, повторимся, что региональный фактор в ее развитии был чрезвычайно высок. При этом наиболее подходящим для анализа динамики развития правовой культуры в революционный период 1917 года следует обозначить Волго-Уральский регион и, непосредственно, Казанскую губернию. Уникальность Казанской губернии заключается не только в ее многоконфессиональном и многонациональном составе, но и географическом расположении, связывающем Европу и Азию. Казанская губерния с конца XIX в. становилась одним из интеллектуальных и экономических центров империи. Сама по себе Казань выступала как «один из уникальных городов России, где работали органы местного самоуправления, построенные по этноконфессиональному принципу»¹¹⁷. Многочисленность населения, географическое расположение, развитая экономическая основа Казанской губернии притягивали представителей российских политических партий, стремящихся расширить собственную социальную базу. В целом по России в течение 1917 г. в активное политическое противостояние за фундамент будущей государственности и за правосознание народных масс вступили левосоциалистические (большевики, левые эсеры), социально-демократические (правые эсеры, меньшевик, эсены), либерально-демократические (кадеты) и монархически-консервативные (октябристы) группы.

В этот период для Казанской губернии были характерны две особенности: во-первых, практически полное бездействие организованных монархических партий; во-вторых, наличие активных национальных политических групп. Рост политического могущества национальных организаций и рост самосознания народов Казанской губернии не мог не сказаться на деятельности монархически-консервативных групп. Как отмечает И.Е. Алексеев в Казанской губернии *«уже в 1915 г. прекратила свою деятельность последняя местная умеренно-монархическая организация – Казанский «Союз 17 Октября»». Не намного лучше обстояли дела и у черносотенцев; в январе-марте 1916 г. из 55 «де-юре» функционировавших здесь право-монархических организаций и их отделов (общей численностью около 1700 человек) слабо обнаруживали себя лишь 5, 4 из которых находились в самой Казани. Данное обстоятельство ясно указывало на бесперспективность их*

¹¹⁷ Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань, 2015. С.9.

дальнейшего политического существования в прежнем виде»¹¹⁸. В это время в Казанской губернии, смешиваясь с национальными воззрениями, набирали оборот либерально-демократические и социалистические идеи, проникая во все виды правосознания (индивидуальное, корпоративное, групповое, массовое). Тем самым происходило окончательное вытеснение монархическо-консервативных идей, которые служили основой архаичной имперской правовой культуры. В данном отношении правовая культура населения Казанской губернии особо примечательна, так как она одна из первых приступила к формированию новой общероссийской демократической правовой культуры.

Правовая культура – это весьма сложносоставной компонент правовой системы государства, разрушение которого ведет к слому самой системы. На первоначальном этапе формирования новой правовой культуры в послефевральский период 1917 г. огромную роль играли прокламации Временного правительства, которые, как известно, не преследовали цели коренного слома правовой системы. Изложенные доступным для простого населения языком, правовые прокламации распространялись по всем губерниям России. В частности, в Государственном архиве Республики Татарстан можно встретить богатый массив правовых прокламаций. Перечень вопросов в них весьма разнился, однако все они содержали общий либерально-демократический тон.

Особый интерес для истории права представляют прокламации, посвященные земельным и, связанным с ними, лесными правоотношениями¹¹⁹. В качестве примера можно привести прокламацию Министерства земледелия от 1 мая 1917 года, в которой емко разъяснялась суть правового регулирования лесных правоотношений, обращения с землями, входящих в состав лесного фонда, а также указывались органы, наделенные властными полномочиями в сфере лесопользования (местные лесничие, Уездные земельные комитеты)¹²⁰. В целом, распространение правовых прокламаций должно было способствовать не только обеспечению режима законности в стране, но и активному вовлечению простого населения во все сферы правоотношений, постепенному повышению уровня правосознания и правовой культуры.

¹¹⁸ *Алексеев И.Е.* Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905 – февраль 1917 гг.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Казань, 1997. С.21.

¹¹⁹ ГА РТ. Ф.П–36. Оп.3. Д.171. Л.1; Там же. Оп.3. Д.176. Л.1.

¹²⁰ ГА РТ. Ф.П–36. Оп.3. Д.171. Л.1.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

«В период Февральской революции основными политическими силами в Казани были социал-демократы (меньшевики), эсеры и татарские национальные организации. Татарские национальные организации объединяли все политические партии от крайне левых «иттифакистов» до левых эсеров, впоследствии коммунистов»¹²¹. Особо выделяется то, что среди татар видных большевиков-организаторов не было вплоть до августа 1917 г., а среди русского населения преобладали меньшевики, выступавшие за эволюционный путь преобразования правовой системы и государственности страны.

С середины 1917 г. российская социальная демократия, под влиянием меньшевиков и народных социалистов, начинает медленно сходить с «революционного пути» на «эволюционный путь». Это говорит о стремлении создания однородного единого социалистического движения в стране. У населения Казанской губернии формируется понимание того, что правовые завоевания революции требовалось воплощать в законодательстве посредством коалиционного взаимодействия различных классовых и национальных групп, а не усугублять социальный кризис.

Подтверждение сказанному можно найти в исторических аспектах трансформации отраслей права. Например, в трудовом праве, стремление к коалиционному взаимодействию, способствовало развитию на территории Казанской губернии одного из важнейших институтов трудового права – коллективному договору. Так, проекты коллективных договоров (проект договора Общества фабрикантов и заводчиков Казанского района с Союзом рабочих металлистов «Единение», проект договора Профессионального союза металлистов в Казани)¹²² между работодателями и работниками свидетельствуют о достаточно высоком уровне юридической техники.

Повышение уровня юридической техники, последовательность интерпретации, логика структуры изложения юридических документов стали проявляться не только в актах локального нормотворчества, но и в программных документах национальных политических организаций. Это обстоятельство свидетельствует, что за относительно короткое время у нерусского населения Казанской губернии резко вырос уровень правопонимания. Например, обращаясь к таким юридическим документам как «Основы национальной-культурной автономии»¹²³ и «Положению о выборах в органы

¹²¹ Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан. Казань, 2005. С.157.

¹²² ГА РТ. Ф.П–36. Оп.1. Д.164. Л.69–80, 85–86.

¹²³ Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.) / сост. Р.Р. Фахрутдинов. Казань, 1992. С.93–105.

национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири»¹²⁴ от 31 июля 1917 г. можно выделить, что структура разделов выдержана в современном стиле и имеет четкую группировку норм по их правовой значимости. В то же время относительная краткость многих правовых документов, составленных по образцу классических декларативно-учредительных актов конца XVIII – начала XIX в. (например, Декларация прав человека и гражданина, Билль о правах), говорят о стремлении татарской интеллигенции сделать доступным смысл юридического документа, по крайней мере, грамотным слоям татарского населения.

Высокий уровень правовой культуры может сложиться лишь в условиях эволюции государственности и при осознании личностью и обществом ценностей прав и свобод. Общество само должно выработать систему правовых убеждений, а каждая личность в отдельности должна принять привычки правомерного поведения, то есть реализовывать права и исполнять свои обязанности в точном соответствии с законом. Правовая культура не идет снизу-вверх, а, наоборот, формируется сверху-вниз. Интеллектуальные слои посредством правового воспитания должны укреплять правовой фундамент общества. Эта концепция в полной мере была осознана татарской интеллигенцией Казанской губернии. Если их действия в конце XIX–XX вв. были направлены на поднятие общей культуры мусульманского населения, то период 1917 г. характерен деятельностью по распространению правовых знаний в области избирательного права, образовательного права, группы национальных прав, деятельности судебных учреждений и местных органов власти. Так, например, в Резолюции Сопровождающего мусульман (Санкт-Петербург, 15–17 марта 1917 г.) говорилось о необходимости просвещения населения, о деятельности членов мусульманской фракции Государственной думы четвертого созыва по вопросу организации Всероссийского съезда мусульман¹²⁵. Согласно пункту 4 Резолюции признавалось необходимым осуществлять публикацию материалов о деятельности мусульманской фракции, в том числе о ходе подготовительной работы по подготовке съезда. В рамках данных мероприятий был учрежден источник официального опубликования актов, имеющий правовой характер – «Известия Временного центрального бюро российских мусульман»¹²⁶. Эти процессы во многом повлияли на распространение правовых знаний в области избирательного права. Также

¹²⁴ Там же. С.110–111.

¹²⁵ Там же. С.61.

¹²⁶ Там же. С.62.

Резолюцией определялся круг субъектов, на которые фактически возлагались обязанности, как по освещению деятельности представителей мусульман, так и правовому просвещению населения. В качестве таких субъектов были определены: общественные организации, культурно-просветительские и благотворительные общества, кооперативы, общество мелкого кредита, студенческие организации. Более того, руководствуясь политическим положением тех или иных организаций в обществе и их участием в период революционных событий, был выведен определенный круг субъектов, способных оказать важное идеологическое воздействие на массы. В частности, отдельную и специфичную группу «правораспространителей» составили: Петроградский гарнизон, Крымский полк, Кавказская дивизия, Осетинские полки, Туркменский полк, мусульманские женские организации¹²⁷.

Выделение с самого начала воинских формирований в особую группу «правораспространителей» можно считать ошибкой, так как уже в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание они стали выступать на стороне левосоциалистического лагеря, прежде всего большевиков¹²⁸. Поэтому в период корниловского выступления в августе 1917 г. сторонники конституционной (ограниченной) диктатуры уже не могли опереться на армию, как на основную силу для водворения правопорядка в стране. В связи с чем в своем большинстве воззвания генерала Л.Г. Корнилова были обращены исключительно к народу, а не к воинским частям¹²⁹. После ноябрьских боев 1917 г. в Москве, большевистская пресса официально передала роль «правораспространителей» солдатским массам. Так, в одном из номеров газеты «Социал-демократ» №197 от 1 ноября 1917 г. однозначно указывалась: *«Московский бой оставит вечный, неизгладимый след в сознании массы населения... Кроме общей противоположности классовых интересов, московский бой с чрезвычайной ясностью обнаружил классовый характер армии в буржуазном строе. ... Все командиры (в «новой» армии. – прим. Д.З.) должны быть выборные ... Это поведет к превращению армии из орудия угнетения в орудие защиты свободы и справедливости»*¹³⁰. Тем самым, солдатские массы становились примером сосредоточения демократических начал – «выборности власти», «гарантом прав и свобод», «олицетворением справедливости».

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.145. Л.4.

¹²⁹ ГА РТ. Ф.П-36. Оп.1. Д.309. Л.163.

¹³⁰ Социал-демократ. 1 (14) ноября 1917 г. №197.

Еще одна особенность революционного периода 1917 г. заключалась в том, что участниками правового просвещения народных масс становились солдаты. Естественно, уровень их правосознания был невысок, но в то же время он был выше, чем у крестьянина или пролетария. В последний период Первой мировой войны степень правовой информированности населения значительно возросла за счет пропаганды. В то же время правосознание солдатской массы было заточено на социалистических доктринах о ликвидации частной собственности, на концепции федерализма и децентрализации, на новых принципах международного права и межгосударственных отношениях. Большевики последовательно идеологизировали солдатские массы, зная, что их можно использовать в качестве грубого орудия революционных преобразований. Весьма интересно содержание одной статьи из газеты «Рабочий» №39 от 20 августа 1917 года, в которой оценивался уровень идеологической готовности солдатских масс: *«Солдат тогда пойдет в бой, когда он будет знать, что он защищает не буржуазию, не буржуазный строй, а свой народ, защищает свою народную пролетарскую власть»*¹³¹. Эта особенность революционного периода не могла не оказать влияния на правовую культуру всего населения России.

Бесспорно, роль военных комитетов, советов солдатских депутатов и просто солдатских масс в развитии правовой культуры населения Казанской губернии имела существенное значение. Так, Казанская городская по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссия опасалась чрезвычайно большой активности военных комитетов, тем самым, при формировании избирательных участков для проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание, стремилась оградить население от влияния солдатских масс. В заседании Казанской городской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии от 16 октября 1917 г. отмечалось, что *«при выборах гласных городской думы выделение воинских частей в особые участки имело лишь положительные результаты и состоялось по особому соглашению с военным начальством»*¹³². Далее, согласно Протоколу Казанской городской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии от 21 и 22 октября 1917 г. было принято следующее решение: *«Комиссия считает необходимым оставить эти участки (специальные участки для воинских чинов. – прим. Д.З.) в том виде, в каком они были образованы городской*

¹³¹ ГА РТ. Ф.П-36. Оп.1. Д.219. Л.47-48.

¹³² ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.145. Л.3-3 об.

Управой при городских выборах по соглашению с военным начальством, ибо наплыв воинских чинов в участки, образованные для остального населения, может повлечь нежелательные столкновения и помешать правильному ходу выборов. Удобство выделения воинских участков доказано происходившими городскими выборами»¹³³. Принятое правовое решение стало итогом предшествующих заседаний Казанской городской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии.

Помимо «обычных» солдатских комитетов, на территории губернии стали образовываться и действовать и мусульманские, несшие с собой национальную специфику. Мусульманские военные комитеты наравне с национальными организациями, гражданского характера, стали оказывать весьма существенное воздействие на правосознание татарского народа. Стал увеличиваться рост большевистских настроений. Воззвание¹³⁴ января 1918 г. о поддержке советской власти от имени солдат-мусульман, в лице Всероссийского мусульманского военного Шуро, Мусульманского военно-окружного комитета Казанского военного округа, Мусульманской казанской гарнизонной организации, достаточно четко отражает немалую степень влияния мусульманских военных организаций на все население Казанской губернии. Являясь порождением военного времени, мусульманские военные комитеты, в большей мере, отстаивали принципы единоначалия и централизации, чем иные организации, что в полной мере отразилось в последующем периоде Гражданской войны. Для развития правовой культуры это значило прекращение ее ломки и начало нового этапа формирования, отличающегося милитаризованным характером.

Примечательным является и то, что мусульманские военные организации отличались намного большей степенью дисциплинированности в сравнении с русскими. *«На первых порах большевики относились к Вошуро и местным мусульманским военным организациям лояльно, особо не поддерживая и не мешая, – отмечал исследователь И.Г.Гиззатуллин. – Они придерживались тактики разложения Вошуро снутри. Постепенно разногласия Вошуро с Советской властью становились явью»¹³⁵. Мусульманские военные организации не восприняли большевистскую идею полного слома правовой культуры, которая вела лишь к анархии, что стало одной из причин участия значительной части солдат-мусульман и офицеров*

¹³³ Там же. Л.4.

¹³⁴ ГА РТ. Ф.П–36. Оп.3. Д.189. Л.1.

¹³⁵ Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). Казань, 2002. С.84.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

в антибольшевистских вооруженных силах на территории Волго-Уральского региона, в особенности, в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в 1918 г.

В революционный период 1917 г. повышение правовой грамотности шло параллельно с политической агитацией. Основным источником правового просвещения выступали средства массовой информации. Например, татарская пресса активно стала поднимать проблемы правового регулирования правоотношений центральной и местной власти, распределения предметов ведения уровнями власти, судопроизводства на родном языке, организации местного самоуправления, национального образования, земельных правоотношений. Уголовная хроника позволяла отслеживать уровень криминогенности в Казанской губернии и в национальной среде, что определенным образом влияло на морально-нравственные качества личности читателя. Широкий круг поднимающихся проблем способствовал росту интереса к праву, прежде всего, в низших слоях населения Казанской губернии.

Многочисленные проблемы Казанской губернии требовали решения в правовых рамках регионального и местного законодательства, но никак не центрального, которое не способно было отразить местную специфику. Проблемы местного самоуправления полностью проявили себя в период подготовки и выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Например, в резолюции Общего собрания Казанского губернского и уездного земств и губернского комитета всероссийского земского союза от 1 ноября 1917 г. указывалась, что укрепление центральной власти могло произойти «лишь при непосредственном участии органов местного самоуправления и демократических организаций»¹³⁶.

Рассматривая формы местного самоуправления периода 1917 г., начиная от городского и заканчивая волостным, можно выделить резкий спад правовой грамотности низовых единиц местного самоуправления. Если городские органы самоуправления могли себе позволить комплектование высококвалифицированными кадрами, то мелкие единицы самоуправления состояли лишь из деревенской интеллигенции. Так, в Сообщении Казанской Уездной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии №5 от 7 октября 1917 г. в Казанскую Окружную Комиссию отмечалось, что грамотных людей в деревне набрать крайне трудно, за недостатком интеллигентных рабочих сил, также указывалось на плохое взаимодействие между звеньями органов ме-

¹³⁶ Крестьянская Казанского Губернского Земства Газета № 87 от 7 ноября 1917 года // ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.145. Л.58 об.

стного самоуправления¹³⁷. Тем не менее, реформа по образованию низовой единицы местного самоуправления (волостных земств), проведенная Временным правительством, дала определенные результаты, особенно в части повышения индивидуального и группового правосознания. К концу 1917 г. уже сформировалась, хотя и не значительная, прослойка квалифицированных «деревенских канцеляристов», которых в первую очередь отпраздляли на ответственную работу в Волостные Исполнительные Комитеты и в Волостные Избирательные Комиссии¹³⁸.

Развитие правовой культуры можно проследить, не только посредством формирования объективного отношения общества к праву, правовой деятельности, режиму законности, правопорядку, правоприменению, но и посредством способности участия субъектов в политической деятельности. При этом следует подчеркнуть, что сама политическая деятельность не является инструментом измерения правовой культуры, она лишь отражает ее и, отчасти, способствует ее формированию. Таким образом, проводившиеся в Казани в течение 1917 г. мероприятия общественно-политического характера выковывали специфику национальной правовой культуры не только в Казанской губернии, но и всего Волго-Уральского региона. В результате многочисленных съездов и конференций, организуемых на территории Казанской губернии, отчетливо видно, как происходило формирование гражданского общества и нового исторического витка развития правовой культуры.

Например, в июле 1917 г. в Казани одновременно были организованы три съезда: II Всероссийский мусульманский съезд, I Всероссийский мусульманский военный съезд и Съезд мусульманского духовенства. Помимо мусульманских съездов в течение июня-июля 1917 г. прошли Всероссийские съезды отдельных национальностей Казанской губернии, в частности это Чувашский съезд в Симбирске (20–28 июня), Марийский – в Бирске (15–25 июля), Вотские в Глазове (13–14 июня и 14–16 июля). Национальные съезды оказали значимое влияние на развитие правовой культуры, как в Казанской губернии, так и в целом в Волго-Уральской регионе, хотя и не смогли в полной мере раскрыть свой правотворческий потенциал.

Значение Казани в Волго-Уральском регионе увеличивалось пропорционально росту политической и правовой активности местного населения губернии. Интересным является и то обстоятельство, что, предвидя кризис власти и дальнейшее углубление револю-

¹³⁷ ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.147. Л.1–1 об.

¹³⁸ Там же.

ции, Временное правительство рассчитывало на стабилизацию обстановки в Казанской губернии посредством воздействия на планируемые в середине 1917 г. съезды и конференции, в том числе мусульманские всероссийского характера. Этому свидетельствуют многочисленные телеграммы на имя Казанского губернского комиссара с распоряжениями о необходимости разъяснений в части предметов ведения центральной и местной власти существующим общественно-политическим организациям на территории Казанской губернии. Например, регламентировались вопросы о том, что деятельность кооперативов по заготовке продовольственных продуктов для армии и населения не подлежит контролю местных общественных комитетов, или о недопустимости вмешательства посторонних и некомпетентных лиц в организацию железнодорожного дела и железнодорожных перевозок¹³⁹. Следует согласиться с выводами Р.З. Мансурова, что «главными проводниками своей власти в провинции Временное правительство считало губернских и уездных комиссаров, а общественным комитетам отводило роль связующего звена между властью и обществом»¹⁴⁰.

Временное правительство надеялось, что его идеалы будут донесены общественно-политическим организациям через органы государственной власти на местах. С одной стороны, органы Временного правительства на местах имели крайне слабый властный авторитет, с другой Временное правительство боялось идти на прямой контакт с общественно-политическими и национальными организациями, наделив их реальными властными полномочиями. Таким образом, складывалась ситуация, когда органы государственной власти не обладали реальными механизмами воздействия и, откровенно в условиях кризиса, оказывались беспомощны, но при этом общественно-политические и национальные организации, имея реальную власть и способность влияния на сознание определенных групп населения, не имели легального механизма их осуществления. В большей мере для них оказывалась закрытой сфера правотворчества. Они не смогли принять легального правового участия в формировании базового фундамента правовой культуры.

Как социально-демократические, так и либерально-демократические течения к формированию новой правовой культуры шли эволюционным путем, трансформируя правовые убеждения народных масс путем вовлечения их в правотворческие и правопри-

¹³⁹ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.20; ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.24.

¹⁴⁰ Мансуров Р.З. Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. Казань, 2006. 188 с.

менительные процессы. Например, деятельность Временного правительства не была направлена на полную ликвидацию законодательной базы Российской империи, а лишь на ее поэтапную демократизацию и замену новыми нормами права, более логично и грамотно выстроенными систематизированными актами.

В это же время все действия большевиков, начиная с июльского кризиса 1917 г., были направлены на деформацию правовой культуры и дальнейший ее слом. Они стремились перевести развитие правовой культуры из правовых рамок в идеологические, не стесняясь «заигрывать» с национальными движениями и организациями на территории Казанской губернии. Обозначая образовавшееся российское государство 1917 г. как «буржуазное» и «капиталистическое», большевики не признавали имевшиеся достижения в области права и правовой культуры. Хотя в последующих исторических этапах становления советского государства огромное количество тех же самых «буржуазных институтов» и «капиталистических правовых норм» были всецело ими перенесены в область социалистической правовой системы и государственности. Так, *«дореволюционные юристы стали активно вовлекаться в законотворческий процесс (в Советской России. – прим. Д.З.). Однако в результате преобладания юридического нигилизма многие предыдущие достижения правовой культуры были преданы забвению. Классовый подход к правовой культуре, к ее ценностям (справедливость, разумность и др.) стал доминирующим»*¹⁴¹.

Подводя итоги, следует отметить, что революционный период 1917 г., в целом, вызвал рост правовой культуры населения Казанской губернии. Через политические акции, митинги, лекции, прессу повышалось объективное отношение общества к праву и уровень знаний о праве. В результате проведения правовых реформ Временным правительством, прежде всего, в области судостроительства (стремление к формированию четырехзвенной системы судов общей юрисдикции, появились предпосылки образования административной юстиции) и судопроизводства (четкое разграничение его видов, введение демократических принципов правосудия, отправление правосудия на национальном языке), а также местного самоуправления (введение мелкой единицы – волостного земства), к середине 1917 г. имперская правовая культура рухнула. Однако правовая культура либерально-демократического режима Временного правительства так и не была сформирована. Временное правительство формируемому режиму пы-

¹⁴¹ Насурдинов Э.С. Правовая культура. М., 2016. С.158.

талось придать всесословный характер, который и должен был обеспечивать демократический правопорядок и задавать динамику эволюции правовой культуры.

При этом в легитимации данного режима Временное правительство особую роль отводило судебной ветви власти. Уже в начале своего властвования Временное правительство занялось реорганизацией судебной системы непосредственно с низового уровня. Так, в период подготовки к выборам во Всероссийское Учредительное собрание представители судейского корпуса становились гарантами законности избирательного процесса. В качестве примера здесь можно привести то, что Съездом мировых судей Казанского городского округа от 10 октября 1917 г. в Казанскую городскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию избраны два представителя¹⁴². В конце осени 1917 г. на смену либерально-демократической правовой культуре пришла новая социально-демократическая, которая тоже была краткосрочной и весной 1918 г. пала под давлением левосоциалистических идей.

На примере Казанской губернии отчетливо проявляется путь исторического развития правовой культуры. Важную роль при этом играла свободная пресса и пропаганда. В революционный период представители национальных групп также стали больше вникать в понимание правовых ценностей.

Татарские интеллектуалы еще на рубеже XIX–XX вв. совершили быстрый подъем к вершинам юриспруденции. Некоторые из них проявили себя в этой сфере уже в эмиграции¹⁴³. Этот факт не столько резко повысил уровень правовой культуры в интеллектуальных слоях населения, сколько увеличил качество основного ее структурного элемента – правосознания (в части теоретического и профессионального уровней и форм его проявления – правовой психологии и правовой идеологии). Февральская революция 1917 г. вызвала необходимость обоснования именно исторической закономерности восстановления национальной татарской государственности.

Наибольшую динамику развития правосознания дал именно 1917 г., когда волна «правовых гарантий» захлестнула умы всех слоев населения, тем самым заставив его задуматься о системе правовых ценностей, правовых идей, убеждений, правовых традиций, принятых членами определенной общности и составив са-

¹⁴² ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.142. Л.41.

¹⁴³ *Зайнутдинов Д.Р.* Татарские правоведы и татарская правовая мысль в начале XX века // Частные миры Великой русской революции. Сборник научных трудов. Казань, 2017. С.142–149.

мо понятие правовой культуры. В революционный период правовая культура начинала отождествляться с правовой системой новой демократической России.

Однако действия большевиков были направлены на разрушение всех блоков старой правовой культуры, что естественным образом вызвало духовный кризис правовой жизни общества, деградацию личности, переменой целой системы ее социальных ориентиров в период Гражданской войны. При этом двигателем большевистских идей тоже была свободная пресса. В Казанской губернии после октября 1917 г. основным рупором была газета «Знамя Революции», где широко освещалась социалистическая сущность проводимой национализации земель, тем самым выковывая новый уровень правовой культуры – советский¹⁴⁴.

Отличительной чертой большевистской прессы являлось то, что в ней доминировал обыденный вид толкования нормативно-правовых актов высшей юридической силы вместо профессионального. Это, в свою очередь, делало язык правовой интерпретации доступным для всех слоев населения. Но, в отношении большевиков один из профессоров Казанского университета С.Покровский в 1917 г. отмечал: «*Демагоги – это ораторы, зависящие от произвола публики. Ее доверие изменчивое, преданность временная*»¹⁴⁵. Чем общество более анархично, неграмотно, некультурно, тем сильнее становится сила демагогии, а право начинает играть второстепенную роль, законность сменяется целесообразностью. Это полностью доказано революционным периодом 1917 г. и, особенно, Гражданской войной 1918–1920 гг. Ужасы красного террора и продовольственной разверстки, деятельность чрезвычайных судов и трибуналов, надругательство над религиозной стороной жизни, все это стало следствием большевистской пропаганды.

В качестве яркого примера могут послужить Положение о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г.¹⁴⁶ или Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 12 декабря 1919 г.¹⁴⁷ Подмену законности целесообразностью можно найти уже в пункт-

¹⁴⁴ Знамя революции . 1917. 29 декабря. №44.

¹⁴⁵ Крестьянская Казанского Губернского Земства Газета № 87 от 7 ноября 1917 года // ГА РТ. Ф.201. Оп.1. Д.145. Л.58–58 об.

¹⁴⁶ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О революционных трибуналах (Положение) от «12» апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1919. №13. Ст. 132.

¹⁴⁷ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1919. №66. Ст. 590.

те 1 статьи 1 Положения о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г., согласно которому революционные трибуналы были учреждены «со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких других деяниях, идущих против всех завоеваний октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти»¹⁴⁸. В Советской России, на территории которой активно действовали революционные трибуналы, чрезвычайные суды, чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, идеи революционизма сводили к нулю саму сущность правосудия. Революционизм окончательно разрушил прежнюю правовую культуру, но, при этом, не способен был начать формирование новой.

3.4. «...Эти обстоятельства открывают путь к пониманию всего безобразия происходящего» (культура общения жителей Казанской губернии в начале XX века)

Одним из показателей уровня развития общества является культура общения. Это основной способ взаимосвязи и взаимодействия, при обмене информацией всегда демонстрируется определенный человеческий опыт, который выражается не только в содержании разговора, но и в жестах и интонации. *«Культура общения при том или ином культурно-историческом типе общественных отношений полное свое проявление находит в межиндивидуальном общении, актуализирующем все, что есть «человеческого» в социальных и общественных отношениях»*, – отмечает исследователь И.А.Ильева¹⁴⁹.

Культура общения в российском обществе в историческом срезе является практически неизученной научной проблемой. Именуемые исследования о дореволюционном времени касаются, в основном, так называемого высшего общества или рассматривают специфические формы общения¹⁵⁰. Между тем изучение ис-

¹⁴⁸ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О революционных трибуналах (Положение) от «12» апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1919. №13. Ст. 132.

¹⁴⁹ *Ильева И.А.* Культура общения. Опыт философско-методологического анализа. Воронеж, 1989. С.132.

¹⁵⁰ *Розенталь И.С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007; *Шокарева А.* Дворянская семья. Культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М., 2017.

торического опыта культуры общения представляется актуальной исследовательской задачей, ведь углубление в особенности межличностного взаимодействия в различные исторические периоды дает важный материал для понимания эпохи.

Дореволюционное российское общество было сложным образованием, с различными ментальными установками, обусловленными сословными, этническими, конфессиональными и многими другими различиями. Серьезную роль в обществе играли должностные лица, поддерживавшие традиции авторитарного управления в государстве. Характерной чертой сословной России было чинопочитание, которое понималось как внешнее проявление уважения к начальству. Например, словарь Ф.А.Брокгауза и И.Ф.Ефрона так и определял чинопочитание: *«Уважение, как юридическая обязанность, в сфере военных дисциплинарных отношений состоит не в одном воздержании от поступков, оскорбительных для чести начальника, но и в оказании ему наружных знаков почтения»*. Конечно, самым известным таким знаком, дошедшим до наших дней, является отдание воинской чести. В царское время для военных существовали специальные пособия о чинопочитании¹⁵¹.

Служащие (как гражданские, так и военные) делились на различные классы. От класса чина зависело его титулование. К лицам 1-го и 2-го классов (среди них были генералы, министры и т.д.) можно было обратиться только как «Ваше высокопревосходительство», к тайным и действительным статским советникам, генерал-лейтенантам и генерал-майорам, вице-адмиралам, контр-адмиралам, к различным придворным чинам – «Ваше превосходительство», статским советникам 5 класса – «Ваше высочорodie». Уступавшие им по чину коллежские и надворные советники, коллежские асессоры, полковники и капитаны ждали обращения «Ваше высокоблагородие». Наверно, чаще всего можно было в различных присутственных местах услышать «Ваше благородие». Это популярное титулование относилось к чинам 9–14 класса, куда относились титулярные советники, коллежские секретари, губернские секретари, коллежские регистраторы, штабс-капитаны, поручики и подпоручики, прапорщики, лейтенанты флота и мичманы.

¹⁵¹ Правила воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд. СПб., 1884; Воинское чинопочитание и постоянный вестовой (деньщик): Памятка для ниж. чинов по уставам гарнизон. и внутр. службы. Калуга, 1901.

Данные речевые нормы относились и к императорской фамилии, и к другим аристократам: начиная от «Ваше Императорское Величество», «Ваше Императорское Высочество» (обращение к великим князьям) до «Ваше Сиятельство», «Ваше Благородие».

Титулование было также в духовной среде. К православным священникам в зависимости от сана прихожане обращались по-разному: «Ваше Высокопреосвященство» (митрополиты и архиепископы), «Ваше Преосвященство» (епископы), «Ваше Высокопреподобие» (архимандриты, игумены монастырей и протоиереи), «Ваше Преподобие» (иеромонахи и иереи), «Ваше Благовестие» (протодиаконы и диаконы).

Для остальных слоев общества не были предусмотрены специальные формы обращения. Это могли быть «сударь» и «сударыня», «господин» и «госпожа». Впрочем, встречались «барин», «барыня», и, конечно же, «барышня». Но они были уместны не для всех.

Революционное время, с колоссальными социальными потрясениями, выступает своеобразным индикатором культуры общения. В этой связи представляет большой интерес Казанская губерния – поликонфессиональный, многонациональный край Поволжья. Конечно же, существовал культурный разрыв между представителями различных конфессий и этносов. Хотя совместное проживание на одной территории порождало потребность в общении, это были не частные беседы, а, главным образом, деловые контакты.

Например, татарские предприниматели уже с середины XIX в. начали открывать совместные предприятия с русскими коммерсантами. Для такого межнационального общения, как правило, нужно было знание русского языка, т.к. знатоков татарского языка среди русских было немного. Они встречались преимущественно среди миссионеров. Казанский миссионер Е.Малов оставил в 1881 г. в дневнике следующую запись: «Абдрахман Апанаев по-русски говорит довольно правильно и пишет; учился он по-русски у казанского священника Аполлона Александрова»¹⁵². Судя по всему, знание русского языка нужно было предпринимателю для продвижения его коммерческих дел. В начале XX в. русский язык активно учили не только купцы и их дети, но и представители интеллигенции. Некоторые бывшие шакирды татарских медресе специально снимали жилье в русской части города. Так, писатель Галимджан Ибрагимов арендовал комнату у русских хозяев, чтобы

¹⁵² ЦПимН ИЯЛИ АН РТ. Ф.56. Оп.1. Д.1. Л.12.

чаще практиковать свои знания. Хотя такое же жилье в татарской части города стоило значительно дешевле¹⁵³. Очень показательно, что «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски», подготовленный А.Вагаповым, с 1852-го по 1911 г. переиздавался 18 раз¹⁵⁴.

Татары начали переделывать на собственный лад русские слова: например, кантур (контора), испрауник (исправник), сутник (сотник), сажин (сажень), мижа (межа) и т.д.¹⁵⁵ Как видно, фонетическая адаптация неологизмов приближала их к нормам татарского языка, поэтому из разговорной речи некоторые из переделанных слов позднее перешли в литературный татарский язык. Среди них өстэл (стол), чират (очередь), мич (печь), кесэл (кисель) и другие¹⁵⁶. Не всеми эти перемены одобрялись, а у некоторых людей вовсе вызывали тревогу. Например, поэт М.Гафури в 1911 г. писал, что «если и дальше будет так продолжаться, то через двадцать-тридцать лет никто не поймет содержание книги, написанной на чистом татарском языке»¹⁵⁷. Но это было лишь начало будущих перемен в татарском языке.

До революции внутри татарского сообщества существовали свои речевые нормы, хотя титулования, вроде «Вашего благородия», не было. На рубеже XIX–XX вв. при обращении к религиозным деятелям к имени обычно добавляли слово «хазрат», а к богатому человеку – «бай». Образованные люди в своей речи все чаще стали применять татарские аналоги французских обозначений «мсье» – «мадам» – «мадмуазель»: «эфенди» – «ханым» – «туташ».

Культура общения в татарской среде имела свою специфику. В публичной сфере в этот период наблюдалось разграничение на женскую и мужскую половину. Например, проводились отдельные женские и мужские меджлисы. Поэтому открытое общение между представителями разных полов было практически невозможно. Это было допустимо лишь в семейном кругу, либо при острой необходимости, когда дело касалось функционального общения женщин с мужчинами-представителями ряда профессий (продавцы, врачи и т.д.). Что касается частного общения, то молодые

¹⁵³ Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. Казан, 1968. Б.183.

¹⁵⁴ Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. Казань, 1997. С.45.

¹⁵⁵ Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. Автореферат дисс. ... д.филол.н. Алма-Ата, 1967. С.34.

¹⁵⁶ Хангильдин В.Н. Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре. Казан, 1976. Б.74.

¹⁵⁷ Гафури М. Сайланма әсәрләр. Казан, 2010. Б.342.

парни и девушки практиковали в большей степени письменную форму речевой коммуникации, они обменивались записками, писали письма. Существовал особый письменный стиль общения, с определенными шаблонами с многословными приветствиями и пожеланиями, со стихотворными формами.

Среди шакирдов – учащихся татарских медресе в конце XIX – начале XX в. получило распространение искусство мусульманской дискуссии – моназара. Шакирды с удовольствием участвовали в богословских диспутах, где демонстрировали как свои религиозные знания, так и ораторское умение, быстроту реакции, остроумие. Особо выделял «...великое правило религиозной философии и исламское умение вести дискуссию» и богослов Галимджан Баруди¹⁵⁸. Но шакирдов волновало не столько содержание диспута, а сама форма. После первой русской революции моназара сошли на нет, на смену пришли другие дискуссии светского характера, в клубах и вечерах, на страницах прессы.

Несмотря на сложности, обусловленные этнокультурными особенностями населения Казанской губернии, совместное проживание на одной территории предполагало ежедневную коммуникацию.

Что касается межсловных различий, то к 1917 г. они были сильно нивелированы и уже не имели того социокультурного значения, как, например, в середине XIX в. Хотя в Казани продолжало существовать и Дворянское, и Купеческое собрание. Именно дворяне составляли большинство земских деятелей. Безусловно, в их корпоративной среде, несмотря на все попытки «служения народу», сохранялся определенный сословный снобизм. Например, вот как охарактеризовал в своих мемуарах земский деятель, дворянин Н.А.Мельников делегатов местного Совета, явившихся на заседание губернского земского собрания летом 1917 г. Как известно, после изменений в муниципальном законодательстве, принятых Временным правительством, членами муниципальных органов власти стали представители разных социальных слоев, ранее не проходивших по имущественному цензу. Он пишет, что толпа новых депутатов вела себя «развязно», «одной кучей, уселись за стол Земского собрания». Спустя несколько десятилетий после описываемых событий, он воспроизводил в памяти, как «злобно, с перекошенными ненавистью физиономиями, смотрело на нас все это грязное, косматое и вонючее стадо». Автор мемуа-

¹⁵⁸ Баруди Г. Памятная книжка // Казань. 1998. №1. С.37.

ров сожалел о том, что делами земства овладели «отребья населения и политические проходимцы»¹⁵⁹.

Межличностный диалог всегда строился с учетом определенной субординации: возрастной, должностной, социальной, гендерной и т.д. Одной из главных составляющих культуры общения является частная беседа. Привычная модель частного разговора, обусловленная темпераментом человека, традициями воспитания, особенностями социокультурной среды, транслируется и на другие виды общения, уже за рамками частного пространства.

Эпоха революций начала XX в. оставила свой отпечаток на повседневном укладе. Время цензуры и запретов усиливала роль слухов в общественной жизни. Двигателем слухов были частные разговоры, на них реагировали даже официальные представители власти. Даже разговоры в узком кругу знакомых могли стать причиной жандармских преследований и судебных разбирательств¹⁶⁰. Если общее недоверие было характерно больше для городской среды, то общение в сельской местности имело немного другие особенности. Это было связано с тем, что сельское население было представлено социальными группами с тесными семейно-родовыми и общинными связями, где действовали иные нормы поведения.

Частью повседневного общения, как в городе, так и в деревне были межличностные конфликты. «При кажущейся патологичности ссоры как типа социального взаимодействия или при восприятии ссоры как искажения «правильных» отношений обмена она является одним из необходимых механизмов корректировки внутренних границ группы людей в повседневности...», – пишет исследовательница деревенской ссоры как культурологической проблемы А.Кушкова¹⁶¹. Однако деревенская ссора, являвшаяся нормой в «своей» сельской общине, за ее пределами воспринималась как социальная девиация. Так, в другой культурной и этноконфессиональной среде, где присутствовали носители иных социокультурных традиций, ссора из безобидного полуритуального действия превращалась в угрозу общественному спокойствию и безопасности.

¹⁵⁹ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С.287–288.

¹⁶⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1899. Л.1.

¹⁶¹ Кушкова А.Н. Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2016. С.260–261.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Например, буферной зоной для прибывавшего из деревень крестьянства становилось фабрично-заводское пространство. Социальное взаимодействие в маргинальной среде происходило с осложнениями. Ссоры иногда завершались физическим насилием. Показательны в этой связи взаимоотношения между работницами казанской фабрики Алафузовского общества. Выяснения отношений между работницами, в том числе в жилых помещениях фабрики, легко могли доходить до драки. В правилах внутреннего распорядка предприятия были пункты о запрете брани, сквернословия и ссор¹⁶².

Эта агрессивная волна являлась прямым следствием повседневной практики хамства и грубости (распространенной как в обывательской среде, так и официальной), когда ежедневно нарушались границы человеческого достоинства, ущемлялись права личности. Именно такими моментами очень часто сопровождалось *иерархическое общение* (общение начальника и подчиненного). В этом коммуникативном акте субъекты общения имели разные статусы, один зависел от другого. Очень показательны отношения работодателей и работников, учителей и учеников, служащих и рабочих. Их взаимоотношения регулировались всевозможными правилами поведения, но на практике они не всегда соблюдались. При этом правила касались, прежде всего, нормы поведения подчиненных. Например, воспитанники Казанской татарской учительской школы (правила 1905 г.) «в отношениях своих к инспектору, учителям, надзирателям и ко всем служащим в школе» были «должны приучаться держать себя вежливо, внимательно, говорить сдержанно, при встрече в первый раз кланяться»¹⁶³. Между тем, не было оговорено, как должны вести себя надзиратели и учителя. Возможно, поэтому данные взаимоотношения оставались не до конца урегулированными, возникали различные конфликты.

«Обращения администрации с рабочими самое грубое, – вспоминал бывший казанский рабочий П.К.Николаев, – так, например, директор завода Мурен всех рабочих звал, эй черт, поди сюда». Ему вторил другой рабочий, металлист В.Ситников. Обращались либо «...просто эй штучка иди сюда, или еще позорнее, хуже, как манят обыкновенно собак, у которых не знают имени, чмокая губами и делая жесты пальцем, куда нужно идти, и что

¹⁶² Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Указ. соч. С.96.

¹⁶³ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. док. и материалов. Казань, 2005. С.186–187.

делать», – писал он в 1925 г.¹⁶⁴ Работница казанского завода братьев Крестовниковых А.Салмина, вспоминая о смотрителе-мастере, отмечала: «О чем-нибудь его спросишь, а он крикнет только: «закрой хайло и помалкивай!»¹⁶⁵. Как в годы первой русской революции, так и во время событий 1917 г. одним из претензий рабочих была не только материальная неудовлетворенность, но и грубое обращение начальства.

«Безобразно грубым начальником» называли современники командующего войсками Казанского военного округа А.Г.Сандецкого, причем такую характеристику генералу давали представители высшего офицерства. Впрочем, военачальника не жаловали и солдаты, что они в полной мере продемонстрировали после февраля 1917 г., когда первым делом арестовали ненавистного командующего¹⁶⁶. До этого Сандецкий давал указания о необходимости применения исключительно жестких методов относительно «инородцев». Одной из претензий генерала было то, что нижние чины из их числа не умели различать офицеров по погонам и путались в обращениях¹⁶⁷.

Откровенная грубость при иерархическом общении приводило к тому, что грубость сопровождала как *функциональное общение* (например, общение между продавцом и клиентом), так и частные контакты. Например, среди единичных обязательных постановлений Казанской городской думы за 1905 г. одно почти целиком было посвящено манерам поведения извозчиков. Им строжайше запрещалось «...заводить брань и драку, позволять себе над проходящими насмешки, непристойно громкий разговор, крики, делать такие действия, которые могут оскорблять чувство стыда и приличия...» клиентов. Конечно, извозчики являются лишь частью городского населения, но с другой стороны их поведение было выкристаллизовано в какой-то мере отношением к ним самой клиентуры – представителей различных социальных слоев. Грубость извозчиков, очевидно, можно рассматривать и как реакцию на принижение их человеческого достоинства¹⁶⁸. В

¹⁶⁴ Человек в революции. Казанская губерния Т.1. 1905 г. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2016. С.85.

¹⁶⁵ Ключевич А.С. Указ. соч. С.114.

¹⁶⁶ Абдуллин Х.М. Командующий войсками Казанского военного округа Александр Генрихович Сандецкий: поступки и восприятие обществом в 1917 г. // Частные миры Великой русской революции. Сб. научных трудов. Казань, 2017. С.218–223.

¹⁶⁷ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Указ. соч. С.134.

¹⁶⁸ Человек в революции. Казанская губерния... Т.1. С.200.

упомянутых выше правилах поведения воспитанников КТУШ, принятых в том же 1905 г., также были пункты, призывающие учеников быть вежливыми в общественных местах, воздерживаться от «оскорблений, ссор и прочего»¹⁶⁹.

Оскорбления и ссоры оставались самой распространенной проблемой частной и общественной жизни. Еще в дореволюционную эпоху в данной повседневной практике наметилась любопытная тенденция – доносительство. Жалобы стали основным средством для сведения счетов с оппонентами. После ссоры один из субъектов общения писал донос на своего противника в органы власти. Но в качестве предмета разногласий указывалось «произнесение дерзостных слов» в адрес императора. В Казанской судебной палате, в Казанском окружном суде в начале XX в. рассматривалось немало таких дел «об оскорблении Его Императорского Величества».

В годы Первой мировой войны такой ярлык вешался практически всем, кто в разной форме сопротивлялся мобилизации или же сбору средств. Особенно много судебных дел об «оскорблении» императора было зафиксировано в сельской местности. Доносительство в годы войны являлось, во многом, продолжением межличностных конфликтов, которые имели место и в мирное время. Но в этот период, когда все правоохранительные органы были сконцентрированы на поиске внутренних шпионов, любые обывательские высказывания могли быть использованы против человека и судебный процесс запускался в короткие сроки. Эта практика стала особенно активно внедряться после 1905 г., в годы реакции.

Таким образом, к 1917 году разные формы общения и в частном, и общественном пространстве имели схожие проблемные моменты: 1) неуважение личности собеседника; 2) неумение разрешать конфликты мирным путем; 3) доносительство как средство разрешения конфликта. Но герои февраля 1917 г. декларировали противоположные идеалы – свободу и равенство, открытость к диалогу, стремление к «демократизации» общественных институтов, уважение личности каждого гражданина страны. Отменялось традиционное чиновничество, титулование, все стали гражданами новоявленной Российской республики. Постепенно видоизменялась и культура общения. Вместо «господина начальника» появился «гражданин начальник». Но многие привычки остались.

¹⁶⁹ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. док. и материалов. Казань, 2005. С.186–187.

23 марта 1917 г. начальник казанской городской милиции издал специальный приказ, где предупреждал новых охранителей порядка о необходимости отказа от некоторых традиций. *«Приближается праздник Св.Пасхи, во время которого нижние чины бывшей полиции обыкновенно ходили по домам с поздравлением и получали при этом «на чай». Теперь в период возрождения России, каждый милиционер должен твердо помнить, что он свободный гражданин и что хождение с поздравлениями, с целью получить при этом так называемые «праздничные» унижает чувство собственного его достоинства»,* – говорилось в документе, в котором милиционерам строжайше запретили принимать от населения «благодарности за службу»¹⁷⁰. Вероятно, из-за таких привычных установок представителей власти (в первые месяцы должность милиционеров часто занимали бывшие служители царской полиции) население стало выступать против милиционеров-полицейских. Они требовали их замены на тех, кто до революции не служил в правоохранительных органах. Летом-осенью 1917 г. казанский губернский комиссар был вынужден дать распоряжения о том, что в рядах общественной милиции не допустимы бывшие служащие царской полиции и «по возможности» рекомендовал заменять их другими лицами¹⁷¹.

Представители новых органов власти предпринимали попытки изменить сложившиеся традиции общения. Однако техническое устранение сословных, конфессиональных, имущественных границ еще не значило полную отмену культурного и языкового барьера. Хотя некоторым казалось, что наступило время диалога. Например, упоминая о Мусульманском социалистическом комитете на Варламской улице Казани, М.Вахитов отмечал: *«на том месте, где когда-то происходили свалки между мусульманами и русскими, теперь в дни пролетарских праздников происходят трогательные братанья рабочих-мусульман с русскими рабочими»*¹⁷². Однако те же самые пролетарии продолжали говорить на разных языках. На митингах, где присутствовало смешанное население (например, русское и татарское), всегда ораторы выступали либо с переводчиком, либо был отдельный выступающий-татарин¹⁷³. Революционеры отчаянно пытались сформировать классовое единство, а между тем, как среди рабочих, так и крестьян суще-

¹⁷⁰ Камско-Волжская речь. 1917. 29 марта. №69.

¹⁷¹ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.117

¹⁷² Мулламур Вахитов. Сб. документов и материалов / под ред. Р.И.Нафигова. Казань, 1985. С.34.

¹⁷³ Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973. С.53.

ствовал языковой барьер. И, во многих городах, в том числе в Казани, на митингах и собраниях требовался переводчик или оратор-татарин. Но кроме трудностей перевода была еще проблема традиционных установок, менталитета населения.

Некоторые люди, привыкшие к авторитарному обращению, на попытки новых властей наладить контакт с обществом в демократичной манере реагировали порой неожиданным образом. Так, товарищ председателя Сотнурской волостной продовольственной управы Царевококшайского уезда Л.Тихонов отмечал в сентябре 1917 г., что крестьяне не понимают такого обращения. «... Для них странно и непонятно, что должностные лица постоянно «просят дать им те или иные сведения, тогда как раньше приказывали...», – писал он. В итоге в ответ на «просьбы», а не «приказы», они начинали требовать подчинения властей им. Объясняли это крестьяне тем, что чиновники «выбранные нами и нас должны слушать»¹⁷⁴.

Отмена традиционных норм поведения и общения привела к особенно печальным последствиям в военной сфере. Здесь произошли радикальные перемены, спровоцированные не действующей властью, а Петроградским Советом. Отменялось титулование офицеров, отдание чести офицерам и генералам, офицерам запретили «тыкать» солдатам. Но солдаты в атмосфере вседозволенности начали проявлять грубости и издевательства, даже физическое насилие. И это стало нормой. Например, в августе 1917 г., после взрыва на Пороховом заводе, в Казани было введено военное положение. Однако нижние чины отреагировали на этот приказ по-своему. По сообщению губернских властей, «солдаты с офицеров с оскорблениями снимали оружие, одетое вследствие приказа о военном положении»¹⁷⁵. Неудивительно, что, возвратившись в родные края, те же солдаты вели себя достаточно жестко – торжество грубой силы было уже проверено на собственных офицерах. Поэтому крестьяне прислушивались больше к солдатам-односельчанам, нежели к новым представителям власти. Последние отмечали, что крестьяне «отчасти боятся своих живущих в отпуске солдат»¹⁷⁶. Например, художника-дачника П.Радимова крестьяне с. Еласы близ Козьмодемьянска предупреждали, чтобы он избегал солдата Федора. Но художник все же столкнулся с ним на базарной площади. Вот как он описывал эту встречу: «Федор долго молчал, а потом, натужась, спросил угро-

¹⁷⁴ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.144–144 об.

¹⁷⁵ Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973. С.86.

¹⁷⁶ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.42. Л.144–144 об.

жающе: «Что ты делаешь?». Я сказал, что вот уголок базара рисую. «Врешь, ты для немцев планы снимаешь». Молчание, и вдруг резкий удар со всего размаху кулаком по щеке»¹⁷⁷. Когда не было коллективного сопротивления такого рода выходкам, грубая сила все больше и больше распрямляла свои крылья.

В начале 1917 г. общество раскололось на сторонников «старой» и «новой» власти, на имущих и угнетенных. Поэтому общественные силы теперь были направлены на поиски бывших тайных агентов, информаторов «охранки», старых служащих полиции и т.п. лиц. Окончательно имена провокаторов и агентов тайной полиции для широких слоев населения были раскрыты лишь после октября 1917 г., когда архивы жандармерии стали доступны общественности. Однако, даже после публичного осуждения деятельности тайных агентов царских правоохранительных органов, данная практика доносительства продолжалась, а в советское время возродилась уже в другом обличье.

В 1917 г. как представители бывшей царской власти, так и действующие «хозяева жизни» стали обозначаться одним словом – «буржуй», которое приобрело самый негативный смысл. В условиях роста цен и дефицита товаров, всеобщего хаоса, буржуем могли назвать кого угодно, в глазах своих оппонентов «буржуй» всегда оказывался на вершине новой социальной иерархии.

Например, проанализировав взаимоотношения крестьян Казанской губернии с эвакуированным населением, исследователь Д.Люкшин приходит к выводу, что в 1917 г. социальные коммуникации поволжской деревни пострадали из-за нарушения логики «морально-экономического диалога». Согласно этой традиции пришлые группы должны были соблюдать «этику выживания», выступать в роли просителей и своим униженным видом инициировать начало диалога с местными жителями. Но в условиях военного времени традиционная деревенская иерархия серьезно видоизменилась. Состоятельные беженцы и интернированные люди могли позволить себе покупку дефицитных продуктов, занимали прислугу из числа местных бедняков. Крестьяне-общинники перестали чувствовать себя хозяевами и копили свои обиды¹⁷⁸. Иными словами, крестьяне считали эвакуированных людей «буржуями».

В целом, «буржуя» необязательно надо было быть состоятельным человеком, торговцем или мешочником. Так могли называть и ненавистного офицера, и отлынивающего от военной

¹⁷⁷ Радимов П.А. О родном и близком. Воспоминания. М., 1973. С.27–28.

¹⁷⁸ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С.96–97.

службы призванного. Как отмечает исследователь Б.Колоницкий, «аморальность, пошлость, отсутствие патриотизма были в разных ситуациях достаточными основаниями для причисления к «буржуазии»¹⁷⁹.

К тому времени уже прошла постфевральская эйфория от наступившей свободы и равенства. Но новоиспеченная республика равноправных граждан сохранила сословные установки царской России. Причем, если раньше люди, стоявшие на нижних социальных ступенях, мирились с высокомерным обращением, то теперь аналогичное неуважение к личности наблюдалось уже по отношению к так называемым «буржуям». Например, упомянутый выше земский деятель Н.А.Мельников запомнил заседание Казанского губернского земского собрания лета 1917 г. с «перекошенными ненавистью физиономиями». *«Товарищи, – заорал он (представитель местного Совета – прим. ред.) полупьяным, сиплым голосом, – мы пришли сюда не болтать. Это помещики да буржуа занимались здесь болтовней 50 лет, а нам некогда!»*, – писал об этом эпизоде своей жизни Мельников спустя много лет¹⁸⁰.

Свидетель революционных дней философ Н.Бердяев отмечал, что «появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц»¹⁸¹.

«Даже простой выгон скота лесником с культур или посевов, вызывает страшное озлобление, доходящее до угроз сжечь или убить, как это видно из рапорта объездчика. Обращения лесной администрации не действуют...», – докладывал заведующий Ильинским лесничеством Казанской губернии 12 мая 1917 г.¹⁸² Впрочем, и сами должностные лица отвечали агрессией. Например, председатель волостного комитета Жедяевской волости Спасского уезда, В.Одинцов зафиксировал в дневнике события 2 мая 1917 г., где он спорил с лесничим, отстаивая собственную правоту. *«Я поехал в Юрткульское лесничество к лесничему Сергееву, который, основываясь на законе николевском, никак не хотел пускать в лес для сбора сучков и валежника никого и грозил, что «кто придет в лес, я прикажу стрелять в тех». Мои убеждения на*

¹⁷⁹ Колоницкий Б. Семнадцать очерков по истории российской революции. СПб., 2017. С.120.

¹⁸⁰ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С.287–288.

¹⁸¹ Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб., 2015. С.269.

¹⁸² ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.32. Л.130.

него не подействовали, он не хотел выслушивать никаких доводов, и я ничего не добился от него мирным путем и мотивировками». В результате, на следующий день председатель волкома поехал к лесничему уже не «как к гражданину, а как к царскому бюрократу», и с трудом уговорил его. Лесничий допустил крестьян в казенный лес¹⁸³. Автор не поясняет, как именно ему удалось договориться с оппонентом. Но, разделение им обращения как «к гражданину» и как «к царскому бюрократу» указывает, что эти коммуникативные акты имели разную тональность. Вероятно, с «буржум» особо не церемонились.

Многие выплескивали свою революционную энергию не только на митингах и собраниях, но и в общении с близкими, соседями, коллегами и т.д. Начались разборательства в трудовых коллективах, где фабрично-заводские комитеты принялись сводить счета с ненавистными мастерами и специалистами. В Казанской губернии взаимоотношения работодателей и работников были под контролем Советов и подчинявшихся им профсоюзов. Владельцам предприятий было отказано в праве увольнения рабочих, в явочном, одностороннем, порядке устанавливались часы работы, такими же агрессивными методами решался вопрос о повышении заработной платы. Для разбора конфликтов между работниками и работодателями функционировали согласительные и примирительные камеры.

Создание судейского органа в сфере производства указывает на широкую распространенность конфликтов. В примирительных камерах были представлены обе конфликтующие стороны, и от рабочих, и от администрации. Сама идея третейского органа призвала к мирному разрешению конфликтов, к объективности при рассмотрении спорных ситуаций. Например, в обращении Казанского городского фабричного рабочего комитета от 11 марта 1917 г. подчеркивалось, что необходимо «вежливое обращение с администрацией, которая и с Вами должна быть вежливой». «Докажите, товарищи, что Вы хорошие работники, достойные уважения, а не угнетения», – говорилось в документе¹⁸⁴. Однако на деле замысел был реализован с большими упущениями.

В первой инстанции, согласительной камере, заседали только представители рабочих, поэтому работодатель сталкивался с агрессивным отношением доминирующего пролетариата. «...Самое печальное это сплошное издевательство над личным достоинством, которое позволяют себе там жалобщики и которое поощряется и разделяется членами этого, с позволения сказать, суда», – писала

¹⁸³ Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973. С.159.

¹⁸⁴ ГА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.12.

в своей жалобе на согласительную камеру владелица казанской торговой лавки Софья Израэлит. За увольнение своей работницы предпринимательницу обязали заплатить за полгода, хотя работала она меньше. За несогласие с этим решением и желание обжаловать его, С.Израэлит несколько дней провела в тюрьме.

«...Мы нравственно потрясены создавшейся вокруг нас атмосферой озлобления», – писали в своем коллективном заявлении на имя казанского губернского комиссара владельцы шляпных мастерских г. Казани, в связи с затянувшимся трудовым конфликтом. К слову, из этой спорной ситуации сами работодатели и работницы могли бы вполне выйти мирным путем. Но им препятствовали активисты из профсоюза и рабочего Совета, преследовавшие собственные политические задачи¹⁸⁵.

Конфликты наблюдались не только в трудовых коллективах, но и в других корпоративных сообществах. Например, в июле 1917 г. планировалась учреждение Примирительной комиссии для улаживания конфликтов между причтами и прихожанами г. Казани, уездных городов и сел при Казанском Епархиальном съезде¹⁸⁶. Однако губернские власти нашли, что положение о примирительных комиссиях слишком одностороннее и защищает главным образом интересы духовенства. Поэтому учреждение данной комиссии отложили на неопределенное время¹⁸⁷.

Между тем нужно было улаживать конфликты не только между прихожанами и духовенством, но и внутри церкви. Так, 1 Сентября, 1917 г. на Епархиальном съезде духовенства и мирян Казанской Епархии П.Рождественский, выступающий от имени пасторской организации г.Казани отмечал: *«...К сожалению, среди духовенства г. Казани нет мира и полного единения». Из-за этого, по мнению выступающего, серьезно пострадал авторитет служителей церкви. «...Общество отвернулось от нас, оно устраивается своими силами, своим разумением. Нам необходимо принять все меры к сплочению духовенства и созданию общей и «дружной работы», – заключал священник¹⁸⁸.*

Если городские конфликты в трудовых коллективах пытались разрешить при помощи третейских органов – согласительных, примирительных камер, то в сельской местности социальные коммуникации в этот период ничем не регулировались. Религиозные служи-

¹⁸⁵ Человек в революции: Казанская губерния Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р.Габурафиковой. Казань, 2017. С.97–98.

¹⁸⁶ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.103.

¹⁸⁷ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.28. Л.108.

¹⁸⁸ Известия по Казанской Епархии. 1917. 22 декабря. №39. С.659.

тели не всегда могли выступить в роли местных авторитетов, в новых условиях они не надеялись на помощь органов власти. Отношения населения с должностными лицами были самыми неоднозначными. Как было показано выше, вежливое обращение нового начальства находило самый неожиданный отклик. В целом, любое замечание должностных лиц, не отвечающее социальным ожиданиям, могло завершиться скандалом и даже рукоприкладством.

В летне-осенний период 1917 г. как в сельской местности, так и в городах общение происходило на повышенных тонах, агрессия пронизывала самые разные сферы общественной жизни. *«Вместо слов любви дети окружены словами всеобщей ненависти. Классовая, межгосударственная и межиндивидуальная вражда доведены до высшего давления. Всюду лозунги: бей, убивай, захватывай, конфискуй и т.д. Мораль борьбы затмила мораль солидарности»*, – констатировал П.Сорокин в статье «Грядущее молодого поколения», опубликованной 29 сентября 1917 г. в газете «Воля народа»¹⁸⁹.

Сразу после Октября 1917 г. большевики взяли под контроль почтовую корреспонденцию, тем самым лишив всех граждан права на частную жизнь и частную корреспонденцию. Люди уже проходили через это, когда военная цензура следила за всеми переписками. В надежде оградить письма от посягательств цензоров, авторы писем придумывали разные шифрования, использовали особые обозначения и т.д. Февраль 1917 г. на короткий срок даровал свободу слова и печати, в том числе частной переписки. Однако уже в конце октября 1917 г. Революционный штаб Казани начал контролировать корреспонденцию. Но забастовки служащих государственных учреждений, почтово-телеграфной службы, различных банков и других неравнодушных лиц, вызванные этой новостью, ни к чему не привели¹⁹⁰. Это был один из сигналов о наступлении другого времени.

Из трудовых коллективов новые вызовы и требования рабочих переключали в частную сферу. *«Революция на время прервала простые и ясные отношения, существовавшие между нижним и верхним этажами»*, – писала Л.Рейснер о доме пристава в Адмиралтейской слободе г. Казани. Пристав сдавал подвальный этаж своего дома рабочим семьям, но после революционных событий жильцы перестали платить за аренду, без спроса начали пользоваться чужим имуществом. Периодически между хозяевами и рабочими семь-

¹⁸⁹ Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000. С.147.

¹⁹⁰ История Казани в документах и материалах. XX век. Казань, 2004. С.374.

ями случались «острые, истерические, грубые скандалы». Разрешением этого бытового конфликта стало доношение пристава на своих квартиросъемщиков, когда Казань оказалась в руках белых. «Вечером полиция чинно забирала очередного жильца; наверх пили чай, мамаша чутко прислушивалась к возне внизу, папаша невинно, бесконечно долго и радостно толковал о том, что ему и самому жаль, но как христианин и офицер он не имеет права укрывать и пр.»¹⁹¹. Так красный террор сменялся белым, и наоборот. А все начиналось с обыкновенного неудавшегося диалога.

«В Мамадыше был начальник чрезвычайки Гаев, бывший сельский писарь. Расстрелял одного лишь за то, что тот в детстве обидел его. Расстрелял еще тех, кто попросил возврата долга. Всего расстрелял 28 человек. Теперь и сам расстрелян», – записал житель Казани в своем дневнике 29 июля 1919 г.¹⁹² В этом небольшом замечании вся трагедия эпохи, где нередко сводились личные счеты.

Царских чиновников периода Временного правительства сменили другие представители власти. Они руководствовались только принципом грубой силы. *«Навыки старого быта не исчезают. «Новое начальство» столь же грубое, как старое, только еще менее внешне благовоспитанно,* – еще в декабре 1917 г. отмечал М.Горький. – *Орут и топают ногами в современных участках, как и прежде орали»*¹⁹³. Эти традиции сохранились и в 1920-е гг., в том числе на предприятиях. Например, в 1925 г. начальник Татарского отдела ОГПУ сообщал о том, что администрации Казанской махорочной фабрики и Мыловаренного завода им. М.Вахитова (бывш. завод Крестовниковых) *«провоцируют своих рабочих грубостью, бюрократизмом, несправедливыми действиями и рукоприкладством»*¹⁹⁴. Но не всегда подобные «провокации» начальства заканчивались публичным конфликтом и ссорой, в 1920-е гг. рядовые граждане (например, рабочие предприятий) становились добровольными помощниками органов госбезопасности. Как отмечают исследователи вопроса, мотивы «информаторов» были самыми разными¹⁹⁵.

¹⁹¹ Рейснер Л. Избранное. М., 1980. С.32–33.

¹⁹² Тихая Волга: Документальная хроника 1917–1935 гг. / авт.-сост. С.А.Хакимов, Е.Г.Артемова. Казань, 2006. 37.

¹⁹³ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 2000. С.8.

¹⁹⁴ История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амиханова. Казань, 2004. С.408.

¹⁹⁵ Офицерова Н.В. К вопросу о «новой этике»: поведение рядовых коммунистов в 1920-е гг. // Духовная жизнь региональных сообществ: история, традиции, современность. Сб. докл. Казань, 2013. С.208.

Образование Татарской автономии обострило проблему межнационального диалога. Некоторые деятели революционного движения Казанской губернии предпочли уехать из Казани, не смирившись с национальным статусом административного образования¹⁹⁶. Декларативные заявления революционных дней о братстве всех пролетариев в реальности столкнулись с когнитивным диссонансом. 25 июня 1921 г. ЦИК Совнаркома ТАССР принял декрет «О реализации татарского языка в пределах Татареспублики». С этого времени делопроизводство, как в государственных учреждениях, так и в кооперативах и профсоюзах, начали вести на двух государственных языках – русском и татарском. Были организованы курсы татарского языка для служащих, бюро переводчиков при госучреждениях, выпускались учебные пособия. Одним из способов поощрения двуязычных специалистов стало их премирование.

Параллельно шло усиленное реформирование татарского языка, из которого вычеркивались все арабизмы и фарсизмы. Исчезли из обихода старые обращения, вроде «эфэнде», «ханым», «ту-таш». Но обращения по фамилии с приставкой гражданин /товарищ или же по имени и отчеству человека тоже применялись не столь широко, а только в определенных кругах. Поэтому в публичной сфере активнее стали использовать родственно-возрастные обозначения даже между чужими людьми: абый, абый, апа, туган и другие. Например, к учителям чаще обращались «абый» или «апа». Слова арабского, персидского, турецкого происхождения заменяли либо народными (тюркскими) словами (например, хэят – тормыш, мэмләкэт – ил, мәркәз – үзәк, и т.д.), либо придумывались новые слова на основе тюркских корней. Так, среди них такие слова, как тәзелеш, оешма, элемтә, бишьеллык, урып-жью, көнчыгыш, төньяк, кушымта, өчпочмак, чагылыш, чынбарлык и другие.

В дореволюционное время слова «Исәнме», «Саумы» присутствовали в повседневной лексике, но лишь в советский период традиционное официальное приветствие «Әссәләмәләйкем» было заменено на «Исәнмесез/Саумысыз»¹⁹⁷. А напоминанием о старинном мусульманском приветствии осталось лишь слово «Сәләм» в значении «Привет».

Эти меры довольно сильно разъединили татарский язык с другими тюркскими языками. Провозглашенный в конце XIX в. принцип газеты «Тарджеман» и его редактора И.Гаспринского о единстве языка для всех тюрков в советское время, конечно же, не

¹⁹⁶ ГА РТ. Ф. П-30. Оп.3. Д.332. Л.4.

¹⁹⁷ Абдуллина Р.С. Сөйләм культурасы. Казан, 2012. Б.174.

принимался во внимание, и делалось все возможное для обособления родственных языков. В этот период изменились названия месяцев, взамен арабских обозначений были введены латинские. Русские заимствования применялись без фонетической адаптации, что меняло общее звучание татарского языка. Всего к 1927 г. было введено более 15 тысяч слов, это было связано и с отказом от старых обозначений, переработкой некоторых из них, а также с заимствованиями. Сфера применения татарского языка значительно расширилась и постоянно росла потребность в новых терминах, соответствующих по смыслу реалиям советской эпохи¹⁹⁸. Безусловно, введение большого количества слов западно-европейского и русского происхождения, упрощало язык и делало его более доступным для изучения.

По данным 1923 г. среди русских служащих учреждений г. Казани из ответственных работников 6,2% владели разговорным татарским языком, из технических специалистов – 2,1%¹⁹⁹. Таким образом, языковая политика дала уже некоторые положительные результаты. Но в этом движении были очевидные потери: увеличился разрыв между дореволюционным татарским интеллектуальным наследием и советским вариантом татарской культуры и языка.

В культуре общения, как периода Временного правительства, так и в советское время официально отсутствовало титулование и чинопочитание. Все население состояло из граждан и гражданок, не было больше ни сударей, ни сударынь, ни «Вашего благородия», ни «Вашего сиятельства». Политическое обозначение «товарищ», принятое в партийной среде (причем, представители разных партий не могли применять в отношении друг друга это слово), уравнило и мужчин, и женщин. Таким образом, «товарищ» означал союзничество в каком-то деле. До широкого распространения в контексте партийного товарищества, этим термином обозначали «компаньона» (например, в коммерческом товариществе) или «заместителя» (например, товарищ городского головы). После 1917 г. население делилось на «граждан» и более привилегированных «товарищей».

Но в обществе так и сохранилась разобщенность, подкрепленная к тому же неразвитостью культуры общения, отсутствием уважительного отношения к собеседнику. Единственным местом, где допускалось общение на «равных» – это коллективные собрания и дискуссии, которые как эхо революционной «языковой

¹⁹⁸ Хаков В.Х. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20–30 нчы еллар). Казан, 1985. Б.42.

¹⁹⁹ История Казани в документах и материалах... С.577.

свободы» продолжали еще существовать в 1920-е гг. Но позднее и они приобрели формальный характер.

Обычные речевые коммуникации строились либо в просительной, заискивающей манере, либо в требовательном, агрессивном тоне. *«На профессора Груздева одна баба из Рабкринна накричала и составила протокол за покупку предметов по высокой цене, – записал в своем дневнике 18 апреля 1921 г. один житель Казани. – Тот дошел до председателя ЧК Иванова через свою пациентку, жену Иванова, с просьбой о снятии с него обвинений, изложенных в протоколе. Иванов арестовал бабу. Пусть де не зазнается».* При этом автор дневника уточняет, что обещание чекиста арестовать представительницу рабоче-крестьянской инспекции «смutilo Груздева», якобы он этого не желал²⁰⁰. Но профессор, судя по этому сообщению, не нашел ничего иного, как ответить на агрессивный выпад тем же способом, правда, при помощи других лиц.

Некоторые воспринимали эти реалии по-философски. Например, наблюдая за пассажирами парохода, богослов Г.Баруди записал в своем дневнике: *«прежде люди разделялись на классы, между ними была большая дистанция; и соответственно селились они в разных местах и волей-неволей вынуждены были сохранить дистанцию. Нынешняя последняя революция изменила многие основы...».* Знаменитый мулла успокаивал себя тем, что есть и полезная сторона от «совместного пребывания воспитанных и невоспитанных»: «общение важно для взаимопонимания и усвоения лучшего». Галимджан-хазрат полагал, что как невоспитанные, так и воспитанные сумеют извлечь из этого положения свои уроки. *«Для тех, кто видит на примерах жизни и в театрах безнравственные поступки, это естественное общение, конечно, будет кстати, – отмечал он. – Пророк Гайса возглашал: «Я научился приличию у безнравственных».* Так что, рассматривая эти обстоятельства на пароходе философским взглядом, можно не тосковать по старому – эти обстоятельства лишь открывают путь к пониманию всего безобразия происходящего»²⁰¹.

Популярной статьей тех лет стали обвинения в «контрреволюционной агитации». Источником такого рода обвинений тоже были частные разговоры. Например, в январе 1921 г. в «контрреволюционной агитации» был обвинен монах Фёдор Соколов, задержанный в с. Старый Кувак Бугульминского узда. По дороге из Бугульмы в Казань он остановился в доме Анны Сушковой. За чашкой чая, разговаривая с хозяйкой дома, он рассказывал об Антихристе

²⁰⁰ Тихая Волга... С.65.

²⁰¹ Баруди Г. Памятная книжка // Казань. 1997. №10–11. С.82.

Весенний этюд. Художник П.А.Радимов. 1912 г. ГМИИ РТ, КП-3820. Ж-152

Дом в г.Чистополе, где до октября 1917 года проходили собрания большевиков. НМ РТ, КППи-116189

تاتارچه مارسیلیزا .

طلانلیق طوغانلر ایسکی طورمشنی ، اول طورمشدن ایلگه فایه بوق .

بولسه بایلر ایله نیک تورهلر ، آرقابزده راحت کورهلر .

کیرهکی ، طانلیمز ایسکی طورمشنی ، کیرهکی ، یاخا بول باتلیمیز :

یاخا بول باشخی یول ، بر جبرسز ، تیگز راحت طورا باتلیمیز .

طورگزر ، کونهراکزر اشچی کشیلر ،

قارشى طور دشمنغه آچ کشیلر ،

یاخغرا دنیاغه اوچ آوازی ،

آلغه ، آلهه ، آلهه ، آلهه .

بایلر ، جوان قورصانلر قۇبسزلر تورلی یاقدن بزنی قابیلر .

بزنک آرقا نیوریزده سیمروب آققق آرزغیزی طالیلر .

آچغیقهی شولار سیمروسن دیب ، آچغیقهی شولار طویسون دیب .

کون ایبوسن ، تون ایبوسن کوزکرا کنی ده آخرده ات ایبتوب کوسون دیب .

طورگزر ، کونهراکزر اشچی کشیلر ،

قارشى طور دشمنغه آچ کشیلر ،

یاخغرا دنیاغه اوچ آوازی ،

آلغه ، آلهه ، آلهه ، آلهه .

بزرگه طهللق نیک قیرده ، موندنه سکوندنه بورچ حاضرله ،

پادشا - جلان بایلار آتاسی ، آخا ناغی قانگنی نورهله ،

اچسون ایکان قانگنی حضورلاب . آلسون ایکان مالگنی زورلاب ،

پادشاهه خدمتکده دیب طوریللاب ، آلسون ایکان بالانگنی خورلاب .

طورگزر ، کونهراکزر اشچی کشیلر ،

قارشى طور دشمنغه آچ کشیلر ،

یاخغرا دنیاغه اوچ آوازی ،

آلغه ، آلهه ، آلهه ، آلهه .

جیتهر ایندی کورده کوب خورقلر . بارده ایسکی طورموش شوملغی ،

طارلقده ، قۇلقده کوب ایزلنکله ، بارده ظالم پادشا شوملغی .

نیگه صولگ بز همان نیک باتامیز . نیگه بر زور قازق قاقیمیز ،

پادشاسون ، جاسوسن هم تورهسن ، شول قازقمه بیهیلوب قویمیز .

طورگزر ، کونهراکزر اشچی کشیلر ،

قارشى طور دشمنغه آچ کشیلر ،

یاخغرا دنیاغه اوچ آوازی ،

آلغه ، آلهه ، آلهه ، آلهه .

اکر ایسکی طورمشنی بقرسنگله ، یاخا طورموش نورینی چهچهر ،

پادشا ، بایلار . تورهلر ، بارده برسی برسینه فچار .

منه بارچه خلق بر طوغانندای ، هم آنادن یاخا طوغانندای ،

دوست بولور ، حریبولور کۆکه نوشندای ، طوق بولور کۆکلی صافی کۆشهی .

طورگزر ، کونهراکزر اشچی کشیلر ،

Листовка. Текст песни «Марсельеза» на татарском языке.
1917 г. НМ РТ, КППИ-104578

Рубашка-косоворотка. Автор
С.С.Боратынская. Казань,
1912 г. НМ РТ, КП-26582

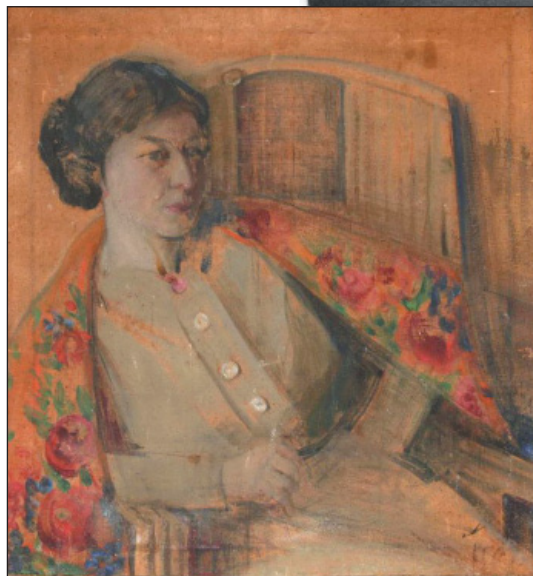

Алафузовский образовательный дом. 1900 г. Казань, 2013 г.
Фото Л.Р.Габдрафиковой

Занятия в Алафузовском начальном училище. Казань, начало XX в.

Галиаскар Камал с
семьей – жена Гайша-
ханум и сын Анас.
Казань, 1911 г.
ИМ РТ, КП-17551/20,
ИЕГ-15772

Портрет Сары Шакуловой
– первой женщины-татарки
математика. Художник
Н.М.Сапожникова. Казань,
1916 г. ИМ РТ, КП-17357.
Ж-123

Дом Даутова.
Конец XIX в. Село Большая Атна, Атинский район РТ, 2015 г.
Фото А.И.Ногманова

Дом Загидуллы Шафигуллина. Конец XIX в. Деревня Акзегитово, Зеленодольский район РТ, 2018 г.
Фото А.И.Ногманова

Дом Ахметхана-бая. Начало XX в. Деревня Кырлай,
Арский район РТ, 2012 г. Фото А.И.Ногманова

Татарская слобода г.Казани. Начало XX в. НМ РТ, КППи-116957/1

<https://kazved.ru/article/40612.aspx>

Кинотеатр «Электра».
Казань, начало XX в.

Члены Президиума союза
рабочих и служащих кино-
театров г.Казани. 1917 г.
НМ РТ, ДВХ-17/594

۲۹

مصطفی - عمادی دهه! حضرتکده اور شول. اولده
تیل کشیمی.

عمادی - بوق، حضرت! سیکا آوراق بولونی تلهمیم. لکن
حضرت سکوک شول باش کیچلوره، آتفه کیچلوره مینگه
جانم شونه بولسون ایسی، مینمه جانم شونهغی بالا - چاغانگ قرآنی
طکلاب شادانسون اییدییم. . . . آی حضرت!
محبوبه - آی حضرت! (حضرت کولندن لله نی اولغان کک
طورا).

صیغهآله - حضرتنگده دوستدن دشمنی کوب، اوکارن
آلدیرلر.

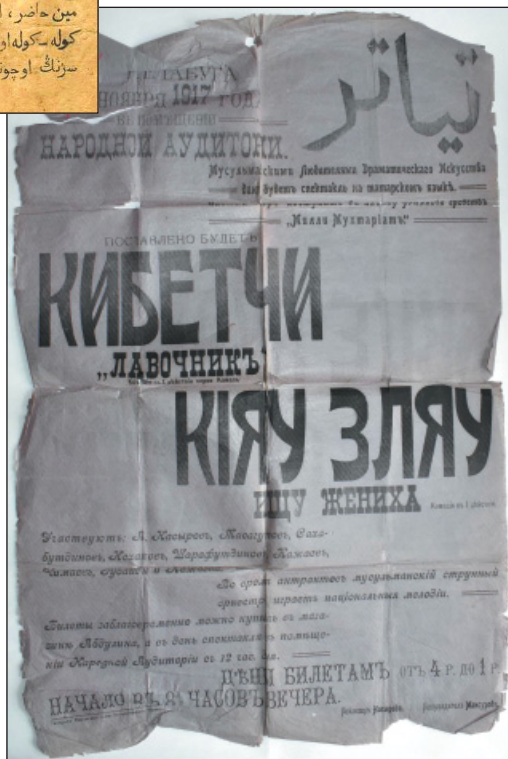
حضرت - بیک کوب مشقت چیکدک. مسجد قارطی بولوب
عمر اونکهدک، عمادی آغا، یاری سینگ چناراکنی وصیتکچه
قیلوب مسلمان قیرینه کومدورمن.

عمادی - رحمت حضرت! رحمت حضرت! الله تعالی سیگر
اوجماحک ایشوکلرن آجق قیلسون!

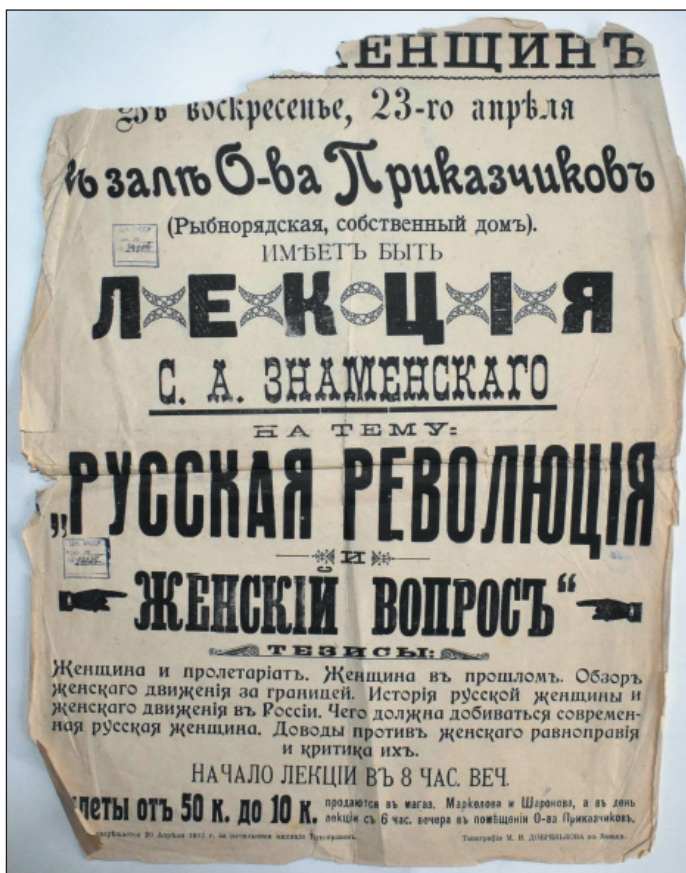
محبوبه - رحمت حضرت، رحمت، رحمت! بز موگلی لرنی
سویونلرگان اوچون الله تعالی سیکا آخرت شادقلرن بیرسون!
(حضرتک قولن آلوب اوبه کچی بولا، حضرت بیرمن).

شهسبی - (آتفه طروب، قول باغلاب) رحمت حضرت!
حجادی - بو شادلقنی کوررم دیوب اوبلاماغان ایدم.
مین حاضر، اوغلانلر، آتاسینگ قوینونده یوقی طورغان بالا کبک،
کوله کوله اولم. مین حاضر، اوغلانلر، بارگزینده حضرتک طابشروب،
سزنگ اوچونده طنجلاب جان بیرم. حضرت! بولانزنگ آتاری

Газз Исхаки. Фрагмент пьесы
«Зулейха» на татарском языке.
1917 г. НМ РТ

Афиша спектаклей на татарском языке – комедий «Лавочник» и «Ищу жениха» – в постановке театральной труппы Елабуги. Ноябрь, 1917 г. НМ РТ, КППИ-121081

Афиша лекции С.А.Знаменского «Русская революция и женский вопрос». Казань, апрель 1917 г. ИМ РТ, КППи-101347

Благотворительная марка Культурно-просветительного отдела. Казань, 1917 г. Частная коллекция

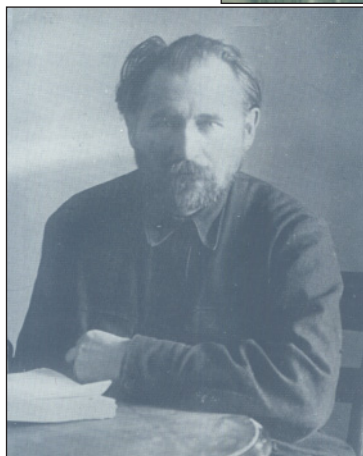
Выпускницы Казанской женской гимназии. 1917 г. ГА РТ

Урок труда в татарской женской школе г.Чистополя. 1917 г.
НМ РТ, КП-24485/5

Дом на ул.Рыбнорядской, где в 1917 году размещались Казанский комитет РСДРП и редакция газеты «Рабочий». Казань, начало XX в. *НМ РТ, КППи-116823/1*

В.М.Бахметьев – редактор газеты «Знамя революции». Фотокопия. Первая половина XX в. *НМ РТ, КППи-125924*

И.Г.Мохов – член редколлегии газеты «Рабочий» с женой и дочерью. 1917 г. *НМ РТ, КППи-120307/1*

Зимний дворик. Художник Н.И.Фешин. 1917 г. ГМИИ РТ, КП-4625. Ж-1467

Водоразборные колонки в Адмиралтейской слободе г.Казани.
Фото В.Л.Лаптева. Начало XX в. ИМ РТ, КП-18480/14330

Казанское «Кольцо». Фото А.И.Бренинга. Начало XX в. *НМ РТ, КП-32885/19*

Служащий аптеки. Фото А.И.Бренинга. Начало XX в.
НМ РТ, КП-32885/103

Елена Демина – сестра милосердия Общества Красного Креста. Казань, 1917 г. *ИМ РТ, КП-18987/1*

Проба противогазовых масок членами военного кружка при заводе имени М.Вахитова. Фото В.Л.Лаптева. 1-я половина XX в. *ИМ РТ, КП-18480/14575*

Сидящие за самоваром. Фото А.И.Бренинга. Казань, начало XX в.
ИМ РТ, КП-32885/102

Магометане на молитве. Фотокопия. Начало XX в. ИМ РТ, В-19458/23

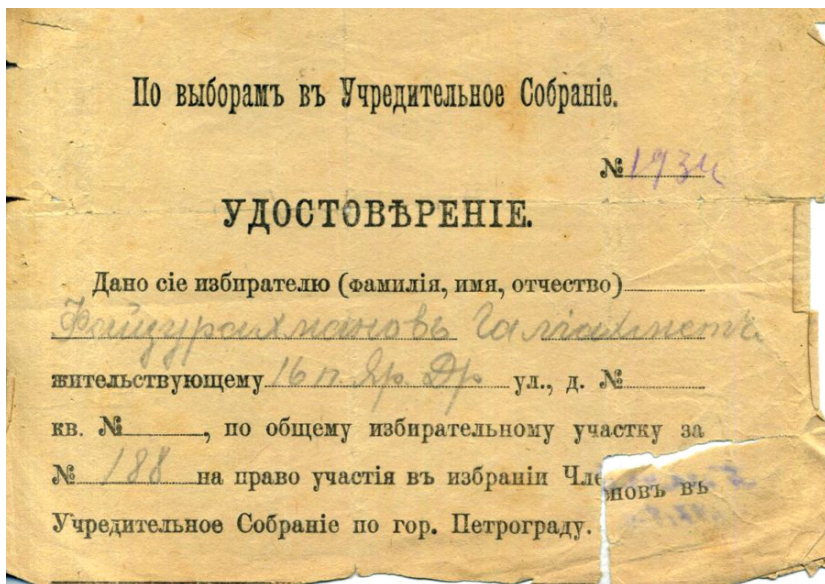
Рисунок «Голодный мятеж в феврале 1917 г.». Неизвестный автор. *ИМ РТ, В-1183*

Красная армия. Художник К.К.Чеботарев. 1917 г.
ГМИИ РТ, КП-4138. Ж-1369

Гравюра «Пролетарий и буржуй». Художник К.К.Чеботарев.
1923 г. ГМИИ РТ, КП-10544. Г-3892

Удостоверение №1934, выданное Г.Файзрахманову, на право участия
в выборах в Учредительное собрание по г.Петроград. 1917 г.
НМ РТ, КППи-119718/12

Траждахе!

Голосуйте (на выборах
въ Городскую Думу)

ЗА № 1.

Въ № 1—кандидаты тринадцати демократическихъ мусульманскихъ организаций.

ЖЕНЩИНЫ,
ЗА ВАМИ СЛОВО!

Отъ васъ зависитъ судьба
выборовъ въ Казанскую
Городскую Думу.

Изъ ста тысячъ избирателей въ Казани больше половины голосовъ принадлежитъ вамъ.

Голосуйте за списокъ № 2

ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

№4 Граждане евреи! №4

Въ воскресенье 1-го октября въ 7^{1/2} час. вечера состоится
Въ помѣщеніи БИРЖИ (Проломная ул.)

Еврейскій митингъ
по поводу выборовъ въ Городскую Думу

Бюро списка **№ 4.**

№4 №4

Агитационные
листовки 1917 г.
о выборах в муниципальные органы
власти г.Казани.
ИМ РТ,
КППи-101250,
КППи-101338,
КППи-101285,
КППи-101253

ГРАЖДАНЕ!

**ПОМНИТЕ ЧТО ФРАНЦИЮ
СПАСЛИ ВО ВРЕМЕНА
РЕВОЛЮЦИИ** Ремесленники
И МЪЩАНЕ

Голосуйте 8-го Октября 1917 года.

ЗА СПИСОКЪ № 13-й

№ 13 № 13

Казанский Кремль. Вид изнутри на присутственные места, Спасскую башню, колокольню Преображенского собора и церковь Киприана и Устиньи. Фото А.И.Бренинга. Начало XX в. *НМ РТ, КП-32885/71*

Казанский городской публичный музей. Начало XX в.
НМ РТ, КППи-122229/18

Портрет Ольги Сергеевны
Александровой-Гейнс.
Художник И.Е.Репин. 1890 г.
ГМИИ РТ, КП-3586. Ж-91

Плакат «Несите в Музей Народов Востока все!». 1920-е гг. ГА РТ

Преподаватели Казанского художественного техникума.
Слева направо: М.М.Хомяков, Б.И.Урманче, П.П.Беньков и студент
Ш.Н.Мухамеджанов. Казань, 1927 г. *НМ РТ, КППи-122877/3*

Урок по анатомии в Казанском художественном техникуме ведет
преподаватель М.М.Хомяков. *НМ РТ, КППи-122877/9*

Плакат «Шагай левой!». Автор Ф.Ш.Тагиров. 1920-е гг. ГМИИ РТ

Эскиз обложки книги Ю.Усманова «Вспоминая дедушку Ленина». Автор Ф.Ш.Тагиров. 1925 г.

(из каталога выставки «Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Москве и Казани». Казань, 2006)

Любовь кухарки и дворника. Художник Ш.Н.Мухамеджанов. XX в. ГМИИ РТ, КП-8295. Ж-3742

Автопортрет. Художник
Д.Красильников. Начало
XX в. НМ РТ, КП-17553/1

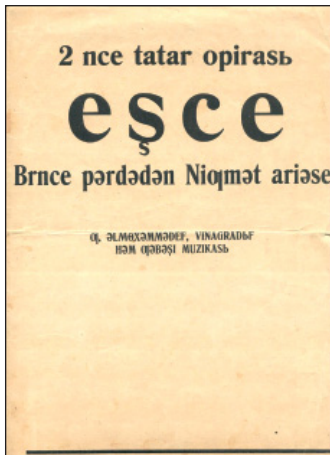
Эскиз к обложке книги Б.Доминова
«Учись рисовать». Художник
Ш.Н.Мухамеджанов. 1929 г.
ГМИИ РТ, КП-2660/83. Г-3897

У лодочной переправы. Художник Б.И.Урманче. 1929 г.
ГМИИ РТ, КП-5724. Ж-709

Создатели первой татарской оперы «Сания». Слева направо: Г.С.Альмухаметов, С.Х.Габяши, В.И.Виноградов, А.А.Литвинов. 1925 г. НМ РТ, КППи-119802/1

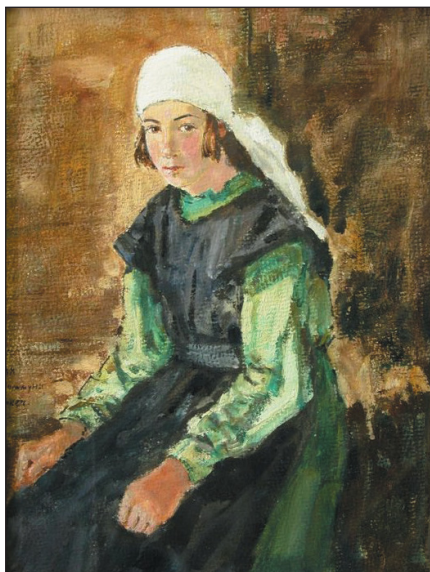
Нотное издание. 2-ая татарская опера «Эшче». Ария Нигмата. Альмухаметов Г.С., Габяши С.Х., Виноградов В.И. 1929 г. НМ РТ, КП-32701

Программа оперы «Сания». 1925 г. НМ РТ, КП-8476

Деревня Якты-Тау, Черемшанский район РТ. Фото Л.Р.Габдрафиковой

Портрет татарки из коммуны «Яшь көч». Художник П.А.Радимов. 1929 г. НМ РТ

Жетон «Да здравствует Свобода Великого Трудового народа. 25 окт. 1917 г. В.И.Ленин (Ульянов)». НМ РТ, КП-18753

Эскиз герба ТАССР. Автор Б.Урманче. Казань, 1920 г. НМ РТ, КП-13539. Ж-46

Фрагмент книги Габдуллы Тукая «Шурале» на татарском языке.
Казань, 1923 г.

Памятная надпись на месте исчезнувшей деревни Культура,
Азнакаевский район РТ. Фото Л.Р.Габдрафиковой

Родник «Культура», Азнакаевский район РТ. Фото Л.Р.Габдрафиковой

Родник «Кызыл чышма», пос. Актюба, Азнакаевский район РТ.
Фото Л.Р.Габдрафиковой

Родник «Кызыл бакча», пос. Джалиль, Сармановский район РТ.
Фото Л.Р.Габдрафиковой

и будущем землетрясении, посоветовал хозяйке не отдавать детей в советскую школу, «поскольку там учатся танцам и песням». В ходе беседы кто-то из присутствующих направил записку председателю волостного совета, 70-летнего старика тут же арестовали²⁰². Этот эпизод является яркой иллюстрацией нового типа взаимоотношений между советскими людьми: обыватели, ради собственной безопасности или выгоды, шли на самые крайние меры.

Несмотря на провозглашенное равенство и братство, общество продолжало выделять из своей среды тех, кто отличался. В первое время это были «буржуи» различного происхождения. Но в правовом отношении «буржуи» оставались такими же гражданами. В дальнейшем, из советского общества выделились уже «лишенцы», т.е. лишенные избирательных прав. По сути, являясь поданными Советского государства, эти люди были не гражданами, т.к. лишались права на получение высшего образования, получения социальной помощи (продуктовых карточек), не могли работать в государственных органах власти²⁰³. Статус «лишенца» человек получал, как правило, благодаря доносу знакомых людей. Например, писатель А.Еники вспоминал, как будучи студентом Казанской художественной школы, бросил учебное заведение из-за угрозы своего односельчанина. *«Чтобы выгнали человека, вполне достаточно было написать, что он сын муллы или торговца, проверкой никто себя не утруждал. Дело дошло до того, что иные сыновья мулл, чтобы снять с себя подозрение, сами спешили настучать на других»*, – вспоминал литератор годы спустя²⁰⁴.

Национализация всех предприятий, ликвидация «буржуев» и установление диктатуры пролетариата не решила проблему взаимодействия в различных трудовых коллективах и обществе в целом. Администрация и рабочие не могли выступить единым фронтом, выработать оптимальную модель поведения. В первые годы советской власти продолжали существовать бесчисленные примирительные комиссии, они сохранялись до конца 1920-х гг. Позднее они трансформировались в расценочно-конфликтные комиссии. При Наркомате труда ТАССР работала Высшая конфликтная комиссия. Коллективизация страны, в том числе развитие коммунального жилищного хозяйства, способствовала лишь росту межличностных конфликтов.

²⁰² Давыдов Д. «А беззубые старухи их разносят по домам...» (Как боролись с крестьянскими слухами в 1920-е годы) // Родина. 2010. №8. С.108.

²⁰³ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С.284.

²⁰⁴ Еники А. Страницы прошлого. Казань, 1998. С.387.

ГЛАВА 4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ

- 4.1. *«Среди бытовой дряни – несчетные богатства...»
(состояние архивных, музейных и библиотечных фондов Казанской губернии в 1917–1918 гг.).*
- 4.2. *«Молодые ученые ни о чем больше не говорили, как только о пайках...» (научная интеллигенция Казани в 1917 – начале 1920-х гг.).*

4.1. «Среди бытовой дряни – несчетные богатства...» (состояние архивных, музейных и библиотечных фондов Казанской губернии в 1917–1918 гг.)

Крах одной системы власти и строительство нового мира, провозглашенное в 1917 г., отодвинули в сторону охрану историко-культурного наследия страны. В условиях антагонизма буржуазного прошлого и светлого будущего пролетариата, глубочайшего социально-экономического кризиса, ценность артефактов культуры была чрезвычайно низкой. Г.Уэллс в известном труде представлял Россию революционной поры: *«покрытую развалинами, брошенными реликвиями и обломками развороченной старой государственной машины»*. Писатель отмечал, что он так и не узнал, *«имеет ли хоть кто-нибудь ясное представление о том, что подходит новому миру...»*¹. Но ему, как стороннему наблюдателю, остались неизвестными факты, свидетельствовавшие о самоотверженной работе интеллигенции страны по сохранению историко-культурного наследия России: музейных коллекций, книжных собраний, архивных фондов. Ценные реликвии имелись не только в столичных хранилищах, но и в провинциальных уголках.

¹ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С.32.

Дореволюционный период

В дореволюционной культурной жизни Казанской губернии библиотечное и музейное дело занимали важное место. Большую роль в сохранении историко-культурного наследия и распространении книжной культуры сыграли земские деятели, ученое сообщество Казанского университета, интеллигенция, мусульманское и православное духовенство губернии.

С 1865 г. в Казани фактически стала функционировать Городская публичная библиотека, основу ее фонда составила коллекция библиофила, симбирского помещика Иван Алексеевича Второва (1772–1844)². До 1919 г. библиотека размещалась в здании Казанского городского общественного управления на Воскресенской улице.

В 1877 г. в Казани под председательством графа А.С.Уварова прошел 4-й Археологический съезд. Ранее съезд проводился в двух столицах и в Киеве. Проведение съезда в Казани подчеркивало значимость деятельности местных ученых и любителей старины для научного сообщества всей страны. Одним из итогов съезда стало решение о создании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Данное Общество внесло существенный вклад не только в изучение и популяризацию истории народов Поволжья, но и в сохранение историко-культурного наследия края.

С мая по сентябрь 1890 г. в губернском городе прошла Казанская научно-промышленная выставка, ставшая знаковым событием для региона. Она показала научный и этнокультурный потенциал края. Например, в историко-этнографическом подотделе были представлены экспонаты из коллекции казанца М.Галеева – оружие, орудия труда, посуда, одежда татар³. Сразу после выставки 1890 г. началась работа по организации местного музея.

² Его сын Николай Второв, редактор «Казанских губернских ведомостей», подарил городу семейное книжное собрание из 1908 томов еще в 1844 г., но общественная библиотека для широких слоев населения стала доступной лишь с 1865 г. До этого времени библиотека существовала только формально. Комната, отведенная под нее, соседствовавшая с Татарской мешанской конторой, стояла закрытой. Впоследствии библиотеку перевели в помещение Дворянского собрания, однако перевод не сделал книжное собрание Второва доступным для широкой общественности. Лишь при непосредственном участии городского муниципалитета библиотека стала публичной читальней (Вехи истории Национальной библиотеки Республики Татарстан: в 2-х кн. Кн. 1. Казань, 2015. С.17.).

³ *Синицына К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002. С.33.

5 апреля 1895 г. торжественно открылся Казанский городской научно-промышленный музей. У истоков музея стояли ученые Казанского университета, казанские краеведы и коллекционеры⁴. Как отмечал современник, музей «по своему внутреннему содержанию, один из богатейших в России», и состоял из двух залов: в первом экспонировались предметы из коллекции Лихачева, во втором – экспонаты из Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Музей занимал часть Гостиного двора⁵. В 1912 г. научно-промышленный музей был переименован в Казанский городской музей.

Кроме общественных просветительских учреждений, в губернском городе имелись библиотеки и музеи при учебных центрах (например, многочисленные музеи Казанского университета), государственных органах власти. Открывались читальни при частных предприятиях: так, для рабочих и служащих фабрично-заводского комплекса Алафузовых функционировали русская и мусульманская библиотеки. В Казанской духовной академии, помимо солидного книжного фонда, хранились музейные этнографические коллекции.

Именно по инициативе преподавателей Казанской духовной академии и духовенства Казанской епархии в 1906 г. было создано Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии. Эту идею горячо поддержал архиепископ Казанский и Свяяжский Димитрий (Самбикин). Кроме научно-исследовательских задач, общество планировало заниматься охраной и собиранием памятников местной церковной древности и истории. Для этого описывались архивы церквей, монастырей и других епархиальных учреждений. Результаты изысканий членов общества публиковались в «Известиях по Казанской епархии»⁶.

Таким образом, к рубежу XIX–XX вв. в Казанской губернии функционировала сеть не только библиотек и музеев, но и различных обществ историко-культурного характера. Кроме того, в Поволжье имелись ценные домашние коллекции книг и рукописей.

⁴ Основу музея составила коллекция А.Ф.Лихачева, подаренная музею его братом, вице-адмиралом И.Ф.Лихачевым. Он выкупил коллекцию брата у его наследников. 40-тысячная коллекция включала богатое книжное собрание, археологические находки, монеты, медали, украшения, посуду, картины. Примечательно, что в этнографическом собрании А.Ф.Лихачева было представлено более 600 татарских украшений (См.: *Назипова Г.Р.* Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. 272 с.).

⁵ *Демьянов Г.П.* Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери Астрахани). Изд. 4-ое. Нижний Новгород, 1898. С.199.

⁶ *Троепольская О.В., Троепольская Н.Е.* К истории составления и издания сборников «Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии» // Гасырлар авазы. 2015. №3/4. С.236.

Высокая культура чтения, огромное уважение к книге были характерными для менталитета татарского народа. Умение самостоятельно читать Коран – это был долг каждого правоверного мусульманина. Богатые домашние библиотеки имелись не только у представителей духовенства и интеллигенции, но и в купеческих семьях⁷. На рубеже XIX–XX вв. в домашних библиотеках татарских семей, наряду с религиозной литературой, росла доля светских книг.

Распространению культуры чтения газет и журналов, а также светских книг, в немалой степени послужили специальные библиотеки. В 1906 г. в Казани открылась «Исламская библиотека» («Китапхана Исламия»). Инициатором выступил педагог и журналист Ахметхади Максуди⁸. Читальня являлась филиалом городской публичной библиотеки. Основой книжного фонда, кроме личной библиотеки А.Максуди, стали книги, подаренные издателями – братьями Каримовыми. Они были на татарском, русском, арабском, турецком языках, на фарси. Выписывалась различная пресса. Посещали библиотеку, в основном, шакирды казанских медресе, гимназисты⁹. В 1916 г. библиотека отметила свой десятилетний юбилей.

В 1913 г. в прессе обсуждался вопрос о создании мусульманского музея в Казани. Идея эта появилась не просто так. Весной 1912 г. в географическом кабинете Казанского университета с успехом прошла выставка коллекции Леона Осиповича Сиклера. Среди экспонатов были и предметы татарского декоративно-прикладного искусства, что не могло не впечатлить посетителей-татар¹⁰. Очевидно, до этого они не задумывались об историко-культурном значении предметов традиционного быта. В ходе обсуждения вопроса на страницах татарских газет выяснилось, что музей можно организовать не только на основе этнографических коллекций, но и собрав старинные книги и другие предметы. В этой связи семья купцов-братьев Юнусовых предложила экспонаты из своих коллекций. Как у Габделькарима, так и у Мухаметрахима имелись старинные книги, в том числе и древние экземпляры Корана¹¹. Среди татар встречались и любители нумизматики.

⁷ Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань, 2015. С.193.

⁸ ГА РТ. Ф.98. Оп.6. Д.683. Л.6.

⁹ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань, 1993. С.116.

¹⁰ Назипова Г.Р. Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. С.156.

¹¹ ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.227. Л.23 об.

Например, казанский предприниматель Абдурашитов был готов пожертвовать будущему музею свою коллекцию старинных монет. Он обещал привести их в порядок и пожертвовать будущему музею¹². Кроме Юнусовых и Абдурашитова, был заинтересован в организации музея Габдулла Юсуфович Апанев. В его семье имелось множество старинных вещей и книг, они хранились в кладовой. Его беспокоило, что эти реликвии впоследствии могут быть растеряны, т.к. не все придавали им нужное значение. В этой связи многие вспоминали домашнюю библиотеку Ш.Марджани, которая уже после его смерти, полностью сгорела во время пожара¹³. Однако идея о мусульманском музее осталась нереализованной так же, как и проект новой мусульманской библиотеки, предложенная в 1913 г. муллой Галимджаном Баруди.

Он собирался на основе своей домашней коллекции открыть новую мусульманскую библиотеку в Казани. Вероятно, его не совсем устраивал книжный фонд «Китапхана Исламия» и читальни «Восточного клуба». Г.Баруди планировал открыть библиотеку религиозно-научной направленности. Книжная коллекция знаменитого муллы состояла из книг на арабском, персидском, турецком, татарском, русском языках¹⁴. Эту коллекцию начинал собирать еще отец богослова – купец М.Галеев. Кроме того, в библиотеке Баруди имелась книжная коллекция его учителя, имама Апаневской мечти – Салахетдина Исхакова. По признанию его современников, многие книги муллы привез из Мекки¹⁵. Всего в коллекции Баруди насчитывалось 3277 томов, расписанных на 148 страницах каталога. По оценке профессора Н.Катанова, 780 томов рукописей имели научную и материальную ценность, много было редких сочинений¹⁶. Но Галимджану-хазрату не удалось открыть свою библиотеку. Вначале чиновников не устроили отдельные моменты устава, далее, вероятно, помешала начавшаяся Первая мировая война. Коллекция Г.Баруди так и осталась частной. Р.Фахретдин в 1916 г. обладателями богатейших книжных коллекций среди поволжских мусульман называл Г.Баруди, Х.Акчурина, М.Бигиева, семью мурз Дибирдиевых, А.Исхаки¹⁷.

¹² ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.227. Л.23 об.

¹³ *Эмирхан Ф.* Эсэрләр. 4 томда. Т.3. Казан, 1989. Б.238–239.

¹⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5632. Л.1 об

¹⁵ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. 1997. №10–11. С.118.

¹⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5632. Л.8.

¹⁷ *Фахретдин Р.* Хэсэн эфэнде Акчурин (Публ. Р.Миннулина) // Гасырлар авазы. 1999. №3/4. Б.146.

Первая мировая война и революционные события 1917 г. изменили ход привычной жизни. Некоторые современники осознавали важность переживаемого исторического момента и в этих условиях старались зафиксировать какие-то артефакты, документы и т.д. Прежде всего, это касалось войны и связанного с ним патриотичного настроения. В октябре 1915 г. профессор Казанского университета В.Н.Болдырев выступил с предложением об организации в университете музея войны. Аналогичной идеей горели и участники Общества археологии, истории и этнографии. Для будущего музея собирали образцы оружия, солдатские письма, брошюры¹⁸. Между тем, некоторые участники войны и их родственники приносили оружие и снаряжение (и российское, и трофейное) в действующий Казанский городской музей¹⁹.

А вот архивное дело в России вплоть до 1917 г. никак не регламентировалось, не было единого органа, координирующего работу корпоративных архивариусов. Например, профессор Казанского университета Д.А. Корсаков, изучивший в 1877 г. Архив Казанского Губернского правления, констатировал, что старый архив учреждения сгорел еще во время пожара 1815 г., а документы, поступившие после этого события, «продавались, по миновании в них надобности, на вес». Поэтому самые ранние документы Губернского правления датировались 1832 г.²⁰ Таким образом, к 1917 г. архив главного органа власти Казанской губернии насчитывал чуть более восьмидесяти лет.

С последней трети XIX в. по всей стране менялось отношение к наследию, в том числе к делопроизводственной документации²¹.

¹⁸ Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сб. докум. и материалов. Казань, 2014. С.94.

¹⁹ Назипова Г.Р. Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. С.94.

²⁰ Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / сост. А.В.Гарзавина, И.А.Новицкая. Казань, 1999. С.244.

²¹ Губернские архивные комиссии начали работать с 1844 г. Открывшийся в 1877 г. Санкт-Петербурге археологический институт также свидетельствовал об актуальности научной организации архивного дела. Определенный вклад в сохранение архивов и предметов старины Казанской губернии внесли ОА-ИЭ при Казанском университете и Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии. Но научно-исследовательская деятельность этого общества имела свою направленность. Поэтому и охват документальной базы был не равномерным: где-то это были церковно-приходские документы, где-то больше внимания уделялось источникам столетней давности и более ранней истории, игнорировались современные документы, имевшие историческое значение (*Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Казань, 2007. С.53).

Открывались архивные комиссии. В Волго-Уральском регионе губернские архивные комиссии действовали в Оренбурге, Саратове, Симбирске, Вятке, Перми. Казанская губернская архивная комиссия была организована только в 1916 г. Инициатором создания комиссии стал не уроженец Казанского края, а Л.М.Савелов – холмский губернатор, эвакуированный в Казань вместе с органами управления Холмской губернии. Помимо чиновничьих обязанностей, он увлекался генеалогией. Кроме Савелова, в работе архивной комиссии участвовали профессор Казанской духовной академии С.П.Покровский, профессор Казанской духовной академии В.П.Знаменский. Члены комиссии планировали сконцентрировать в своих руках все архивы государственных учреждений губернии, намеревались собрать и семейные архивы²².

Торжественное открытие ученой архивной комиссии, при участии профессоров университета и духовной академии, представителей городских учреждений, состоялось в ноябре 1916 г. Л.М.Савелов сделал интересный доклад о состоянии архивного дела в России. Любопытно, что после обсуждения текущих задач и избрания президиума, члены собрания постановили послать приветствие великому князю Николаю Михайловичу, курировавшему работу архивных комиссий. В приветствии казанские активисты архивного движения просили «повергнуть к стопам Государя верноподданнические чувства присутствовавших на собрании»²³.

После февраля 1917 года

Новые реалии, наступившие после февраля 1917 г., изменили приоритеты дела охраны историко-культурного наследия. До 1917 г. в Попечительском Совете при Казанском городском музее были представители местной власти, городской думы и рода Лихачевых. После революции предпринимались попытки по «демократизации» Совета и привлечению людей, «близко стоящих к жизни и искусству и глубоко интересующихся музейным делом». Так, комитетом общественной безопасности была избрана даже «комиссия по охране музеев». По задумке революционного органа власти она должна была войти в Совет музея. Еще до этого, по аналогии с фабрично-заводскими комитетами, в музейный совет включили музейных работников (по терминологии того времени «надзирательниц»). Но все эти нововведения в свете революционных дней остались, по сути, лишь на бумаге. Уже к 1918 г., как

²² Государственная Архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.): Сб. докум. и материалов. Казань, 2006.

²³ Новое время. 1916. 28 ноября.

и Городская дума, Совет фактически перестал существовать. Как отмечал позднее М.Худяков, «в 1918 год Музей провел, не имея никакого распорядительного органа, не имея в составе администрации ни одного лица со специальным образованием»²⁴.

Аналогичным было и положение архивного дела. Несмотря на то, что работа по созданию архивной комиссии была начата еще в царское время (ноябрь 1916 года), деятельность по концентрации архивного наследия губернии пытались продолжить и при Временном правительстве. После февраля 1917 г. эта работа стала особенно злободневной, когда многие государственные учреждения губернии были упразднены, и возник вопрос о дальнейшей судьбе их архивов.

К тому же был принят целый ряд постановлений, связанных с охраной архивов. Согласно постановлению МВД от 26 апреля, 10 июля, 5 августа 1917 г. губернским комиссарам было поручено выявить наличие имевшихся в государственных и общественных учреждениях предметов, представлявших историческую или художественную ценность. Однако в Казанской губернии ни весной, ни летом 1917 г. работы по выявлению историко-культурного наследия не проводились.

Уже после февраля 1917 г. некоторые лица и учреждения стремились сохранить для потомков документы революционной современности. Так, в газете «Камско-Волжская речь» появилась заметка «Материалы для истории», в которой озвучивалась просьба Главного управления местного хозяйства. В сообщении отмечалось, что очень важно сохранить следующие материалы, связанные с городскими выборами лета 1917 г.: плакаты, объявления, карточки, формуляры, формы избирательных списков. *«Все эти акты и документы представляют высокий общественный интерес и большое историческое значение, как документы, связанные с первым осуществлением избирательной кампании на основе всеобщего избирательного права»*, – подчеркивали авторы сообщения. Главное управление по делам местного хозяйства, подразделение МВД, просило городские общественные управления собрать в трех экземплярах все плакаты, бланки, которыми пользовались при проведении городских выборов²⁵. Судя по всему, эта просьба была удовлетворена, по крайней мере, казанским муниципалитетом. Так, сегодня в фондах Российской национальной библиотеки среди коллекций плакатов 1917 г. имеется, в том числе, и печатная продукция из Казанской губернии.

²⁴ Худяков М. История казанского губернского музея // Казанский губернский музей за 25 лет. Юбилейный сборник статей. Казань, 1923. С.9, 23.

²⁵ Камско-Волжская речь. 1917. 9 августа. №172.

Осенью к губернскому комиссару обратился член Казанской губернской ученой архивной комиссии – С.П.Покровский, с просьбой о содействии в передаче архивов упраздненных госучреждений – губернского правления, губернских по земским и городским делам присутствия, по крестьянским делам присутствия, полицейского управления, губернского жандармского правления и т.д. Архивная комиссия намеревалась собрать не только документы, но и портреты, печати, гербы и другие атрибуты царской эпохи²⁶. Как известно, от последних с особым рвением избавлялись весной-летом 1917 г. Так, 18 сентября этого года Казанская Губернская ученая архивная комиссия, получив известие о снятии с башни Сююмбеки царского герба, попросила руководство губернии передать его комиссии. 23 сентября 1917 г. герб был передан архивной комиссии²⁷.

После обозначенного выше обращения С.П.Покровского, официальные представители местной власти обратили внимание на состояние документального наследия Казанской губернии. Например, сохранилась переписка с уездными комиссарами Казанской губернии об охране и приведении в порядок губернских и уездных архивов, датируемая сентябрем-октябрем 1917 года. *«В целях сохранения необходимого для научных работ по истории Казанского края подлинного материала, заключающегося в архивах всех уездных учреждений, настоящим прошу Вас безотлагательно принять все меры к сохранению в полном порядке архивов: уездных полицейских управлений, волостных правлений и т.п. составив подробную опись хранящихся в них дел и препроводив таковую мне в двух экземплярах, сообщить о принятых Вами мерах охраны»*, – говорилось в обращении казанского губернского комиссара²⁸. Документы такого содержания были направлены в каждый уезд.

Однако в условиях революционного хаоса, очень немногие местные комиссары откликнулись на этот призыв, хотя некоторые обратились в волостные комитеты с просьбой прислать отчет о состоянии документального наследия. Так, из Цивильска сообщали, что в городе в «правительственных учреждениях предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение, не имеется»²⁹. Казанский уездный комиссар писал в октябре 1917 г., что уведомил все учреждения уезда о необходимости под-

²⁶ Шамсутдинова Р.Г. Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Казань, 2007. С.56.

²⁷ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.156. Л.7–8.

²⁸ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.136. Л.5.

²⁹ Там же. Л.7.

готовки архивных описей и обеспечения охраны документов. Но большинство волостных комитетов (за исключением Кармышской волости) сообщили, что пока нет физической возможности заняться этим вопросом, поэтому исполнение запроса откладывается «до неопределенного будущего». На октябрь 1917 г. уездным комиссаром были получены архивные материалы только из канцелярии Казанской уездной милиции, они хранились в комиссариате³⁰. Судя по всему, большинство этих собранных материалов так и не были доставлены в Казань. В настоящее время фонд Казанской уездной полиции (ф.902) в Государственном архиве РТ насчитывает всего 34 единицы хранения, и только за 1901–1917 гг., а фонда Кармышского волостного правления и вовсе не существует³¹.

Начальник Лаишевской милиции отмечал, что архив бывшего полицейского управления, основанный в 1850 г., находится в плачевном состоянии, документы разбросаны, архивная опись велась неаккуратно. Он обнаружил, что многих дел не хватает. *«А чтобы привести означенный архив в надлежащий вид, немало придется употребить время канцелярских трудов и израсходовать на покупку картона для связок и бумаг для описей денег, которых в распоряжении у меня нет, – писал чиновник. – При этом нужно принимать во внимание, что канцелярский труд в настоящее время оплачивается дорого и рабочих рук нет, все почти что приняты на военную службу, я при всей своей скромности и аккуратности по расходу канцелярских предполагал бы на приведение означенного архива израсходовать не менее 500 рублей»*³². Конечно, в условиях постоянного дефицита и роста цен никто ему не мог предложить ни необходимые канцелярские товары, ни соответствующую оплату труда. К слову, сегодня в ГА РТ фонд Лаишевского полицейского управления (ф.903) насчитывает всего 30 единиц хранения, представлены документы лишь за 1898 и 1902–1917 гг. Из всех уездных полицейских управлений наиболее полным представляется фонд Свияжской уездной полиции, 358 единиц хранения которого охватывают период с 1863 по 1917 г.³³

Но не только в уездных учреждениях документы хранились не в надлежащем виде, даже в Губернском правлении в 1917 г. наблюдалась аналогичная ситуация. Так, заведующий отделом печати канцелярии губернского комиссара Георгий Залкинд, которому поручили описание секретных дел этих учреждений, а также до-

³⁰ Там же. Л.235.

³¹ Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Казань, 1999. С.31.

³² ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.136. Л.40.

³³ Национальный архив Республики Татарстан... С.31.

кументов, представлявших «исторический или общественно-политический интерес», сообщал, что они находятся в хаотическом состоянии³⁴.

При этом данный архив считался одним из самых приспособленных, документы хранились в обширном помещении с множеством полок. На окнах имелись железные решетки, а входная дверь была металлической. В 1917–1918 гг. обязанности архивариуса Губернского правления выполнял Иванов³⁵. Как и многих других рядовых граждан, и его коснулась волна «живого интереса» к документам недавнего прошлого.

При разборе архивов архивариусы обнаруживали конфискованные предметы или же не прошедшие цензуру письма и другие документы. Так, заведующий архивом Казанского губернского правления 11 октября 1917 г. отправил на имя профессора М.М.Хвостова письмо следующего содержания: *«Милостивый государь, Михаил Михайлович! В деле №5 за 1903 г. по Цензурному столу Канцелярии Казанского губернатора на листах 131, 136 имеется переписка по вскрытию и цензурному рассмотрению семи международных посылок, полученных на ваше имя в Казани 13 августа 1903 г. Заключающиеся в посылках книги были направлены 21 августа того же года в Центральный комитет иностранной цензуры, который при отношении от 29 сентября с возвращением книг воспретил выдачу Вам одной из книг под заглавием «Modern science and Modern thought by S.Zaing». Эта книга была приобщена к вышеупомянутому делу. Считая ее по закону Вашей собственностью, честь имею препроводить Вам ее»*³⁶.

По городу в это время циркулировали слухи об обнаруженных конфискованных предметах, о разбросанных книгах. Например, заведующая Казанской городской публичной библиотекой С.Каткова 5 октября 1917 г. обратилась в отдел печати при Казанском губернском комиссаре с просьбой вернуть обнаруженные в бывшем дворце губернатора библиотечные книги. *«До меня дошли сведения, что в складе при дворце находятся книги, принадлежащие Казанской городской публичной библиотеке, конфискованные бывшим губернатором, – писала она. – Прошу отдел печати при губернском комиссариате сделать соответственные распоряжения о возврате книг со штампом библиотеки»*³⁷. Библиотекари предоставили даже список конфискованной литературы с

³⁴ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.136. Л.35.

³⁵ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.6. Л.11.

³⁶ ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.136. Л.46.

³⁷ Там же. Л.33.

1905 по 1911 г. В основном, эта была периодика: «Зритель», «Русское богатство», «Былое», «Полярная звезда», «Современный мир», «Образование» и другие журналы³⁸.

В революционные годы были утеряны и некоторые книжные коллекции, в том числе при учреждениях органов власти. *«Библиотеки в казенных учреждениях отличаются плохой организованностью постановки дела и составом книг. Причина кроется в том равнодушии, которое оказывается чиновниками по отношению к библиотекам. Заведующие библиотеками лица, бывают обыкновенно чиновники, незнакомые совершенно с библиотековедением, – возмущался анонимный корреспондент летом 1917 г. на страницах «Казанской рабочей газеты». – Ревизия библиотекам никогда не производится, книги исчезают, каталоги уничтожаются, а затем наступает полная дезорганизация, распад».* Под огонь его критики попала библиотека Казенной палаты, а также Казанского губернского правления. Автор сожалел о том, что «когда-то порядочная библиотека» сейчас распалась, а «книги обречены гнить»³⁹.

Были и другие существенные потери. Например, именно в эти годы пропали книги из коллекции А.Ф.Лихачева (1470 томов), переданные когда-то Казанскому публичному музею. Лишь некоторые издания впоследствии были обнаружены в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского университета⁴⁰.

На имя казанского губернского комиссара в это время поступали просьбы и от имени целых общин. Так, в Казани в годы Первой мировой войны наблюдалась консолидация польской диаспоры. Вместе с вновь прибывшими поляками-беженцами местные поляки к 1917 г. составляли многочисленную общину (за годы Первой мировой войны количество католиков в Казанской губернии увеличилось до 20 тыс. чел.⁴¹), действовал Казанский отдел Общества вспомоществования семействам поляков. Это общество занималось не только благотворительной работой, но и культурно-просветительской. В частности, одним из направлений деятельности интеллигенции стала работа по выявлению и сохранению польского историко-культурного наследия за пределами Польши, в районах эвакуации. Профессор из Львова А.Ванчура

³⁸ Там же. Л.38.

³⁹ Казанская рабочая газета. 1917. 14 мая. №28.

⁴⁰ См. *Назипова Г.Р.* Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. 272 с.

⁴¹ *Машковцев А.А.* Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. Киров, 2015. С.53.

составил каталог рукописей и книг по польской истории, хранившихся в библиотеках Казанского университета и Казанской духовной академии. 14 октября 1917 г. на имя губернского комиссара поступило прошение, в котором сообщалось, что в архиве Казанского губернского правления находятся документы, имеющие отношение к событиям польской истории XIX в., представители Общества просили разрешения на снятие копии с данных документов⁴². С обнаруженных документов по истории Польши ученым были сняты копии.

Помимо документальных материалов польскую общественность интересовали предметы искусства. Так, в Казани была найдена картина, принадлежащая кисти польского художника XIX в. Яна Матейко. Из-за войны немало польских культурных ценностей оказалось во внутренних губерниях России. Например, во время эвакуации были вывезены костельные колокола. В Казани они хранились в артиллерийских складах в Адмиралтейской слободе. Активисты-поляки в 1917 г. произвели опись колоколов. Но после взрыва на Пороховом заводе доступ к ним был затруднен⁴³.

Пожалуй, самым громким событием 1917 г. стало упразднение жандармерии и обнародование документов тайной полиции. Это изрядно дестабилизировало общество. Для разбора дел жандармерии были образованы особые комиссии в составе председателя прокурора или товарища прокурора местного окружного суда, губернского комиссара и начальника железной дороги. Дела передавались по назначению: «по строевой и хозяйственной части» – уездным воинским начальникам, а «политические и общеуголовные» – штабам военных округов. Обнародованные документы стали публиковаться на страницах прессы. Уже в первые годы советской власти были изданы различные сборники и исследования о «провокаторах» – агентах тайной полиции, в том числе на татарском языке⁴⁴. В 1917 г. в обществе шла охота на секретных агентов, которые подлежали аресту. Люди наводили справки о конкретных лицах в органах власти⁴⁵. Очевидно, что в таких условиях многие документы попросту не дошли до стадии «архивации» и бесследно пропали.

Известно, что в первые месяцы революции архив Казанского жандармского управления был передан в архив Казанского уни-

⁴² ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.136. Л.234.

⁴³ *Субаев Н.* Польский журнал в Казани // Гасырлар авазы. 1996. №3/4. С.226–228.

⁴⁴ *Мансуров Г.* Татар провокаторлары. М.,1925.

⁴⁵ *Человек в революции: Казанская губерния.* Т.2. 1917 г. Казань, 2017. С.91–92.

верситета, часть документов губернаторской канцелярии также оказалось в этом учреждении⁴⁶. Сегодня в ОРПК отсутствуют документы Казанской жандармерии. Но отложились некоторые документы из канцелярии казанского губернатора и казанского губернского правления⁴⁷.

4 октября 1917 г. по инициативе группы казанских историков для подготовки научных работников-историков, археологов, этнографов был организован Северо-Восточный археологический и этнографический институт. Среди учредителей были также Казанская земская управа и Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете.

Директором нового учреждения стал профессор С.П.Покровский, очень увлеченный архивным делом человек. Он был деятельным членом Казанской губернской архивной комиссии. Например, в 1916 г. ему удалось обнаружить в архиве губернского правления неизвестные ранее документы по истории Пугачевского восстания⁴⁸. Это учреждение, наряду с научно-образовательной деятельностью, в период безвременья взяло на себя основные функции по сохранению, упорядочению архивов, упраздненных дореволюционных учреждений Казанской губернии.

Таким образом, после революционных событий 1917 г., в Казанской губернии прослеживалось двойное отношение к местным архивам. Одними документами интересовались очень сильно, другие наоборот никому не были нужны. И первое, и второе отноше-

⁴⁶ Шамсутдинова Р.Г. Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Казань, 2007. С.60.

⁴⁷ В целом, в рукописном фонде русского сектора ОРПК Казанского университета сегодня имеются документы, преимущественно, датируемые XVIII в. Например, можно отметить документы Казанской губернской канцелярии (32 ед. хр., 1709–1768), Свияжской провинциальной канцелярии (66 ед. хр., 1722–1783), Казанской духовной консистории (35 ед. хр., 1704–1880), Казанского Благовещенского кафедрального собора (30 ед. хр., 1709–1908), Казанской духовной академии (49 ед. хр., конец 18 – нач. 20 в.), Казанского учебного округа (127 ед. хр., 1789–1916). В ОРПК сохранились некоторые документы из фондов Казанской адмиралтейской канторы. Например, имеется здесь «Реестр по деревням, приписанным к Казанской адмиралтейской канторе» (Рукописный фонд русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского. Путеводитель. Казань, 1999. С.70–89). Конечно, эти коллекции несравнимы с фондами Государственного архива РТ. Но документальная база ОРПК по XVIII в., в некоторых случаях практически равнозначна. Для сравнения в фонде Казанской губернской канцелярии в ГА РТ (ф.1203) имеется 35 ед. хр., охватывающих лишь 1709–1710, 1742–1772 гг. (Центральный государственный архив ТАССР. Путеводитель. Казань, 1967. С.9).

⁴⁸ Шамсутдинова Р.Г. Указ. соч. С.56.

ние было губительно для документального наследия. В первом случае, архивы расхищались и пропадали ценные документы. Во втором, бумаги подвергались порче, уничтожению или, как тогда писали, «освоению».

Население интересовалось, прежде всего, документами новейшего времени, особенно политического характера. Поэтому в условиях революции сильнее всего пострадали архивы жандармерии, губернаторской канцелярии, губернского правления, а также казанской полиции. Как отмечалось в докладной записке о деятельности Северо-Восточного археологического института, датированной концом 1918 г., к началу этого года из казанских архивов пропали документы новейшего времени, «имеющие отношение к современной политике». За исключением «самых невинных, с точки зрения текущей жизни и политики», они «были почти разобраны по рукам и исчезли». Судьба документов другого рода, не представлявших серьезного интереса с «точки зрения жизненной политики или прямой выгоды» была менее плачевной. Но они тоже сохранились не в полном виде. Это было связано с постоянными кадровыми переменами, перемещениями и реорганизациями, закрытием учреждений⁴⁹. Например, более 200 земельных планов архива Казанской губернской чертежной комиссии были утеряны при переезде из помещения присутственных мест в кремле в здание бывшего Крестьянского банка⁵⁰. Кроме того, документы сильно пострадали от военных событий, пожаров, а также от погодных условий и грызунов.

После октября 1917 года

Поначалу деятельность Северо-Восточного археологического и этнографического института по охране документов воспринималась новоявленными представителями власти спокойно, с некоторым равнодушием. 23 декабря 1917 г. Институт получил от губернского комиссара документ, подтверждавший полномочия в сфере охраны архивов⁵¹, и в течение следующего года оставался единственным архивным учреждением. Но позднее сотрудники этого учреждения столкнулись с препятствиями, создаваемыми представителями местной власти.

В этой связи, особенно печальна судьба архива Казанской полиции. Документы этого архива относились к той самой катего-

⁴⁹ ГА РТ. Ф. Р-1339. Оп.1. Д.7. Л.1.

⁵⁰ Шарангина Н. Первый Казанский уполномоченный Главархива // Гасырлар авазы. 2005. №1. С.266.

⁵¹ Шамсутдинова Р.Г. Указ. соч. С.60.

рии животрепещущих дел новейшего времени. Поэтому основная его часть была разобрана разными людьми, «непосредственно заинтересованными и любителями не для целей объективной науки». Другая часть архива была выброшена в незапертый сеновал, который находился на Воздвиженской улице, вблизи кремля. Там и нашли этот архив сотрудники Северо-Восточного института М.В.Бречкевич и С.П.Покровский в начале 1918 г. Они настояли на том, чтобы сеновал заперли на ключ⁵². Однако, когда в том же году Северо-Восточный институт захотел перевезти документы в свое помещение, встретили непонимание со стороны властей. Несмотря на документ о предоставлении институту права охраны архивов всех упраздненных учреждений, власти проигнорировали просьбу. Секретарь губернского комиссариата заявил, что сначала они сами должны изучить содержимое архива, а затем только передать его Институту⁵³.

В начале 1919 г. представители Северо-Восточного института констатировали, что архив полиции в том же состоянии. *«Его никто не трогает, никто в него не ходит, только в верхнем помещении увеличилось количество снега и вообще все изумляются, кому нужны и интересны старые бумаги, так что всем приходится объяснять»*, – сообщалось в служебной записке. По предварительной оценке, документов насчитывалось примерно «на 15 возов»⁵⁴.

Однако позднее выяснилось, что архив громили уже три раза. При этом ни описей, ни других списков к документам не было. В каменных амбарах, где были свалены бумаги, было грязно, там же валялись мешки и пустые ящики, местами лежал снег⁵⁵. В целом, к тому времени старые бумаги никому не были нужны. Представители власти так и заявляли, что они им не нужны и подлежат уничтожению. Но при этом никто не собирался сразу отдать полицейский архив в руки архивистов, они требовали «чтобы все было по форме» и просили соответствующие официальные бумаги⁵⁶. В 1919 г. передача документов полиции архивным службам так и не состоялась.

Сегодня фонд Казанского городского полицейского управления в Госархиве РТ насчитывает всего 218 единиц хранения, при этом документы датируются 1893–1917 гг. Фонд Казанского уездного полицейского управления содержит лишь 34 документа и

⁵² ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.7. Л.9.

⁵³ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.7. Л.10.

⁵⁴ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.19.

⁵⁵ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.4 об.

⁵⁶ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.5.

ограничивается только 1901–1917 гг. Кроме того, в ГА РТ имеется фонд Начальника Казанского охранного отделения, где отложилось 184 дела⁵⁷.

Схожей была судьба документального наследия и многих других упраздненных учреждений. Например, часть документов Губернаторской канцелярии была перевезена в университетский архив. *«Но когда именно это произошло и при каких условиях, а также чем руководствовались при отборе документов – ныне трудно сказать – за продолжительным отсутствием из Казани прежнего архивариуса университета»*, – говорилось в отчете Северо-Восточного института за 1918 год. За это время документами архива пользовались разные лица. Сотрудники Института, явившиеся в бывший губернаторский дворец в мае 1918 г., обнаружили, что «состояние документов было самым плачевным». В частности, шкафы оказались незапертыми, документы были в неупорядоченном состоянии⁵⁸.

Еще до визита сотрудников Северо-Восточного института, документы, как Губернаторской канцелярии, так и других учреждений власти, подверглись самой тщательной «ревизии» разных лиц. Способствовали этому и сами хранители, часть документов попала в частные руки⁵⁹. Так, директору Института профессору С.П.Покровскому было известно о некоторых таких случаях. С одним из таких обладателей документов губернаторской канцелярии С.П.Покровский и М.В.Бречкевич даже встретились специально, в надежде уговорить его передать наиболее ценные бумаги. После продолжительных переговоров коллекционер старины согласился передать часть документов. Но другую часть он категорически отказался передавать Институту, сославшись на свои политические убеждения. Поэтому он собирался «в интересах партии хранить определенные документы» у себя⁶⁰.

Такая «чистка» архивов продолжалась и в дальнейшем. Так, в одной из рабочих записок сообщалось, что переданные архивным службам «дела секретного стола» носят очень своеобразный характер. Очевидно, что «секретный стол» относился к архиву бывшей канцелярии губернатора. Сотрудники недоумевали над тем, что им были присланы «только дела о выдаче свидетельств о благонадежности, назначении на должность врачей, акушеров,

⁵⁷ Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Казань, 1999. С.31.

⁵⁸ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.6. Л.8.

⁵⁹ Там же. Л.9.

⁶⁰ Там же. Л.10.

волостных писарей». Начиная с 1906 года не было ни одного подлинно секретного дела⁶¹.

Другой важнейший архив Казанской губернии – документы Губернского правления в 1918 г. частично были перевезены в помещение Северо-Восточного археологического и этнографического института⁶². Оставшаяся часть сильно пострадала во время событий Гражданской войны. В январе 1919 г. помещение архива бывшего Губернского правления, размещавшегося на подвальном этаже, посетила представительница Северо-Восточного института Н.Фредерикс. Вот, что она сообщала в своей служебной записке: *«Все дела большей частью лежат на полках, но хозяйничанье солдат сказалось: некоторые связки документов валяются развязанные на полу, тут же грязные тряпки, обглоданные кости, кадки с чем-то вроде краски, частью пролитой, которые загораживают проход. Так что приходится перелезать через брошенные связки бумаг. Порядок в годах только там, где работал профессор Покровский. На одной из полок я нашла забытую им книгу «Исторический вестник»*⁶³. Также она писала, что выбиты стекла в окнах, «со стороны обстрела Красной Армии». Архив бывшего Губернского правления никому не был нужен и находился в плачевном состоянии⁶⁴. Благодаря стараниям сотрудников Северо-Восточного института все же удалось сохранить оставшуюся часть документов этого учреждения. На сегодняшний день фонд Казанского губернского правления в ГА РТ (ф.2) – один из самых внушительных, документы датируются 1798–1917 гг.

В январе 1919 г. вышеупомянутая Н.Фредерикс узнала, что на территории крепости (кремля) за военным училищем в одной из башен свалены документы и имущество этого учебного заведения. «Стекла все выбиты обстрелом, так что все может погибнуть», – сообщала она⁶⁵.

Среди документов Северо-Восточного института не удалось выявить полное имя этой женщины, она не числилась в официальном списке сотрудников. Но в январе 1919 г. Н.Фредерикс проделала огромную работу по выявлению и некоторой систематизации архивов упраздненных учреждений. Она искренне переживала за судьбу архивов, каждая ее служебная записка пронизана этим чувством. Так, докладывая об архиве полиции, Фредерикс сожалела,

⁶¹ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.30.

⁶² ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.6. Л.11.

⁶³ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.6.

⁶⁴ Там же. Л.6 об.

⁶⁵ Там же. Л.7.

что вокруг «полная вежливость ко мне и полное пренебрежение к архиву»⁶⁶. Она сыграла важную роль в сохранении документального наследия Губернского правления, Казенной палаты и других учреждений, когда каждый день был на счету и бумажные свидетельства прошлого портились, уничтожались на глазах.

Например, 21 января 1919 г. Н.Фредерикс узнала, что документами бывшей Казенной палаты солдаты топили печи⁶⁷. *«Я первым же делом отправилась в подотдел бывшей Казенной палаты, – сообщила чуть позднее она. – Там оказалось никто ничего не знает об Архиве, долго искали ключи и не нашли. Дали мне в проводники старика-бухгалтера, работавшего в архиве и знающего его. Мы оба отправились к Гордееву в банк, там тоже оказалось, что никто не знает, где они»*⁶⁸. В итоге, через бывшего секретаря Казенной палаты выяснили, что еще в 1917 г. для Архивной комиссии были отобраны «самые важные и интересные дела». Например, среди них имелся документ о Степане Разине. Все эти дела были отправлены в Симбирск. Остальные документы «приказано было уничтожить». Кроме того, еще около двух тысяч дел, «не представляющие никакого исторического интереса», были распроданы. Остаток архива хранился в Тайницкой башне кремля. Архив за это время подвергался погрому, часть документов была сожжена «пулеметной командой»⁶⁹. Как писала Н.Фредерикс, за это время *«никто из служащих не поинтересовался даже узнать, что случилось с Архивом и вспомнили о нем, когда я пришла за ключами»*. Среди оставленных документов были, в том числе, и Ревизские сказки, так высоко ценимые сегодняшними исследователями и составителями генеалогических древ. Вместе со стариком-бухгалтером Фредерикс отправилась к Тайницкой башне, чтобы осмотреть документы. Вот только им не удалось попасть туда. *«Но к Тайницкой башне нельзя даже близко подойти, ибо она завалена вся навозом, я ничего подобного никогда не видела – все сплошь покрыто отбросами»*, – докладывала она руководству 24 января 1919 г.⁷⁰

Архив Казенной палаты хранился не только в Тайницкой башне, но еще в одной башне кремля. По акту от 21 февраля того же года все хранящиеся там документы были переданы недавно

⁶⁶ Там же. Л.5.

⁶⁷ Там же. Л.9–9 об.

⁶⁸ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.10.

⁶⁹ Там же. Л.10 об.

⁷⁰ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.32. Л.11.

организованному Губернскому архиву⁷¹. Архив был вывезен в здание бывших Казанских высших женских курсов⁷².

В середине 1918 г. был принят Декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (1 июня 1918 г.), согласно которому в регионах началась работа по организации новых архивных учреждений. В Казанской губернии решение об открытии Губернского архива было принято 6 февраля 1919 г. Уполномоченным Главного управления архивным делом по Казанской губернии был назначен университетский профессор И.А. Стратонов. Архивохранилище состояло из 4 отделений: архивов ученых, учебных заведений и церковных учреждений; судебных учреждений; военных учреждений; Казанского округа путей сообщения⁷³. В упорядочении архивных фондов значительную роль сыграли сотрудники Северо-Восточного института, в числе которых были С.П.Покровский, Н.Ф.Катанов, Н.И.Ашмарин, Н.В.Никольский, Н.Н.Фирсов и другие замечательные исследователи, настоящие энтузиасты.

Но не все архивы удалось спасти. Так, за 1918–1919 гг. в Казани и губернии были частично, а в некоторых случаях полностью, уничтожены архивы Губернского присутствия, канцелярии Губернатора, Духовного училища, Духовной семинарии, Казначейства, Женского епархиального училища, Женского окружного училища, 1-й Казанской мужской гимназии, архив загородного Казанского архиерейского дома, архив Управления Свяжского воинского начальника, народного суда Чистопольского уезда. Как отмечалось в докладе Казанского Губархива в конце 1919 г., все вышеперечисленные случаи гибели архивов были вызваны небрежностью воинских частей, попавших в здания, где хранилось документальное наследие упраздненных учреждений. *«Борьба с этой небрежностью была абсолютно невозможна, т.к. обращения к военной власти со стороны Губархива о возможной осторожности в обращении с архивами не всегда приводили к желательным результатам, несмотря на то, что иногда военные власти принимали зависящие от них меры»*, – говорилось в данном отчете⁷⁴.

В декабре 1919 г. архивисты во главе с И.А.Стратоновым выяснили, что ГубЧК незаконно вывозит из Казанского университета архив бывшего жандармского управления. Принципиальная позиция ученого вкупе с этим громким заявлением испортили отноше-

⁷¹ ГА РТ. Ф.Р–7. Оп.1. Д.9. Л.3 об.

⁷² Шарангина Н. Первый Казанский уполномоченный Главархива // Гасырлар авазы. 2005. №1. С.265.

⁷³ Татарская энциклопедия. Т.4. Казань, 2008. С.386.

⁷⁴ ГА РТ. Ф.Р–7. Оп.1. Д.9. Л.6 об.

ния Иринарха Аркадьевича с представителями власти. Он был арестован ОГПУ, а впоследствии выслан из страны⁷⁵.

Северо-Восточный археологический и этнографический институт просуществовал совсем недолго, уже через два года после организации, 15 декабря 1920 г. учреждение было ликвидировано по постановлению СНК ТАССР. Институт был реорганизован сначала в Восточную академию, затем – восточное отделение Восточного педагогического института.

Как и архивное дело, охрана музейных ценностей в Казанской губернии получила официальный характер лишь в 1919 г. До этого собиранием музейных ценностей занимался все тот же Северо-Восточный институт. Например, известная благотворительница О.С.Гейнс передала весной 1918 г. богатейшую коллекцию картин русских и зарубежных художников, а также домашнюю библиотеку именно этой организации. Она предполагала, что коллекция пополнит фонды музея искусств и художественных редкостей при Институте. О.С.Гейнс очень хотела, чтобы все картины хранились в одном месте, и из ее собрания была образована отдельная комната имени «Ольги Сергеевны Гейнс»⁷⁶. Позднее Ольга Сергеевна пожелала передать Институту мебель из своей квартиры по улице Владимирской. В 1918 г. новые власти разместили там рабочий клуб и, очевидно, она не хотела оставлять что-то, особенно предметы, имевшие «известный исторический или художественный интерес», хотела передать мебель в совет Института. Об этом владелица неоднократно писала в Совет Казанского Северо-Восточного археологического этнографического института⁷⁷.

Коллекция картин О.С.Гейнс. была представлена широкой публике еще в годы войны, 11–24 апреля 1916 г. По этому случаю был выпущен специальный каталог выставки частной коллекции картин и гравюр русских и иностранных художников. Сбор с выставки должен был поступить в пользу Общества вспомоществования бедным ученицам Казанской Ксенинской гимназии, с отчислением 10% чистого сбора в пользу лазарета Казанского учебного округа⁷⁸. При передаче картин Северо-Восточному институту, в данном каталоге были сделаны пометки карандашом, какие именно произведения приняты Институтом. Всего в каталоге упоминалось о 89 картинах и гравюрах. Из них 58 художест-

⁷⁵ Шарангина Н. Указ. соч. С.266–268.

⁷⁶ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.17. Л.12.

⁷⁷ Там же. Л.13.

⁷⁸ Там же. Л.3.

венных произведений О.С.Гейнс должна была передать Институту. Кроме того, карандашом были приписаны названия еще пяти картин и 3 бронзовых скульптур (Николай I на коне, бюст Николая I, Наполеон в шляпе)⁷⁹. По сведениям современных исследователей, в 1918 г. Ольгой Сергеевной Гейнс было передано все же 59 картин. Среди них были произведения Айвазовского, Боголюбова, Трутовского, Ковалевского, братьев и сестры Маковских, Кондратенко, Лагорию и других. Впоследствии лишь около 30-ти работ коллекции попали в казанский музей. До 1927 г. картины хранились в Восточно-педагогическом институте⁸⁰.

Не только О.С.Гейнс выбрала Северо-Восточный институт в качестве хранилища своих художественных и книжных ценностей. Стремилась передать в это учреждение различные предметы старины и книги и другие лица. Например, сохранилось заявление ординарного профессора Казанского университета Дмитрия Александровича Корсакова, датированное 17 февраля 1918 г. В документе он пишет, что по распоряжению Совета солдатских и рабочих депутатов из его имения при сельце Арышхазда была вывезена домашняя библиотека, которую потом отвезли в Университет. Но ученый хотел передать библиотеку Северо-Восточному институту. Он отмечает, что собирал книги по истории в течение сорока лет. *«Такая библиотека имеет значение в ее целом, и выделение из нее некоторых частей нарушило бы целостность библиотеки и положенной в ее основе задачи, – переживал Д.А.Корсаков. – В ней представлены все необходимые пособия для изучения русской истории в ее соотношении с ближайшими отраслями науки гуманитарных наук»*. Поэтому ему хотелось передать свои книги археографическому отделению Института⁸¹. Но, вероятно, Дмитрий Александрович так не добился желаемого, а уже в следующем 1919 г. он умер.

Летом 1919 г. состоялось первое собрание губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Участники постановили о необходимости регистрации предметов искусства и старины, имевшихся в Казани и уездах, описания, фотографирования и поддержания памятников архитектуры. Прежде всего, подлежали охране памятники Казанского Кремля, Свияжска, Болгара. В этот период жилищно-земельный отдел коммунального хозяйства собирался разобрать на дрова знамени-

⁷⁹ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.17. Л.4–7 об.

⁸⁰ Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, г. Казань. М., 2002. С.33.

⁸¹ ГА РТ. Ф.Р–1339. Оп.1. Д.17. Л.27–27 об.

тую галерею «Тверь» XVIII в., участники собрания выступили против планируемого вандализма⁸².

Среди охранителей предметов историко-культурного наследия особо следует отметить Николая Федоровича Катанова. Ученый, любитель старины, он участвовал в работе многих научных учреждений. Катанов заведовал музеем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, под его руководством был создан историко-этнографический музей при Казанской духовной академии. В условиях революции, когда рушилась прежняя система управления и образования, он беспокоился о судьбе музейных коллекций. Поэтому, по инициативе Н.Ф.Катанова, музейные предметы были переданы в фонды Казанского городского музея⁸³. Таким образом, он сумел сохранить данные коллекции.

Но вплоть до весны 1919 г. и сам Казанский городской музей находился в состоянии неопределенности. В эпоху революции он переходил из руки в руки, за музей отвечали самые разные организации. Например, музей был под ведомством Управления Коммунального хозяйства, потом его передали Отделу Народного образования, а через некоторое время вновь вернули Управлению коммунального хозяйства. Неслучайно и руководство Северо-Восточного археологического и этнографического института писало в органы власти ходатайства о необходимости передачи музея институту, но просьба была оставлена без внимания. Конечно, в таких условиях не было речи о какой-то научной работе. Лишь весной 1919 г. с назначением нового директора Б.Ф.Адлера начался новый этап в истории музея⁸⁴.

В этот период идет активное комплектование музейных фондов. Они собирались разными путями. Для самого традиционного способа комплектования – покупки предметов старины не всегда хватало средства. Например, из-за этого была утрачена большая часть коллекции профессора Н.Ф.Высоцкого. Особенно ценной была его археологическая коллекция, имелись у него и предметы этнографического характера. В 1920 г. ученый хотел продать свое собрание Казанскому музею, но сотрудникам удалось выку-

⁸² *Синицына К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002. С.39–40.

⁸³ *Назипова Г.Р.* Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. С.146.

⁸⁴ *Фаттахов Г.А., Валеев Р.К.* Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань, 2002. С.182 [Электронный ресурс] <https://tatkniga.ru>. Дата обращения 19.01.2019; *Шамсутдинова Р.* Архивное строительство в Татарстане 1917–1920 гг. // Гасырлар авазы. 1999. №1/2. С.285.

пить лишь некоторые ценные предметы. Остальную часть коллекции родственники Н.Ф.Высоцкого продали частным лицам, а также увезли с собой при эмиграции⁸⁵.

Наряду с покупкой экспонатов, ценные предметы принимались в дар. В этой связи музей специально обращался к населению. Известно, что первым на призыв откликнулся профессор В.С.Груздев, который подарил музею картину И.Е.Репина «Читающая девушка»⁸⁶. Конечно, надо отметить, что такого рода «дарения» не всегда делались по воле владельцев. В какой-то степени их принуждали к такому шагу, а в ряде случаев происходила обыкновенная экспроприация художественных и других ценностей. В 1919 г. Губподотделом было принято решение о реквизиции всех предметов старины и искусства.

В Казани ценности были изъяты из особняков Толстых, Молоствовых, Кекина и других людей. С.С.Толстой-Милославский передал том писем Петра I Л.А.Толстому (по делу царевича Алексея), который он хранил в сейфе Купеческого банка.

Особенно много художественных и исторических ценностей хранилось в помещичьих имениях губернии. Так, уже было упомянуто о домашней библиотеке Д.А.Корсакова, вывезенной в 1918 г. из его имения при селце Арышхазда Казанского уезда. С 1919 г. начинается особенно активная работа в этом направлении. Искусствовед П.М.Дульский специально съездил в некоторые имения, чтобы выяснить судьбу семейных коллекций. Люди старались спрятать или же сдать ценное имущество антикварам. Тем не менее, фонды Казанского музея пополнились коллекциями фарфора, картин и других ценных предметов. Например, в Спасском уезде только из поместий Демидова и Блинова было вывезено около 40 картин. Такие же ценные собрания хранились в имении И.И.Лихачева при селе Три Озера, княгини Голицыной (Щербеть), а также при населённых пунктах Никольское, Клянчино, Ключищи, Теньки⁸⁷.

До 1917 г. в Спасском уезде была только народная библиотека в селе Гусиха, она была открыта земством. С 1919 г. началось «собираение» книг по уезду для этой библиотеки. Большую роль сыграл профессор Александр Алексеевич Фирсов. Основу библиотечного фонда составили книги из усадьбы помещика Трубникова. Книги охватывали разные отрасли знаний, много было художественной литературы и периодики 1870–1915 гг. Большое количество книг оказалось в ценных старинных переплетах на английском,

⁸⁵ Назипова Г.Р. Указ. соч. С.139–141.

⁸⁶ Синицына К.Р. Указ. соч. С.41.

⁸⁷ Там же. С.40.

немецком, французском языках. Конечно же, имелись и произведения русских классиков, среди которых были прижизненные собрания сочинений Н.Гоголя, А.Куприна, И.Гончарова. В результате экспроприации помещичьих библиотек книжный фонд Спасской уездной библиотеки в 1920 г. вырос до 9 983 экземпляров, а уже в следующем 1921 г. число томов увеличилось до 14 898⁸⁸.

Один за другим в 1919–1920-х гг. открывались уездные музеи, основу экспозиции которых тоже составили предметы из купеческих и помещичьих усадеб. Так в 1919 г. были основаны музеи в Елабуге и Мензелинске, в 1920 г. – Тетюшах, в 1921 г. – Чистополе, в 1923 г. – Арске, в 1924 г. – Мамадыше и Свияжске, в 1929 г. – Бугульме⁸⁹. Но некоторые из новых учреждений культуры функционировали совсем недолго. Мензелинский музей закрылся в 1921 г., Арский – 1924-ом. В последнем музее насчитывалось только 40 экспонатов⁹⁰.

Наиболее богатым уездным музеем считался Чистопольский. Здесь было собрано более 6 тысяч экспонатов. Особенно ценными были коллекции, связанные с болгарской эпохой, с городищами Билярск, Джукетау. Кроме того, имелись выписки из писцовых, записных, отказных, челобитных, кабальных записей, извлеченные из имений Толстых-Милославских при селе Мурзиха Лаишевского уезда. Эти документы характеризовали правовые отношения между помещиками и крепостными XVII–XVIII вв.⁹¹

Тетюшский музей был организован на базе Людоговского имения помещиков Сазоновых и коллекций, собранных местными любителями истории при участии Н.К.Енгурина и преподавателя рисования педтехникума Н.К.Нюберга. В 1923 г. в музее имелось около 650 экспонатов, часть из них была передана из фондов Казанского музея⁹².

При этом некоторые предметы терялись в ходе реквизиции, они попадали не в фонды музеев и библиотек, а в частные руки. Например, уроженка села Три Озера Спасского уезда Варвара Тимохина вспоминала, как она в подростковом возрасте «таскала

⁸⁸ История библиотечного дела Татарстана. Дореволюционные библиотеки Казани и Казанской губернии / сост. К.Б.Фатхеева, отв. ред. А.Р.Абдулхакова. Вып. 2. Казань, 1999. С.20–21.

⁸⁹ ГА РТ. Ф.Р–516. Оп.1. Д.187. Л.1.

⁹⁰ Фаттахов Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань, 2002. С.190.

⁹¹ ГА РТ. Ф. Р–516. Оп.1. Д.187. Л.1 об.

⁹² Фаттахов Г.А., Валеев Р.К. Указ. соч. С.185–186.

книги из библиотеки», конфискованной к тому времени у местных помещиков⁹³.

По словам учительницы из села Мурзиха Лаишевского уезда А.Вавиловой, поместье Толстых-Милославских было разгромлено в сентябре 1918 г. матросами парохода «Петр Чайковский» и местными крестьянами. До этого фамильный архив, библиотека и художественные ценности оставались нетронутыми. Среди них были и старинные документы. Часть из них учительнице удалось спасти. Вероятно, именно они потом попали в фонд Чистопольского музея. Но львиную долю фамильных ценностей забрали с собой матросы и крестьяне⁹⁴.

Впоследствии, эти предметы продавались за копейки. *«В теплом кожаном полушубке и валенках я брожу по казанскому базару, где прямо на снегу раскинулась мелочная торговля старьевщиков, – описывал Казань 1921 года Михаил Осоргин в романе-хронике «Сивцев вражек». – Среди бытовой дряни – несчетные богатства, и я охотно накупил бы на свои гроши кучу музейных ценностей, если бы был человеком с будущим и с прочным пристанищем: томики бесценных уникамов, рукописных старообрядческих книг с цветными рисунками, чашки и чайники знаменитого поповского фарфора, бисерные вязанья, чудесные коврики, и все – почти что даром, по цене щепотки ржаной муки»⁹⁵.*

Среди такого разнообразия базарного ассортимента и растворились не только семейные реликвии и ценности, но и предметы из музейных и библиотечных фондов.

Так, остается неизвестной судьба коллекций многих маленьких музеев Казани. Среди них экспонаты Музея семейно-педагогического кружка (книги и учебные пособия, этнографическая коллекция), Музея 2-й Казанской мужской гимназии (нумизматическая и археологическая коллекции), Музея Казанского реального училища (коллекции по истории местного края), Музея Родионовского института благородных девиц (археологическая коллекция Масловского могильника), Музея Технического училища (коллекции, связанные с фабрично-заводской промышленностью)⁹⁶. После начала Первой мировой войны многие казанские учебные заведения выделили помещения для организации госпи-

⁹³ Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973. С.176.

⁹⁴ Троепольская О., Троепольская Н. «Я не столько археолог и музеист, сколько историк-археограф и архивист...» (О работе И.М.Покровского в Казанском губернском архиве в 1920–1930-е гг. // Гасырлар авазы. 2009. №2. С.118.

⁹⁵ Цит. по: Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. Казань, 1999. С.317.

⁹⁶ Назипова Г.Р. Указ. соч. С.220–221.

талей и лазаретов, поэтому музейные предметы могли быть утеряны еще в дореволюционный период.

После революционных событий 1917 г. по разным учреждениям было распределено богатое книжное и рукописное собрание Казанской духовной академии, насчитывавшее свыше 150 тыс. томов. При этом в 1918 г., когда библиотечное помещение хотели занять солдаты Красной Армии, эту коллекцию удалось спасти только благодаря усилиям профессора И.М.Покровского. Но в 1921 г. Казанская духовная академия была закрыта, а книги и рукописи из библиотеки распределены по разным учреждениям Казани, Москвы, Ленинграда, Улан-Удэ⁹⁷.

Казанская публичная библиотека была переименована в Центральную губернскую библиотеку и переехала в новое здание – бывший особняк З.Н.Ушковой. В доме в разное время располагались книжные магазины, музыкальная торговля. В 1916 г. З.Н.Ушкова продала здание Казанскому губернскому земству. До 1917 г. в этом здании размещались земские учреждения, книжный склад и Музей кустарной промышленности⁹⁸.

Филиал Казанской публичной библиотеки – «Китапхана Исламия» в 1919 г. был переименован в городскую библиотеку №5. Заведовал библиотекой, как и до революции, Ахмет-Хади Максуди. Именно сюда в 1920 г. передал свою богатую книжную коллекцию Галимджан Баруди. С 1921 г. бывшая мусульманская читальня стала называться Центральной восточная библиотека-музей. Вероятно, это было связано с новой ролью библиотеки в области охраны историко-культурного наследия. Кроме домашней библиотеки Баруди, в ней хранились рукописи из семейного архива чистопольского имама Закира Камалова, книги знаменитого муллы-кадимиста Ишмухамета Динмухаметова, а также коллекции других татарских деятелей. Но уже в следующем 1922 г. учреждение было переименовано и стало Центральной восточной библиотекой им. М.Вахитова, в том же году бессменный заведующий А.-Х.Максуди оставил свою должность. С 1923 по 1924 гг. в библиотеке работал писатель Мирхайдар Файзи, автор знаменитой пьесы «Галиябану»⁹⁹. После слияния с центральной библиотекой

⁹⁷ Куницын Б. Из истории библиотеки Казанской духовной академии // Гасырлар авазы. 2010. №3/4. С.262.

⁹⁸ Национальная библиотека Республики Татарстан. Казань, 2015. С.75.

⁹⁹ Ибраимова Ф. Мәғрифәт йорты // Казан утлары. 1986. №8. С.186–187; Восточное наследие / авт.-сост. Н.Г.Гараева, ред. З.С.Миннуллин. Казань, 2009. С.6.

в 1929 г., часть книжного фонда бывшей «Китапхана Исламия» была передана в университетское книгохранилище.

В университетской библиотеке уже в начале XX в. имелось специально оборудованное помещение для рукописей, и была обозначена научно-исследовательская направленность учреждения. В 1922 г. в библиотеке открылся рукописный отдел¹⁰⁰. После революции книгохранилище пополнилось книжными фондами Общества естествоиспытателей при Казанском университете, Казанского земства, Казанского отдельного цензора и изданиями из личных библиотек казанских библиофилов и ученых¹⁰¹.

Таким образом, в советский период основными хранилищами книжного, рукописного и документального наследия, художественных ценностей, исторических редкостей и других семейных реликвий народов Казанской губернии стали бывший Казанский городской музей и Центральная губернская библиотека, Губархив, университетская библиотека, а также уездные музеи и библиотеки. Очевидно, что значительная часть письменного и музейного наследия была утеряна в революционные годы, вывезена за пределы Казанской губернии. Между тем, несмотря на экстремальные условия Гражданской войны, наряду с обывательским равнодушием и вандализмом целый ряд ученых и других представителей интеллигенции очень много сделали для сохранения оставшихся предметов старины, документов, художественных ценностей. Более того революционные годы, с резкой сменой социально-политических декораций, заставили некоторых из них с особым трепетом обращаться с историко-культурными артефактами. Несистематизированные, разбросанные документы и предметы остались единственным доказательством недавнего прошлого, безвозвратно канувшего в череде событий революции и Гражданской войны.

¹⁰⁰ Ермолаева Н., Скоробогатов А. Новый путеводитель в мире рукописей // Гасырлар авазы. 2000. №1. С.300–301.

¹⁰¹ Путеводитель по Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского. Казань, 1997. С.4.

4.2. «Молодые ученые ни о чем больше не говорили, как только о пайках...» (научная интеллигенция Казани в 1917 – начале 1920-х гг.)

До Октябрьской революции 1917 г. научная сфера в Казанской губернии развивалась, главным образом, вокруг Казанского университета. Он являлся не только одним из старейших в стране провинциальных научно-педагогических центров, но и единственным вузом в Казанском учебном округе, имевшем право присваивать ученые степени и подготавливать научные кадры через институт так называемых профессорских стипендиатов. Поэтому подавляющее большинство представителей научного сообщества Казани являлись или выпускниками, или преподавателями университета, или членами городских научных обществ, функционировавших под его эгидой – Общества археологии, истории и этнографии, Общества естествоиспытателей, Общества врачей и других.

Как уже не раз было отмечено исследователями, учреждение университетов в России, в том числе и в губернской Казани, являлось беспрецедентным социальным экспериментом по внедрению европейских норм и практик в российскую действительность¹⁰². Существовая в рамках монархического государства, университеты представляли собой своего рода «территорию свободы»¹⁰³. Это выражалось в возможности вузовского сообщества пользоваться в той или степени плодами «академической свободы», оказывать влияние на формирование корпорации через систему научной аттестации, выборов на должности и т. д. Немаловажное значение для самоидентификации университетских людей имело их включение в самые разнообразные коммуникативные сети европейского научного мира посредством заграничных стажировок, публикаций в журналах, участию в научных конгрессах и съездах.

Казанские ученые, несмотря на свой «провинциальный статус», в данный период являлись неотъемлемой частью российского и европейского научного сообщества. Как и для подавляющего большинства российских представителей науки, для них было характерно ощущение себя как социальной группы с высокой профессиональной репутацией. Они были убеждены в том, что их деятельность служит государству и народу, и что без развития науки невозможен социальный и экономический прогресс. При

¹⁰² Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С.768.

¹⁰³ Там же.

этом ученые старались подчеркивать независимость от официальной идеологии, церкви и цензуры¹⁰⁴.

Если в начале XX в. диссонанс между независимой гражданской позицией и фактическим положением «чиновников Министерства народного просвещения» привел к участию казанской профессуры в деятельности таких оппозиционных организаций, как Академический союз или партии конституционных демократов, то с началом Первой мировой войны она оказалась вовлеченной в единый патриотический порыв «либералов, консерваторов, крайне правых, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды»¹⁰⁵. Сочувствие среди некоторых казанских интеллектуалов находили некоторые демонстративные верноподданнические призывы разорвать все научные связи с немецкими коллегами, вплоть до исключения из почетных членов российских университетов¹⁰⁶. В данный период деятельность ученых Казани, прежде всего профессоров физико-математического и медицинского факультетов университета, как никогда ранее оказалась тесно связанной с насущными, потребностями государства. Целый ряд профессоров и преподавателей вошли в состав Военно-промышленного комитета и выполняли поручения исследовательского характера, направленные на решение, прежде всего, прикладных, утилитарных задач. Исследователями подробно описана деятельность в подобных организациях профессоров А.Е. Арбузова, А.Я. Богородского, В.Н. Болдырева и других¹⁰⁷. Сам А.Е. Арбузов оставил воспоминания о перипетиях создания в годы Первой мировой войны в Казани отечественного аспирина: *«У меня возникла мысль организовать в Казани получение салициловых препаратов из отечественного сырья. Однако для осуществления этой цели пришлось преодолеть целый ряд затруднений. Первым и едва ли не самым главным и неожиданным затруднением явилось неверие фармакологических и аптекарских кругов, а также части химиков в возможность организовать в Казани в условиях военного времени, не имея никакого опыта, полужаводское получение таких сложных по технологиче-*

¹⁰⁴ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С.293.

¹⁰⁵ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С.109.

¹⁰⁶ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С.321.

¹⁰⁷ Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 г.) // Ученые записки КГПИ. 1977. Вып. 173. С.3–26.

скому процессу препаратов, какими являются салициловые препараты»¹⁰⁸. В 1915 г. были выпущены первые образцы аспирина на Казанском городском фенолосалициловом заводе¹⁰⁹.

По мере роста неудач российской армии, а также существенного ухудшения материального положения оптимистические настроения казанских интеллектуалов сошли на нет. Либерализация университетской жизни в начале 1917 г., связанная с деятельностью министерства народного просвещения Временного правительства в главе с А.А. Мануйловым, в конечном итоге обернулась для Казанского университета серьезными столкновениями со студенческими организациями, требовавшими доселе невиданного – практически равного с профессорами представительства в управлении университетом. Казанская научная элита едва ли сумела приспособиться и к социальным изменениям, происшедшим в стране в целом. Об этом отчасти свидетельствует тот факт, что казанские профессора, будучи лидерами либеральной оппозиции губернии в годы Первой русской революции, в 1917 г. практически не проявляли политическую активность, за исключением, пожалуй, профессора А.А. Симолина.

Октябрьский переворот 1917 г. большинство казанских ученых восприняло отрицательно. В декабре университетский совет присоединился к резолюции преподавателей Харьковского университета, в которой большевики объявлялись «*группой фанатиков и темных дельцов, незаконно захвативших власть*». В этот период еще были серьезные основания сомневаться, что большевики удержат свои позиции. Действительно, в феврале 1918 г. Казань стала местом ожесточенного гражданского противостояния, в результате которого город был захвачен войсками Комитета членов учредительного собрания. Профессора и преподаватели открыто выступили в его поддержку. В обращении, составленном профессором Н.Д. Бушмакиным, особо подчеркивалось: «*Совет университета приветствует образовавшееся новое правительство в лице Комитета членов учредительного собрания и заявляет, что он готов принести все силы и средства и самую жизнь на пользу нашей истерзанной родины*»¹¹⁰. В августе 1918 г. накануне наступления на город войск Красной армии профессора на страницах либеральных газет призывали горожан встать на защиту Каза-

¹⁰⁸ Арбузов А.Е. В годы грозные // Александр Ерминингельдович Арбузов. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 35.

¹⁰⁹ Там же. С. 36.

¹¹⁰ Цит. по: Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С.152.

ни¹¹¹. Чуть позже, когда падение армии Комуча стало очевидным, значительная часть научной интеллигенции покинула город, опасаясь преследования советских властей¹¹².

В сентябре 1918 г. в Казани установилась советская власть. К этому времени в стране уже начался процесс формирования сложной системы управления наукой и высшим образованием¹¹³. Ключевую роль в ней занял Народный комиссариат просвещения РСФСР во главе с А.В.Луначарским и его заместителем М.Н.Покровским¹¹⁴, в ведении которого были переданы Академия наук, высшие учебные заведения, научные общественные организации. Казанский университет и местные научные общества оказались подведомственными образованному в 1918 г. Казанскому губернскому комиссариату народного просвещения во главе с А.А.Максимовым – бывшим преподавателем химии и товароведения в женском коммерческом училище¹¹⁵.

В 1918 г. началась реорганизация высшей школы, направленная на советизацию вузов и постепенное ослабление влияния в них «старой» профессуры путем лишения былых привилегий. В августе 1918 г. вышло постановление о приеме в высшие учебные заведения всех желающих без предъявления документов об образовании. В октябре появился декрет Совета народных комиссаров «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учреждений и вузов РСФСР», согласно которому упразднялись все дореволюционные степени и звания, вводилось единое звание профессора, в состав профессоров переводились приват-доценты, прослужившие в этом звании не менее трех лет. Для всех профессоров, проработавших 10 лет в университете и 15 лет в вузах вообще, объявлялся всероссийский конкурс. В нем имели право участвовать в том числе и лица, не имеющие дореволюционных ученых степеней. Таким образом, по мнению большевистских лидеров, устранялись «всяческие преграды между свежими силами и кафедрой»¹¹⁶.

¹¹¹ Студентам Казанского университета // Народная армия. 21 августа 1918 г. С.2.

¹¹² *Мальшева С.Ю.* «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы. 2003. №1/2. С.87–92.

¹¹³ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968.

¹¹⁴ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С.479.

¹¹⁵ *Латыпова Г.* Организация советских органов управления народным образованием в Казанской губернии (1917–1918 гг.) // Гасырлар авазы. 2015. №1–2. С.65.; *Она же.* Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. Казань, 2013.

¹¹⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 38. Март – июнь 1919 г. М., 1969. С.432.

Однако по итогам этих мероприятий, как и в других университетских городах, в Казани практически все профессора были переизбраны на свои кафедры, а в числе пополнивших профессуру оказались бывшие дореволюционные приват-доценты.

Отбросив иллюзии о быстрых изменениях в составе вузовской интеллигенции, Наркомпрос РСФСР совместно с местным губернским отделом просвещения взялся за структурные изменения высшей школы Казани. 15 января 1919 г. в ведущая большевистская газета региона «Знамя революции» огласила начало широкомасштабного обсуждения реформы высшей школы¹¹⁷. Оно начиналось с представления А.А. Максимовым губернскому отделу народного образования плана объединения всех местных вузов в единый советский университет. Этот проект во многом восходил к идеям о «пролетарском университете» лидера «Пролеткульта» А.А. Богданова, в котором должны были воспитываться выходцы из рабочей среды без угрозы потери «классового инстинкта»¹¹⁸. Университет должен был состоять из трех ассоциаций: научной, учебной и просветительской. В учебной ассоциации предполагалось шесть факультетов: политехнический, общественных наук, медицинский, сельскохозяйственный, факультет искусств¹¹⁹. Это высшее заведение мыслилось, прежде всего, как практико-ориентированное. Таким образом, университет «классический» должен был стать университетом «политехническим».

Однако реализация плана по созданию «Казанского советского университета» довольно быстро «захлебнулась», столкнувшись с материальными трудностями в условиях вновь разгоревшейся в 1919 г. на территории Казанской губернии Гражданской войны и пассивным сопротивлением вузовского сообщества, прежде всего преподавателей только что образованного Политехнического института¹²⁰. Уже в мае 1919 г. местные власти переключились на выполнение задач по реорганизации педагогических учреждений в Институт народного образования, на некоторое время оставив в покое

¹¹⁷ Знамя революции 15 января 1919. С.3.

¹¹⁸ *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904 – 1924. М.; Л., 1925. С.238–263; *Андреев Д.А.* Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930 –е годы). М., 2012. С.495.

¹¹⁹ Знамя революции. 15 января 1919 г. С.2.; *Тутаев М.З.* Октябрь и просвещение (очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти). Казань, 1970. С.352–353.

¹²⁰ ГА РТ. Ф.Р-262. Оп.4. Д.10. Л.3–Зоб.

«технарей». В связи с этим первые структурные перемены затронули ключевое с идеологической точки зрения гуманитарное знание.

В 1919 г. взамен упраздненного юридического факультета университета был создан факультет общественных наук (ФОН) в составе трех отделений – юридического, экономического, политического. В августе этого же года казанское «Знамя революции» объявило о постановлении местного губотнароба о преобразовании истфилфака в отделение будущего Института народного образования¹²¹.

Неопределенная ситуация тяжело переживалась преподавателями и студентами историко-филологического факультета. Казанские историки и филологи искали новые возможности для профессиональной реализации, всеми силами пытаясь «сохранить и запечатлеть тот образ культуры, к которому принадлежали»¹²². В этот период их исследовательская активность стала проявляться особенно сильно в рамках работы в Обществе археологии, истории и этнографии (ОАИЭ).

Нужно отметить, что первые годы советской власти благоприятствовали развитию краеведческого движения, с которым была созвучна деятельность ОАИЭ. Активизация работы краеведов, с одной стороны, стимулировалась советскими властями, так как это было полезно в условиях формирования советского государства, передела прежних губернских границ и складывания новых местных автономных республик и областей. С другой стороны, местные интеллектуалы, вынужденные перемещаться с «насиженных» мест, должны были искать новые источники доходов, а работа в научных обществах частично финансировалась государством¹²³.

Краеведческое движение было организовано на самом высоком уровне, позволяло поддерживать легитимные научные связи периферийным краеведческим организациям со столичными. Центральное бюро краеведения действовало под эгидой Академии наук. Его возглавил академик Д.Н.Анучин, после его смерти в 1923 г. – академик С.Ф.Ольденбург. Почетным председателем ЦБК являлся академик И.П.Павлов, в составе Президиума находились А.Е.Ферсман, Н.Я.Марр, В.П.Семенов-Тянь-Шанский. Казанское краеведче-

¹²¹ Предстоящая реформа ВУЗов // Знамя революции. 20 августа 1919 г. С.2.

¹²² Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003. С.71.

¹²³ Лоскутова М.В. «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // Ab Imperio. 2011. №2. С.83–121.

ское движение некоторое время представлял здесь профессор К.В.Харлампович.

В 1918 г. в составе руководящих органов Общества археологии, истории и этнографии было большинство профессоров и преподавателей Казанского университета. Среди них Н.М. Петровский, Н.В. Никольский, В.Ф. Смолин, В.И. Огородников, Б.Н. Денике, Н.П. Грацианский, М.Г. Худяков, И.А. Стратонов, С.В. Малов, Б.Ф. Адлер, С.П. Шестаков и другие¹²⁴. В этом году в разгар Гражданской войны ОАИЭ решилось на созыв областного съезда историков Волжско-Камского края. Занятия съезда предполагалось посвятить разработке общих исторических вопросов и изучению истории местного края, вопросам преподавания истории в высшей и средней школе и во внешкольном образовании. Таким образом, ОАИЭ в первые годы советской власти стремилось взять на себя роль научного центра исторического образования. По-видимому, в течение 1918–1919 гг. руководству ОАИЭ удавалось сохранить основу дореволюционного формата организации. Это выборность своих членов и независимая редакторской политики в издании печатного органа – «Известий общества археологии, истории и этнографии». Показательно, что именно в этот период расширилась тематика научных статей в Известиях ОАИЭ за счет появления работ по всеобщей истории. В своей работе это ученое сообщество пыталось опереться не на местных партийцев, а на поддерживающую краеведческое движение Петроградскую Академию наук через личные знакомства и связи с академиками С.Ф. Ольденбургом и А.А. Шахматовым¹²⁵. ОАИЭ можно назвать тем интеллектуальным пространством, в котором казанская гуманитарная интеллигенция могла сохранить свободу научного творчества, транслировать былые академические традиции и научную культуру.

Показательно, что в 1919 г. к Обществу примкнуло не менее 25 человек¹²⁶, а его председателем стал Н.А. Бобровников – бывший попечитель Оренбургского учебного округа, ученик и соратник автора методики обучения инородцев Н.И. Ильминского. Николай Алексеевич вернулся в Казань из Петрограда для того, чтобы пе-

¹²⁴ Сидорова И.Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг.) // Гасырлар авазы. 2003. №3/4. С.65–81; Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т.30. Вып.2. Казань, 1919. С.3.

¹²⁵ Петровская М.Н. О моих предках // ОРПК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 10007. Л. 321.

¹²⁶ Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т.30. Вып.3–4. Казань, 1920. С.16.

режить революционное лихолетье в семье своей дочери Екатерины и зятя – профессора Казанского университета Н.М. Петровского¹²⁷. Неожиданно для своей семьи сумел найти себе применение в изменившихся социально-политических условиях. Немаловажно отметить, что сотрудничество с ОАИЭ позволило чуть ли не впервые заявить о себе в научном мире Казани студентке историко-филологического факультета М.В. Нечкиной, профессорскому стипендиату того же факультета Г.С. Губайдуллину¹²⁸, недавнему выпускнику университета М.Г. Худякову¹²⁹.

Несмотря на то, что большинство казанских гуманитариев были далеки от того, чтобы с энтузиазмом относиться к большевистским программам, все же самые первые послереволюционные годы внесли оживление в профессиональную жизнь некоторых из них¹³⁰. Так, ученые, благожелательно воспринявшие новые подходы к национальному вопросу, не только активно принялись за краеведческие исследования, но и сотрудничали с Северо-Восточным археологическим и этнографическим институтом¹³¹, Музеем Татарской республики, национальными отделами губернского отдела народного просвещения, музейными комиссиями и архивом. И это на фоне катастрофически ухудшающегося материального положения¹³²!

Преподаватели университета совместно с коллегами из Политехнического института с энтузиазмом взялись за развитие таких новых экспериментальных областей в гуманитарной науке, как педология и психотехника¹³³, тесно связанные с набравшей по-

¹²⁷ Петровская М.Н. О моих предках // ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 10007. Л.320–321.

¹²⁸ См. упоминание в дневнике историка С.И.Порфирьева о подготовке Г.С.Губайдуллина к докладу в ОАИЭ: *Порфирьева И. С.И.Порфирьев и его дневник // Гасырлар авазы. 2010. №.1/2.*

¹²⁹ О влиянии ОАИЭ на научное становление М.Г. Худякова: *Руденко К.А. Учитель и ученик в археологии Казани в первой – второй трети XX в. (к постановке проблемы) // Учитель и ученик в социокультурном пространстве Евразии: материалы Всероссийской научно-практич. конференции. Казань, 2016. С.64–74.*

¹³⁰ *Джераси Р. «Окно на Восток»: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С.413.*

¹³¹ *Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. №1. С.214–234.*

¹³² О материальном состоянии научной интеллигенции Казани: *Хабибрахманова О.А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-е гг // Вестник Вятского государственного университета. 2017. №1. С.36–39.*

¹³³ *Эткинд А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2006. №3. С.68.*

пулярность концепцией научной организации труда, идеями немецких ученых В. Штерна, Г. Мюнстерберга, а также американского инженера Ф.У. Тейлора, предложивших в начале XX в. решать вопросы рационализации трудовой деятельности с позиций психологии¹³⁴. В Советской России исследованиями в области научной организации труда занимался Институт по изучению мозга и психической деятельности, созданный В.М. Бехтеревым в Петрограде, а также Центральный институт организации труда в Москве. В 1921 г. И.М. Бурдянский – будущий видный представитель экономической мысли, будучи еще студентом экономического факультета Политехнического института, организовал при Татарском Совете профессиональных союзов Бюро научного изучения труда. Его соратниками стали молодые преподаватели университета и Восточно-педагогического института К.И. Сотонин, В.Т. Дитякин, профессора Н.А. Миславский и Д.Н. Зейлингер, М.А. Юровская и другие¹³⁵. Несмотря на скудное финансирование, Казанский институт научной организации труда проводил большую исследовательскую работу по изучению условий трудовой деятельности на местных промышленных предприятиях, издавал научные труды, отличавшиеся ярко выраженным новаторским подходом. В статье «Как нам реорганизовать РАБКРИН (Предложение XII съезду партии)», вышедшей 25 января 1923 г. в газете «Правда», В.И. Ленин назвал Казанский институт организации труда вторым по значимости после Центрального института¹³⁶.

Относительно автономное существование казанских гуманитариев сохранялось до первых лет 1920-х гг. К этому времени болезни и голод унесли из жизни целый ряд талантливых ученых: члена-корреспондента Академии наук лингвиста Н.М. Петровского, востоковеда Н.Ф. Катанова, П.Г. Архангельского, Д.А. Корсакова и других. В июне 1921 г. в состав факультета общественных наук был влит историко-филологический факультет, при этом научная коллегия Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР отказала в праве преподавания ряду преподавателей, в

¹³⁴ *Мальшева С.Ю.* Философия счастья Константина Сотонина // Татарстан. 1994. № 7–8. С.112; *Корицкий Э.Б., Васюков А.И., Нинциева Г.В.* Основные течения российской экономической мысли в 20–30-е годы XX столетия. Очерки. Ч.3. СПб., 1994. С.3–6.

¹³⁵ Казанский институт научной организации труда. 5 лет работы. 1921–1926. Казань, 1926. С.9.

¹³⁶ *Дитякин В.Т.* Управление, контроль и научная организация труда. В связи с последней статьей тов. В.И.Ленина // Известия ТатЦИК. 1923. 9 февраля. С.1.

том числе и профессору К.В. Харламповичу¹³⁷. Уже в следующем году ФОН ликвидировали, как «самый консервативный факультет университета»¹³⁸. Его сотрудники были переведены в Восточно-педагогический институт. К этому моменту в состав последнего уже вошла Восточная академия (бывший Северо-восточный археологический и этнографический институт). Таким образом, к 1923 г. гуманитарное образование в Казанском университете было ликвидировано.

Не мог устраивать власти и «дореволюционный» формат существования Общества археологии, истории и этнографии. Его постепенно пытаются вытеснить из научного пространства Казани, тем более что в это же время в только образовавшейся Татарской автономной республике началось формирование новых органов, контролировавших научную сферу.

В 1920 г., в составе местного Наркомата просвещения был образован научный отдел, который должен был заниматься организацией научной работы по изучению края, его «производительных сил», а также исторических, этнографических особенностей. По образцу Академического центра РСФСР в 1921 г. в ТАССР был создан свой Академцентр при Народном комиссариате просвещения ТАССР. Согласно уставным документам, его целью являлось «общее теоретическое и программное руководство научной, учебной (учебно-педагогической и учебно-технической), просветительской и художественной деятельностью» в республике¹³⁹.

В 1923 г. при Академцентре было создано Научное общество татароведения (НОТ). Перед ним ставились задачи «всестороннего научного изучения татар и татарской культуры»¹⁴⁰. В его состав также входили бывшие преподаватели и выпускники университета (Н.Н. Фирсов, Н.И. Воробьев, М.Г. Худяков), однако их влияние не было подавляющим, как в ОАИЭ. Особую роль в деятельности НОТ играли представители татарской интеллектуальной элиты, активно включившиеся в исследовательскую работу после революции 1917 г. Среди членов-учредителей были указаны руководители органов управления – нарком просвещения ТАССР

¹³⁷ ГА РТ. Ф.Р-1337. Оп.1. Д.42. Л.48 об.

¹³⁸ ГА РТ. Ф.Р-1337. Оп.2. Д.1. Л.23; *Сальникова А.А.* Там же. С.157.

¹³⁹ ГА РТ. Ф.Р-3682. Оп.2. Д.432. Л.388; Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы. Казань, 2015. С.64.

¹⁴⁰ *Фирсов Н.Н.* Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. Журнал Ассоциации востоковедения Союза ССР. 1928. №20–21. С.1.

М.Ю. Брундуков, председатель Академического центра Татанаркомпроса Г.Г. Максудов¹⁴¹.

Председателем данной организации был назначен профессор Николай Николаевич Фирсов – один из ярких и сложных представителей исторической науки данного периода¹⁴². Еще со времен написания магистерской диссертации он серьезно занимался изучением социально-экономических проблем российской истории. В начале XX в. у Н.Н. Фирсова сложились напряженные отношения с Министерством народного просвещения, руководимым Л. Кассо, а также с попечителем Казанского учебного округа, из-за чего он был уволен из Казанского университета под предлогом выслуги лет. Приход большевиков к власти ученый воспринял далеко не сразу. Однако преодолев серьезные политические колебания, пережив в 1920 г. арест по подозрению в принадлежности к партии левых эсеров, Н.Н. Фирсов решился на сотрудничество с новой властью¹⁴³. Репутация «изгнанника царизма», по-видимому, обеспечила ему лояльность большевиков. Историк начал читать лекции на факультете общественных наук, рабфаке Казанского университета. После закрытия ФОНа работал в Восточном педагогическом институте. Н.Н. Фирсов регулярно публиковался на страницах газет «Знамя революции», по поручению Центральной комиссии Истпарта организовал при татарском бюро секцию по сбору материалов для создания истории крестьянского движения в Поволжье¹⁴⁴. Как утверждал М.К. Корбут, принятие ученым советской власти и тесное сотрудничество с ней стало причиной неприязни к нему со стороны коллег. Это даже помешало Н.Н. Фирсову попасть в члены совета Общества археологии, истории и этнографии¹⁴⁵.

В то время, как деятельность Научного общества татароведения набирала обороты, начались преследования членов ОАИЭ¹⁴⁶. Татотдел ОГПУ начал следствие по делу председателя общества

¹⁴¹ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Д.7.597. Л.5–6.

¹⁴² О Н.Н. Фирсове: *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Н.Н. Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976; *Зарипова Л.Д.* Российская история в трудах Н.Н. Фирсова. Дисс. ... к.и.н. Казань, 1996.

¹⁴³ *Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003. С.94; *Зарипова Л.Д., Сальникова А.А.* Призрак свободы // Казань. 1995. №. 7–8. С.90.

¹⁴⁴ *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976.

¹⁴⁵ *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30: в 2 т. Т.2. Казань, 1930. С.317.

¹⁴⁶ *Сидорова И.Б.* Указ. соч.

К.В. Харламповича, а также И.И. Сатрапинского, С.П. Шестакова, И.М. Покровского и других. Его проведение мотивировалось поступлением «сведений о группировке черносотенного элемента [...], противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими «чистую науку», в которой преобладали элементы рутины, отсталых идей, для чего использовались легальные возможности»¹⁴⁷. Процесс имел явно показательный характер в назидании «старой буржуазной» профессуре. В разгар проведения следствия было выбрано новое руководство Обществом. Его председателем стал Н.Н. Фирсов, товарищем председателя Г.С. Губайдуллин. Репрессии ОГПУ, направленные против бывших руководителей ОАИЭ, и последующие события полностью поменяли формат этой организации. Оно окончательно вошло в систему советских научных учреждений республики.

Вузовская политика начала 1920-х гг., изменение функций и структуры университетских советов и правлений, обязательное утверждение их состава Главпрофобротом, а также включение в эти органы «красного» студенчества, привели появлению новой иерархической системы в высших учебных заведениях¹⁴⁸. В казанских вузах она стала разнообразная и подвижная. С одной стороны, «старые» профессора и преподаватели лишились дореволюционных университетских привилегий, однако, остались существенной частью региональной научной элиты. С другой стороны, в это время на первый план выходит новое поколение казанской гуманитарной интеллигенции, делающей не столько научную, сколько административную и «общественную» карьеру в вузах, часто параллельно со службой в подразделениях Академцентра ТАССР. Среди них можно назвать такие заметные фигуры, как В.Т. Дитякин, М.Г. Худяков, С.П. Сингалевич, М.К. Корбут. Быстрота их карьерного роста была поистине головокружительна. К примеру, В.Т. Дитякин окончил историко-филологический факультет Казанского университета в 1917 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Будучи одним из первых казанских исследователей, основательно взявшихся за проработку трудов

¹⁴⁷ См.: *Сидорова И.Б.* Указ. соч.

¹⁴⁸ *Дмитриев А.Н.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой половины XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. №4. С.108–133; *Кривоноженко А.Ф.* Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. 2016. №5. С.54.

К. Маркса и В.И. Ленина¹⁴⁹, уже на следующий год (в возрасте 22 лет) он стал профессором университета, а в начале 1920-х гг. – руководителем кафедры всеобщей истории и проректором Восточного педагогического института¹⁵⁰. Известный «красный» студент, а затем и профессор М.К. Корбут имел в университете ни чуть не меньшее влияние, чем его учителя – бывшие заслуженные профессора. Профессиональный взлет многих этих талантливых «выдвиженцев», искренне воспринявших марксистскую теорию, состоит из ценной критики и драматического разрыва с «учителями». Так, М.Г. Худяков известен не только благодаря «Очеркам истории Казанского ханства», но и доносам на членов Общества археологии, истории и этнографии¹⁵¹, а С.П. Сингалевич был не только лучшим казанским студентом известного испаниста В.К. Пискорского, но и автором статьи, ставшей спусковым крючком для политических преследований профессора Н.Н. Фирсова¹⁵².

Сложную трансформацию в первые годы советской власти пережили представители не только гуманитарной интеллигенции, но и ученые других специальностей. Чрезвычайная потребность в специалистах для нужд разрушенного народного хозяйства, а также стремление большевиков заполнить вузы рабочим и крестьянским контингентом учащихся и учащихся привело к расширению сети сельскохозяйственных и технических вузов и появлению рабочих факультетов¹⁵³. В 1919 г. в Казанском университете был открыт рабфак и начал работу лесной факультет. До этого подготовка специалистов по сельскому хозяйству здесь практически не велась. В Казани существовала всего одна кафедра агрономической химии на физико-математическом факультете университета.

В начале 1919 г. на базе объединенного Казанского промышленного, экономического и художественного техникума был создан

¹⁴⁹ Дитякин В.Т. Творческий облик К.Маркса (Этюды по психологии творчества). Казань, 1922.

¹⁵⁰ Профессора исторического факультета Казанского университета (1939–1999): биобиблиографический словарь. Казань, 1999. С.23–25.

¹⁵¹ См.: Руденко К.А. Учитель и ученик в археологии Казани в первой – второй трети XX в. (к постановке проблемы) // Учитель и ученик в социокультурном пространстве Евразии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2016. С.64–74.; Сидорова И.Б. Там же.

¹⁵² См.: Зарипова Л.Д. Российская история в трудах Н.Н. Фирсова. Дисс. ... к.и.н. Казань, 1996. С.83.

¹⁵³ Рыжковский В.В. Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальной мобилизации // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С.727.

Казанский политехнический институт в составе механического, химического, экономического, архитектурно-строительного, сельскохозяйственного (с марта 1919 г.), инженерного (с ноября 1919 г.) факультетов¹⁵⁴. В 1922 г. сельскохозяйственный факультет Казанского политехнического института и лесной факультет университета были объединены и преобразованы в Институт сельского хозяйства и лесоводства. В Казанском политехническом институте и Институте сельского хозяйства и лесоводства предполагалось готовить новое поколение советских специалистов в области народного хозяйства из «пролетарской» среды, беднейшего крестьянства и «нацменов», способных в будущем заменить буржуазных «спецов». Именно эти два института объявлялись «единственными» высшими учебными заведениями республики, «обслуживающими интересы промышленности ТССР и окружных автономных областей»¹⁵⁵.

В «прикладных» институтах складывалась особая группа вузовской интеллигенции города. Она сформировалась из двух профессиональных корпораций: профессоров и приват-доцентов Казанского университета и представителей дореволюционной технической интеллигенции – инженеров, архитекторов, совмещавших гражданскую службу с преподаванием в средних учебных заведениях. Так, первым ректором Казанского политехнического института стал профессор механики Д.Н. Зейлингер. На сельскохозяйственном факультете этого же вуза почти в полном составе читали лекции профессора физико-математического факультета университета: А.Я. Гордягин, В.В. Лепешкин, В.А. Ульянов, А.Е. Арбузов и другие¹⁵⁶. Целая плеяда казанских технических специалистов, в числе которых были такие известные деятели как К.С. Олешкевич, И.И. Брюно, В.И. Нечкин, С.В. Бечко-Друзин, преподавали на механическом, химическом, инженерном факультетах¹⁵⁷. Они и составили когорту вузовской интеллигенции республики, которую большевистские лидеры именовали «буржуазными спецами»¹⁵⁸.

Власти вынуждены были привлекать «спецов» к работе по восстановлению разрушенного в годы войн и революций хозяйства. Проректор Политехнического института А.И. Тулпаров был первым

¹⁵⁴ ГА РТ. Ф.Р–262. Оп.1. Д.1. Л.3.

¹⁵⁵ Корбут М.К. К вопросу о высшем техническом образовании в Татарской Республике // Известия ТатЦИК. 1922. 12 февраля. С.3.

¹⁵⁶ ГА РТ. Ф.Р–262. Оп.1. Д.20. Л.18; ОРРК НБЛ КФ(П)У. Ед. хр. 4911. Л.1–13; Казанский сельскохозяйственный институт им. М.Горького. Казань, 1972.

¹⁵⁷ ГА РТ. Ф.Р–262. Оп.4. Д.86. Л.2.

¹⁵⁸ О технической интеллигенции в Советской России: Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.

руководителей Профессионального подотдела губернского отдела народного образования¹⁵⁹. Профессор Д.Н. Зейлингер на протяжении нескольких лет консультировал сотрудников Татарского совнархоза¹⁶⁰. Наконец, именно «буржуазные спецы» должны были подготовить для республики новое поколение советских инженеров, архитекторов, агрономов и технологов. В связи с этим в отношении этой когорты особенно проявлялась так называемая политика «заигрывания» новыми властями¹⁶¹. Она выражалась в сохранении вплоть до 1924 г. относительно автономного существования Политехнического института взамен на профессиональные знания его преподавателей. Неудивительно, что местная большевистская пресса весьма лестно отзывалась о казанской высшей технической школе и ее работниках. «Известия ТатЦИКа» отмечали, что для них характерны «высокие жизненные ценности в организации профессионального образования», «единственно жизненные основные принципы – трудовой и политехнический, практические точные методы преподавания, ценные навыки учета, распределения и идейная непосредственная связь с производствами и профсоюзами». Наконец, «воспитание советских социалистических убеждений» и «широко и глубоко проводимый лозунг дороги и первое место рабоче-крестьянской молодежи»¹⁶²

В это же время начала складываться новая научная элита в такой социально значимой сфере, как медицина. До революции главным поставщиком врачебных кадров в губернии был медицинский факультет Казанского университета. Здесь преподавали такие известные ученые, как Л.О. Даркшевич, Н.А. Миславский, А.Ф. Самойлов, Е.В. Адамюк и другие. В ведении преподавателей медицинского факультета находился крупный городской больничный комплекс, расположенный на Арском поле. Сотрудники факультета руководили отделениями в городских больницах.

После завершения Гражданской войны на территории Казанской губернии перед местным губздравотделом встали серьезные задачи. Нужно было привести в порядок оказавшиеся в его ведении больницы города, пришедшие в полную негодность – бывший лазарет Красного креста, Губернскую больницу, Александровскую больницу и другие. Кроме того, в городе во время Гражданской войны из-за мобилизации студентов последних курсов

¹⁵⁹ ГА РТ. Ф.Р-262. Оп.4. Д.7. Л.9.

¹⁶⁰ ГА РТ. Ф.Р-262. Оп.4. Д.10. Л.33 об.

¹⁶¹ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С.743.

¹⁶² Неболюбов. «Профтехническое образование. К трехлетию Татгавпрофобра» // Известия ТатЦИК. 1923. 3 февраля. С.1.

медицинских факультетов оказалось большое количество врачей. Многие из них только что окончили медицинские факультеты по ускоренному курсу и поэтому нуждались в улучшении профессиональной подготовки¹⁶³.

Тогда в структурах Казанского губздравики родилась идея создания специального медицинского учреждения, которое занималось бы и реконструкцией больниц, и переподготовкой фактически недоучившихся молодых врачей. Она принадлежала врачам Р.А. Лурия, В.И. Иорданскому и В.П. Первушину. Инициатива была поддержана местными властями. В 1920 г. в Казани был открыт Клинический институт для усовершенствования врачей. Заняться восстановлением системы здравоохранения в городе было поручено этому «советскому» учреждению, а не медицинскому факультету университета с его именитыми, но «буржуазными» специалистами.

Первым директором Клинического института усовершенствования врачей стал известный врач-терапевт Роман Альбертович Лурия – выпускник Казанского университета, ученик известного физиолога Н.А. Миславского и профессора Н.А. Засецкого. После блестящего окончания университета Р.А. Лурия был оставлен медицинским факультетом для подготовки к профессорскому званию. Однако его кандидатура не была утверждена попечителем учебного округа. Возможность научной и педагогической карьеры в университете для него оказалась закрытой. До 1917 г. он служил военным врачом, являлся руководителем одного из казанских госпиталей, а после революции попал в Казанский губздравотдел.

Соратниками Р.А. Лурия по Клиническому институту стали врачи Ю. Ратнер, М. Фридланд, Е.М. Лепский и другие¹⁶⁴. Нужно отметить, что у педиатра Е.М. Лепского так же, как и Р.А. Лурии, не сложилась университетская карьера, хотя медицинский факультет и желал видеть его в числе своих сотрудников. В 1909 г. он не был утвержден попечителем учебного округа ассистентом кафедры детских болезней. В 1915 г., будучи вольнопрактикующим врачом, он защитил докторскую диссертацию. После революции Е.М. Лепский возглавил подотдел Охраны материнства и младенчества Казанского губздравики¹⁶⁵.

Также как и в случае с Политехническим институтом, в становлении института Клинического сыграли значимую роль уни-

¹⁶³ Государственный институт для усовершенствования врачей имени В.И.Ленина в г.Казани. 1920–1925. Казань, 1925. С.1.

¹⁶⁴ Казанский ГИДУВ им. В.И. Ленина. 1920–1990. Казань, 1990. С.12.

¹⁶⁵ Там же.

верситетские преподаватели. Здесь работали профессора медицинского факультета В.С. Груздев, С.С. Зимницкий и другие¹⁶⁶. Однако для развития этого учреждения гораздо важнее оказалась помощь местных органов власти, а также личная поддержка Наркомздрава РСФСР Н.А. Семашко, в 1921 г. лично осмотревшего институт в рамках своего визита в Казань. Казанский наркомздрав передал в ведение Клинического института лучшие здания, надеясь в будущем «получить новую хорошо поставленную городскую сеть лечебных заведений»¹⁶⁷. В тяжелейший период 1921–1922 гг. комиссариат здравоохранения ТАССР взял на себя финансирование института, выделял инвентарь, продовольствие для больных и пайки для персонала в то время, как медицинский факультет университета тщетно пытался добиться от Наркомпроса РСФСР хоть какого-нибудь обеспечения университетских клиник.

Активная финансовая поддержка Клинического института вызвала возмущение университетской профессуры. В резолюции, составленной университетскими медиками на заседании факультета в феврале 1922 г., констатировалось: *«Медицинский факультет находится на краю гибели... преподаватели, не получая жалованья, едва влачат существование...Клинический институт...за два года...не имел ни одного слушателя, кроме собственных ординаторов...содержит громадный персонал и непроизводительно тратит массу средств»*. На этом же заседании было принято решение отозвать профессоров В.С. Груздева, В.Л. Боголюбова, А.В. Вишневского, А.Г. Агабабова и других из Клинического института¹⁶⁸.

Возникший конфликт между этими двумя медицинскими центрами республики активно подогревался статьями в местной прессе. Так, постоянный автор Известий ТатЦИКа М.К. Корбут связывал протест университетских медиков со статьей «Разгром высшей школы» в парижских «Последних новостях», принадлежащих перу бывшего лидера партии кадетов П.Н. Милюкова¹⁶⁹. *«Казань – старый университетский город, профессура которого имеет тяготение к московской кадетской клике, – писал М.К. Корбут. – Что может быть общего между нотой Милюкова и казанским клиническим институтом? Дело в том, что Клинический институт работает в самом тесном контакте с советскими учреждениями и пролетарскими организациями Казани, в противоположность университету, который от со-*

¹⁶⁶ Государственный институт для усовершенствования врачей... С.13.

¹⁶⁷ Там же. С.11.

¹⁶⁸ Иванов А.Ю. Казанский государственный медицинский университет в зеркале социокультурной истории. Казань, 2014. С.214.

¹⁶⁹ См. подробнее: Сальникова А.А. Там же. С.163.

ветской власти смотрит в лес. Поэтому первый развивается, второй, главным образом, в лице медицинского факультета, чахнет»¹⁷⁰.

Автор статьи также возлагал на университетских медиков ответственность за несостоявшуюся академическую карьеру Р.А. Лурия и Е.М. Лепского: *«Кроме того, медицинский факультет терпеть не может ... евреев и старательно проваливает их всех, пытающихся после университета заниматься научной работой. И совершенно понятно, почему кое-кто из евреев нашёл себе приют в институте»¹⁷¹.*

К лету 1922 г. при вмешательстве наркоматов просвещения и здравоохранения конфликт разрешился. Уже в августе 1922 г. Клинический институт начал получать субсидию Наркомздрава РСФСР, а с 1923 г. стал напрямую ему подчиняться. Он был переименован в Казанский государственный институт усовершенствования врачей (ГИДУВ). С этого времени для переподготовки сюда стали отправляться не только местные врачи, но и специалисты со всей восточной территории России¹⁷². Так, при содействии Народного комиссариата здравоохранения РСФСР Казанский Клинический институт по усовершенствованию врачей стал одним из крупнейших медицинских центров в регионе¹⁷³.

Говоря о группе казанских интеллектуалов постреволюционного периода, важно отметить следующее. В результате большевистских преобразований в высшей школе постепенно ликвидировался принцип единства научной и преподавательской деятельности¹⁷⁴. Научная жизнь страны концентрировалась в специализированных НИИ Москвы и Петрограда, никак не связанных с образовательным процессом. Именно здесь протекали сложнейшие процессы становления советской науки¹⁷⁵. Уделом же провинциальных вузовских центров оставалась подготовка «широкого слоя специалистов для социалистического строительства» и исследовательская деятельность «практического» характера, тесно связанная с задачами восстановления экономики. В Институте сельского хозяйства препода-

¹⁷⁰ Корбут М.К. Вокруг высшей школы // Известия ТатЦИК. 1922. 21 марта. С.2.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Государственный институт для усовершенствования врачей... С.11.

¹⁷³ Декрет СНК Татарской АССР о создании Казанского клинического института им. В.И.Ленина. 9 февраля 1921 г. // Культурное строительство в Татарии. 1917–1941. Казань, 1971. С.157.

¹⁷⁴ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И.Колчинский. СПб., 2003. С.473.

¹⁷⁵ О развитии социальных и гуманитарных наук в 1920–1930-е гг.: Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. №88 С.10–38.

ватели экспериментировали на опытных станциях, расположенных в Раифском лесничестве и Ферме 2, трудились над выведением новых сортов зерновых культур¹⁷⁶. Сотрудники Ветеринарного института работали над проблемой предотвращения различных заболеваний и развития эпидемий у домашних животных не только в ТАССР, но и в соседних областях¹⁷⁷. Врачи Клинического института обобщали многочисленные клинические данные, полученные в ходе работы, представляя свои результаты на страницах «Казанского медицинского журнала».

А.Е. Арбузов признавался, что в первые годы после революции его деятельность имела весьма «косвенное отношение к химии». По предложению Наркомата сельского хозяйства ученый был занят изготовлением лактомеров – приборов для определения удельного веса молока¹⁷⁸. В 1921 г. Научный отдел Татарнаркомпроса специально выделил средства на практико-ориентированный исследовательский труд профессора А.Я. Гордягина о состоянии растительности в Татареспублике¹⁷⁹.

Если прикладные исследования хоть как-то поддерживались на местном уровне, то фундаментальная наука, развивавшаяся на базе сформировавшихся еще до революции научных школ Казанского университета, испытывала серьезные трудности¹⁸⁰. Университетских ученых упрекали в отсутствие связи между научными исследованиями и производственной практикой. В ход против них активно шла классовая риторика. Их называли «несознательными или сознательными врагами и вредителями» или в лучшем случае «чудаками»¹⁸¹. В своем стремлении к «отехничению, опрактичению и орабочению»¹⁸² высшей школы Наркомпрос РСФСР даже

¹⁷⁶ Из докладной записки ректора Казанского института сельского хозяйства и лесоводства уполномоченному по делам вузов г. Казани о состоянии института. 18 января 1925 г. // Культурное строительство в Татарии. 1917–1941. Казань, 1971. С.221.

¹⁷⁷ История Казанского государственного ветеринарного института им. Н.Э.Баумана (1873–1973). Очерки. Казань, 1973. С.68–69.

¹⁷⁸ Арбузов А.Е. Указ. соч. С.38.

¹⁷⁹ Поощрение научных трудов // Известия ТАТЦИКа. 7 января 1921 г. С.4.

¹⁸⁰ См подробнее: Бикташева А.Н. Вместо Императорского – государственный: 1922–1929 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С.166–181.

¹⁸¹ Корбут М.К. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет. Речь на открытии Татарского научно-исследовательского экономического института. Казань, 1930. С.1.

¹⁸² Цит. по: Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой половины XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. №4. С.108–133.

посчитал излишним наличие в Казанском университете физико-математического факультета, постановив в 1919 г. закрыть его.

Из-за отсутствия финансирования казанские ученые очень мало выезжали в научные командировки, испытывали большие трудности с публикацией результатов исследований, страдали из-за нарушенных научных связей не только с зарубежными коллегами, но и с исследовательскими центрами Москвы и Петрограда, часто оставаясь в стороне от главных процессов «большой науки» того времени.

К примеру, профессор физико-математического факультета по кафедре ботаники В.В. Лепешкин в письме к академику И.В. Бородину от 10 ноября 1920 г. оценивал научную жизнь в Казани следующим образом: *«Мы живем здесь как на необитаемом острове. Научная работа почти остановилась. Я не говорю, конечно, про себя. Для меня она – хлеб насущный. Но молодежь разрывается на посторонней работе»*¹⁸³. Известного биохимика тяготили не только материальные лишения, но и практическое полное отсутствие контактов с Русским ботаническим обществом и невозможность опубликоваться ни в Советской России, ни за границей. В 1921 году В.В. Лепешкин принял предложение стать профессором только что открытого Белорусского университета и покинул Казань. Он писал И.В. Бородину: *«Шлю привет Вам из Минска! Кто бы мог подумать, что судьба занесет нас сюда. ..Вы конечно догадываетесь, что привело нас в Минск. Казань в последнее время стала томительна. Научная жизнь разрушилась. Молодые ученые не о чем больше не говорили, как только о пайках, о сборах картофеля и т.п. Вместе с тем, продовольственное положение сделалось трудным»*¹⁸⁴.

С трудом удалось удержать в Казани известного физиолога профессора А.Ф. Самойлова. В 1921 г. он был избран на кафедру Московского ветеринарного института. Среди ученых, стремившихся «переманить» казанского профессора в Москву, был и основатель советской школы экспериментальной биологии, академик Н.К. Кольцов¹⁸⁵. В Казани ценой больших материальных затрат удалось снабдить лабораторию А.Ф. Самойлова новейшим оборудованием. В течение почти 10 лет, вплоть до своей смерти в 1930 г., ученый одновременно руководил казанской лабораторией и кафедрой физиологии физико-математического факультета Москов-

¹⁸³ Цит по: *Манойленко К.В.* В.В. Лепешкин: путь к эмиграции // Историко-биологические исследования. 2010. №2. С.25–42.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ *Григорян Н.А.* А.Ф. Самойлов. М., 1963. С.38.

ского университета. В Москву он ездил два раза в год для прочтения курса лекций по электрофизиологии в каждом семестре¹⁸⁶.

Из казанских естественников А.Ф. Самойлов, пожалуй, был единственным, кто оказался в центре главных дискуссии того времени вокруг насильственной диалектизации биологии, спровоцировавшей появление «мичуринской биологии», а впоследствии и утверждение воззрений Т.Д. Лысенко, долгие годы влиявших на развитие этой дисциплины в Советском Союзе¹⁸⁷. На страницах авторитетнейшего советского журнала «Под знаменем марксизма» казанский ученый открыто выступал против насильственного внедрения диалектического метода в биологию¹⁸⁸.

Только после переезда в Москву удалось в полной мере реализовать молодым перспективным казанским гуманитариям. Здесь состоялись научные карьеры крупнейшего советского историка, академика М.В. Нечкиной, влиятельного советского психолога А.Р. Лурия, А.М. Селищева. Будучи преподавателем Казанского университета А.М. Селищев – один из крупнейших славистов 20 в., писал в 1921 г. академику Е.Ф. Карскому после смерти своего учителя профессора Н.М. Петровского: «*Со смертью Нестора Мнemonовича я совсем осиротел здесь. Мне так тяжело здесь в одиночестве, что хотелось бы перейти в другой университет*»¹⁸⁹. В 1921 г. он получил приглашение возглавить кафедру славянской филологии в Московском университете. Позднее, став членом РАНИОН, он выступил в качестве оппонента «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра, повлияв таким образом на становление советской лингвистики.

Таким образом, до прихода к власти большевиков большинство представителей казанского научного сообщества было связано с Казанским университетом. В связи с этим преобразования новой власти, затронувшие это учебное заведение, в значительной степени повлияли и на городскую научную интеллигенцию. После экспериментов Наркомпроса в области высшего гуманитарного образования казанские историки и филологи попытались сконцентрироваться на научной работе в рамках Общества археологии, истории и этнографии. Однако, поскольку уже в начале 1920-х гг. любые попытки академического сообщества существо-

¹⁸⁶ Там же. С.42.

¹⁸⁷ Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб., 1999. С.48.

¹⁸⁸ Самойлов А.Ф. Диалектика природы и естествознания // Под знаменем марксизма. 1926. №4–5. С.61–82.

¹⁸⁹ Петровская М.Н. О моих предках // ОРПК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 10007. Л.189.

вать в рамках автономных организаций начали пресекаться, ОАИЭ в своем «дореволюционном» формате было ликвидировано. Ведущей научной организацией, проводившей краеведческие исследования и занимавшейся проблемами истории татар, стало Научное общество татароведение, вписанное в жесткую структуру Академцентра Народного комиссариата просвещения республики.

Упразднение ученых степеней, ликвидация научной иерархии в высшей школе, а также реформаторская деятельность Наркомпроса в начале 1920-х гг. способствовали изменениям состава ученой корпорации Казани. Принятые меры в одночасье уравнила дореволюционных профессоров, прошедших долгий путь написания и защит диссертаций, и не успевших «остепениться» бывших приват-доцентов и профессорских стипендиатов. Наибольшее количество «новых» профессоров было в специальных высших учебных заведениях города, а также на рабочем факультете университета. Вчерашние младшие преподаватели, обязанные советской власти стремительной карьерой, гораздо терпимее, по сравнению с университетской профессурой, относились к большевистским преобразованиям. Под их влиянием в Казани формировалась новая лояльная научная элита в противовес «буржуазной» университетской профессуре.

В рамках Казанского политехнического института, Института сельского хозяйства и лесоводства, Ветеринарного института, Казанского клинического института для усовершенствования врачей развивались прикладные исследования, направленные на решение текущих проблем, вызванных разрухой после Гражданской войны, жесточайшим голодом и эпидемиями. Фундаментальная наука, развивавшаяся преимущественно в университете, испытывала трудности в связи с недостатком финансирования, разрушением прежних связей ученых с дисциплинарными сообществами, резким ограничением возможности публикаций исследований, и постановкой перед вузами в первую очередь образовательных задач. С одной стороны, в республике стал формироваться слой советской научной интеллигенции, а также целая плеяда научных специалистов из татар. С другой стороны, в это время наблюдался отток из Казани перспективных научных кадров в столичные исследовательские учреждения, где протекали основные процессы становления «большой» советской науки.

ГЛАВА 5

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

- 5.1. *«... До революции я еще мог чувствовать себя здесь более или менее сносно» (русские художники Казанской губернии в 1917–1920-е гг.).*
- 5.2. *«Я мечтал о том дне, когда сумею взять в руки кисть и перо художника» (развитие татарского изобразительного искусства в начале XX века).*

5.1. «...До революции я еще мог чувствовать себя здесь более или менее сносно» (русские художники Казанской губернии в 1917–1920-е гг.)

Переход власти от Временного правительства к большевикам в октябре 1917 г. является фактом политической истории. Это событие привело к коренным изменениям во всех сферах общественной жизни России, а его влияние чувствуется и по сей день. Естественно, что революция в той или иной степени затронула каждого жителя страны. Различные социальные группы восприняли её по-разному. Высшие слои в большинстве своем потеряли власть, имущество и привилегии, а низшие получили возможность для восхождения на верхние ступени социальной лестницы. Однако отношение к происходившим пертурбациям диктовалось не только имущественным и социальным положением. Так, для творческой интеллигенции важны были вопросы культурного характера, особенно это касалось границ свободы творчества. Деятели искусств формировали свои взгляды на революцию в зависимости от множества факторов, но для историка важно отметить, какие из них были определяющими.

Представители творческих профессий в качестве объекта исследования выбраны нами не случайно, поскольку они по роду своей деятельности живут внутренним миром, и зачастую внешние факторы, вроде политических событий, являются для них менее значимыми по сравнению с эстетическими и моральными пробле-

мами. Их оценка революционных преобразований позволит понять, насколько они глубоко затронули жизнь отдельных людей.

Если биографии крупнейших писателей, художников, музыкантов и т.д. в тот период досконально изучены, то жизненные пути провинциальных художников освещены слабо. Казань являлась одним из крупных культурных центров с развитой образовательной и научной инфраструктурой, сложившимся творческим обществом.

Среди интеллигенции нас интересуют, прежде всего личности, ведущие индивидуальную работу, поскольку у них более рельефно проявляется взаимосвязь работы духа и внешних факторов. К этой категории можно отнести писателей и художников. В Казани не сложилось яркого писательского сообщества, зато на основе Казанской художественной школы собралась плеяда талантливых художников, что и определило выбор объекта исследования.

Биографии многих казанских художников начала XX в. довольно подробно исследованы местными искусствоведами. Петр Максимилианович Дульский написал в 20-е годы ряд исследований о современных ему художниках¹, в том числе о Н.И. Фешине, П.П. Бенькове, К.К. Чеботареве. Хотя его работы посвящены их творчеству, но приводится и ряд биографических сведений. Из современных авторов следует выделить Е.П. Ключевскую, которая детально изучила художественную жизнь Казани дореволюционного периода², и Н.М. Валева, недавно выпустившего в свет книгу, посвященную К.К. Чеботареву и А.Г. Платуновой³, снабдив её приложениями в виде различных документов о художниках.

В качестве источников использовались мемуары и переписка самих художников, а также воспоминания о них родных и близких⁴. Для воссоздания ситуации в Казанской художественной школе накануне и после Октябрьской революции были привлечены материалы периодической печати и фондов Государственного архива Республики Татарстан.

¹ См.: Дульский П. Искусство в Татарской Республике за годы революции. Казань, 1929. 16 с.; Дульский П. Николай Иванович Фешин. Казань, 1921. 32 с.

² См.: Ключевская Е.П. Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. 240 с.; Она же. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. СПб., 2009. 120 с.

³ Валева Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань, 2016. 440 с.

⁴ Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. 171 с.; Беньков П.П. 1879–1949. Воспоминания, переписка. Ташкент, 1981. 239 с.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

В культурной жизни России после Октябрьской революции появились совершенно новые тенденции. С одной стороны, искусство, наука и образование стали ближе к народу – для неграмотных крестьян и рабочих распахнулись двери школ, ВУЗов, театров, музеев и т.д. Начала поощряться творческая деятельность выходцев из низших сословий, расцветает самодеятельность. Но происходит и слом старой культуры, прерывается «Серебряный век», многие представители интеллигенции были вынуждены покинуть страну или попали под репрессии.

Изобразительное искусство, как и литература, не могло так быстро реагировать на изменения в культурной политике. Если в театрах на постановку даже крупной пьесы требовалось не больше нескольких месяцев, то живописцу для разработки и воплощения замысла в новых условиях полугодового периода бесцензурного существования искусства было мало. Февральская революция придала творческим исканиям художников дополнительные стимулы, но реализовались они уже после Октября, когда появились сдерживающие факторы идеологического плана.

Центром изобразительного искусства губернии являлась, без сомнения, Казанская художественная школа. С момента своего открытия в 1895 г. и до Февральской революции из её стен вышли многие замечательные мастера: Н.И. Фешин, Д.Д. Бурлюк, А.М. Родченко, Н.М. Сапожникова и др. Свержение монархии и бурный разлив свободы весной 1917 г., казалось, должны были стать трамплином для школы, превратить ее в оазис искусств. Однако художественное образование, субсидируемое государством, имело свои механизмы функционирования, отличные от путей развития искусства в целом.

Один из тяжелейших ударов школе был нанесен в июне, когда Академия художеств известила руководство КХШ о прекращении субсидирования вследствие реформы Академии и предстоящей автономизации провинциальных художественных школ⁵. К январю 1918 года зашла речь о закрытии учебного заведения, так как не хватало средств на оплату труда преподавателей, прислуги, ремонт⁶. Для решения финансовых проблем в декабре 1917 г. был организован благотворительный вечер с любительским концертом и танцами, принимались пожертвования⁷. До этого была

⁵ *Ключевская Е.П.* Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. С.55.

⁶ Там же. С.76.

⁷ Камско-Волжская речь. 1917. 12 декабря.

повышена плата за обучение до 75 рублей в год⁸. Но спасение пришло со стороны казанского дворянина и мецената Александра Николаевича Боратынского, которому летом 1918 г. удалось убедить комиссара Академии художеств А.И. Таманова возобновить финансирование школы в прежнем объеме⁹.

КХШ раздирали и внутренние противоречия. 18 апреля в газете «Казанское слово» появляется открытое письмо от некоего Крысина, в котором обвиняет заведующего школы Г.А. Медведева в узурпации поста и предлагает ему уйти в отставку. Автор вспоминает, что еще в 1906 г. группа преподавателей, состоящая из Тиссена, Горохова, Дробанова и Денисова, просила Медведева назначить новые выборы заведующего, но тот донес о них начальству как о революционерах, и их уволили из КХШ. А в 1912 г. Медведев якобы собирался проделать то же самое с Абрамычевым, Фешиным, Богатыревым и Григорьевым, но за них вступился губернатор Боярский. Заканчивает Крысин письмо словами о наглости Медведева, остающегося на своем посту в школе, где его презирают сослуживцы¹⁰.

А уже 24 апреля состоялось заседание педагогического совета школы, созванного группой преподавателей. Официальная повестка его состояла в выборах представителя в правление учительского союза и обсуждении реорганизации школы. Но неожиданно главным в заседании стал вопрос о законности пребывания Медведева на месте заведующего и о его переизбрании. Сам Медведев являлся лишь исполняющим обязанности заведующего вместо М.С.Григорьева, которого в 1915 г. взяли на военную службу. Возникли дебаты по поводу правомочности заседания решать такие вопросы. В итоге большинством в 8 голосов против 4-х при 2-х воздержавшихся собрание признало свои полномочия достаточными для рассмотрения проблемы. Медведев, не дождавшись самого обсуждения о его снятии, заявил, что он снимает себя обязанности и.д. заведующего школой и покинул заседание. На его пост единогласно был избран И.А. Денисов¹¹. Таким образом, была решена проблема, возникшая еще в период Первой русской революции, но такие склоки не способствовали установлению творческой гармонической атмосферы в художественной школе.

Кроме того, начавшиеся непродуманные реорганизации художественной школы не шли на пользу постановке учебного про-

⁸ Камско-Волжская речь. 1917. 10 августа.

⁹ Ключевская Е.П. Указ. соч. С.84.

¹⁰ Казанское слово. 1917. 18 апреля.

¹¹ ГА РТ. Ф.Р-1431. Оп.1. Д.6. Л.1-1 об.

цесса. В 1918 г. она была переименована в Казанские свободные художественные мастерские, в 1921 стала Казанским художественно-техническим институтом, и вплоть до 1935, когда получила устойчивое название «Казанское художественное училище», меняла имена несколько раз.

Разруха в годы Гражданской войны и после нее сказались на материально-техническом оснащении КХШ. Богатейшая коллекция реквизита, служившего фоном при написании картин, была утеряна из-за лопнувшей от морозов трубы в подвале¹². А в 1919 г. в здании бывшей художественной школы произошел пожар, в результате которого сгорели ценные картины и пострадали несколько помещений¹³. Страдало и качество красок, что сказывалось на художественной выразительности рисунка. Преподаватели работали за идею, поскольку их жалованья порой не хватало на самое необходимое.

После Октябрьской революции в школе подняла голову радикальная часть учащихся и преподавателей, которые стремились отбросить всё старое и создать новое пролетарское искусство. 27 ноября 1917 г. в педагогический совет КХШ была отправлена резолюция общего собрания студентов, в которой совет обвинялся в доведении школы до полного упадка, и утверждалась необходимость её реформирования. Ученики требовали отставки преподавателей Г.А. Медведева и П.А. Радимова, которые, «благодаря своему деморализующему и парализующему Педагогический совет поведению являются причиной настоящего упадка школы и тормозят каждое проявление в строительстве школы»¹⁴. Это были отголоски того конфликта преподавателей, в результате которого Медведев ушел с поста и.д. заведующего школой.

В первые годы советской власти авангардисты, по словам П.М. Дульского, «взбудоражили молодежь, взяли приступом школу и, засеяв там, стали творить свое искусство»¹⁵. Это вызвало недовольство ряда преподавателей «старой» школы, в том числе Н.И. Фешина, П.А. Радимова, которые стремились к реалистичной манере живописи. Возможно, именно из-за этого противостояния они покинули КХШ и Казань в 20-е годы.

¹² Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. С.130.

¹³ *Валеев Н.М.* Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань, 2016. С.11.

¹⁴ *Ключевская Е.П.* Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. С.76.

¹⁵ *Дульский П.* Искусство в Татарской Республике за годы революции. Казань, 1929. С.8.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Значимость КХШ подчеркивает тот факт, что наиболее значительные художники Казанской губернии преподавали в ней. Одним из самых именитых местных живописцев являлся Николай Иванович Фешин. Будучи выходцем из семьи иконописца, владельца позолотно-столярно-резной мастерской, он с детства приобщился к искусству. С 12 лет он стал ездить по селам вместе с мастерскими и помогал отцу выполнять заказы¹⁶. В 14 лет Фешин поступил в только что открывшуюся художественную школу в Казани в класс элементарного рисования. А после окончания школы, продолжил обучение в Академии художеств, по выпуску из которой получил возможность совершить путешествие по Европе¹⁷.

С 1910 г. Николай Иванович начинает преподавать в КХШ. К тому времени его картины уже несколько лет выставляются на крупных выставках и пользуются успехом за границей. Ко времени революции он является всемирно известным художником и, устав от тягот кризисного периода, в 1923 году переезжает в Америку, где его произведения становятся востребованными и позволяют вести безбедную жизнь. Здесь он жил в Нью-Йорке, Таосе, Лос-Анджелесе, где и скончался в возрасте 73 лет.

В имеющихся в нашем распоряжении биографических материалах о Фешине практически нет информации о том, как художник принял революционный 1917 год. Особенно мало сведений о периоде от Февральской революции до Октябрьской. Этот промежуток времени был слишком короток, и вектор развития, намеченный им, прервался, так и не реализовавшись. Зато последствия прихода к власти большевиков отразились на жизни Николая Ивановича весьма четко.

Прежде всего, послереволюционные годы – это голодное время. Фешин живет на даче в селе Васильево под Казанью и иногда ему даже не хватает денег на проезд до художественной школы, где он преподавал, и обратно¹⁸. О нормальной постановке работы приходилось только мечтать, и его курсы постепенно приходили в упадок. Если до революции он одевался со вкусом, но при этом, стараясь не слишком отличаться от простого народа: дорогие брюки в полоску, жилет, крахмальный воротник рубашки, но при этом вместо пиджака носил тужурку из солдатского шинельного сукна¹⁹, то в описываемое время это изящество исчезает. Фешин

¹⁶ Дульский П. Николай Иванович Фешин. Казань, 1921. С.4.

¹⁷ Там же. С.15.

¹⁸ Памяти Ф.П. Гаврилова. Казань, 1927. С.13.

¹⁹ Валеев Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань, 2016. С.401.

приезжал на занятия «в шубе с бобровым воротником и в такой же шапке, в ботинках на толстой подошве и в чулках из толстой шерсти в серую и коричневую шашку»²⁰.

Сам художник воспринимал свой дом в Васильево как остров тишины и спокойствия по сравнению с Казанью. Когда однажды жена подала ему суп без сметаны, его это очень удивило. Для добывания молочных продуктов им пришлось даже взять корову в долг, но зато это позволило им не только иметь на столе свежие продукты, но и немного зарабатывать²¹.

Несмотря на материальные проблемы, художник продолжал вести довольно активную творческую жизнь. Как и до революции, основным жанром его творчества остается портрет. Только если раньше объектами внимания Фешина становились его знакомые, приглашенные натурщики и натурщицы, представители простого народа, то теперь им изображаются и фигуры, творящие историю. По заказу Казанских художественных мастерских он пишет портреты Маркса и Троцкого²², а также по фотокарточкам создает изображения Ленина и Луначарского²³. Эти заказы позволяли Фешину выжить в трудные годы. Очевидно, что картины возникли не из творческого импульса живописца, а с целью получения дохода. Но одновременно писались и произведения «для души». В 1919 году он заканчивает картину «Бойня», задуманную еще во время обучения в Академии художеств, рисует свою дочь Юю, портрет отца (1918)²⁴. В начале 20-х годов он выполняет эскизы на актуальные, но в то же время, интересные темы – «Голод», «Восстание в тылу Колчака», «Кузница»²⁵.

В это тяжелое время казанским художникам помог заведующий музеем Селькредпромсоюза, коллекционер, историк литературы Г.М. Залкинд, предложив им заказы по художественному оформлению различных кустарных изделий. Н.И. Фешин воспользовался этой помощью и разрисовывал деревянные коробочки, писал миниатюры для табакерок и пудрениц²⁶. В это же время он

²⁰ Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. С.130.

²¹ См.: *Fechin A. March of the Past. Santa Fe, New Mexico: Writer's Editions (The Rydal Press), 1937. 164 p.*

²² Памяти Ф.П. Гаврилова. Казань, 1927. С.68.

²³ *Ключевская Е.П. Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. С.120.*

²⁴ *Дульский П. Николай Иванович Фешин. Казань, 1921. С.31.*

²⁵ *Ключевская Е.П. Указ. соч. С.120.*

²⁶ *Дульский П. Искусство в Татарской Республике за годы революции. Казань, 1929. С.5.*

выполняет декорации к местным театральным постановкам, например для оперы «Кармен»²⁷.

Несмотря на бытовые неудобства, отношения с советской властью у Фешина складывались довольно удачно. Лишь в 1918 г. большевики закрыли журнал «К свету», в котором Николай Иванович заведовал художественной частью²⁸. Но, благодаря портретам вождей революции, Фешину предлагают работу при Кремле, где он должен был продолжить портретный ряд. Однако в это время он уже задумывается над переездом за границу. Причина этого желания кроется не в конфликте с властью и даже не столько в материальных трудностях, сколько в невозможности работать по-прежнему. В письме художнику И.И. Бродскому, своему другу по Академии художеств, в 1921 г. он пишет: «... до революции я еще мог чувствовать себя здесь более или менее сносно. Но теперь, когда я потерял всякую связь с внешним миром, – становится невмоготу... переселение моё из Казани принципиально решено...»²⁹. Без сношений с другими странами Фешин не мог следить за происходящими в художественном мире изменениями, его картины не выставлялись на международных выставках, что сдерживало его самореализацию. Кроме того, ему не нравились проводившиеся в бывшей художественной школе реформы. По мнению Фешина, новые педагоги-авангардисты «не могут дать тех серьезных знаний, которые нужны молодежи, потому что нет педагогов с реалистической подготовкой...»³⁰.

Но всё же решение о переезде далось Фешину с трудом. Когда, благодаря помощи со стороны представителей Американской администрации помощи (АРА), появилась возможность выехать за границу, он долго колебался. Сидя в кругу учениц, он надолго задумывался и затем спрашивал их, ехать ли ему или остаться³¹. Этот вопрос он, скорее, задавал не девушкам, а самому себе. Америка как страна эмиграции была выбрана не случайно – здесь его хорошо знали, и американская критика положительно оценивала фешинские работы. Однако США признали Советский Союз и установили с ним дипломатические отношения только в 1933 г., и возник-

²⁷ Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. С.16.

²⁸ *Ключевская Е.П.* Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. С.120.

²⁹ Там же. С.122.

³⁰ Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. С.67.

³¹ Там же. С.130.

кала проблема с выдачей визы для въезда страну. Фешин не знал английский язык, не был уверен, что сможет обустроиться в непривычной для него обстановке. Поэтому его сомнения понятны.

Голодное и холодное существование в разоренной войнами и революциями стране подорвало здоровье Николая Ивановича, у него развивается туберкулез. Чтобы излечиться требовалась улучшение бытовых условий и качественная медицинская помощь, которые, как ожидал Фешин, будут ему доступны в Америке. Но главную роль в принятии окончательного решения сыграла жена художника – Александра Николаевна. По свидетельству Д.И. Рязанской, в 1923 г. в Москве Фешин говорил, что *«ехать за границу ему не хочется, что неизвестность, чужой уклад жизни его не привлекают, но жена настаивает, изучила язык, хлопочет визу...»*³².

В 1922 Николай Иванович с женой и дочерью Ией уезжает в Москву, а через год – в США. Изначально он рассматривал Америку как временный приют и лет через пять планировал вернуться в Россию, но жизнь за границей сложилась весьма удачно, Фешин стал популярным художником и получал немалые гонорары. Прожив долгую жизнь, он умирает в 1955 г. в Калифорнии. В 1970-е годы дочь Ия перевезла его останки в Казань, которые были перезахоронены на Арском кладбище.

Несколько по-иному сложилась судьба друга и коллеги Фешина – Павла Петровича Бенькова (1879–1949). Этих двух художников очень часто сравнивают, оба выдающиеся портретисты, приверженцы реалистической живописи. Однако их мировоззрение сильно различалось. П.А. Радимов вспоминал: *«Фешин и Беньков в восприятии мира были совершенно различны. Н.И. Фешин любил серебро, серебристый цвет и в передаче его был необычайным мастером, а П.П. Беньков любил солнечный свет. Но это различие не мешало им дружить, они всегда охотно выставлялись вместе на выставках»*³³. Если для Фешина главным было чистое искусство, он придавал основное значение технике написания картины, её форме, то Беньков старался подчеркнуть психологические и социальные характеристики изображаемых им людей. Но если Н.И. Фешин пользовался огромным успехом у публики, как отечественной, так и иностранной, то к Бенькову относились с уважением, его очень любили ученики, но такой известности, как Николай Иванович, он не получил. Тем не менее, П.М. Дульский называет Бенькова *«самым серьезным и продук-*

³² Там же. С. 139.

³³ Беньков П.П. 1879–1949. Воспоминания, переписка. Ташкент, 1981. С.150.

тивным мастером» из всех казанских художников, выделившихся в революционное время³⁴.

Родился Павел Петрович в семье скорняка, работавшего в шапочном магазине. Его художественное дарование заметил учитель рисования в городском четырехклассном училище, в которое отдали Бенькова. Но родители поначалу воспротивились этой склонности сына, поскольку не верили, что рисование сможет дать ему надежный заработок. После окончания училища, он с семьей уезжает в уральский город Кунгур, но, узнав, что в Казани открывается художественная школа, возвращается туда и успешно поступает. После окончания КХШ в 1901 г. будущий художник был принят в Академию художеств и до 1909 г. повышает свое мастерство в ней, а затем становится преподавателем своей казанской alma mater³⁵.

К 1917 г. П.П. Беньков уже являлся зрелым художником, но его известность ограничивалась лишь Казанью. В полной мере его талант раскрылся позже, в конце 20–30-х годов, когда он переедет в Узбекистан, по неизвестным нам мотивам, возможно из-за неблагоприятной атмосферы в бывшей КХШ. Но именно в Казани он сложился как мастер своего дела, во многом, благодаря окружению из известных художников – Фешина, Радимова и др.

И Февральскую, и Октябрьскую революцию Беньков встретил в Казани, однако в 1919–1920 гг. он работает как театральный художник и заведовал декоративной студией в Иркутске и Омске. Причем оказался в Сибири он как раз в период правления там Колчака. Возможно, что после оставления белочехами Казани в сентябре 1918 г., Беньков по каким-то причинам ушел вместе с ними или был мобилизован в колчаковскую армию, как К.К. Чеботарев. Но после падения колчаковского правительства, он некоторое время продолжает работать в Иркутске, а в 1921 г. возвращается в Казань, и сведениями о каких-то репрессивных мерах по отношению к нему мы не располагаем.

Начиная с этого времени, он понимает, что советская власть установилась всерьез и надолго. Если в первые послереволюционные годы, когда Павел Петрович находился в Сибири, он пишет такие картины, как «Васильки» (1918), «Портрет Наташи» (1920), то с 1921 в его репертуаре появляются актуальные для новой власти темы: 1921–1922 – «Уход белых из Казани», 1922–1923 – «Металлургический завод г. Златоуста», 1924 – «Портрет В.И.Ле-

³⁴ Дульский П. Искусство в Татарской Республике за годы революции. Казань, 1929. С.6.

³⁵ Никифоров Б.М. Павел Петрович Беньков. М., 1967. С. 9–14.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

нина»³⁶. Последний, хотя и вызвал множество споров о его художественной ценности, но был одобрен наркомом просвещения А.В. Луначарским. Возможно, что эти работы он писал на заказ для того, чтобы выжить в условиях всеобщей разрухи. В это же время он увлекается изображением татар и их национального костюма. В «Портрете татарина грузчика», «Портрете татарки» и др. он соединяет этнографическое описание и проникновение во внутренний мир обычного человека. В 1922 году он вступает в Ассоциацию художников революционной России³⁷, одним из организаторов которой был его коллега по КХШ Павел Радимов.

Радимов являет собой другой путь принятия революция. Если Беньков и Фешин писали на социалистические темы скорее вынужденно, чтобы прокормить себя и свои семьи, то Павел Александрович активно участвовал в строении новой жизни.

Он был известен не только как художник, но и как поэт. Выходец из семьи сельского священника, он не пошел по стопам отца, а решил направить свою энергию в творческое русло. Не окончив Рязанскую духовную семинарию, он стал брать уроки живописи в студии Большакова в Москве. Затем поступил и окончил Казанский университет по кафедре истории и теории изящных искусств и устроился в Казанскую художественную школу преподавателем истории искусств³⁸.

В поэзии он придерживался деревенской тематики, а рисовал до революции, в основном, пейзажи. После прихода к власти большевиков, Радимов сближается с ними. В 1918 г. он вместе с другими казанскими художниками организует бесплатную выставку картин, где присутствовал Я.С. Шейнкман – председатель Казанского Совета солдатских и рабочих депутатов. После того как Радимов написал его портрет, они начинают общаться. Он хотел добиться от Шейнкмана учреждения в Казани Народной академии художеств для Приволжья³⁹, но, хотя и получил поддержку в этом деле, у Совета попросту не оказалось средств⁴⁰. Как и большевики, Павел Александрович желал приблизить искусство к народу. Платные выставки посещали только «адвокаты, доктора, студенты

³⁶ Беньков П.П. 1879–1949. Воспоминания, переписка. Ташкент, 1981. С.214–221.

³⁷ Никифоров Б.М. Павел Петрович Беньков. М., 1967. С.28.

³⁸ Ключевская Е.П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. СПб., 2009. С.51.

³⁹ Радимов П.А. О родном и близком. Воспоминания. М., 1973. С.24.

⁴⁰ Там же. С.126.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

и кружок любителей»⁴¹ и опыт со свободным посещением выставки оказался удачным. С 1918 по 1922 гг. он являлся заведующим отдела изобразительных искусств Татнаркомпроса⁴², в этот же период становится председателем Товарищества передвижников. Выступая за реалистическое искусство, он старался продвигать его в массы. Радимов организует в Москве свою персональную выставку и 47-ю выставку передвижников. На ней он выступает с докладом «Быт в живописи», где заявляет о необходимости реалистичного изображения быта. Авангардисты восприняли это выступление как акт, направленный против них, и стали яростно критиковать доклад и выставку. С этого момента и начинает формироваться организация, объединившая сторонников реалистического искусства, – Ассоциация художников революционной России (АХРР)⁴³. П.А. Радимов стал его первым председателем и переезжает из Казани в Москву.

Все вышеописанные художники придерживались реалистичных форм живописи, но в КХШ были силен «левый фронт». После революции одним из самых заметных его участников являлся молодой художник Константин Константинович Чеботарев (1892–1974). Его отцом был крестьянин, управляющий в помещичьем имении. Чеботарев с детства хотел быть художником, в 1910 г. поступил в Казанскую художественную школу и закончил её в мае 1917, уже после Февральской революции. Октябрь он принимает с распростертыми объятиями, поскольку к этому времени Чеботарев уже всерьез был увлечен авангардизмом и надеялся, что революция откроет широкий путь революционному искусству.

Практически сразу он становится заметной фигурой в художественной среде Казани. К концу 1917 г. он организует художественное общество «Союз Подсолнечник», состоявший из молодых художников, выпускников КХШ. Союз просуществовал недолго, но успел сделать выставку весной 1918 г. В это же время проводилась бесплатная выставка реалистов. Очевидно, что это совпадение было не случайным, и представители двух соперничающих художественных течений соревновались между собой в поиске зрителя. Хотя выставка реалистов имела преимущество в виде отсутствия платы за вход, авангардисты, по словам Чеботарева,

⁴¹ Там же. С.24.

⁴² *Ключевская Е.П.* Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. СПб., 2009. С.51.

⁴³ *Радимов П.А.* О родном и близком. Воспоминания. М., 1973. С. 139.

также пользовались успехом⁴⁴, и посмотреть на их работы приходило немало людей. Было выставлено 88 работ Д. Мощевитина, 72 – А. Платуновой, жены Чеботарева, и 50 – его самого, остальные 9 художников выставили в общей сложности 95 картин⁴⁵.

В 1919 г., во время наступления Колчака, подошедшего близко к Казани, Чеботарев был насильно мобилизован в армию «белых». В течение более чем двух лет он не только был вынужден воевать за чуждые ему интересы, но и оторван от занятий искусством⁴⁶. После возвращения в Казань в 1921 г. Константин Константинович стал еще преданнее делу революции, но власть не простила ему колчаковского эпизода. Он не был репрессирован, но в последующем его долго не принимали в Московский Союз Художников и сделали это только в 1970 г.

О его сочувствии Октябрю свидетельствуют и картины художника. Еще летом 1917 г. он пишет полотно, которое позже назовет «Красная армия»⁴⁷. В 1921 выпускает сборник автографов «Революция», декорирует спектакли конструктивистского театра «КЭМСТ». Но в художественном мире России и Казани постепенно наступают перемены, реализм, названный социалистическим, становится единственным возможным направлением в искусстве. Чеботарев с его авангардистскими формами становится практически главным врагом Татарского АХРРА и в 1926 г. вместе с женой из-за постоянных нападков переезжает в Москву. В дальнейшем Чеботарев продолжал творить, но его не принимают в художественные объединения, до 60-х годов не проводятся его выставки, лишь в 78 лет его пустили в Московский Союз Художников, но через четыре года после этого Константина Константиновича не стало.

Большинство казанских художников отнеслись к Октябрьской революции либо как к чему-то неизбежному, пусть малопривлекательному, либо как к событию, открывающему для них новые возможности. Активное выступление против переворота встречалось редко. К таким случаям можно отнести Александра Боратынского, сына А.Н. Боратынского, спасшего Казанскую художественную школу от разорения. Будучи совсем молодым (в 1917 г. ему исполнилось 18 лет), но подающим надежды художником, происходящим из известного и богатого дворянского рода, в 1918 г. ушел вместе с отступающими частями белогвардейцев из Казани и в 1919 г. по-

⁴⁴ *Валеев Н.М.* Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань, 2016. С.419.

⁴⁵ Там же. С.15.

⁴⁶ *Валеев Н.М.* Указ. соч. С.67.

⁴⁷ Там же. С.65.

гиб на фронте. Но такие примеры для Казани очень редки. Даже Надежда Михайловна Сапожникова, дочь богатого купца, приняла советскую власть. До революции она широко помогала беднейшим ученикам КХШ, малообеспеченным художникам, в том числе Н.И. Фешину, которые творили в её мастерской, и чьи работы она покупала⁴⁸. Интересно, что она была в родстве с революционером Владимиром Викторовичем Адоратским – её сестра Серафима являлась его женой. А её племянница стала натурщицей для одного из самых известных портретов, написанных Фешиным – «Портрет Вари Адоратской». После 1917 г. она потеряла свое богатство, но отнеслась к этому спокойно, продолжала преподавать в художественных мастерских, работала на Татрабфаке Казанского университета. Она могла уйти вместе с отступающей Белой армией, в которой находился ее брат Константин Михайлович, но, будучи сильно привязанной к своей мастерской и кругу казанских художников, решила остаться⁴⁹.

Таким образом, на судьбах казанских художников ярко отразились процессы, происходившие в художественной жизни страны после Октябрьской революции. Советскую власть волновали, прежде всего, агитационная и образовательная функции искусства, поэтому то, что не было понятно обыкновенному крестьянину и рабочему, со временем стало отвергаться как не несущее пользы народу. Николай Фешин, один из самых талантливых художников Казани, вынужден был выполнять правительственные заказы, чтобы обеспечить себя и семью хоть в малой степени. Его отъезд стал большой потерей для искусства России. Он не выступал против большевиков как политической власти, его картины написанные «для души», не подвергались нападкам, но востребованными оказались совершенно другие темы – пафос революции, строительство новой жизни, изображение вождей пролетариата. Но даже в таких неблагоприятных условиях окончательное решение о переезде в Америку было принято под влиянием жены, желавшей оказаться в лучших бытовых условиях.

В подобном положении оказался и его друг Павел Беньков. Сопоставимый по таланту с Фешиным, он не пользовался такой популярностью за границей и не имел там связей, поэтому этот путь был для него закрыт, да и выезд из страны был уже сильно затруднен.

⁴⁸ *Ключевская Е.П.* Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. СПб., 2009. С.53.

⁴⁹ *Ключевская Е.П.* Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб., 2009. С.161.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Отношение к Октябрьской революции у обоих художников схожее – они принимали её как нечто стихийное, непреодолимое, но затруднявшее их бытовое существование, которое являлось необходимым условием творческой свободы.

Павел Радимов и Константин Чеботарев оказались по разные стороны баррикад в войне между авангардизмом и реализмом. Оба приветствовали революцию, но по разным причинам. Чеботарев искал новые формы, и установившийся строй казался ему хорошей основой для их воплощения. Радимов был не столь оригинальным художником, зато имел организаторские таланты и сумел возглавить один из главнейших художественных союзов. Когда на всесоюзном уровне столкнулись два противоборствующих стиля – авангардизм и реализм, – Чеботарев был вынужден отступить и уехать в Москву. Однако и в дальнейшем он оставался верен заветам революции, несмотря на то, что власть отвергла его искусство.

Политические, бытовые и творческие вопросы тесно переплелись в формировании взглядов казанских художников на Октябрьскую революцию. Большинство их осталось на родине, приняв новые условия жизни, и стараясь соблюдать баланс между своей совестью, творческими интересами и материальными удобствами. Фешин уехал из страны из-за плохого материального обеспечения, но определенную роль сыграла и возникшая тенденция установления единого стиля, которая в последующем привела к господству социалистического реализма.

Политические проблемы творческой провинциальной интеллигенцией практически не поднимались, поскольку не было реальных инструментов для их решения. Исключение составляет П.А. Радимов, который вышел на всесоюзный уровень, и решил, что проповедуемый им реализм должен остаться единственным направлением в искусстве.

Таким образом, можно выделить два основных фактора, определивших отношение местной художественной элиты к революции и новой власти. Первый – это политика большевиков в культурной сфере. В первые послереволюционные годы она еще не приобрела характера прокрустова ложа, в котором отрубалось всё, что не подходило под понятие реалистичное революционное искусство, и поначалу проблема свободы творчества не слишком волновала деятелей культуры. Но даже когда был отвергнут авангардизм, его приверженцы продолжали сохранять лояльность правительству. И второй фактор – это бытовые трудности. Они заставляли искать обходные пути в искусстве – для одних таким путем стала эмиграция, для других – приспособленчество к зап-

росам власти, третьи – молча терпели. И в Казани процесс трансформации прежнего художественного сообщества в новый социалистический коллектив произошел хоть и не мягко, но, по крайней мере, бескровно, как часто происходило в те годы.

5.2. «Я мечтал о том дне, когда сумею взять в руки кисть и перо художника» (развитие татарского изобразительного искусства в начале XX века)

Революционная эпоха открыла дорогу новому направлению татарской культуры – изобразительному искусству. В 1920-е гг. появилась целая плеяда талантливой татарской молодежи: графиков, художников и скульпторов. Они были совершенно разными: это и конструктивист Фаик Тагиров с футуристическими образами, и поэтичный Баки Урманче. У каждого из них был свой уникальный жизненный опыт, среда общения и духовно-интеллектуальные ориентиры. Но объединяла их татарская культура и эпоха революции. В этой коллективной трагедии они проживали свою единственную молодость и выражали душевные порывы в новом визуальном мире.

Здесь следует отметить, что интерес к изобразительному искусству, художники-самоучки и профессиональные мастера в татарском обществе были еще до революции. Но известные стереотипы мусульманского мировосприятия (запрет на изображение живых существ) являлись барьером для развития творческого потенциала большинства талантливых молодых людей. Когда уже в советское время искусствовед С.Червонная спросила Баки Урманче: *«не сталкивался ли он с сопротивлением родителей, с осуждением единоверцев или с собственными душевными сомнениями, выбирая профессию художника и начиная изображать живое существо – человека; не противоречило ли это его религиозным убеждениям»*, художник ответил: *«Ведь мы уже жили в XX веке»*⁵⁰.

В повседневной жизни к 1910 гг. визуальное восприятие мира у татар-мусульман значительно видоизменилось: об этом свидетельствуют фотографии, иллюстрации книг и периодических изда-

⁵⁰ Червонная С.М. «Легенда Баки Урманче» в парадигме национального Ренессанса // Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.И.Урманче, Казань, 21–22 февраля 2012 г. Казань, 2012. С.18–19.

ний, театральные декорации. Но к профессиональному занятию изобразительным искусством татары-мусульмане относились с подозрением. Практически ни один родитель не желал своему ребенку судьбы художника. Это отношение выразил в своей пьесе «Неравные» (1915) Фатих Амирхан, где главная героиня гимназистка Рокья мечтает стать художницей, но ее семья считает, что лучше получить юридическое образование. «Художники не могут обеспечить себя, – говорит старший брат Рокьи, – Другое дело – юристы. Их знания всегда нужны, в любом деле»⁵¹.

Хотя по данным газеты «Эль-ислах» на 1908 г. в Казани, в художественном училище в указанном году обучались два ученика из татар⁵². На рубеже XIX–XX вв. поступили в разные высшие художественные училища Касим Девлеткильдеев, Мирзажан Байкеев, Хадича Акчурина и другие⁵³. Но, за исключением единичных случаев получения профессионального художественного образования, в целом эта ниша продолжала пустовать.

⁵¹ Амирхан Ф. Әсәрләр. Т.2. Казан, 1985. Б.355.

⁵² История Казани в документах и материалах. XX век. Казань, 2004. С.536.

⁵³ Касим Девлеткильдеев (1887–1947), уроженец д.Кугуль Уфимской губернии (совр. Благоварский район РБ), учился в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (с 1907 г.), Академии художеств в Петрограде. В советские годы стал одним из родоначальников национальной живописи в Башкирии.

Мирзажан Байкиев (1868–1941), уроженец д.Байкеево Пензенской губернии (совр. Краснослободской район Мордовии). Учился в мектебе родной деревни. В 17-летнем возрасте в поисках заработка приехал в Санкт-Петербург, устроился мальчиком (слугой) в мастерскую художника-скульптора М.А.Чижова. Мастер заметил художественные способности Мирзажана и устроил его в Училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге. После окончания училища в 1893 г., Байкеев работал скульптором-реставратором в Екатерининском дворце в Царском селе, позднее – в Эрмитаже. М.Байкеев является автором бюстов Ш.Марджани, Г.Тукая, Ф.Амирхана. В 1928 г. в Эрмитаже прошло чествование 35-летней трудовой деятельности М.Байкеева (Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан, 2001. Б.35).

Хадича Акчурина, родилась в 1893 г. в семье механика Мубина Акчурина, работавшего на суконной фабрике в Старотимошкино Симбирской губернии (совр. Барышский район Ульяновской области). Училась в Симбирской женской гимназии. В 1913 г. уехала в Москву, поступила в Строгановскую школу изобразительных искусств. В этот период публиковала свои рисунки в казанских журналах «Аң» и «Ак юл». Но в 1914 г. Х.Акчурина ушла добровольно в качестве сестры милосердия на войну, и пропала без вести на Кавказском фронте (РГАЛИ. Ф.677. Оп.1. Д.104. Л.1; Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан, 2001. Б.14).

Отношение к единичным художникам в татарском обществе было неоднозначным. Например, деятельность скульптора М.Байкеева в 1890-е гг. осуждалась Петербургской мусульманской общиной, единоверцы называли его даже «тэре ясаучы» (делающий крест). Как признавался сам скульптор в частной беседе с Б.Урманче, однажды он даже обратился к богослову Мусе Бигееву, чтобы он дал фетву по поводу его художественной деятельности и снял с него клеймо «тэре ясаучы»⁵⁴. Судя по всему, М.Байкеев болезненно воспринимал критику общины.

Базовые знания по черчению и рисованию татарская молодежь могла получить в Казанской татарской учительской школе, где помимо элементарных знаний, учили перспективе и светотени⁵⁵. Долгие годы преподавателем данных предметов работал Шакирджан Тагиров. Он родился в д.Большой Ачасыр Свяжского уезда Казанской губернии (совр. Зеленодольский район РТ). Примечательно, что уроженцем соседней деревни Малые Ширданы являлся просветитель К. Насыри. Возможно, его известный земляк содействовал молодому Тагирову во время учебы в Казани. В губернском городе он учился в медресе Шигабутдина Марджани, а потом поступил в открывшуюся в 1876 г. Казанскую татарскую учительскую школу. Он был в числе первых учеников. На тот момент к этому учебному заведению жители Старотатарской слободы относились с подозрением, воспринимали его как миссионерское. Поэтому первое время среди учеников КТУШ преобладали учащиеся из соседних губерний, а не из Казанской. Тагиров был одним из них. Его способности к рисованию заметил востоковед В.В. Радлов, исполнявший в ту пору еще и обязанности инспектора татарских, башкирских и киргизских народных школ Казанского учебного округа. Именно при его содействии для Ш.Тагирова были организованы индивидуальные занятия по рисованию под руководством преподавателя Казанского реального училища, художника Х.Г.Пашковского⁵⁶. В 1883 г., после личного ходатайства попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова, он сдал экстерном экзамены и получил свидетельство Императорской

⁵⁴ Урманче Б. Хәтирәләр // Татарстан. 1996. №10. Б.36.

⁵⁵ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сб. док. и материалов. Казань, 2005. С. 63.

⁵⁶ Мустафина Г.М. Видный педагог-просветитель Шакирджан Тагиров // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки в науке и культуре: материалы научно-практической конференции, приуроченной к открытию мемориальной доски на здании Казанской татарской учительской школы, где с 1876 по 1918 год учился и преподавал Ш.А.Тагиров (1 июня 2012 г.). Казань, 2013. С.33.

Академии художеств в Санкт-Петербурге. В то время еще не было Казанской художественной школы, она открылась лишь спустя 12 лет. Диплом Академии давал Тагирову право на преподавание живописи и рисунка в инородческом учебном заведении. Фактически он уже преподавал рисование в Казанской татарской учительской школе с 1881 г.⁵⁷

Татарские учительские школы были своеобразным мостом между традиционной мусульманской культурой и западной. Для развития русифицированного образования среди инородческого населения были необходимы национальные кадры. Поэтому для них создавались особые условия, что прекрасно иллюстрирует пример Шакирджана Тагирова. Но это был не единичный случай. После окончания Симферопольской татарской учительской школы, учился в Строгановском училище в Москве будущий известный деятель культуры, художник и ученый Хусаин (Усейн) Боданинский. С 1905 г. он преподавал графику в Симферопольском коммерческом училище.

Выпускник Казанской татарской учительской школы 1897 г. Исмагил Габитов тоже планировал связать свою жизнь с художественным творчеством. В казанской прессе его называли *«первым мусульманином-художником»*. Он учился на архитектурном отделении Казанской художественной школы, а в 1901 г. уехал в первопрестольную для поступления в архитектурный класс Московской школы ваяния, живописи и зодчества. *«Здесь он, по окончании архитектурного класса, намерен поступить в класс живописи»*, – сообщала газета «Казанский телеграф»⁵⁸. Исмагил Габитов был родом из г. Кульджи, а в Казань переехал при содействии родственников в 1887 г. Он действительно поступил в школу зодчества, однако его жизнь после 1905 г. была мало связана с живописью. И.Габитов проявил себя с совершенно неожиданной стороны, но движущей силой его бурной деятельности тоже стали идеи национального прогресса⁵⁹.

⁵⁷ Червонная С.М. Искусство Татари. М.: Искусство, 1987. С. 287; Улемнова О.Л. Художественная династия Тагировых // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки... С.48–49.

⁵⁸ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сб. док. и материалов. Казань, 2005. С.121.

⁵⁹ В годы первой русской революции Исмагил Габитов уезжает на родину в Туркестан. Очевидно, что он оставил свои занятия живописью и полностью переключился на редакторско-издательскую деятельность. И.Габитов начинает издавать газету «Тарракий» (Прогресс), первый номер которой вышел 14 июня 1906 года (История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд, 2012.

Но не все абитуриенты из так называемых инородцев могли осуществить свои замыслы. Например, приехавший в 1912 г. из Зауралья в Казань, для поступления в местную художественную школу, 22-летний башкирский крестьянин из д.Суяргул Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (совр. Учалинский район Республики Башкортостан)⁶⁰ Сабит Яхшибаев сдал все экзамены, но не был принят в школу из-за отсутствия вакантных мест.

Однако весть о талантливом художнике-самоучке быстро дошла до Старо-Татарской слободы Казани. Персона Яхшибаева привлекла, прежде всего, круг татарской светской интеллигенции, журналистов, писателей и артистов. О его приезде написали некоторые татарские газеты. Оказалось, что судьба подготовила для С.Яхшибаева другую миссию – он стал театральным художником и уже с осени 1912 г. начал тесно сотрудничать с труппой «Сайяр». Он создал декорации для спектаклей «Неравные», «Банкрот» и множества других постановок. Его художественный талант был важен и для развивающихся татарских периодических изданий, которые остро нуждались в своих иллюстраторах. Неслучайно, в журнале «Аң» публиковались даже эскизы театральных декораций С.Яхшибаева⁶¹. Кроме того, он делал карандашные портреты татарских деятелей. В 1913 гг. в Восточном клубе в Казани была организована небольшая художественная выставка, где экспонировались портреты татарских писателей – Г.Тукая, Ф.Амирхана и других. Одним из организаторов выставки был Сабит Яхшибаев. Любопытно, что об этой выставке мы знаем только из публикации Баки Урманче⁶². Очевидно, что на шакирда медресе «Мухаммадия» выставка произвела неизгладимое впечатление. Именно в том году, оставив учебу в медресе, Урманче уезжает на заработки в Пермскую губернию, а его биографы отмечали, что уже в этот период он хотел поступить в Казанскую художественную школу. Собеседники Б.Урманче упоминают еще одного татарского юношу – некоего Ахата Багданова, который тоже не сумел стать студентом Казанской художественной школы в 1913 г.⁶³

С.188). Именно с этой газетой связывают начало истории узбекской прессы нового времени. Благодаря издательской деятельности И.Габитов проявил себя в общественно-политической сфере. После революции И.Г.Габитов работал наркомом внутренних дел Туркестана.

⁶⁰ Башкирская энциклопедия [Электронный ресурс] <http://башкирская-энциклопедия.рф>. Дата обращения 12.12.2017.

⁶¹ Гобәйдуллин Х. Сабит Яхшибаев // Казан утлары. 1966. №3. Б.110–111.

⁶² Урманче Б. Татарстанның рәсем сәнгате // Совет әдәбияты. 1960. №10. Б.138.

⁶³ Арсланов А. Бакый Урманче // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. Б.166.

В своих воспоминаниях Б.Урманче пишет, что в период учебы в «Мухаммадии», один шакирд по имени Чекри Абдулла показал ему собственные акварельные рисунки. После этого Абдулла начал искать краски, чтобы попробовать сделать такие же рисунки. В итоге, на толчке у одного своего знакомого Садыка-абыя он заметил самые обычные краски. Из-за того, что у бедного шакирда не оказалось денег, торговец просто подарил ему их. Художник вспоминал, что именно с этих красок началась его творческая жизнь. Он их долгие годы возил с собой, но время на занятия рисованием выкраивал с большим трудом. То не было самого времени, то просто уединения, т.к., по словам Урманче, шариат запрещал рисование⁶⁴.

Писатель Наки Исанбет, учившийся в это же время в одном медресе с Б.Урманче, отмечал следующее: *«Он учился курсом старше. Уже в эти годы, совсем молодым, он увлекался рисованием. Выполненные им легкие наброски, портреты, дружеские шаржи ходили по рукам шакирдов, вызывая всеобщее восхищение»*⁶⁵.

Тем временем Сабит Яхшибаев продолжал делать театральные декорации, писал портреты, в том числе и живописные. Например, 1914 г. датируется портрет Галиаскара Камала⁶⁶. Известный драматург и журналист тоже увлекался рисованием. Из-за острой нехватки татарских художников, иллюстраторов и декораторов, первое время он сам делал декорации к спектаклям. Также Г.Камала знали, как автора сатирических иллюстраций⁶⁷.

В дореволюционной периодической печати жанр карикатуры получил особенное развитие. С 1906 г., в разное время, выходил целый ряд специальных сатирических журналов: «Яшен», «Ялт-Йолт» в Казани, «Чүкеч», «Чикерткә», «Кармак», «Карчыга» в Оренбурге, «Туп» в Астрахани, «Уклар» в Уральске, «Акмулла» в Троицке⁶⁸. Очевидно, что татарская читающая публика была знакома и с творчеством карикатуристов из азербайджанского журнала «Молла Насреддин», направленность тифлиского издания была схожа с работой татарских редакций.

⁶⁴ Урманче Б. Хатирәләр // Татарстан. 1997. №2. Б.32.

⁶⁵ Исанбет Н. Один из корифеев // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. С.148.

⁶⁶ Червоная С.М. Художники Советской Татарии (биографический справочник). Казань, 1975. С.207.

⁶⁷ Червоная С.М. Искусство Татарии. М., 1987. С.288.

⁶⁸ Гали Б. Молнией «Яшен» сверкает в облаках народных бед... (Татарские сатирические журналы начала XX в.) // Гасырлар авазы. 2007. №1. С.249.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Критические, эмоциональные статьи того времени усиливались с помощью остроумных изображений. Кроме Г.Камала, иллюстрированием татарских журналов занимались Л.Мустафин, М.Галиев, Г.Гумеров, Г.Табулдиев и другие авторы⁶⁹. Эти изобразительные традиции были продолжены после 1917 г. уже в советском сатирическом журнале «Чаян».

Взгляды татар-мусульман на изображение живых существ, в первую очередь, людей, изменились после широкого распространения фотографии и книжных иллюстраций. Среди горожан фотоуслуги стали особенно популярны в последней трети XIX в. В мировой истории фотография развивалась под воздействием живописи, а в истории татар распространение фотоуслуг повлияло на развитие изобразительного искусства. Интересно, что одним из занятий Сабита Яхшибаева, помимо создания театральных декораций и написания портретов, было увеличение фотографий. Очевидно, что в выполнении разноплановых задач художник-самоучка находил выход своей творческой энергии, а его труд очень ценили окружающие люди. Новых попыток поступления в Казанскую художественную школу С.Яхшибаев уже не предпринимал.

Между тем шакирд казанского медресе «Мухаммадия» юный Абдулбаки Урманчеев тоже мечтал поступить в Казанскую художественную школу, но после окончания конфессионального училища осенью 1913 г. уехал на заработки в Пермскую губернию, где трудился на лесоразработках. Уже в 1914 г. он возвращается на родину, в надежде найти работу учителя. Ведь он учился в одном из самых лучших татарских медресе. Изнурительный труд лесоруба был не для него, но этот короткий промежуток времени дал будущему художнику колоссальный духовный опыт. Баки Урманче на всю жизнь полюбил затяжные башкирские мелодии, которые исполняли его товарищи в минуты отдыха. Поэтичное мировосприятие определило его дальнейший творческий путь. Летом 1914 г., в поисках работы, он едет в знаменитую Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде. Ярмарка исполняла роль своеобразной биржи, там всегда можно было найти заработок и поэтому туда стекалось огромное количество татар со всех концов империи. Так случилось и с Урманче, из Нижнего Новгорода он отправился учительствовать в Тамбовскую губернию. Но мечта о художественном образовании так и не покинула его, да и начавшаяся Первая мировая война не давала покоя. В первое время забирали запасных солдат. 17-летний Абдулбаки еще не подлежал мобилизации из-за возраста.

⁶⁹ Файнберг А.Б. Художники Татарии. Л., 1983. С.10.

Но все же в начале 1915 г. он вернулся обратно в Казанскую губернию и остановился у родственников в уездном городе Тетюши. Здесь он мог подтянуть знания русского языка и подготовиться к вступительным экзаменам в Казанскую художественную школу⁷⁰.

Трудности распространения изобразительного искусства в татарской среде очень волновали интеллектуалов того времени. *«Сейчас уже не важно, разрешено изображение живых существ или нет, но тяжелый камень сброшен и теперь предпринимаются меры по открытию дороги для изобразительного искусства»*, – писал Г.Ибрагимов в 1915 г. во вводной статье к альбому с образцами мировой живописи. Альбом опубликовали как приложение к журналу «Аң»⁷¹. Это был оригинальный для своего времени издательский замысел. В журнале и до этого активно публиковались различные иллюстрации, но издатель А.Хасани и помогавший ему Г.Ибрагимов решили пойти дальше и познакомить своих читателей с мировой художественной культурой. Кроме того, в 1916 г. Хасани издал и распространял изображение царицы Сююмбике (репродукции картины XIX в.). Он получил специальное разрешение на изготовление копии портрета из фонда Городского публичного музея. В казанской жандармерии этот факт интерпретировали по своему: если распространяет изображение бесплатно, значит «с целью подготовить массы к мысли о возможности воссоздания Казанского ханства»⁷². Хотя издателем двигали исключительно идеи «национального прогресса» и желание познакомить своих единомышленников с художественной культурой. Образ Сююмбеки как нельзя лучше подходил для этого. Военная эпоха заставляла задумываться о жизни и смерти, об истории человечества и народа.

В 1916 г. Абдулбаки Урманчеев был мобилизован в армию. Служил он в Туркестане. По воспоминаниям современников, всегда носил с собой скрипку и акварель⁷³. По некоторым данным, первые профессиональные уроки живописи Б.Урманче получил у пленного австрийского офицера как раз во время службы в армии⁷⁴.

⁷⁰ Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань, 1994. С.19.

⁷¹ Ибрагимов Г. Әсәрләр. Т.5. Казан, 1978. Б.186.

⁷² Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. Казань, 2005. С.70.

⁷³ Монасыпов Ш. Б.Урманче и татарская музыка // Искусство, рожденное Октябрем (О творчестве народного художника Татарии Б.Урманче). Казань, 1989. С.57.

⁷⁴ Червоная С.М. Художники Советской Татарии (мастера изобразительного искусства Союза художников ТАСССР). Казань, 1984. С.326.

Глава 5. Художественная культура народов Поволжья
в эпоху революции

Февральскую революцию он встретил в Коканде. Вероятно, из-за того, что рос в семье муллы, у Абдулбаки было сильно развито чувство социальной ответственности. Поэтому он никогда не сторонился общественной деятельности революционной эпохи. Несмотря на очевидную тягу к созерцательному художественному творчеству, соглашался выполнять обязанности так называемых ответственных работников. Например, в Коканде его избрали солдатским депутатом⁷⁵, после демобилизации он продолжал выполнять общественные поручения новой власти.

В литературе не прослеживается отношение Б.Урманче к смене власти. Возможно, сказался его юный возраст и влияние военной службы. Демобилизованные солдаты возвращались, как правило, сторонниками Советов, а Б.Урманче был даже солдатским депутатом. С официальной властью – представителями Временного правительства – у них не было никакой связи.

Но после увольнения от военной службы Урманче не сразу стал принимать активное участие в революционной работе, например, он не был замечен в роли агитатора. Его отец служил имам-хатыбом в деревне Малые Салтыки в Тетюшском уезде, туда Абдулбаки и вернулся. Логично, что демобилизованный солдат и выпускник казанского медресе стал помогать отцу в деле просвещения местной детворы. Но в условиях революции тихая жизнь мугаллима длилась всего несколько месяцев.

Осенью 1917 г. 20-летний Абдулбаки Идрисович Урманчеев отправляется в уездный город Глазов Вятской губернии, местное Шуро (Глазовский уездный национальный мусульманский Совет) предложило ему должность инструктора мусульманских школ и школьного образования⁷⁶. Вероятно, решающую роль сыграло здесь то, что Шуро представляло собой исполнительный орган Всероссийского мусульманского съезда.

По словам самого Б.Урманче, октябрьские события он встретил в уездном городе Глазов Вятской губернии. Он пишет, что революционные дни прошли в Глазове «тихо, без шума, без борьбы» («тавышсыз, гаугасыз, сугышсыз»). Но приметой времени был переполненный бывшими солдатами местный вокзал. Грязные и небритые мужчины спешили домой, в несуразных шинелях, шапках и картузах, некоторые с оружием, кто-то без, но все с мешками, и отчаянно штурмовали вагоны убегающих поездов. Будущий художник частенько отправлялся на вокзал, чтобы по-

⁷⁵ Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань, 1994. С.20.

⁷⁶ Касимова Д. Баки Урманче в Глазовском уезде (1917–1918 гг.) // Гасырлар авазы. 2012. №3/4. С.111–112.

наблюдать за разными лицами и типажам («тамаша кылырга»), и возвращался домой далеко за полночь⁷⁷.

Несмотря на то, что власть перешла в руки Советов, общественные самоорганизации времен февральской революции в некоторых местностях продолжали действовать. Так и в Глазове этот орган был инкорпорирован в систему новой власти. Сын прогрессивного муллы не мог не отреагировать на призыв единоверцев к участию в организации просветительской работы среди татарского населения. Собственно, все дальнейшее творчество Б.Урманче является подтверждением неугасимого национального духа (милли рух) художника и его любви к собственному народу.

Молодой инструктор проявил себя как деятельный работник. Например, он разработал план мероприятий для обеспечения эффективной работы татарских школ. В этот документ входили и вопросы кадрового обеспечения, и методологические рекомендации. Старался он позаботиться о материально-технической базе школ. Но в Глазове он прожил около полугода, лишь до лета 1918 г.⁷⁸

Этот короткий период жизни в небольшом уездном городе, с 10-тысячным населением, был очень важен для становления Б.Урманче как художника. Революционная культурная жизнь в Глазове выражалась в работе различных кружков самодеятельности. Кроме театрального и музыкального кружка, работала изостудия под руководством местного учителя рисования. Рабочая молодежь жадно впитывала новые знания, доступные ранее узкому кругу их ровесников, в их числе был и Б.Урманче. В глазовском художественном кружке он получил систематические сведения о приемах рисунка и живописи. Под руководством учителя он рисовал вазы, кувшины и другие рисунки⁷⁹. Позднее Б.Урманче вспоминал, что один из его глазовских знакомых Сахипгараймурза Ямбаев, предприниматель и общественный деятель, относился к его занятиям рисованием немного скептически. Однако говорил, что это умение «сгодится при подготовке декораций для постановок татарского театра»⁸⁰. Такое отношение, конечно, огорчало начинающего художника.

Но революционная волна не оставляла времени на рефлексию, а постоянно ставила новые задачи. Во второй половине

⁷⁷ *Урманче Б.* Гомернең беренче хәтирлэләре // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. С.336.

⁷⁸ *Касимова Д.* Указ. соч. С.112–113.

⁷⁹ *Новицкий А.И.* Баки Урманче. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. С.20.

⁸⁰ *Урманче Б.* Гомернең беренче хәтирлэләре // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. С.333.

1918 г. Б.Урманче стал выполнять обязанности инструктора Наркомпроса в Тетюшах⁸¹. В уездном городе он работал также учителем географии и истории⁸². Однако на новом месте работы Урманчевев задержался не долго, вскоре он переехал в Казань. Возможно, за частой сменой места жительства могло скрываться и разочарование в новой власти, которая не собиралась соблюдать идеалы деятелей Шура о культурно-национальной автономии. Но было еще непреодолимое желание творить, его по-прежнему увлекал загадочный мир изобразительного искусства. Именно в этот период для Б.Урманче открылась возможность для овладения основными инструментами художественного творчества.

Казанская художественная школа, переименованная к этому времени в Свободные художественные технические мастерские, открыла двери для всех желающих. Мастерские уже едва напоминали дореволюционную художественную школу. Как и во всем городе, здесь царила разруха, не работала система парового отопления, не было ни дров, ни угля. Работали, не снимая верхней одежды, замерзала даже вода для акварели. Но самым тяжелым было то, что очень трудно было достать краски, холсты. Использовали картон и бумагу, даже когда надо было рисовать масляными красками⁸³. Как вспоминал сам Б.Урманче, в начале 1919 г. в КХШ еще работала дореволюционная лавка, где продавали остатки краски и бумаги. Когда уже эти запасы кончились, студенты сами делали краски на основе пигментов (имевшихся в городских лавках) с добавлением льняного, конопляного и подсолнечного масел.

Любопытно, что Казанскую художественную школу Урманче называл «Казан сэнгать мэдрэсэсе», соответственно новоиспеченные мастерские в его лексиконе – это «революцион мэдрэсэ». За время революции сменился педагогический состав: например, П.Беньков вместе с войсками Белой армии ушел в Сибирь, был уволен П.А.Радимов. Его тесть – заведующий и один из основателей школы Г.А.Медведев также оставил свою должность. Б.Урманче пишет, что вместо него пришел молодой архитектор Ф.П.Гаврилов. Но, в 1917 г. некоторое время руководил школой еще и художник И.А.Денисов.

В 1919 г., когда Урманче переступил порог «революцион мэдрэсэ», там еще работал Н.И.Фешин – авторитетный представи-

⁸¹ Червонная С.М. Художники Советской Татарии (биографический справочник). Казань, 1975. С.177.

⁸² Шишкина Д., Нерозникова Н. «Трудиться не покладая рук, не щадить себя, полностью отдаваться любимому делу» (к 110-летию со дня рождения Б.И.Урманче) // Гасырлар авазы. 2007. №1. С.178.

⁸³ Новицкий А.И. Указ. соч. С.22.

тель старого педагогического состава. Некоторые новые наставники – например, Комаров, Шестаков – из-за голода бежали из Москвы и нашли приют в бывшей КХШ.

По словам Б.Урманче, переименование школы в мастерские подчеркивало новый характер взаимоотношений между учениками и их наставниками, где не было уже места бюрократическим препонам (вроде особых документов, законов и т.д.), на первый план выдвигался талант человека, а не его происхождение или официальные рекомендации. Революционная эпоха подарила не только творческую свободу, но и свободу социальных коммуникаций. За это время было организовано студенческое самоуправление, студенты участвовали в составлении программы обучения (как вспоминал впоследствии Б.Урманче «вместе с Фешиным»), сами себе выбирали преподавателей. Кандидаты устраивали перед этим собственные выставки и после этого только студенты принимали решение.

Абдулбаки Урманчиев был единственным татариним среди учеников. Контингент учащихся этой поры он характеризовал как пестрый («чуар»), очень образованные студенты соседствовали с малограмотными персонами. Среди студентов мастерских было много учениц, в основном, уроженок г.Казани⁸⁴. Кроме учебы Б.Урманче принимал участие в общественной жизни: в студенческом самоуправлении и художественной секции политотдела Мусульманской коллегии⁸⁵.

«1919 год, Казань... Я – студент Казанского художественного училища. Занимаюсь одновременно живописью, графикой и скульптурой, – вспоминал он позднее об этом периоде жизни. – Кроме учебы, работаю в политотделе штаба Запасной Красной Армии и в Центральной мусульманской военной коллегии. И конечно, с самоуверенностью молодости чувствую себя уже настоящим «мастером кисти». Он выполнял различные поручения, связанные с написанием плакатов, панно, лозунгов. Однако разговор с Галимджаном Ибрагимовым заставил молодого художника немного иначе взглянуть на свои способности. Писатель попросил Б.Урманче проиллюстрировать обложку сборника «Восток спит». «Были на ней и кальяны, и дымка, и закрепощенные красавицы – одним словом, все атрибуты «спящего Востока», – отмечал в своих воспоминаниях художник. Но Г.Ибрагимову обложка не понравилась, он сказал лишь одну короткую фразу: «молодой человек, я заказывал вам не обложку для коробки с папиросами»⁸⁶.

⁸⁴ Урманче Б. Казан сэнгать мәктәбе: заман һәм кешеләр // Казан утлары. 1993. №3. Б.169–170.

⁸⁵ Новицкий А.И. Указ. соч. С.23.

⁸⁶ Урманче Б. Былое перед глазами // Баки Урманче. Казань, 2017. С.104.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

Возможно, поэтому разговор с другим писателем Фатихом Амирханом показывает, что Абдулбаки не был уверен в своем художественном будущем. В это время он ставил для себя более приземленные задачи. Одновременно с занятиями в художественных мастерских Урманче посещал курсы повышения квалификации учителей. Себя он в это время позиционировал как будущего учителя рисования. Но для татарского народа в то время даже учитель рисования был большой редкостью.

Взрослый коллега Б.Урманче – уже состоявшийся учитель рисования – Шакирджан Тагиров после революции 1917 г. продолжал педагогическую деятельность в учительской семинарии. Кроме того, он стал организатором и преподавателем учительских курсов в Казани и Чистополе⁸⁷. Один из его сыновей – Фаик в 1920-е гг. продолжил дело отца и получил художественное образование, впоследствии стал замечательным графиком. Он был последователем конструктивистского направления в искусстве.

Фаик Тагиров рос в необычной татарской семье, если с одной стороны отец – учитель рисования Казанской татарской учительской школы, то с другой – мать Гульчигре-Бану Курманаева, дочь бухгалтера Порохового завода, титулярного советника С.Г.Курманаева⁸⁸. При этом Ш.Тагиров не ограничивался только преподавательской деятельностью, но и успевал иллюстрировать книги. Сохранилась иллюстрированная им татарская азбука 1914 г. На сегодняшний день рисунки из этой книги являются единственными свидетельствами изобразительного творчества Ш.Тагирова, т.к. в 1918 г. в результате пожара вместе с его домом был уничтожен весь архив⁸⁹. В том же году скончался и сам Шакирджан Тагиров. Его сыну Фаику на тот момент было всего 12 лет. После смерти отца он уехал в Екатеринбург. *«За отсутствием средств ему жить очень трудно, и он существовал на случайный заработок»*, – писал об этом периоде жизни будущего графика искусствовед

⁸⁷ Мустафина Г.М. Видный педагог-просветитель Шакирджан Тагиров // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки в науке и культуре: материалы научно-практической конференции, приуроченной к открытию мемориальной доски на здании Казанской татарской учительской школы, где с 1876 по 1918 год учился и преподавал Ш.А.Тагиров (1 июня 2012 г.). Казань, 2013. С.34.

⁸⁸ Там же. С.35–36.

⁸⁹ Улемнова О.Л. Художественная династия Тагировых // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки в науке и культуре: материалы научно-практической конференции, приуроченной к открытию мемориальной доски на здании Казанской татарской учительской школы, где с 1876 по 1918 год учился и преподавал Ш.А.Тагиров (1 июня 2012 г.). Казань, 2013. С.48–49.

П.Дульский⁹⁰. В 1920 г. Фаик Тагиров поступил на татаро-башкирские педагогические курсы. Очевидно, как и Б.Урманче, он не находил для себя иной роли, кроме учительской. Тем более, его отец Ш.Тагиров в революционные дни горячо поддерживал подготовку национальных учительских кадров.

Однако бурная общественная жизнь, в том числе открытие различных кружков, способствовала смене вектора деятельности будущего графика. Именно во время учебы на татаро-башкирских педагогических курсах раскрылись художественные способности Фаика Тагирова, он принимал участие в подготовке журнала «Яшьлек ташкыны». Кроме того, как и Баки Урманче в Глазове, в Екатеринбурге он посещал изостудию местного Пролеткульта⁹¹. Имеются сведения о том, что в 1922 г. Ф.Тагиров поступил на гранитно-скульптурное отделение Уральского художественно-промышленного техникума. Но уже в том же году вернулся в Казань и поступил в местное художественное училище, где проучился три года⁹².

В Казани он оказался в центре книжной индустрии молодой Татреспублики. Фаик Тагиров привнес в книжную графику революционные футуристические мотивы, но в то же время сумел сохранить восточную самобытность. Очевидно, многовековой запрет на изображение живых существ привел к тому, что в татарском изобразительном искусстве особое внимание уделялось каллиграфии и орнаменту. Поэтому первым татарским художникам интуитивно было ближе новое направление искусства революционной эпохи – конструктивизм с геометрическими формами, лаконичностью и простотой. *«Для Тагирова книга представляла целостный организм, в котором большую роль играл шрифт, его начертание и размещение, – отмечал искусствовед А.Б.Файнберг. – Он широко применял при оформлении рисованный и наборный шрифты, охотно использовал фотомонтаж. Логическая четкость иллюстраций Тагирова сочеталась с традициями национальной каллиграфии и орнаментики»*⁹³.

⁹⁰ Дульский П. Искусство в Татреспублике за годы революции. Казань, 1929. С.13.

⁹¹ Там же.

⁹² Червоная С.М. Художники Советской Татарии (биографический справочник). Казань, 1975. С.169; Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагирова. Каталог выставки: Книжная графика. Рисунок. Гравюра. 24 ноября 2006 г. – 15 января 2007 г. Казань, 2006. С.57.

⁹³ Файнберг А.Б. Художники Татарии. –Л., 1983. С.22.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

1920-е гг. – период расцвета искусства графики Татарстана, это мощное художественное движение во многом было обусловлено дореволюционными издательскими традициями и нереализованным творческим потенциалом.

Фаик Тагиров стал одним из самых ярких представителей графического искусства. Его «восточный конструктивизм», соединивший традиции арабской каллиграфии и приемы европейского авангарда, считается самым высшим достижением татарского книжного искусства 1920-х гг.⁹⁴ Художник К.Чеботарев всегда называл Фаика Тагирова «самый удивительный татарин» за его необыкновенную работоспособность и энергичность⁹⁵. Он учился в мастерской К.Чеботарева и А.Платуновой. Его наставник позднее писал о своем ученике следующим образом: «С самого начала Тагиров начал утверждать себя как художника книги, и эту линию он провел на всю свою творческую жизнь. Он был совсем молодой, в студенческом состоянии, а книги, оформленные им, оказались настолько качественными, что экспонировались за границей на выставках книги». Например, в Париже в 1931 г.⁹⁶

Кроме Ф.Тагирова, татарское графическое искусство 1920-х гг. было представлено такими талантливыми художниками как Гумер Девишев, Осман Арсланов, Сабит Яхшибаев, Дмитрий Красильников, Шакир Мухамеджанов.

О.Арсланов и Д.Красильников учились сначала в Пермских художественных мастерских. Г.Девишев и С.Яхшибаев и в советское время оставались самоучками. Ш.Мухамеджанов после рабфака и учебы на медицинском факультете выбрал все-таки стезю художника.

«Я сын – бедного татарского приказчика, жившего в очень тяжелых условиях, с юных лет полюбил изобразительное искусство, в особенности графику, и мечтал о том дне, когда сумею взять в руки кисть и перо художника», – вспоминал о своей юности Шакир Мухамеджанов⁹⁷. До поступления в КХШ он успел поработать «мальчиком» у купцов, чернорабочим – в системе кооперации. «Этот молодой, начинающий художник подает большие на-

⁹⁴ Улемнова О.Л. Искусство графики Татарстана 1920–30-х годов. Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005. С.27.

⁹⁵ Константин Чеботарев. Александра Платунова. Письма казанским корреспондентам / сост. и авт. вступ. статьи Н.М.Валеев. Казань, 2018. С.338.

⁹⁶ Там же. С.427.

⁹⁷ Шакир Мухамеджанов. Альбом-монография / сост. И.Лобашева. Казань, 2007. С.11–13.

*дежи и обещает стать серьезным и хорошим мастером», – писал о нем П.Дульский в конце 1920-х гг.*⁹⁸

Если Ш.Мухамеджанов проявил себя, прежде всего, как талантливый мастер книжной графики, то Г.Девишев, О.Арсланов, С.Яхшибаев работали и как театральные декораторы. В целом, в рамках двух этих направлений художественных практик татарское изобразительное искусство развивалось и до революции. Но оформление книг в первые годы советской власти получило особое развитие и демонстрировало выдающиеся образцы книжного дизайна. Так, искусствовед О.Л. Улемнова выделяет два направления в развитии татарского книжного искусства 1920-х гг.: конструктивистское, «оперирующее новыми способами – фотомонтаж, акциденция и др.», и реалистическое, «активно использующее жанрово-иллюстративный подход в оформлении текста книги и обложки»⁹⁹.

Татарское изобразительное искусство является результатом сложных социально-экономических, культурных и общественно-политических процессов, охвативших тюрко-мусульманское сообщество России в конце XIX – в начале XX века. Этот исторический промежуток включает в себя Первую мировую войну, отбросившую на второй план религиозные идеалы и выдвинувшую вперед вопросы гуманизма, человеческой индивидуальности. Революционная эпоха еще сильнее усугубила конфликт между религиозными и светскими ценностями. Все это трансформировало эстетику восприятия, и вдохновляло на новые творческие поиски, в том числе в изобразительном искусстве.

В 1920 г. Баки Урманче были написаны первые портреты. К этому периоду относится картина «Портрет Фатимы, сестры художника». Любопытно, что автор отдельно подчеркнул, что Фатима еще и «сестра художника». Кроме того, Баки Урманче попытался изобразить Габдуллу Тукая. Очевидно, что он опирался на имевшиеся фотографии поэта и на собственные впечатления. К этому времени Тукай уже превратился в символ татарской культуры, поэтому обращение художника к фигуре такого масштаба было и очень амбициозным, и ответственным шагом одновременно. Впрочем, творческую смелость Б.Урманче характеризует и герб Татарской Республики, созданный им в этот период. Яркая работа Урманче использовалась в качестве официального герба молодой республики до 1922 года¹⁰⁰.

⁹⁸ Дульский П. Искусство в Татарской Республике за годы революции. Казань, 1929. С.13.

⁹⁹ Улемнова О.Л. Искусство графики Татарстана 1920–30-х годов. Автореферат дисс. канд. искусствоведения. М., 2005. С.24.

¹⁰⁰ Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань, 1994. С.26–27.

ГЛАВА 5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

В 1923 г., в свой второй приезд в Уфу, Баки Урманче знакомится с другим известным художником Касимом Девлеткильдеевым. На тот период он был одним из немногих татар, кто имел высшее художественное образование. Б.Урманче сначала познакомился в Москве с Фатимой Аскарвной, сестрой К.Девлеткильдеева. Она еще до революции работала в Казани учительницей. Именно благодаря ей состоялась и знаменательная встреча двух художников, которая переросла в крепкую дружбу. Так, в 1939–1940 гг. они вместе оформляли павильон Башкирии на ВДНХ. А в начале 1920-х гг. Б.Урманче впечатлили этнографические акварельные рисунки К.Девлеткильдеева, сделанные им в глухих башкирских деревнях. Обоих художников объединяло бережное отношение к исчезающей традиционной культуре, стремление запечатлеть ускользающую красоту народного быта. Как отмечала А.Янбухтина, Б.Урманче подчеркивал, что в 1920–30 гг. «для него было очень важно знать и чувствовать, что в соседней Башкирии, в Уфе живет и работает замечательный художник, близкий по духу, который являясь выходцем из татарского княжеского рода, впервые прокладывает путь в мир пластических, изобразительных образов, в мир живописи, совершая тем самым непопозволенный поступок в глазах многих...»¹⁰¹.

Таким образом, 1920-е гг. характеризуются как активный этап становления татарского изобразительного искусства. В этот период данный вид творчества в какой-то мере завоевал себе общественное признание и преодолел стереотипное обывательское восприятие, царившее среди широких слоев населения в до-революционные годы.

Безусловно, во многом этот слом произошел благодаря авторитарным методам. Смена идеологии и усиление государственной пропаганды требовала активного привлечения визуальных инструментов влияния на массы. В этих условиях власть нуждалась в национальных художниках, понимавших менталитет своего народа и способных передать эти особенности с помощью кисти. Молодые татарские художники-графики в начале 1920-х гг. образовали даже группу «Сулф» (Сул фронт, т.е. «левый фронт» на татарском языке). Одним из организаторов этой группы был Фаик Тагиров. Также эта группа называлась «ТатЛЕФ» (существовала в 1923–1928 гг.)¹⁰². «Сулф» выпускала свою стенгазету. Фотокопия одной из стенгазет, датируемая 1923 г., с комментариями

¹⁰¹ Янбухтина А. Мотивы Башкирии // Искусство, рожденное Октябрем (О творчестве народного художника Татарии Б.Урманче). Казань, 1989. С.86.

¹⁰² Файнберг А.Б. Художники Татарии. Л., 1983. С.16.

Ф.Тагирова, сегодня хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства¹⁰³.

До своего отъезда в Москву Ф.Тагиров активно занимался не только оформлением книг Таткнигоиздата, но и подготовкой эскизов различных плакатов, афиш, значков, работал над проектами монументального оформления площадей и зданий. В 1925 г. комсомольская организация направила талантливого графика Ф.Ш.Тагирова в Москву, для продолжения учебы во ВХУТЕМАСе. После окончания учебы в 1930 г., его оставили в аспирантуре. В том же году, по ходатайству ЦК ВЛКСМ, Ф.Тагиров отправился в творческую командировку в Германию для изучения местного художественно-полиграфического образования. В дальнейшем он преподавал на издательском факультете Московского Полиграфического института, разработал новый курс «Теории и практики шрифта». Кроме того, Ф.Тагиров активно работал в сфере книгоиздательства¹⁰⁴.

Между тем, в 1926 г. вернулся из Москвы в Казань Баки Урманче. Его тоже в 1920 г. направили в Москву для учебы во ВХУТЕМАСе. «Как и в Казани, здесь не было никого из татар и вообще из тюркских народов», – вспоминал он позднее о своем московском студенческом окружении¹⁰⁵. Тогда еще Б.Урманче не знал, что через несколько лет после его отъезда в Москву, в Казань из Екатеринбурга приехал Ф.Тагиров, а из Перми – О.Арсланов и Д.Красильников. А уже в 1923 г. была образована группа татарских художников «ТатЛЕФ» (Сулф).

В московский период Б.Урманче была подготовлена книга «Балалар тәрбиясендә сынлы сәнгать» («Роль художественного искусства в воспитании детей») на татарском языке. Это была просьба Фахрелислама Агеева (издателя детского журнала «Ак юл») и кооператива «Нәшрият»¹⁰⁶. До поступления во ВХУТЕМАС красноармеец Б.Урманчеев некоторое время работал заведующим художественной секцией восточного отдела Политического Управления Реввоенсовета¹⁰⁷. Но все эти перемещения эпохи Гражданской войны были лишь временными пунктами на пути к большой цели – стать художником.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф.2437. Оп.3. Д.987. Л.1.

¹⁰⁴ Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагилова. Каталог выставки: Книжная графика. Рисунок. Гравюра. 24 ноября 2006 г. – 15 января 2007 г. Казань, 2006. С.57.

¹⁰⁵ Урманче Б. Казан сәнгать мәктәбе: заман һәм кешеләр // Казан утлары. 1993. №3. Б.170.

¹⁰⁶ Урманче Б. Балалар тәрбиясендә сынлы сәнгать. М., 1926.

¹⁰⁷ Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань, 1994. С.26–27.

Однако в 1926 г. в Казани его ждала административная работа. Ему поручили заведование учебной частью Казанского художественного техникума, но помимо учебных задач художник Б.Урманче должен был решать хозяйственные вопросы. Здание было полуразрушенным, практически не отапливалось. Снабжение дровами и художественными материалами, ремонт здания, улучшение условий жизни студенчества – все это были заботы молодого завуча¹⁰⁸. В целом, Баки Урманче учился в бывшей Казанской художественной школе лишь полгода, еще три года он работал в этом учебном заведении. Конечно, когда накануне Первой мировой войны юный Урманче лишь мечтал о поступлении в данную школу, он даже не мог представить такой поворот событий, спустя каких-то десять лет.

Любопытно, что Б.Урманче назначили на эту должность еще весной 1926 г., т.е. до получения им диплома ВХУТЕМАСа. Он так и не защитил диплом, т.к. сразу окунулся в Казани в дела художественного техникума. Как отмечал много лет спустя сам художник, сначала он всячески сопротивлялся этому назначению, ссылаясь на свою собственную учебу в Москве, но руководители местного наркомата образования были непреклонны¹⁰⁹. Это было удачное кадровое решение. Б.Урманче проявил себя как предприимчивый руководитель. В годы его должностования при техникуме была образована мастерская по керамике, которая приносила определенную прибыль. Благодаря этому источнику дохода удалось немного улучшить состояние здания училища, наладить систему отопления и освещения.

Но самое главное с этого времени увеличилось количество студентов-татар художественного техникума. По словам Б.Урманче, в том же году он дал объявление о вступительных экзаменах в татарской газете «Татарстан», а также опубликовал статью о техникуме в журнале «Безнең юл»¹¹⁰. Такой подход привлек большое количество желающих учиться в бывшей Казанской художественной школе. Например, именно из-за этого приехал из села Давлеканово бывшей Уфимской губернии в Казань в 1926 г. будущий писатель Амирхан Еники. Он хотел стать архитектором.

«Мы с Фатхельисламом ждем начала вступительных экзаменов. Других дел у нас нет, каждый день, словно на работу, ходим в нарядное здание на улице Карла Маркса, – вспоминал он об этом периоде спустя шесть десятков лет. – Всякий раз встречаем

¹⁰⁸ Там же. С.35.

¹⁰⁹ Урманче Б. Казан сэнгаты мәктәбе: заман һәм кешеләр // Казан утлары. 1993. №3. Б.171.

¹¹⁰ Шунда ук. Б.175.

таких же, как мы, парней, приехавших издалека. Девушек почему-то не было ни одной. Джигиты все из разных мест – из Оренбурга, Астрахани, Самары, а из Стерлитамака приехали сразу трое»¹¹¹. Впоследствии, по его словам, поступили в тот год 12 человек. Б.Урманче отмечал, что взяли около 10 человек.

Были среди студентов и совсем взрослые люди. Так, А.Еники называл одного из таких абзы (дядя) Рахматуллин. Он приехал из Оренбурга. *«Оказалось, у него и жена, и дети есть, но, несмотря на это, решился уехать, потому что мечтал выучиться на художника»*, – вспоминал писатель. Кто-то уже работал в этой сфере. Так, студент Зиннур Масагутов работал художником в Татарском коммунистическом университете¹¹².

Некоторые студенты, действительно, связали свою жизнь с изобразительным творчеством. В основном, это были художники-оформители, графики. Например, учился уже в этот период в художественной школе крещеный татарин, уроженец Мензелинского уезда, Д.Н.Красильников. Он печатал свои работы под монограммой «ДНК». Советские искусствоведы отмечали, что графика Красильникова отличается «задушевной любовью к деревенскому быту, к природе»¹¹³. Позднее поступил в мастерские талантливый график Ш.Мухамеджанов. В 1930-е гг. именно он стал инициатором создания Союза художников Татарстана¹¹⁴.

Сам Баки Урманче, несмотря на административную и педагогическую работу, тоже не забывал о творчестве. Например, в этот период он создал картины «Девушка в зеленом платке» (1927), «У сепаратора» (1928), а также глиняную статуэтку «Татарка с ведром» (1920-е гг.) и другие произведения. Злоключения и перипетии судьбы бросали татарского художника в самые разные уголки страны, но он всегда оставался верен своей самобытной природе, идеалам дореволюционной юности.

В 1929 г. в Татиздате вышел учебник Б.Дамина «Рәсем төшергә өйрән» («Учись рисовать»). Обложку этой книги оформил один из учеников Б.Урманче – Ш.Мухамеджанов. Пожалуй, эту книгу можно назвать своеобразным сигналом об окончании этапа становления татарского изобразительного искусства нового формата. Рисование пошло в массы, и никто уже не видел в этом виде творчества запретное занятие.

¹¹¹ Еники А. Страницы прошлого / пер. с тат. Казань, 1998. С.335.

¹¹² Там же. С.338–339.

¹¹³ Файнберг А.Б. Художники Татарии. Л., 1983. С.24.

¹¹⁴ Татарская энциклопедия. Т.4. Казань, 2008. С.308.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАТАРСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ В ЛИЦАХ И ОБРАЗАХ

*Дэрдменд
Гаяз Исхаки
Галиаскар Камал
Мажит Гафури
Сагит Рамеев
Гафур Кулахметов
Фатих Амирхан
Габдулла Кариев
Газиз Губайдуллин
Вали Апанаев
Гали Рахим
Газиз Альмухаметов
Опера «Сания»
Мансур Музафаров
Галия Кайбицкая
Латиф Хамиди
Революция и татарская антропонимия
На волне революции: населённые пункты ТАССР 1920-х гг.*

Дэрдменд (1859–1921)

Он явился литературному миру в ореоле тайны. Почти в течение десяти лет с момента публикации его произведений читатель не знал настоящего имени поэта. Стихи, написанные им, появились в печати в годы первой русской революции и отличались изяществом формы, точным выражением мысли, яркой гаммой переживаний. Автором оказался крупный уральский золотопромышленник Закир Садыкович Рамиев – человек прогрессивных взглядов и незаурядных способностей.

Он родился 23 ноября 1859 г. в татарской деревне Зирган Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии в семье торговца мануфактурой. Но детство и юность его прошли в деревне Юлык

Орского уезда, куда семья Рамиевых переехала в 1862 г. Родители будущего поэта были людьми мудрыми и дальновидными. Мать – Ханифа, образованная для своего времени женщина, дала прекрасное воспитание детям, а отец, коммерсант и промышленник, по окончании Закиром сельского медресе отправил его на учебу в Турцию.

Закир и его старший брат Шакир уже в эти годы размышляют над трудноразрешимой пока проблемой духовного возрождения нации, ее просвещения. Они мечтают о профессиональной татарской литературе, собственной газете, об открытии в столице Оренбургского края мусульманского медресе. Поэтому в Стамбуле, куда Закир Рамиев приезжает в 1880 г., наряду с изучением турецкого языка и литературы, западноевропейской классики и философии, он также активно интересуется вопросами книгоиздательства, организацией периодической печати. А в письмах Шакира из России содержатся просьбы о закупке учебной и художественной литературы, типографского оборудования

Однако до осуществления заветных планов было еще далеко. Слишком сильной оказалась инерция общества, с трудом воспринимавшего новации.

В этом смысле показателен случай, произошедший в Казани в 1882 г., когда туда приехал известный крымскотатарский просветитель Исмаил Гаспринский. Так же, как и братья Рамиевы, мечтаю о национальной газете, он появился на берегах Волги, чтобы заручиться поддержкой соплеменников в этом важном деле, но его ждало горькое разочарование. Гаспринский впоследствии вспоминал: «... во время своего пребывания в Казани хотел устроить литературный вечер для татар; с большим трудом было получено разрешение; афиши были расклеены по татарской части города, был снят большой зал первоклассной гостиницы на Воскресенской улице, который был обставлен стульями в большом количестве и кафедрой для оратора. Наступило 9 часов, я ждал еще два часа, но посетителей было только трое, и те не казанцы, а приезжие, один из которых был кавказец Аллах-Яр-Бей, а двое – братья Шакир и Закир Рамиевы, будущие издатели газеты «Вакыт» в Оренбурге».

Джамал Валиди, комментируя эти слова Гаспринского, отмечал, что Рамиевы взяли на себя все расходы по неудавшемуся вечеру, а затем несколько часов кряду беседовали с крымским гостем, обсуждая одинаково волнующие их вопросы. В Казани же идеи Гаспринского поддержал только Ш.Марджани.

Так образовался характерный союз молодой национальной буржуазии, реформаторского духовенства и интеллигенции, стояв-

шей у истоков духовного возрождения татар начала XX века. Тут кстати отметить, что Закир Рамиев стал одним из первых подписчиков общетюркской газеты «Тарджеман», которую все-таки удалось издать неутомимому Исмаил-бею в 1883 году.

Примерно в это же время в жизни Закира Рамиева начинается новый этап – пробы пера в художественном творчестве. Пока он во многом находится под воздействием турецкой литературы. Кроме перевода с турецкого на татарский язык нескольких французских новелл, он в 1884 г. пишет стихотворение «Из письма, написанного покойному Сибгатулле-хаджи из Каргалы. Отрывок». В примечании особо указывалось: «На османском наречии». Были и другие сочинения, но все же систематическим занятиям поэзией он себя тогда так и не посвятил. Видимо, сказывались причины личного характера – очень большого внимания и сил требовала предпринимательская деятельность. Сам он впоследствии говорил об этом следующее: *«По приезде из Стамбула начеркал кое-какие стихотворения, явилось желание напечатать их. Это невозможно. У меня нет денег. Другие печатать не берутся. Написанное дошло до ушей мулл и святых отцов... Начались разговоры, что я легко смотрю на религию и нравственность. Была даже попытка объявить меня еретиком. Я... понял также необходимость быть экономически обеспеченным для того, чтобы говорить и писать то, что хочешь, не изменяя понятия и мысли в зависимости от денег, не продаваясь за деньги. Я сказал себе: раньше стану промышлять, делать деньги, а уж после начну говорить и писать то, что велит мне сердце».*

Позднейшими биографами Дэрдменда (псевдоним З.Рамиева) подвергалось сомнению искренность такого высказывания, мол, он был к тому времени очень богат. Но, очевидно, не настолько, чтобы существенно влиять на жизнь нации, оперативно реагировать на ее культурные запросы.

Золотодобыча Рамиевых, начавшаяся в 1869 г., дала ощутимые результаты лишь на рубеже веков, когда братья заимели более двадцати приисков, а капитал их фирмы начал исчисляться миллионами. Наверное, данным обстоятельством и объясняется тот факт, что Закир Рамиев заявил о себе во весь голос только в годы первой русской революции, реализовав несбыточные, как казалось некогда, мечты.

После долгих проволочек он, наконец, добивается разрешения на открытие татарской газеты, которая под названием «Вақыт» («Время») стала выходить с 21 февраля 1906 г. в Оренбурге. Он трепетно относился к своему детищу. Заботясь о внешней и содержательной стороне этого дела, он создает собственную типогра-

фию, снабжает ее современным оборудованием, бумагой высшего качества, собственноручно изготавливает для заголовка газеты клише на одном из лучших образцов арабской каллиграфии. По полиграфическому исполнению «Вақыт» считалось лучшим изданием в мусульманском мире России. Вскоре у Рамиева появляются единомышленники: один из пионеров татарского книгопечатания в Оренбурге, писатель Фатих Карими и видный религиозный деятель Риза Фахрединнов. Первый начал работать редактором «Вақыт», а для Фахрединнова, уважая его возраст и склонность к спокойным, кропотливым исследованиям, Закир Рамиев основывает двухнедельный общественно-политический журнал «Шура» («Совет»), первый номер которого вышел 10 января 1908 г.

Оба издания сразу же превратились в своеобразный центр притяжения творческой молодежи. Отсутствие всякого диктата со стороны хозяев, неукоснительное следование девизу – «служить делу еще большего распространения среди мусульман научных знаний и просвещения», а также щедрое материальное вознаграждение (жалованье, которое Рамиев платил журналистам, называлось ими «министерскими») – все это способствовало успеху изданий. Именно на страницах этих изданий была опубликована большая часть поэтического наследия Дэрдменда, положившего начало великой тайне поэта, не разгаданной полностью и по сей день.

Если просветительская деятельность и меценатство уральского золотопромышленника имели широкий общественный резонанс (Рамиевы жертвовали огромные суммы на нужды образования, в помощь голодающим и малообеспеченным), то творчество и личная судьба Дэрдменда для многих, даже для близких ему людей, представлялись явлением малообъяснимым и уникальным. И дело не только в том, что поэт уже при жизни ставший классиком, совсем не торопился навязывать свое настоящее имя читательской аудитории. Непонятны были настроения человека, который с юности мечтал о появлении национальной литературы, широкого просветительского движения, но в долгожданный момент пробуждения народного самосознания, расцвета татарской культуры вдруг взял совершенно иную ноту, запев невыразимо грустные песни:

*Нет, не алтын, а глина эта эпоха,
Нет, не пойму, кому желанна эта эпоха,
Она была игрива, молода в мои дни,
А сегодня стара, даже старуха, эта эпоха¹.*

¹ Подстрочный перевод с тат. яз.

Загадочным казался и затворнический образ жизни поэта, избегавшего шумных собраний, многочисленных дружеских связей. Круг его общения ограничивался, в основном, семьей. Невероятно привязан был он к своей матери, которая после смерти мужа проявила недюжинную деловую хватку, сохранив фамильные золотые прииски для юных еще сыновей. Помощь Шакира – старшего брата и, пожалуй, самого близкого друга, стала определяющей в судьбе Дэрдменда. Шакир, почувствовав, что интересы Закира все более и более склоняются в область духовных приобретений, полностью освобождает его от повседневной, рутинной работы по управлению горными выработками. Почти круглый год Рамиев проводил вместе с женой и дочерью в загородных имениях, которые большей частью располагались на принадлежавших ему приисках. Суровая уральская природа и относительное безлюдье были предпочтительнее суетности губернского города. Лишь зимой Дэрдменд возвращался в Оренбург, но и здесь он редко покидал стены своего особняка, коротая время в богатой библиотеке, занимаясь чтением или сочинительством. Об эрудиции поэта ходили легенды, а по достоверным источникам известно, что он прекрасно знал труды представителей мировой литературной классики и философии.

Постепенно в общественном сознании сформировался полумифический облик поэта: человек высоких нравственных качеств, талант, отмеченный печатью божьей и одновременно чопорный аристократ, презирающий все низменное, от скуки занимающийся искусством. Тот, кто знал Дэрдменда, отзывался о нем с восхищением и почтительностью. «Он говорил очень мало, тихим и неторопливым голосом, – вспоминал З.Башири, – мысль, которую он хотел высказать, пояснял коротко, тремя словами». Фатих Карими, ближайший сподвижник Дэрдменда, характеризовал его следующим образом: «Он был врагом всякого лицемерия, обмана, притворства, двуличия. Все старался говорить прямо. Его слово всегда было твердым – об этом свидетельствуют документы, векселя». Об этом свидетельствует и его поэзия. Будучи искренним и честным художником, Дэрдменд создал в своей поэзии особый тип героя, который не призвал сражаться с установившимся порядком жизнеустройства, не обличал, не угрожал сильным мира сего, не богохульствовал, а искал собственный идеал красоты. Век не соответствовал «великой музыке бытия», все-таки в нем, в веке, было больше дисгармонии и аритмии, глубоко чуждых сердцу художника. Ветер Отчизны, доносивший «обиженные голоса», уже в скором времени предрекал «неслыханные перемены, невиданные мятежи» (А.Блок). И, наверное, псевдоним Рамиева – Дэрдменд, что значит «страдающий», «опечаленный», отнюдь не прихоть поэта, а состояние его души.

Он многое напророчил о своей судьбе и судьбах Отечества, назвав смертью страсть людей, сошедшихся в классовых боях революции под знаменем великого отречения и лютой ненависти.

*Возликовала страна,
воспарили над нею ангелы,
В злобе огнем расплевался шайтан...²*

Это уже был не его мир. Теперь единственной надеждой и утешением для поэта осталась родная земля – горы, поля, реки, прах предков, язык и песни его народа. Он никуда не бежит и не спасается. Добровольно передает все свое имущество Советам, переезжает из Оренбурга в Орск и продолжает писать «Пусть друга нет ни одного кругом, но вся страна не может быть врагом». С этим убеждением он и прожил до конца своих дней. В октябре 1921 г., возвращаясь из Оренбурга в Орск, Закир Рамиев сильно простудился (по другим сведениям, заболел тифом) и вскоре скончался.

*Веют ветры, текут пески...
исчезает след...
Скорби, горестная душа, и мы умрем!³*

Это, пожалуй, единственное из предсказаний поэта, которому не суждено было сбыться. И хотя исчезла, затерялась его могила, и были годы невольного отчуждения от его поэтического наследия, можно сказать словами Сибгата Хакима: «Дэрдменд живет».

Вспомним Дэрдменда, прежде чем обвинять его эпоху в торжестве безнравственности и трагической безысходности. О миллионере начала XX века, мечтавшего не о бешеных прибылях и саморекламе, а об открытии газет и школ, расцвете искусства. О поэте, сторонившегося конъюнктурных тем, о скромности и самокритичности литератора, так и не издавшего при жизни ни одного сборника своих стихов.

*Сказали мне: в несчастную страну,
Бедняга, ты влюбленным оставался,
Я багровел, бледнел, я шел ко дну.
Что отрицать? Я молча соглашался⁴.*

² Подстрочный перевод с тат. яз.

³ Подстрочный перевод с тат. яз.

⁴ Перевод Н.Беляева.

Гаяз Исхаки (1878–1954)

Классик татарской литературы Гаяз Исхаки был невероятно популярен среди своих современников. Так, художник Баки Урманче, вспоминая шакирдские годы, рассказывал писателю Амирхану Еники, как ему довелось увидеть живьем Гаяза Исхаки. «*Кулын үбеп күрештем», дип сөйләгән иде»,* – писал об этом А.Еники⁵. Разговор происходил еще в 1980-е гг., и лишь им, бывшим шакирдам, заставшим закат эпохи Татарского Возрождения, было понятно величие фигуры Исхаки. Большинство татар, выпускники советских школ, так и не открыли для себя литературное наследие Гаяза Исхаки.

До 1917 г. Гаяз Исхаки был кумиром молодежи, его портретом украшали свидетельства об окончании медресе, ученические тетради. Художественные произведения Гаяза-эфенди охотно раскупались, пьесы ставили татарские театральные труппы. Основные персонажи его прозы – духовенство (муллы, абыстай и т.д.), мугаллимь (преподаватели), шакирды (студенты), купцы и члены их семей. Современники называли героев произведений Исхаки «нашими культурными типами». Своих героев Гаяз Исхаки «подсматривал» из собственного окружения. Многие автобиографические моменты потом нашли отражение в его прозе. Писатель стал первым литератором, который показал татарскую повседневность, не приукрашая, без осуждения и назидания. Он часто обращался к социально-бытовой тематике, описывал знакомые всем детали, затрагивал самые деликатные моменты из жизни народа. С одной стороны Г.Исхаки критиковали, с другой с нетерпением ждали его новые рассказы и повести.

Будущий писатель родился в 1878 г. в д.Яуширма Чистопольского уезда третьим ребенком в семье сельского муллы. По словам самого писателя, представители их рода на протяжении трех столетий посвящали себя религиозной службе. К такой деятельности готовили и его. Он рос оченьмышленным ребенком, рано проявил интерес к учебе. Читать научился еще в пять лет, благодаря бабушке со стороны матери – Махфузе остазбике. Затем будущий писатель учился в медресе своего отца, в родной деревне. Здесь надо отметить, что семья была приписана к сельской общине д. Лашманка Бугульминского уезда Самарской губернии и сам писатель официально считался крестьянином этой деревни.

⁵ Еники Ә. Шәхес // Баки Урманче и татарская культура. Казань, 2005. Б.152–153.

Кроме отцовского медресе, Гаяз Исхаки учился еще в Чистополе у Закира-ишана Камалова, в медресе которого его отправили в 12-летнем возрасте. В 15 лет он уже учился в Апанаевском медресе в Казани. Одним из его учителей был Ахмет-Хади Максуди.

Исхаки – один из немногих авторов, детально прописавших быт и мироощущения учащихся татарских медресе. Особое место в этом ряду занимает роман «Мулла бабай» (1910), который можно назвать энциклопедией шакирдской жизни. Уже сразу после появления критики отмечали историко-этнографическое значение произведения. Главный герой – Халим, сын «мужика», которого отправляют учиться в медресе небольшого городка. Новоиспеченный шакирд с трудом привыкает к студенческой жизни, терпит издевательства старших товарищей. Но Халим быстро усваивает учебный материал, завоевывает уважение других учащихся. Через несколько лет Халим оставляет свое медресе и продолжает учебу уже в Казани. Казанское медресе встречает героя более жесткими нравами. О шакирдской жизни повествуют и другие произведения писателя. Это и повесть «Жизнь ли это?» и многочисленные рассказы.

После обучения в Апанаевском медресе, Гаяз Исхаки продолжил образование в Казанской татарской учительской школе. Его друзьями были Садри Максуди, Фуад Туктаров, также студенты КТУШ того времени. После окончания этой школы, некоторое время преподавал географию и историю в знаменитом медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Но из-за резкого ухудшения зрения у отца, он был вынужден возложить на себя обязанности имама в родной махалле. Однако литературно-публицистическая деятельность привлекала его сильнее и, как многие другие сыновья мулл того времени, он решил нарушить семейную традицию и оставил религиозное поприще.

В прозе Гаяза Исхаки, посвященной жизни шакирдов, литературные персонажи нередко сталкиваются с дилеммой – как жить дальше, а их ли это дело? Безусловно, непонимание между старшим и молодым поколением всегда имело место, но именно на рубеже XIX–XX вв. конфликт поколений проявился особенно остро. Это было связано и с экономическими факторами, и со сменой морально-нравственных ориентиров в обществе. Например, именно в это время особенно актуальным стало светское образование. Гаяз Исхаки тоже мечтал продолжить образование в высшем учебном заведении, правда его мечта осталась нереализованной. Эта тема поднимается в пьесе «Противостояние». Герой пьесы, сын купца Закир отказывается заниматься привычным занятием

своей семьи и готовится к вступительным экзаменам в университете. На мольбы родителей герой пьесы не обращает внимания. Автору удалось уловить общую тенденцию, когда молодое поколение купеческих семей (а также отпрыски мулл) отказывались от традиционного уклада жизни, предпочтя судьбу интеллигента. Герой пьесы Закир так и не сумел поступить в университет, помешали различные бюрократические препоны.

Многие герои пьес и прозы Гаяза Исхаки сталкиваются с необходимостью изучения русского языка. Это еще одна характерная тенденция этой эпохи, верно подмеченная писателем, которая была обусловлена не только государственной политикой в отношении инородцев, но и их личным желанием конкурировать с русскоязычным населением в профессиональной сфере. Среди татарской городской молодежи становится популярным изучение русского языка, в том числе через произведения русской классики. К слову, Гаяз Исхаки перевел на татарский язык некоторые произведения А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, но больше всего ценил рассказы А.П.Чехова. Так, молодой прогрессивный просветитель Мансур из романа «Нищенка» прототипом, которого был сам писатель, буквально живет произведениями великих русских писателей. Он признается в том, что всегда восхищался высотой и ясностью их мысли, необычайной проникновенностью лиризма.

В силу тревожной общественно-политической ситуации, складывающейся в стране, Гаязу Исхаки не удалось спокойно заниматься литературно-журналистским трудом. Кроме этих занятий, в этот период он пытается улучшить свое материальное положение с помощью коммерческой деятельности. В 1904 г. в Казани писатель становится владельцем небольшой чайной «Караван-Сарай» в доме Апанаева на улице Московской. Судя по всему, в покупку были вложены средства жены писателя Марьям Фатхутдиновой, именно на нее была оформлена недвижимость. В заведении собиралась преимущественно татарская молодежь, что не могло не вызвать подозрения у жандармерии. Тем более об этом в самых ярких красках их осведомляли тайные информаторы из числа той же молодежи. Гаяз Исхаки в жандармских сводках называют руководителем подпольной шакирдской организации «Бреги» («Берек»), а в чайной проходят обыски. Вскоре владельца заведения общепита обвинили в сокрытии доходов (в сдаче нескольких комнат в аренду), и не соблюдении санитарных норм. Писатель к тому времени считался уже политически неблагонадежным лицом. Это было началом долгого периода скитаний писателя. Несмотря на жизненные трудности и новые испытания, Гаяз Исхаки про-

должал заниматься любимым делом. Так, жандармы вместо нелегальной литературы чаще всего сталкивались в его личных архивах с записными книжками с фрагментами описаний будущих персонажей, сюжетных линий и т.п. записи.

Одна из главных линий в творчестве писателя – это тема любви и брака. В его рассказах и пьесах можно проследить жизнь татар от сватовства до семейных драм в глубокой старости. Гаяз Исхаки первым обратил внимание на проблему смешанных брачных союзов, разводов, многоженства, браков по расчету. Некоторых критиков даже раздражала чрезмерная откровенность Гаяза эфенди. Например, в рассказе «Остазбика» («Жена муллы»), после многих лет бездетного супружества, жена хазрата Сагида уговаривает мужа Вахида жениться во второй раз. Автор поэтично описывает их семейные взаимоотношения, переживания первой супруги перед никахом мужа. Сагида абыстай сама выбирает невесту для мужа из числа своих учениц. Но появление долгожданных детей не приносит счастья данной семье. Если в «Остазбике» писатель делает ненавязчивые выводы, то в более раннем произведении – пьесе «Жизнь с тремя женами» многоженство критикуется прямолинейно. Эта комедия неоднократно ставилась на различных сценах. Несмотря на редкость многоженства среди татар, проблема вызвала оживленные споры.

Еще один популярный сюжет в татарской литературе конца XIX – начала XX в. – проблема браков по расчету, когда решения за жениха и невесту принимали их родители. Конфликт, обычно, обострялся при помощи историй о тайном возлюбленном брачующейся, за которого она мечтала выйти замуж. Как модный писатель своего времени, не обошел такую тему и Гаяз Исхаки. Например, об этом рассказ «Татарский ум», где купец выбрал для своей единственной дочери отличную, по его мнению, партию. Девушка была недовольна решением отца. В конце концов, несчастная молодая женщина умирает от тоски. Такие примеры имели место, в том числе и в купеческих семьях. Не менее известна пьеса Г.Исхаки «Алдым-бирдем» («Сделка») об этой же проблеме. К слову, спектакль именно по этой пьесе 24 апреля 1917 г. труппа «Сайяр» представила вниманию участниц первого Всероссийского съезда мусульманок⁶. На съезде обсуждались схожие проблемы семьи и брака, права мусульманской женщины.

⁶ *Карам Г. «Хажі эфэнде өйләнә», «Алдым, бирдем», «Зеләйха», «Шомлы адым»ның Мәскәүдә уйналуы // Габдулла Кариев: тарихи-документаль җыентык / төз.-авт. М.Г.Арсланов. Казан, 2011. Б.281.*

Семейные конфликты в своих произведениях Гаяз Исхаки часто разрешал при помощи развода. К слову, и сам писатель состоял в разводе. При этом он дважды женился и разводился с одной и той же женщиной. Впервые Гаяз Исхаки женился на Марьям Фатхутдиновой (дочери Ф.Шарипова) в 1903 г., окончательно развелся в 1908-м. Архивные документы не объясняют эти семейные взаимоотношения, но сам писатель вполне откровенно пишет о них в автобиографической повести «Зиндан». В период жандармских гонений, в 1906 г. Исхаки возвращается в родное село. Вместе с маленькой дочкой приходит повидать его и бывшая жена Марьям. Она была без сопровождения других взрослых женщин и оказалась наедине с бывшим мужем, в его доме. Во избежание сплетен и домыслов, Исхаки еще раз женился на Марьям.

В этом браке в 1905 г. родилась единственная дочь Сагадат, впоследствии воспитывал её Гаяз эфенди сам. Она эмигрировала вместе с отцом и занималась научной деятельностью. Бывшая жена Г.Исхаки осталась в Советской России. Её второй брак тоже оказался неудачным. Уже перед смертью, он признавался дочери, что, возможно, виноват перед бывшей супругой и пусть она попросит у матери прощения за него. Марьям умерла в 1970 г. в Казани, Сагадат Чагатай в 1989 г. в Анкаре. Неизвестно, встретились ли мать и дочь.

Что касается литературных произведений Гаяза Исхаки, если в одних случаях (например, рассказ «Зять») развод был результатом созданного родителями брака, где одна из сторон преследовала лишь меркантильные интересы, то в других (роман «Нищенка») речь идет как о мировоззренческих разногласиях супругов, так и об эмансипации татарской женщины. Альтернатива семье, по мнению Гаяза Исхаки, это получение образования и самостоятельная жизнь. Так, и в романе «Нищенка» нетипичная героиня Сагадат проходит путь от уличной попрошайки до студентки Петербургского университета. Но в реальной жизни такие женщины были большой редкостью.

Писателя можно по праву назвать одним из идеологов татарского «женского вопроса». Однако в газетных публикациях он старался предостеречь развитие женского движения от опасных последствий. «Смысл женского вопроса не возвращение в женщинах враждебных чувств к мужчинам, а в том, что нужно установить у обеих сторон чувство взаимного уважения и в голове, и в сердце», – писал он в 1914 г.⁷

⁷ Исхакий Г. Әсәрләр. 15 томда. Т.6. Казан, 2005. Б.234–235.

На годы Первой мировой войны приходится активный период творчества Гаяза Исхаки. До этого почти шесть лет он находился либо в тюрьме, либо в ссылке, либо жил на нелегальном положении, постоянно меняя паспорта. В 1906 г. писателя обвинили в революционной пропаганде, хранении прокламаций и осудили на три года, отправив в ссылку в г. Пинега Архангельской губернии. Но писатель не дождался окончания срока и сбежал. До этого он отправил официальное прошение с просьбой заменить ему ссылку на выезд за границу, ему это разрешили, но ссыльный сбежал из Пинеги за три дня до получения официального ответа. В это время он периодически проживал в Турции, Санкт-Петербурге, Финляндии. Скитания отразились на здоровье Гаяза Исхаки, например, в этот период у него появились гастроэнтерологические проблемы. Да и литературный труд требовал огромных душевных сил. Гаяз Исхаки с ранних лет страдал невротическими расстройствами, так из-за этого во время учебы в Казанской татарской учительской школе он предпочитал снимать отдельную квартиру.

В 1912 году его арестовали, и вновь отправили в Архангельскую губернию, в г. Мезень. Во время второй ссылки он тяжело переносил белые ночи и почти ничего не писал. В 1913 г. в связи с 300-летием династии Романовых его освободили досрочно, но казанским губернатором ему было запрещено нахождение в Казани. Поэтому в годы войны он занимался журналистской деятельностью в Москве и Санкт-Петербурге. Некоторое время друзья снимали ему квартиру в Верхнем Услоне, ведь своей литературно-публицистической деятельностью он был неразрывно связан с Казанью.

В эти годы Гаяз Исхаки организовал собственное издательство для издания своих сочинений. Это была, очевидно, еще одна попытка улучшить и материальное положение, т.к. несмотря на невероятную популярность литературных произведений, из-за побега и нелегального статуса, не все договоренности с издательствами выполнялись с соблюдением авторских прав. Пожалуй, самым удачным был опыт сотрудничества Гаяза Исхаки с издательством «Гасыр» под руководством Ахмет-Гарая Хасани. Они издавали его произведения вплоть до 1917 г.

После февраля 1917 г. громким событием татарской культурной жизни стала постановка пьесы Гаяза Исхаки «Зулейха», посвященная новокрещеным татарам. Пьесу он писал во время своих нелегальных скитаний. Обращение к этой болезненной теме было неслучайным, в родной деревне Исхаки тоже были похожие семьи «отпавших» татар. Но показ на театральной сцене стал возможен

лишь после февральской революции. В 1917 г. Гаяз Исхаки, наконец, смог легально приехать в Казань, уже как свободный человек.

Вот как вспоминал писатель революционное время в 1931 г.: *«Впервые открылась дорога к свободному творчеству, когда можно было вынести на суд общественности то, что считаешь нужным своему народу и чего требовала твоя совесть. Из-за того, что в течение 300 лет игнорировались все наши национальные вопросы, они все стали первоочередными»*. Также он отмечал незрелость политической жизни татар и появление на этой арене сомнительных лиц – авантюристов, готовых на волнах революции и на фоне «моды левизны» пожертвовать интересами нации⁸.

Как известно, Гаяз Исхаки не принял Советскую власть. После октября 1917 г. он надеялся на демократичное решение вопроса о государственном переустройстве, с этой целью участвовал даже на Версальской мирной конференции. Однако все его попытки были тщетными.

Будучи в эмиграции он продолжал литературную деятельность. Произведения этого периода разнообразны по тематике и жанру. Это и мелодраматическая повесть «Көз» («Осень»), комедия «Жан Баевич», историческая повесть «Олуг Мөхәммәд», сказка «Лукман Хаким». Но все они объединены обращенностью к татарской культуре в самых разных ее проявлениях. В первую очередь, Гаяз Исхаки писал о недавнем прошлом – татарской повседневности начала XX в.

Из эмигрантского художественного наследия писателя особо следует выделить пьесу «Дулкын эчендә» («В пучине»), посвященную Первой мировой войне. Как отмечал сам Г.Исхаки, это первое художественное произведение, написанное им уже в Европе, *«после избавления от большевистского джаханнама (преисподни)»; «плод тяжелых впечатлений, оставленных тысячами событий»* недавней войны⁹. Главная героиня пьесы – жительница Казани, молодая вдова Разия. Через ее личную драму автор преподносит все тяготы и ужасы этого времени: мобилизацию и дефицит, раненых солдат и военнопленных, беженцев и сирот войны, смену власти и конфискацию имущества. В конце пьесы бедная вдова получает ярлык «буржуйки и кровопийцы». Данное произведение – наиболее фактурный и яркий опыт художественного осмысления событий Первой мировой войны в татарской литературе. В пьесе нашли отражение и те проблемы с которыми на протяжении всей войны на страницах татарских газет выступал

⁸ Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жъентык. Казан, 2011. Б.96–97.

⁹ Исхакий Г. Әсәрләр. 15 томда. Т.5. Казан, 2009. Б.276.

журналист Г.Исхаки. Например, это судьба карских мусульман. Так главная героиня Разия усыновляет сироту Шавката. Г.Исхаки выдвигал на первый план идею единства мусульман и тюрок даже в самых страшных условиях войны.

Эта же идея лежит в основе другого произведения – повести «Өйгә таба» («Домой»), написанной в Берлине в 1922 г. Главный герой – полковник Тимергалиев страдает от амбивалентной идентичности: с одной стороны он – офицер русской армии, с другой – мусульманин тюркского происхождения. Он воюет на Кавказском фронте и особенно тяжело ему видеть страдания местного гражданского населения – мусульман. В этой повести опять акцентируется внимание на трагедии карских мусульман, которые стали жертвами не только османской армии, но и своих войск. Выжившие женщины, старики и дети были вынуждены скрываться от всех в лесах, вдали от собственных жилищ. Полковник Тимергалиев, в конце концов, решает, что его место не в русской армии. В этом произведении воплощаются самые смелые фантазии писателя: после долгих колебаний отряд мусульманских солдат переходит на турецкую сторону. Очевидно, в метаниях полковника можно увидеть и колебания самого писателя-эмигранта. Однако главный герой повести «Домой» не успел насладиться наступившей в душе гармонией, он умирает от полученных ран, сразу после сдачи противнику.

Некоторые произведения эмигрантского периода Г.Исхаки написаны на турецком языке, тематика их тоже связана с повседневной жизнью турецкого общества. Вероятно, писатель рассчитывал на успех и у турецкого читателя. Например, таким можно считать рассказ «Тәүбәгә килгән хатын» («Покаявшаяся женщина»), пьеса «Хәят юлында» («На жизненном пути»). Но, особенно любопытна в этой связи повесть «Дочь татарина» («Татар кызы»), рассказывающая о жизни татар-эмигрантов. Герои повести – люди средних лет с тоской вспоминают о далекой Родине, поют татарские песни и учат своих детей татарскому языку и обычаям. Каждый из них лелеет в душе надежду о возвращении в родные края. Главная героиня повести – Джамиля. Она родилась в смешанной семье – стамбульской турчанки и татарина-эмигранта, выходца из Казанской губернии. Брак ее родителей распался, когда Джамиля была еще маленькой. Своего отца она узнает, будучи взрослой, и открывает его с неожиданной стороны, как любящего семьянина, щедрого и милосердного, преданного своему делу, человека прогрессивных взглядов. Ее отец был далек от того образа грубого татарина, который долгие годы рисовала в воображении дочери мать Джамиля. В этой повести, написанной в 1942 г., чувствуется

некоторое разочарование, подчеркиваются различия в менталитете двух родственных народов – турок и татар.

Что касается ситуации в России, то пьесу Г.Исхаки «Зулейха» ставили и в начале 1920-х гг. Но уже во второй половине 1920-х гг. изучение наследия «буржуазного писателя», «контрреволюционера» Гаяза Исхаки стало подвергаться резкой критике. Например, в газете «Красная Татария» 25 августа 1928 г. вышла статья А.Саади (Габдрахман Сагди) «Лицо татарской интеллигенции», где критиковались преподаватели Восточно-педагогического института, посмевшие предложить изучение «чистой литературы», отделяя ее от политики. Одной из ключевых фигур такой литературы признавался Гаяз Исхаки. Всем известно, как сложились судьбы защитников татарской литературной классики.

Как у настоящего художника, интуитивная тревога за татарскую нацию была у писателя еще в начале творческого пути. Так еще в 1904 г. Гаяз Исхаки создал фантастический роман «Вырождение двести лет спустя». Он предупреждал татарский народ о возможном печальном исходе. Единственным выходом Гаяз Исхаки считал избавление от невежества.

Только невежеством некоторых людей можно объяснить и жизненные трудности писателя, и вынужденное забвение его имени. Ведь в них очень часто были виноваты не только определенный режим или же идеология, а обычные люди. Именно их страхами, доносами и предательством подпитывались все режимы. Самое печальное, что все это происходило внутри татарского общества, среди тех самых татар, которых так любил писатель Гаяз Исхаки.

Умер классик татарской литературы в 1954 году в Анкаре.

Галиаскар Камал (1879–1933)

Холодным морозным днем 6 января 1879 г. в доме Хайруллы Халиуллина на Фуксовской улице в семье мастера-скорняка Галиакбера Камалетдинова и его жены Маугизы Хабибуллиной родился долгожданный первенец, которого приходской мулла записал в метрику под звучным именем Галиаскар. Для главы семейства это было, наверно, самым радостным событием со времени переезда его из родной деревни Сикертан, что в Заказанье, в губернский центр, где он в течение нескольких лет трудился на крупных казанских баев, промышленявших выделкой и продажей меховых изделий.

Немногословный, жесткий, с твердым, волевым характером, Галиакбер Камалетдинов был известен в Старотатарской слободе как необычайно старательный и добросовестный человек, знавший цену своему труду и считавший каждую заработанную копейку. Наверно, поэтому он никогда не задерживался подолгу на одном месте, подыскивая для своей семьи удобные, но относительно недорогие квартиры. Вот почему жизнь Галиаскара – будущего татарского драматурга и одного из основателей национального театра – началась на постоялом дворе владельца артели извозчиков Х.Халиуллина, известного среди мусульман под прозвищем Сувор Хайрулла, а детство прошло в доходных домах, находившихся в самых разных уголках татарской Казани. Некоторое время семья Камалетдиновых жила в махалле Усмановской мечети в доме Ф.Монасыпова на Тихвинской улице (ныне ул.Тукая, д.5), неподалеку от городского рынка, где маленький Галиаскар часто и с большим интересом наблюдал за представлениями кукольного балагана. Эти импровизированные спектакли настолько увлекали мальчишек, что они пытались сами у себя во дворе поставить «кукольную комедию».

Впрочем, в конце XIX в. не только мусульманские дети стремились постичь тайны неведомого прежде искусства. К этому времени в Казани появились первые национальные драматурги: Г.Ильяси и Ф.Халиди, чьи произведения, перечитывая по 40–50 раз, Галиаскар Камал в конце концов выучил наизусть. В 1893 г. он поступил на учебу в самое передовое мусульманское учебное заведение города – медресе «Мухаммадия», где под началом Г.Баруди начал изучать не только религиозные, но и светские науки. В это же время шакирд регулярно посещает так называемый русский класс учителя Миргаяза Иманаева, поощрявшего литературные и театральные увлечения своего подопечного. Кстати, мало кто даже из самых близких друзей знал, что Галиаскар втайне от родителей и наставников стал постоянно ходить на дневные представления городского театра и (почти ничего не понимая по-русски) был в курсе всех его премьерных постановок. В медресе «Мухаммадия» он познакомился с турецкой драматургией и не без ее влияния в 1898 г. написал свою первую драму «Несчастный юноша», затем драму «Три несчастья» и переводную пьесу «Жалкое дитя». С помощью М.Иманаева Г.Камал получает разрешение цензора и публикует свои литературные опыты в типографии братьев Каримовых. Таким образом к окончанию медресе в 1900 г. он становится известен как подающий надежды национальный драматург и писатель.

Однако у богатых мусульман махалли были другие виды на талантливое и прекрасно образованное выпускника «Мухаммадии». Дело в том, что в конце XIX в. купец второй гильдии богатый торговец меховыми изделиями Садык Сахипович Хайбуллин решил утвердить свое влияние в общине постройкой деревянной мечети на месте старого татарского кладбища. Имамом в новом храме купец желал видеть своего человека, желательно родственника. А так как в его семье не нашлось подходящей кандидатуры на должность муллы, он решил женить представительного и перспективного сына мастера-меховщика на своей дочери Биби-гайше с тем, чтобы он стал главой вновь образованного мусульманского прихода.

Для Галиаскара такая выгодная партия сулила обеспеченное будущее и возможность спокойно заниматься писательским трудом. Несмотря на явную болезненность невесты, он согласился на брак, но муллой быть категорически отказался. После недолгих препирательств стороны пошли на компромисс, и Галиаскар решил стать книготорговцем. Но для честолюбивого купца и этого было достаточно. В 1900 г. была сыграна свадьба, а в 1902 г. С.С.Хайбуллин подарил молодой чете только что построенный им двухэтажный дом со всей обстановкой на Большой Мещанской улице (ныне ул.Нариманова, д.48). Успешно пошла и предпринимательская деятельность Галиаскара Камала. В 1901 г. он учредил фирму «Магариф», которая вплоть до 1905 г. обеспечивала мусульман-казанцев лучшими образцами турецкой, западноевропейской, русской и татарской литературы.

Годы первой русской революции обозначили новый этап в жизни литератора, с головой окунувшегося в журналистскую деятельность. Он успел поработать практически во всех национальных изданиях того времени. Причем для него почти ничего не значила политическая ориентация газеты. Искренне сочувствуя бедному люду, порой разделяя радикальные устремления учащейся молодежи, Камал обладал довольно гибким мышлением, остро чувствовал изменения в настроениях общества. Поэтому он свободно менял кадетскую, либеральную прессу («Казан Мухбире», «Азат») на так называемую революционно-демократическую печать («Азат Халык», «Эль-Ислах», «Яшен») и вновь возвращался к буржуазным изданиям («Юлдуз»).

Камал как журналист старался отразить мнения всех слоев татарского социума, переживавшего непростые времена культурных преобразований. Наверное, не случайно, что такой человек и стал самым популярным среди мусульман России драматургом и

что именно его переводным произведением 22 октября 1906 г. начал свою официальную жизнь национальный театр.

Все свои классические пьесы Г.Камал написал еще до революции. Причем главными героями его сочинений были представители богатых городских семей, их быт, общественная деятельность, что позволило современникам назвать Камала «татарским Островским». В советское время пьесы Г.Камала «Первый театр» (1908), «Из-за подарка» (1909), «Банкрот» (1911), «Тайны нашего города» (1911) и другие оценивались как сатирические, социальные произведения, зло критикующие аморальную действительность татарской купеческой Казани. На самом же деле смех Камала был добрым и веселым, ну, может, быть, порой ироничным, но ни в коем случае не беспощадным. По сути его пьесы являлись своеобразными городскими анекдотами, в которых зрители татарского театра – в большинстве своем представители европеизированной буржуазии – легко узнавали своих знакомых, родителей, друзей, разного рода комичные ситуации и недавние все известные события.

Для богатого интеллигентного мусульманина истории о невежественных чудаках, боящихся театра, о свадьбах, совершающих лишь ради приданого, о фиктивном банкротстве и притворном сумасшествии должника, о нравах, царящих в Восточном клубе и Мусульманском благотворительном обществе, представлялись не столько сатирой, сколько комедийной интерпретацией нормальной повседневной жизни татарской Казани. Тем более что Камал, сам женившийся в свое время с большой выгодой и исполнявший обязанности старшины Восточного клуба, многие впечатления черпал и из своей личной жизни.

Конечно, творческая биография драматурга складывалась не так гладко и безупречно, как кажется на первый взгляд. Были в ней, наверно, неудачи, разочарования, жесткая состязательность с другими даровитыми авторами. Уже на закате жизни Камал с обидой вспоминал несчастливую реплику Гаяза Исхаки по поводу его первой пьесы «Несчастный юноша»: «Я слышал, ты недавно оперу написал», – язвительно обронил при встрече с Камалом острый на язык писатель. Но в целом судьбу одного из классиков национальной драматургии можно назвать благополучной. Он был, пожалуй, единственным из когорты старейших татарских литераторов, не пострадавшим в годы советской власти. Напротив, умудренный опытом драматург сумел не растерять вдохновение в новых исторических условиях. Он активно сотрудничал с республиканскими газетами, продолжал писать пьесы, занимался переводами.

В 1923 г. Г.Камалу было присвоено звание Героя Труда, а в 1926 г. – народного драматурга. Его счастливое перо пользовалось огромной популярностью у молодой революционной публики, видевшей в злободневных произведениях мастера рождение реалистического, остросоциального пролетарского театра.

Галиаскар Камал скончался 16 июня 1933 г. Зять богатого купца, ученик муфтия Г.Баруди, сотрудник и соратник «кадета» Х.Максуди был похоронен с великими почестями на Братском кладбище Казани – местном советском пантеоне, рядом с могилами самых ярких и убежденных коммунистов «красного» Востока.

Мажит Гафури (1880–1934)

Мажит Гафури, один из самых любимых поэтов татарского и башкирского народов, мог бы по праву называть себя почетным гражданином Казани. Его имя увековечено в названии центральной улицы Новотатарской слободы, отмечено мемориальными досками и музейными экспозициями, оно продолжает жить в памяти тысяч горожан, равнодушных к национальной истории, литературе и искусству.

В городе на Волге поэт провел менее двух лет, однако именно они во многом стали поворотными в его яркой и насыщенной судьбой биографии.

Родился Мажит Гафури в 1880 г. в деревне Илем-Караново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в семье учителя. Рано оставшись сиротой, вынужден был покинуть родной дом и пуститься в бесконечные скитания по России в поисках заработка, крова – и знаний.

Однажды юноше повезло: он оказался в Троицке Оренбургской губернии в знаменитом медресе «Расулия». Его наставником стал прославленный суфистский шейх Зайнулла Расулев, известный не только блестящими знаниями Корана и шариата, но и своими реформаторскими взглядами на многие стороны общественной жизни татарского народа.

В стенах троицкого медресе Мажит Гафури впервые начал писать стихи, причем сатирического плана, высмеивающие одноклассников, безоговорочно подчиняющихся ишану и излишне усердно зубрящих духовную литературу. Понятно, что такой возмутитель спокойствия не мог надолго задержаться даже в самой либеральной мусульманской школе.

Впрочем, мятущийся характер Мажита требовал новых впечатлений, событий, людей. В 1902 и 1903 гг. недоучившийся шакирд учительствовал среди киргизов и казахов, обучая детей грамоте и одновременно пробуя свое перо в прозе и поэзии. Уже в своих первых творческих опытах М.Гафури проявил себя серьезным, вдумчивым художником, обращающимся к наболевшим социальным проблемам. Он был одним из тех, кто во весь голос заявил в татарской литературе тему безысходной бедности и нищеты, не дающей даже самым порядочным и добросовестным труженикам подняться с колен, жить достойно и счастливо. Рассказ Мажита «Жизнь, проведенная в бедности» и стихотворный сборник «Сибирская железная дорога, или Положение нации» (1903) принесли молодому литератору заслуженное признание мусульманской читающей аудитории по всей России.

Правда, в повседневной жизни самого поэта общенациональный успех мало что изменил. Он по-прежнему очень сильно нуждался и не упускал любой возможности, чтобы заработать на пропитание. Гафури часто нанимался к богатым купцам и даже какое-то время трудился на золотых приисках другого классика татарской литературы – Закира Рамеева (Дэрдменда).

В этих суровых буднях Мажита согревала одна светлая мечта. Он с юных лет надеялся попасть в Казань, увидеть легендарную столицу татар, пообщаться с корифеями литературы и науки, определиться со своим жизненным призванием. Мечта сбылась летом 1905 г., когда Мажит, преодолев огромный путь, не просто оказался на казанской земле, но был зачислен шакирдом в самое передовое мусульманское учебное заведение того времени – медресе «Мухаммадия». Здесь он с увлечением принялся за изучение ислама и арабского языка и сразу же обратил на себя внимание педагогов. Руководитель медресе выдающийся религиозный деятель Г.Баруди с особой теплотой относился к старательному ученику, постепенно готовя его к преподавательской деятельности в своей школе.

Этим планам не суждено было свершиться. Революция, многочисленные митинги, выход манифеста 17 октября вывели горячего борца за справедливость из-за ученической парты. В такое великое время, когда вот-вот должны осуществиться чаяния обездоленных и голодных, он, конечно же, не мог сидеть в тихих классах и библиотеках за книгами и конспектами. К тому же в этот период появились первые татарские газеты и журналы, необычайно оживилась общественная жизнь мусульман города.

Гафури как поэт и писатель был нарасхват у издателей, а учащаяся молодежь требовала от него откликов на происходящее в стране и мире. Так появилась самобытная стихотворная публицистика Мажита, отражавшая взгляды политически ангажированной буржуазии и националистически настроенной интеллигенции. Единство нации, требование духовных и социальных свобод, призыв к активной политической деятельности – основные темы его поэзии тех лет.

Следует особо отметить, что революционная эйфория, популярная идея всемирного братства мусульман не закрыли глаза поэта на ужасную и беспросветную жизнь беднейших слоев населения. Не видя перемен в их участи, Мажит начал разочаровываться в шумной, но бесполезной деятельности многих национальных политиков и идеологов, все чаще критикуя татарское предпринимательство за непозволительное для мусульман равнодушие, стремление к роскоши, жадность и стяжательство. Честность, бесстрашие и принципиальность Гафури сделали его настоящим героем в глазах единоверцев, искренним заступником и утешителем обездоленных. Сам Тукай назвал Мажита великим поэтом, хотя отношения двух мастеров вряд ли можно было назвать безоблачными.

К сожалению, Гафури не сумел навсегда связать свою судьбу с Казанью. Уже в 1906 г., после подавления революции и с началом массового преследования неблагонадежных лиц, он оставил полюбившийся ему город и уехал в Уфу, где завершил образование, нашел работу в татарском издательстве, создал семью. Многие из произведений, написанных поэтом в Казани, вошли в ставший знаменитым и «скандальным» сборник «Любовь к нации» (1907), запрещенный царской цензурой и отрицательно оценивавшийся советским литературоведением. В нем, кроме строк на актуальную политическую и социальную тематику, нашли место стихотворения, воспевающие татарскую историю, выдающиеся деяния предков, национальный характер. С годами обличительный пафос в творчестве Гафури только усилился. Страдания народа, вызванные Первой мировой войной, вызвали настоящее смятение в его душе. Поэтическим актом отчаяния можно назвать одно из самых громких произведений в истории татарской поэзии – «Видно, нет тебя, Аллах!» (1915), ставящее под сомнение существование Бога, который допускает неисчислимые бедствия. Хотя считать Гафури религиозным нигилистом вряд ли было бы оправданно. В 1917 г. после Февральской революции он пишет поэму

«Рисалят», которую посвящает образу Пророка Мухаммеда, борového за благоденствие человечества.

В советское время М.Гафури превращается в официального апологета нового победившего строя. В своих повестях «Черноликые», «Ступени жизни», «На золотых приисках поэта», во многих стихах и поэмах он обрушивается с жесткой критикой на старую несправедливую жизнь, искренне радуется восторжествовавшим идеям равенства, свободы и труда. Он оставался честен перед собой и своими читателями, потому что писал о том, что видел, о чем мечтал, и о том, что хотел исправить в несовершенном мире.

Сагит Рамеев (1880–1926)

В начале XX в. в татарской части Казани, наверное, не было ни одного мало-мальски образованного человека, который не знал бы Сагита Рамеева – молодого эпатажного поэта, шокировавшего внешним видом, вызывающими поступками и смелыми стихотворными экспериментами добропорядочное и законопослушное мусульманское общество.

Правoverных раздражала в приехавшем из Оренбурга манера носить европейский костюм, намеренно не брить головы и пренебрегать религиозными обрядами. Зато в среде учащейся молодежи его сопровождала скандальная слава отважного революционера и ниспровергателя вековых устоев.

Сагит Рамеев, появившийся на свет 12 февраля 1880 г. в деревне Акман Оренбургского уезда Оренбургской губернии, принадлежал к знатному татарскому роду, известному еще со времен Волжской Булгарии, и приходился дальним родственником знаменитому поэту и золотопромышленнику Закиру Рамееву – Дердменду. Однако семья его была не богатой. Отец будущего литератора, Лутфулла Рамеев, занимавшийся мелкой торговлей и сплавом леса, никогда подолгу не засиживался на одном месте.

В 1890 г., видя блестящие способности мальчика, родители отдают его на учебу в «Хусаинию» – реформированное мусульманское училище в Оренбурге, которое считалось одним из самых крупных джадидских учебных заведений России. Здесь Сагит провел почти пятнадцать лет, сначала в качестве шакирда, а затем и учителя-мугаллима.

Рамеев был настоящим лидером среди учащихся, и в годы первой русской революции стал активным участником молодежного движения, протестовавшего против застоя в мусульманском образовании и требовавшего незамедлительной и кардинальной реформы всех национальных школ. В Оренбурге Сагит сблизился с эсерами и начал проявлять интерес к политической деятельности. Это обстоятельство и послужило началом полицейских гонений на революционно настроенного преподавателя медресе. Вероятно, опасаясь ареста, он вынужден был в начале 1906 г. спешно покинуть Оренбург и отправиться в Казань к своим друзьям и единомышленникам – писателю Гаязу Исхаки, публицисту Фуаду Туктарову, журналисту Исхаку Бикчурину и другим молодым мусульманским интеллигентам, разделявшим устремления социалистов-революционеров.

В Казани Сагита Рамеева ожидала не менее напряженная работа и полная тревог и опасностей жизнь. Дружба с Гаязом Исхаки, находившимся с 13 декабря 1905 г. в розыске, совместная с ним работа над изданием газеты «Тан юлдызы» («Утренняя звезда») заставляли скитаться по самым дешевым и малоприметным квартирам в постоянном ожидании обысков и ареста. Сагит, в июне 1906 г. ставший официальным редактором «Утренней Звезды» – печатного органа татарских эсеров, сразу же придал ему острую политическую направленность. Помимо материалов, критикующих государственную политику, он начал писать и публиковать первые поэтические произведения, высмеивающие консервативное духовенство и призывающие нацию к прогрессу и просвещению. Особый интерес поэта вызывали революционные песни, которые он с удовольствием переводил на татарский язык. Так, перу Сагита Рамеева принадлежит текст «Татарской Марсельезы», переводы песен «Смело, товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали...» и других, которые появились в отдельных номерах «Утренней Звезды».

Литературная активность поэта была сразу же замечена цензурой и жандармерией. В ночь на 30 октября 1906 г. на квартире редактора был проведен многочасовой обыск, Сагит вместе с ночевавшим у него Г.Исхаки был арестован. Несмотря на то, что состоявшийся 1 ноября суд оправдал С.Рамеева, казанский губернатор 17 ноября 1907 г. закрыл «Утреннюю Звезду» как неблагонадежное издание. В дальнейшем Сагит упрямо пытался восстановить татарскую левую печать в Казани. Однако все попытки, связанные с выходом газет «Тан Мажмугасы» и «Тавыш», оказались из-за преследований властей неудачными.

После ареста Г.Исхаки, закрытия газет и общего снижения интереса в среде молодежи к радикальным революционным действиям С.Рамеев сблизился с кружком «ислахистов» во главе с Ф.Амирханом, ратовавшим в основном за преобразования в культурной и образовательной сферах. К этому времени С.Рамеев был известен уже по всей России как неутомимый общественный деятель, талантливый поэт и журналист. Достаточно упомянуть, что Г.Тукай среди причин, побудивших его приехать в Казань в 1907 г., называл желание во что бы то ни стало встретиться и познакомиться с легендарным Сагитом Рамеевым. Их знакомство вскоре переросло в творческую дружбу, вылившуюся в организацию по-настоящему «революционных» культурных мероприятий в татарской части города.

Литературно-музыкальные вечера, проводившиеся ими в 1908–1910 гг., навсегда остались в истории как первые национальные представления и концерты, объединившие вокруг идей духовного возрождения различные слои татарского общества. С.Рамеев, обладавший красивым голосом и хорошим музыкальным слухом, славился проникновенным исполнением древних народных песен. Однако настоящий фурор на одном из вечеров в январе 1908 г. произвело исполнение им собственного стихотворения, написанного в стиле «рифмованной» прозы «Тан вакыты» («Время зари»), призывавшего татарский народ проснуться от вековой спячки, отвергнуть невежество, бороться за просвещение и прогресс.

Юноши и девушки, увлеченные социалистическими идеями и мечтавшие о скорой и безусловной европеизации всех сторон мусульманской жизни, на ура встретили этот своеобразный поэтический манифест молодого татарского национализма. Но большим количеством интеллигентных мусульман, в целом согласных с благородными призывами поэта, некоторые идеи стихотворения были восприняты без восторга. Излишне радикальными казались утверждения об ошибках отцов и дедов, о напрасной надежде на Бога и покорности судьбе. Вообще, в среде образованных предпринимателей, джадидского духовенства и некоторых деятелей культуры вызвали протест богоборческие настроения в поэзии С.Рамеева, его откровенно враждебное отношение к священнослужителям, к религиозной школе.

Так или иначе, в течение долгого времени Сагит являлся главным героем культурной жизни татарской Казани, возмутителем спокойствия, бесстрашным певцом личной свободы человека. Только он мог громко и с выражением произнести со сцены перед многочисленной аудиторией крамольные строки своих стихов:

«Я» – говорю я убежденно и силу чувствую в душе, цари, и боги, и законы мне сором кажутся уже. Я остаюсь один на свете, свободный, радостный опять».

Впрочем, для мятущегося, темпераментного поэта, не желающего ждать и готового на все ради достижения светлой цели, непонимание общества вылилось в тяжелый личностный кризис, ярко отразившийся в его самобытном творчестве. Пожалуй, первым из татарских литераторов начала XX в. Сагит Рамеев выразил трагический конфликт человека с целым миром, сопровождавшийся глубоким пессимизмом, упадническими настроениями и безысходностью («Обманутый», «Миру», «Веселым я не был», «Пусть смеются» и др.).

Постепенно становилась очевидной бесплодность каких-либо надежд на быстрые и коренные перемены в жизни казанских мусульман. Из-за материальных проблем Сагит устроился на работу в газету «Баян эль-хак» – к своим извечным оппонентам купцам Сайдашевым...

С.Рамеев продолжал писать стихи, пробовал себя в драматургии и прославился как замечательный мастер любовной лирики. Его перо стало более умиротворенным и мудрым, спокойным и гармоничным. Поэт много сил отдавал переводческой работе, стремясь познакомить татарского читателя с лучшими образцами русской и мировой литературы.

Сагит Рамеев покинул Казань – город, сделавший его выдающимся поэтом, в 1910 г. Затем он работал в татарских газетах Астрахани и Уфы. С восторгом встретил революцию и в 1920 г. вступил в РКП(б). До последнего дня (умер в 1926 г.) один из первых татарских социалистов, антиклерикал и убежденный сторонник светского развития нации Сагит Рамеев находился на ответственных должностях, связанных с образованием и печатью. За весь этот большой период он написал всего лишь одно стихотворение – «Мое слово и я сам», не замеченное читателями. Так тихо угасла еще одна звезда татарской литературы «золотого века».

Гафур Кулахметов (1881–1918)

Татарская литература начала XX в. была полем битвы талантливой, часто бескомпромиссной молодежи, мечтавшей своими руками сломать «хребет старой жизни», открыть перед своим народом новые дороги в счастливое будущее. По идеологическим правилам советского времени все они автоматически причислялись к разряду революционно-демократических писателей, разделявших программу большевистской партии. Так у татар появился свой «буревестник революции» и основоположник пролетарской литературы – скромный учитель русского языка, начинающий драматург Гафур Юнусович Кулахметов.

Гафур Кулахметов родился 4 мая 1881 г. в Пензе в семье предпринимателя, совладельца мыловаренного и свечного завода. Правда, дела промышленника шли настолько плохо, что он вынужден был закрыть свое убыточное предприятие и перейти на наемную работу к более удачливым купцам и землевладельцам. Поэтому несколько лет семья Кулахметовых провела в Саратовской губернии, где ее глава трудился управляющим в имениях местных фабрикантов и помещиков.

Несмотря на материальные трудности, сыновья бывшего мыловара Гафур и Каюм получили хорошее духовное образование в родных краях, в медресе деревни Ятмис Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии. Им была уготована участь обыкновенных сельских имамов или же торговцев средней руки, но Юнус Кулахметов решился на переезд в Казань, чтобы занять вакансию старшего мастера на крупном мыловаренном заводе Утямышевых.

Оказавшись в большом городе, признанном центре мусульманского образования и культуры, повзрослевший Гафур наотрез отказался продолжить обучение в приходском религиозном училище, намереваясь поступить в Татарскую учительскую школу, славившуюся прекрасным преподаванием русского языка и светских наук. Можно сказать, что пылкому юноше очень повезло. В период обучения в школе (1898–1902) он попал под особую опеку преподавателя, а затем и инспектора этого учебного заведения известного ученого, педагога и общественного деятеля Михаила Николаевича Пинегина, который благоволил к живому, усердному, стремящемуся к знаниям ученику. Впрочем, в эти же годы Гафур оказался под не менее сильным влиянием местных социал-демократов, успешно агитировавших в стенах учительской школы. Поэтому будущий педагог рано научился вести двойную жизнь: с одной стороны, являясь учеником-«хорошистом» с отличным поведением, с другой

– тайным бунтарем, страстным поклонником Маркса, сторонником немедленных революционных действий.

Именно в этот период Гафур Кулахметов сдружился с Хусаином Ямашевым, стал его ближайшим сподвижником и соратником. Не случайно и то, что он с большой радостью встретил сообщение о назначении учителем в русско-татарскую школу при Первой соборной мечети в Пороховой слободе. Так помимо любимой работы у выпускника Татарской учительской школы появилась возможность вести пропаганду среди рабочих-мусульман, проживавших в заводских районах казанского Заречья. Днем он обучал мусульманских детей грамоте, составлял учебные пособия, а ночью посещал подпольные собрания, переводил революционную литературу на татарский язык, печатал и распространял прокламации.

Постепенно Гафур Кулахметов становится одним из самых известных социалистов мусульманской Казани. Хорошо образованный, интеллигентный, решительный учитель с романтическим имиджем опытного подпольщика, к тому же обладавший несомненным публицистическим и литературным талантом, не мог не быть в числе неформальных лидеров городской молодежи, рвавшейся в бескомпромиссный бой с несправедливостью и отсталостью своего народа.

Наверное, в татарской части города никто не удивился дерзкому поступку Гафура в октябре 1905 г., когда он в составе большой группы радикальной молодежи вместе с С.Н.Гассаром, Н.И.Дамперовым, И.А.Саммером и другими принял участие в захвате здания Городской думы. Вероятно, бунтаря неминуемо ожидала бы тюрьма, если бы его давний покровитель и заступник М.Н.Пинегин не предпринял все меры для скорейшего освобождения своего «заблудшего» питомца.

После выхода из-под ареста и возвращения к учительской работе в жизни, да и в сознании революционера происходит коренной перелом. Гафур по-прежнему увлечен марксистской литературой, публикует острые статьи на страницах первых татарских газет, слышит бесстрашным борцом с самодержавием. Однако в его душе постепенно появляется разочарование, усталость от разрушительного пафоса этой борьбы, растет неприятие открытого цинизма, бездушия некоторых социал-демократических лидеров, осознанного игнорирования ими национальных и религиозных прав татарского народа.

С особой силой эти противоречия проявились в небольшом, но очень самобытном литературном наследии Г.Кулахметова. Когда-то советское литературоведение безоговорочно объявило его

основой нового пролетарского творчества в татарской культуре, свидетельствовавшей об идейной твердости и принципиальности автора. На самом деле именно драматургические опыты Г.Кулахметова – символистская пьеса «Две мысли» (1905) и драма «Молодая жизнь» (1908), принесшие ему общенациональную славу, стали плодом мучительных душевных поисков, отражением глубокой рефлексии молодого интеллигента, пытавшегося найти свое место в неумолимо меняющемся мире.

Интересно, что одновременно с указанными произведениями Гафур Кулахметов пишет драму «Абуджахель» (1907–1908), в которой описывает борьбу пророка Мухаммеда за распространение ислама, уничтожение язычества как великую просветительскую деятельность, ведущую к новой, светлой жизни. Со временем Гафур Кулахметов все более и более отходит от своих юношеских увлечений, становясь внимательнее к национальным и духовным нуждам своих единоверцев. К 1910 г. он из ярко выраженного политического деятеля превратился в видного представителя татарской культуры, отдававшего все свои силы реформе мусульманского образования, становлению периодической печати, книгоиздательской деятельности. Он с успехом преподавал в русском классе при Апанаевском медресе – престижном мусульманском учебном заведении и был кумиром учеников, обожавших «дядю Гафура» за интересные уроки, теплоту и демократичность. В предреволюционные годы жандармские агенты характеризовали Кулахметова как одного из влиятельных лидеров националистической молодежи.

К сожалению, из-за прогрессирующей болезни Гафур Юнусович в 1916 г. был вынужден навсегда оставить Казань и переехать в деревню Татарские Юнки (ныне Торбеевский район Мордовской Республики). Чистый воздух, покой, деревенские продукты помогли ему прожить еще два года. Татарский педагог и драматург Г.Кулахметов скончался в 1918 г. вдалеке от друзей и любимого города. По воспоминаниям современников, в последние дни жизни он сидел на крыльце дома и читал вслух стихи татарских поэтов. Так в гармонии с самим собой завершил свой земной путь человек, когда-то предпочитавший классовым сражениям трудную, но благородную миссию народного учителя.

Фатих Амирхан (1886–1926)

Ближайший друг Габдуллы Тукая, самый проникновенный лирик в татарской прозе начала двадцатого столетия и неистовый, едко-ироничный публицист, чье перо не щадило даже самых уважаемых и влиятельных мусульман, в юности яростный сокрушитель «основ» и мудрый либеральный мыслитель в зрелые годы, кумир нескольких поколений татарской молодежи и бесконечно одинокий человек, так и не понятый своими современниками. Все это о Фатихе Амирхане – знаменитом казанце, чья жизнь повторила драматические коллизии роковой эпохи великих русских революций.

Он появился на свет 1 января 1886 г. в Новотатарской слободе в семье имама мечети «Иске Таш». Род Амирхановых восходил к татарским мурзам Казанского ханства и славился династией выдающихся мусульманских священнослужителей, проповедовавших в самых разных аулах и, конечно же, в губернском центре. Дед будущего писателя Хусаин Амирхан с начала XIX в. возглавлял одну из крупнейших казанских мусульманских общин, являлся видным историком, изучавшим болгаро-татарское прошлое, жизнь и деяния великих предшественников исламского мира. Отец Ф.Амирхана – Мухамедзариф Хусаинович Амирханов был известен как прогрессивный мулла, сторонник новых веяний в национальной жизни. Однако в этой семье всегда особо чтились традиции, а дети воспитывались строго в соответствии с требованиями религии. Поэтому и детство Фатиха прошло под завораживающее чтение Корана и добрые наставления матери – Рабиги абыстай, просвещенной, мягко-сердечной женщины, достойной спутницы Мухамедзарифа хазрета.

Проучившись два года в приходском мектебе, Фатих в 1895 г. по настоянию отца перешел на учебу в медресе «Мухаммадия» – крупнейшее новометодное училище Казани, которым руководил друг М.Амирханова – выдающийся религиозный деятель и педагог Г.Баруди. Десять лет, проведенные в стенах этого мусульманского «университета», и определили дальнейшую судьбу татарского юноши. Здесь он получил блестящее богословское образование, прекрасные знания в истории и литературе Востока и в то же время приобрел первые навыки письменного русского языка и некоторых светских наук.

Открывая для себя новый и удивительный мир, любознательный махдум – сын муллы начал проявлять интерес к русской и европейской культуре и все чаще задаваться тяжелыми вопросами о причинах отсталости восточной цивилизации. Будучи по ха-

рактору лидером, инициативным человеком, Фатих сплотил вокруг себя группу шакирдов, для которых также становились тесными рамки религиозной школы. В 1901 г. он вместе со своими друзьями организовал тайный кружок «Иттихад» («Единение»), ставивший своей целью коренное реформирование медресе, улучшение материальных и бытовых условий учащихся. Помимо издания рукописного журнала, проведения многочисленных собраний строптивные питомцы «Мухаммадии» осуществили в 1903 г. одну из первых национальных театральных постановок, сыграв в медресе, в отсутствие своего наставника Г.Баруди, спектакль по пьесе «Несчастный юноша».

Фатих Амирхан подумывал об уходе из медресе и продолжении образования в Татарской учительской школе, а недостаток знаний пытался компенсировать частными уроками. Так у него появился репетитор – известный казанский социал-демократ С.Н.Гассар. Частое общение с ним и Х.Ямашевым спровоцировало острый интерес Ф.Амирхана к политической деятельности. В годы первой русской революции, когда слово «свобода» одинаково опьяняюще звучало на всех языках и толпы шакирдов «Мухаммадии» гордо носили на руках красные повязки, Фатих бросил медресе, с головой окунувшись в организацию всероссийского движения учащихся «Ислах» («Реформа»). Теперь как представитель татарской молодежи он участвует на всех политических съездах мусульман России, причем весьма критически относится к позиции «отцов нации» – представителям буржуазии и духовенства, придерживавшихся конституционно-демократических взглядов.

Все это окончательно ухудшило отношения молодого «трибуна» с Мухамедзарифом хазретом, который очень тяжело переносил «социалистические» увлечения сына, его сомнительные связи и подчеркнуто светский образ жизни. Весной 1906 г. произошел окончательный разрыв, и Фатих Амирхан покинул родной дом. Некоторое время он жил на частных квартирах и в номерах, продолжал участвовать в шакирдском движении, однако осенью 1906 года, опасаясь преследований полиции, уехал в Москву. Здесь вместе со своим дальним родственником, внуком легендарного Шамиля – Мухаметзагидом Шамилем работал над изданием детского журнала «Тарбиятель Эфталъ» («Воспитание детей»), в котором появились его первые журналистские опыты.

Впрочем, уже весной 1907 г. возмужавший в разлуке Фатих Амирхан вернулся в Казань и, наладив нормальные отношения с отцом, вновь становится вожаком казанской молодежи. Но все оборвалось неожиданно и страшно 15 августа 1907 г. В жаркий

день, возвращаясь с купания, он прямо на улице почувствовал себя плохо и оказался в больнице. Диагноз был беспощаден. Паралич – болезнь, навсегда приковавшая молодого человека к инвалидной коляске. Только воля и характер да еще поддержка друзей и родителей позволили ему справиться с недугом и вновь вернуться к активной общественной и творческой деятельности. Наконец-то осуществилась давняя мечта Фатиха, 7 октября 1907 г. вышел в свет первый номер газеты «Эль-ислах» – наверное, самое смелое и бескомпромиссное национальное издание того времени.

Отстаивая интересы шакирдского сообщества, проповедуя скорейшую и полную реформу всей системы мусульманского просвещения, Ф.Амирхан постепенно превратился в яркого и даже злого публициста, громившего нерешительность баев и мулл, их, как он считал, показную религиозность и равнодушие к нуждам простых людей. В этой же газете вышел первый рассказ писателя «Сон накануне праздника» (октябрь 1907), в котором автор с присущей ему эмоциональностью рассказывал о приснившемся ему национальном светском празднике, где царил межнациональная и социальная гармония. Вообще для ряда последующих произведений Ф.Амирхана, в частности знаменитой повести «Фатхулла хазрет» (1909), стало характерным наряду с беспощадным, часто несправедливым высмеиванием духовенства, создавать художественную утопию о счастливой жизни татар, где было место и для культуры, и для технического прогресса, и для ислама. Конечно, некоторый радикализм литератора можно объяснить его молодостью, желанием скорых и безоговорочных перемен и просто неопытностью. В октябре 1908 г. Ф.Амирхан впервые встречается с приехавшим из Уральска Г.Тукаем. С этого времени начинается личная дружба и творческое сотрудничество двух ярких талантов – в газете «Эль-Ислах», а после ее закрытия в 1909 г. – в журнале «Ялт-Йолт» («Зарница»).

Безвременная смерть поэта многое изменила в жизни Фатиха. Уходили друзья, уходила молодость, менялись окружающие его люди. История, свершавшаяся на глазах писателя, уже давала повод для первых обобщений, для переоценки непоколебимых, казалось бы, взглядов. В 1912 г. он начал сотрудничать в газете «Кояш» («Солнце»), издаваемой купцами братьями Каримовыми. И дело здесь не столько в том, что бывший бунтарь оказался в одном стане со своими извечными оппонентами, сколько в заметной смене идеологических ориентиров. По-прежнему сохраняя замечательное критическое, сатирическое мастерство, Ф.Амирхан старался более взвешенно подходить к оценке людей и событий. На первое место для него выдвинулись теперь не проблемы одной

лишь социальной или возрастной группы, а единство нации, вопросы сохранения и развития языка, культуры, религии, самобытности. В этот период огромную популярность писателю принесли произведения, посвященные духовным исканиям татарской мусульманской молодежи в тревожное время национального и революционного движения. В повести «Хаят» (1911), романе «На перепутье» (1912), драме «Неравные» (1914) и других, написанных в большинстве своем на основе личных впечатлений и жизненных фактов, он раскрыл современникам мятущийся, размышляющий и сомневающийся мир молодых, не готовых, да и не способных во имя даже самой заманчивой мечты, навсегда порвать со своим народом, устоями, традициями и верой.

Эта была естественная эволюция старорежимного татарского интеллигента: от революционного «нигилизма» к либеральным и национальным ценностям, идее общественного спокойствия и согласия. Революцию Ф.Амирхан не принял. Он, искавший во всем красоту и гармонию, с возмущением и болью писал о разрухе, разгуле преступности, о запущенных новой властью памятниках, незаслуженных привилегиях и безнравственном поведении новых лидеров. В то же время Ф.Амирхан приветствовал огромный творческий энтузиазм народа, строившего собственную государственность, развивавшего национальную культуру. Поэтому он помогал многим литературным изданиям, молодым писателям и поэтам, первым татарским композиторам и вокалистам.

Молодежь ему платила тем же. Редкие публичные появления мастера встречались восторженными аплодисментами и перерастали в импровизированные литературно-художественные встречи. Поэт Хади Такташ даже назвал писателя «ханом литературы». Конечно, такая популярность и «подозрительная» общественная позиция не могли понравиться властям. В двадцатые годы в прессе начинают появляться вульгарно-социологические статьи, обвиняющие Ф.Амирхана во всех смертных грехах. Хотя тяжело больному туберкулезом писателя они вряд ли могли сломить или морально уничтожить. Он и так перенес в жизни много личных утрат: кончину родителей, безвременную смерть многих друзей юности, неразделенную и трагическую любовь к дочери чистопольского ишана Шамсеннисе Камаловой...

Последние дни выдающийся татарский писатель доживал в одиночестве, вдалеке от родной Новотатарской слободы, в доме на улице Большая Красная. Он скончался 9 марта 1926 г. и был похоронен на мусульманском кладбище рядом с могилами своего отца, дяди и деда.

Габдулла Кариев (1886–1920)

Татарское культурное возрождение начала XX в. немыслимо без имени Габдуллы Кариева, отважного, энергичного, талантливое человека, сумевшего в крайне тяжелых общественных и политических условиях заложить основы национального театрального искусства. Еще век назад в России не было ни одного образованного мусульманина, который бы не знал или не слышал что-либо о его неутомимой деятельности.

А началось все в ауле Кульбаево Мараса Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне Нурлатский район РТ), где 8 мая 1886 г. в семье отставного солдата, мастера-обувщика родился сын Минлебай. Предопределенный, казалось бы, путь нарушил приезд в деревню просвещенного имама, убежденного сторонника джадидизма Зарифа Камалова, который сразу же принялся за обучение местных детей по новому методу. Среди них самым настойчивым оказался Минлебай Хайруллин, стремившийся во чтобы то ни стало обогнать и удивить сверстников. Обладая прекрасной памятью, хорошим голосом и дикцией, он сумел добиться невероятного для простого крестьянского паренька успеха – выучить наизусть Священный Коран и стать Хафизом, что в те годы сразу же обеспечивало уважение и признание у всех односельчан независимо от возраста, положения и достатка. С этого времени шакирд начал полностью посвящать себя религиозному обучению, помогая наставнику во всех делах медресе. Вскоре Зариф-хазрет, принципиально боровшийся с такими «языческими» именами учеников, как Тимербай, Бикбулат, Биктимер и другими, потребовал, чтобы и Минлебай сменил имя на Габдуллу, то есть Раба Аллаха, что тот без сожаления сделал, превратившись в Габдуллу Хайруллина.

В 1899 г. Зариф Камалов переехал в другую деревню. Габдулла, набравшись храбрости, попрощался с наставником и отправился в дальние края – в город Уральск.

Ожидания не обманули любознательного шакирда. В Уральске он не только нашел высокообразованных преподавателей-богословов, но и подружился с поэтом Г.Тукаем и сыном имама, журналистом, певцом и музыкантом Камилем Мутыги. Последний, получив образование в университете «Аль-Асгар» в Египте, был известен как прекрасный мастер распевного чтения Корана. Круг уральской молодежи, в который он вошел, интересовался татарской и русской литературной классикой и горел желанием поставить спектакль своими силами. Готовясь к нему, Габдулла впервые попробовал себя в качестве артиста и декламатора. Однако в

силу различных обстоятельств премьера его не состоялась. Впрочем, для марасинского юноши это уже не имело принципиального значения. Он твердо решил закончить духовное образование, оставить медресе и посвятить себя искусству.

Летом 1907 г. по совету К.Мутыги Габдулла уезжает на Нижегородскую ярмарку с желанием заработать на продаже газет и найти работу, которая позволила бы ему сводить концы с концами. Торговля у него пошла неплохо, но вырученных средств хватало лишь на еду. Особых перспектив, как оказалось, здесь у него не было. Вокруг в поисках удачи без особого успеха крутились десятки таких же бывших шакирдов. Но неожиданно молодой человек увидел афишу мусульманской театральной труппы под руководством И.Кудашева-Ашказарского, объявлявшей о представлении на летней сцене ярмарочного сада «Фоли-Бержер». Другого шанса у Габдуллы не было, и он взял в прочную осаду основателя первого татарского театрального коллектива с просьбой о приеме в труппу. Правда, тот поначалу ни в какую не хотел брать никому не известного шакирда и уступил лишь личной просьбе Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской. Тем более что поначалу на сцене Габдулла, из-за великого волнения, исполнял роли с полужакрытыми глазами и монотонным голосом, чем выводил из себя Кудашева-Ашказарского. Хотя вряд ли стоит говорить о каком-то выдающемся мастерстве первых национальных актеров, чьей целью были кассовые сборы, от которых в начальный период деятельности полностью зависело их полугодовое существование. Так получилось, что гастрольные 1907 года, успешно начавшиеся на ярмарке, стали определяющими в судьбе как самого Ильяса-бека, так и молодого начинающего артиста, который, несмотря на все трудности, вовсе не собирался покидать своих старших товарищей.

К сожалению, следующие пункты гастрольного маршрута: Касимов, Рязань, Москва оказались для коллектива тяжелейшим испытанием на прочность. Очевидно, катастрофическое развитие ситуации было обусловлено также и неумелым управлением И.Кудашева-Ашказарского, который не любил планировать деятельность и расходы, все вопросы решал сам, не посвящая в них своих товарищей, не мог находить общий язык с наиболее уважаемыми представителями татарских общин. Недовольство в труппе переросло в открытый конфликт, в результате которого И.Кудашев-Ашказарский в декабре 1907 г. вынужден был оставить коллектив. На его место артисты единодушно выбрали молодого и энергичного Габдуллу Хайруллина, наиболее обоснованно и резко критиковавшего

своего предшественника. В феврале «Общество странствующих артистов», окрыленное относительным успехом на родине Камиля Мутыги, выехало на гастроли в Крым. Продолжая гастроли на Кавказе, в апреле 1908 г. татарские актеры, по инициативе Г.Хайруллина, объединились в «Товарищество казанско-кавказских мусульманских артистов» под руководством известного азербайджанского сценического деятеля Хусейна Араблинского. В течение весны – лета этот самобытный коллектив провел масштабный гастрольный тур в Тифлисе, Елизаветполе, Астрахани с постановками азербайджанской, татарской и европейской классики. В это время Габдулла Хайруллин берет себе сценический псевдоним Кариев (читающий наизусть Коран) и получает первую известность как талантливый комический актер. В Астрахани работа пошла настолько успешно, что, по общему согласию, артисты провели здесь целый месяц, играя в самых различных залах города. Аншлаги, доброжелательная пресса, и вот воодушевленные таким приемом участники труппы в июле 1908 г. направляются покорять татарскую столицу – Казань. Но первый их приезд сюда закончился ничем. Губернатор не дал разрешения на публичные постановки, и Г.Кариев с Х.Араблинским, не желая упускать время, уезжают на хлебосольную и денежную Нижегородскую ярмарку.

Для Габдуллы, хорошо знавшего порядки и людей на этом всероссийском торжище, не составило большого труда добиться разрешения от властей, заключить выгодное соглашение с владельцем «Фоли-Бержера». Именно на Макарьевской ярмарке Г.Кариев встречается и начинает крепкую дружбу с талантливым «бытописателем» Г.Камалом и поэтом Г.Тукаем. Габдулла Кариев, обладавший острым коммерческим чутьем, уже предвидел колоссальный успех совместного сотрудничества с драматургом, умевшим веселить зажиточную публику. В сентябре 1908 г., закончив гастроли на ярмарке, казанцы и кавказцы дружески расстались. Габдулла с товарищами вновь поехал в Казань, уже зная, что и как делать, чтобы навсегда завоевать сердце татарского зрителя.

Общественность города ждала артистов как национальных героев, а богатое предпринимательство, хорошо знакомое с их искусством, в целом благожелательно отнеслось к приезду труппы. Большую роль сыграли и личные качества Г.Кариева, легко заводившего друзей и быстро располагавшего к себе любого, будь то шакирд, купец или священнослужитель. Несмотря на то, что как раз в Казани коллективу было дано название «труппа Сайяр» («странствующая труппа»), артисты выбрали себе этот город в качестве своей постоянной базы, проводя здесь зимний

сезон и лишь весной – летом выезжая на гастроли. Все это было первой и безусловной заслугой Габдуллы Кариева.

Будучи дальновидным администратором, он начал бороться за каждого человека, потенциально готового купить билет и прийти на представление. Поэтому репертуар «Сайяра» постепенно стал разноплановым, рассчитанным на различную аудиторию. Режиссер чутко улавливал настроения в обществе и вслед за ними вносил коррективы в творческую политику. Так, по мере взросления театр резко ограничил критику своего главного оппонента – мусульманского духовенства, предпочитая более взвешенные художественные оценки, что положительно отразилось на авторитете труппы.

Г.Кариев сделал все возможное для привлечения в сценическое искусство татарских девушек, что было, конечно же, прямым вызовом тогдашним общественным стереотипам. Однако его твердость и воля позволили таким выдающимся мастерам, как Ф.Ильская, Н.Таждарова, Г.Болгарская, А.Синяева и другим, не только состояться в профессиональном плане, но и заслужить всеобщее признание и уважение. Известно, что Г.Кариев не прощал обид и оскорблений, нанесенных его ученицам. А не считаться с мнением руководителя «Сайяра» уже мало кто мог себе позволить.

В 1912 г. мусульмане России торжественно отметили пятилетие сценической деятельности Габдуллы Кариева. В поздравительном адресе, подписанном почти 70 представителями интеллигенции, его публично признали «отцом татарского театра». В том же году труппа «Сайяр» получила еще один подарок – стационарное помещение с зрительным залом в здании «Восточного клуба», где можно было проводить полноценные репетиции и давать спектакли. Вообще, артистами стали потихоньку забываться злые времена безденежья, голода и отчужденности. Кроме неплохого дохода от билетов, они начали получать ценные подарки и подношения от богатых поклонников. Еще большим вознаграждением были любовь и восхищение учащейся молодежи, видевшей в театре желанную дорогу к прогрессу и свободе.

В этот период Габдулла Кариев превратился в очень влиятельного человека, в одного из признанных лидеров нации. Вряд ли бывшие сокурсники по медресе узнали бы сейчас в солидном, одетом в дорогой европейский костюм, с щеголеватой «бабочкой» и тростью господине, предпочитающем шикарный выезд на экипаже и аристократические номера, худощавого, скромного Коран Хафиза, хватающегося за любой заработок и живущего какими-то совершенно несбыточными мечтами.

В том же 1917 г. режиссер организовал конкурс татарской пьесы, призванный расширить репертуар труппы. Хотя и так за год, свободный от цензуры, кариевский коллектив осуществил 25 премьер – рекордное количество за всю историю труппы. Габдулла жил новыми идеями. Теперь ему хотелось построить собственное здание театра. Дело в том, что «Восточный клуб» во время Первой мировой войны был превращен в госпиталь, а помещения Большого театра на Проломной и Нового клуба на Лядской улицах уже не отвечали далеко идущим планам режиссера. Он даже хотел выкупить для этих целей знаменитый Дом Шамиля в Старотатарской слободе. Друзья и единомышленники Кариева из числа предпринимателей и интеллигенции предлагали там же в слободе построить новое здание и назвать его «Домом Свободы». Сам Кариев собирался выделить на строительство собственные 10000 рублей. Однако стремительное развитие политических событий в стране сорвало осуществление этих созидательных планов.

После прихода к власти большевиков Г.Кариев сделал для себя однозначный выбор. В 1918 г. Кариев вместе с рядом артистов покидает Казань и уезжает вслед за Г.Исхаки, Ф.Туктаровым и другими в Самару, затем скитается по городам Поволжья и наконец в 1919 г. отправляется на гастроли в колчаковскую Сибирь. Не найдя спасения от Советов и не поладив с «великодержавной» администрацией Колчака, Габдулла возвращается в Казань. По дороге он заболевает тифом. При этом обостряется давняя болезнь горла. Ставший когда-то родным город встретил артиста неприветливо. Жуткий холод, отсутствие теплого жилья, гнетущая подозрительность властей и полное отсутствие работы окончательно сломили его здоровье. Отец татарского театра скончался 28 января 1920 года и был похоронен на кладбище Ново-татарской слободы. Идеологи пролетарской диктатуры так и не простили ему связей с «учредилкой» и «Верховным правителем России». Как и предвидел Кариев, они уничтожили «старорежимный» демократический театр, славившийся своим творческим «плюрализмом», а имя его создателя постарались предать полному и незабвенному забвению.

Газиз Губайдуллин (1887–1937)

Начало XX столетия стало переломным этапом в истории татарского народа. Ломка традиционных жизненных устоев, ускоренная европеизация проходили в мусульманской среде крайне противоречиво и болезненно. В то же время эти процессы сопровождались мощным интеллектуальным и творческим подъемом, способствовавшим становлению национальной светской культуры. На общественную арену вышли десятки талантливых и энергичных молодых людей, мечтавших о скором и решительном прощании со «средневековым» прошлым, о всестороннем прогрессе, о будущем татар в числе цивилизованных народов. Одним из самых ярких лидеров и идеологов этого поколения стал Газиз Салихович Губайдуллин (1887–1937) – историк, писатель, литературовед и публицист, оставивший бесценное научное наследие по многим отраслям гуманитарного знания.

Родословная семьи Губайдуллиных, как и многих других татарских купеческих династий, начинается в Закавказье. Здесь, в небольшом ауле Верхний Пшалым, появился на свет глава рода Сабит Губайдуллин, который в середине XIX в. в поисках лучшей доли перебрался жить в Казань. В большом и шумном городе крепкий крестьянский парень не только не растерялся, но и сумел организовать собственное дело по изготовлению карет и тарантасов, всю прибыль от которого затем вложил в мануфактурную торговлю.

Постепенно Сабит превратился в преуспевающего и очень уважаемого предпринимателя, обладавшего солидным состоянием. Он, конечно же, очень беспокоился о будущем созданного им коммерческого предприятия и поэтому большие надежды возлагал на своего единственного сына Салиха – умного, живого, расчетливого юношу, с малых лет интересовавшегося занятием отца. Мудрый Сабит абзы не прогадал. Его преемник оказался талантливым учеником и сумел уже к концу XIX в. многократно увеличить оставленное наследство, вложив средства в текстильное производство, мануфактурные магазины, дорогую казанскую недвижимость.

В это же время Салих Губайдуллин построил в Старотатарской слободе, на тихой улочке неподалеку от озера Кабан, великолепный особняк, олицетворявший быстрый и заслуженный успех молодого предпринимателя (ныне улица Зайни Султана, 12).

Казалось, удача никогда не оставляла его. Женитьба на дочери богатого купца-мануфактурщика Уммегульсум Айтугановой, рождение двух сыновей и дочери обещали долгое семейное счастье. Но

судьба распорядилась по-другому. Жена Салиха – красивая, умная, необычайно одаренная женщина, обладавшая мягким добрым характером, к сожалению, не отличалась хорошим здоровьем. Потрясенный ее безвременной кончиной, несчастный вдовец так больше и не женился, взяв всю заботу о детях на себя.

Надо сказать, что, несмотря на удивительную активность, широту взглядов и умение работать с людьми, Салих Губайдуллин не принадлежал к числу прогрессивных татарских купцов. Он самостоятельно выучился читать и писать по-русски, носил светские костюмы, имел обширные связи в среде православного купечества и чиновничества, но в то же время оставался глубоко верующим мусульманином, исполнявшим все необходимые религиозные обряды. Воспитывал он своих детей строго в исламском духе, видя именно в этом залог их будущего успеха. Не случайно, что своего первенца – Газиза – Салих Губайдуллин отдал на учебу в старо-заветное медресе «Халидия» при 4-й соборной мечети.

В отличие от брата Кадыра и сестры Марьям, Газиз был, как и отец, необычайно энергичным, подвижным и любознательным человеком. Однако его совсем не интересовали коммерческие сделки, товары, цены и денежные обороты, напротив, с первых лет учебы в медресе мальчика заворожил удивительный мир восточной литературы, истории и философии. Мало того, в конце XIX – начале XX в. даже в такие консервативные религиозные школы начали проникать из Турции и Египта крамольные, невероятные и оттого притягательные идеи мусульманского обновления, которые тут же захватили пылкое воображение юноши.

К концу своего пребывания в «Халидии» Газиз Губайдуллин являлся членом радикального шакирдского движения, требовавшего коренной реформы исламского просвещения. Уже в этот период он видел перспективы лишь в полноценном светском образовании, в обязательном изучении русского языка и культуры. По всей видимости, на настроения молодого человека серьезное влияние оказывало и увлечение модной тогда социалистической утопией.

Так или иначе, взгляды, поведение и высказывания Газиза серьезно беспокоили Салиха Губайдуллина. Заботливый отец внимательно прислушивался к просьбам сына и даже нанял для него учителя русского языка. Он закрывал глаза и на то, что Газиз без сожаления тратил родительские деньги, являясь по сути единственным спонсором скандальной молодежной газеты «Эль-Ислах», беспощадно высмеивавшей самых уважаемых людей татарской Казани. Однако он никак не хотел мириться с мыслью о том, что его

старший сын посвятит себя бесполезному «умствованию» и забросит десятилетиями налаживаемое семейное дело. Один из богатейших людей города всерьез тревожился по поводу революционной риторики своего наследника, его увлечением литературными вечерами, подозрительными связями, не сулившими в будущем ничего хорошего. Говорили, что отчаявшийся отец даже подумывал отдать Газиза в солдаты, чтобы вырвать его из неблагополучной среды. Конфликт в семье Губайдуллиных принял настолько яркие и очевидные формы, что драматург Фатих Амирхан практически полностью воспроизвел его в своей знаменитой пьесе «Яшляр».

Однако мудрость Салиха Губайдуллина и любовь Газиза к отцу вовремя остудили эмоции и в доме воцарился мир и покой. Глава семейства продолжал заниматься своим большим и прибыльным делом, а сын, сдав экзамен на аттестат зрелости в 3-й мужской гимназии, в 1909 г. поступил на юридический факультет Казанского университета. Салих абзы втайне надеялся на то, что юридическое образование поможет Газизу в будущем грамотно управлять огромным имуществом Губайдуллиных. Однако его вновь постигло разочарование. Через год после поступления прекрасно учившийся студент вдруг перевелся на историко-филологический факультет, тем самым обозначив свои настоящие научные интересы. Впрочем, Салих Губайдуллин, видя горячее стремление к знаниям и у Кадыра с Марьям, гораздо спокойнее и даже с некоторым пониманием начал относиться к их малопонятной привязанности к книгам, ночным бдениям за письменным столом, горячим спорам и «заумным» беседам.

В 1914 г. произошло очень важное событие – Газиз Губайдуллин женился на гимназистке Рабиге – дочери крупного торговца и владельца недвижимости, купца первой гильдии Мухаметшакира Казакова. Чтобы содержать семью на собственные средства, студент начал втайне преподавать историю в медресе «Мухаммадия», а после окончания университета уехал в Троицк Оренбургской губернии, где целый год проработал в частных татарских учебных заведениях.

К этому времени Газиз Губайдуллин был широко известен среди мусульманской общественности как подающий надежды историк, теоретик национального движения, писатель. Его первые публикации появились в прессе еще в 1907 г. Но настоящий взлет популярности исследователя и публициста начинается через шесть лет, когда ближайшие друзья и сподвижники Газиза – Г.Тукай, Ф.Амирхан, Г.Хасани, Г.Карам, Г.Кулахметов – начинают издавать литературно-художественный журнал «Анг» («Сознание»). Именно в

нем Г.Губайдуллин опубликовал первые свои серьезные работы по татарской истории, литературе, педагогике, а также рассказы и фельетоны. В 1915 году при непосредственном организационном участии Газиза и на средства Салиха Губайдуллина был составлен и издан объемистый том, посвященный памяти Ш.Марджани, до сих пор имеющий огромное научное значение.

Вернувшись в 1917 г. в Казань из Троицка, Г.Губайдуллин вновь оказался в центре событий бурлившего тюркского мира. Он активно участвует в общественной жизни и даже избирается в Городскую думу. Как и следовало ожидать, бывший социалист весьма настороженно отнесся к Октябрьскому перевороту. В 1918 г. он активно сотрудничает с буржуазной националистической газетой «Курултай», где помещает довольно смелые статьи о сущности и задачах национального движения. Впрочем, с окончательным утверждением советской власти он как-то незаметно уходит в тень, полностью посвятив себя научной и творческой деятельности. В 1919–1925 гг. ученый обучается в аспирантуре, преподает в высших учебных заведениях Казани, пишет фундаментальные труды по истории татарского народа и литературоведческие исследования. Газиза Губайдуллина можно по праву назвать первым татарским профессиональным историком, который подошел к освещению прошлого своего народа с объективных позиций, опираясь на методы европейской науки.

В 1925 г. Г.Губайдуллин был приглашен в Азербайджан для работы в государственном университете и Восточном педагогическом институте. Он очень ответственно отнесся к разработке актуальных проблем азербайджанской и общетюркской истории и культуры. За следующие десять лет он стал выдающимся исследователем-ориенталистом, крупнейшим тюркологом с мировым именем. Перу татарского профессора принадлежат первые глубокие и масштабные исследования истории Азербайджана, Узбекистана, Кабардино-Балкарии. Его избирают профессором Ташкентского и Самаркандского университетов и других научных центров страны.

Понятно, что всем своим прошлым, трудами, устремлениями и просто социальным происхождением Газиз Салихович был обречен на расправу в кровавые тридцатые годы. После ареста, пыток и расстрела в 1937 г. репрессии обрушились и на его близких. Ранее, в 1935 г., в Махачкале скончался бывший купец Салих Губайдуллин, покинувший родные края из-за несправедливости и жестоких преследований. Так судьба распорядилась с участниками когда-то непримиримого конфликта поколений, предопределив им общий трагический финал.

Вали Апанаев (1889–1922)

В начале двадцатого столетия Казань, благодаря усилиям и самоотверженному труду прогрессивной мусульманской интеллигенции, быстро превращалась в общероссийский центр национально-культурного возрождения.

Для традиционного мусульманского сообщества Казани стали по-настоящему «революционными» невиданные творческие эксперименты талантливого и отважной молодежи, дерзко бросившей вызов дедовским заветам и совершившей стремительный прорыв в новое для татар духовное пространство. К сожалению, судьба многих ее представителей оказалась трагичной. Из славных имен того времени, не оцененных по достоинству современниками и почти забытых сегодня, в первую очередь, хочется назвать имя Вали Апанаева – прекрасного музыканта, литературного переводчика, писателя.

Мухаметвали Мухаметзакирович Апанаев (1889–1922) родился в Казани в старинной купеческой семье. Его прадед Муса Исмагилович Апанаев (1766–1826) – купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, богатый промышленник и предприниматель, был, пожалуй, самым влиятельным человеком в татарской части города. Одним из первых среди мусульман Казани он стал занимать выборные должности в городских органах управления. Еще в начале XIX в. М.Апанаев выстроил в Старотатарской слободе на Третьей Поперечной улице огромный особняк в классическом стиле (ныне ул.Сафьян, 5), который потом перешел по наследству его сыну Абдулкариму (1813–1873), женатому на дочери казанского первой гильдии купца Губайдуллы Мухаметрахимовича Юнусова – Бадигулькамал. Именно в этом доме в семье их сына Мухаметзакира (1846–1912) и появился на свет Вали Апанаев.

Казалось, что с самого начала судьба уготовила мальчику счастливое будущее. Состоятельный и знаменитый торговый род, превратившийся заслугами нескольких поколений в своеобразную аристократическую династию, пользовавшуюся среди мусульман безграничным доверием и непререкаемым авторитетом, открывал перед своим юным представителем почти неограниченные возможности. Вали Апанаев окончил приходское медресе при второй соборной «Апанаевской» мечети. Все свое детство провел среди книг и древних рукописей, бережно хранившихся семьей на протяжении почти целого столетия. Отец будущего музыканта Мухаметзакир Апанаев – просвещенный, мыслящий предприниматель, живо интересовался европейской культурой, выписывал российскую прессу и

доброжелательно относился к идее распространения светского образования среди мусульман. Поэтому он поощрял стремление своего младшего сына к новым знаниям и одним из первых в слободе, не испугавшись возможных упреков и обвинений, отдал его в частную музыкальную школу Р.Гуммерта. Здесь Вали Апанаев под руководством опытного педагога И.Русса освоил игру на скрипке и вскоре уже не расставался с любимым инструментом.

Постепенно молодой человек, ставший к тому же студентом Казанского университета, получает широкую известность среди сверстников, поражая их эрудицией, хорошим знанием русского языка, безупречной воспитанностью. Можно сказать, что это был самый завидный жених в татарской части города. Интеллигентный, утонченный джигит, всегда одетый по последней европейской моде, способный поддержать серьезный интеллектуальный спор и ничего не значащую светскую беседу, всегда был желанным гостем на молодежных меджлисах. Ни для кого не было секретом то, что Вали являлся наследником огромного состояния. Кроме того, его надежным покровителем был старший брат Мухаметшакир – успешный коммерсант и активный общественный деятель, на протяжении долгого времени исполнявший обязанности члена городской управы.

Так или иначе, Вали не мог не войти в круг передовой татарской молодежи Казани, который объединял Г.Тукая, Ф.Амирхана, С.Рахманкулова, Г.Губайдуллина, Г.Рахима и др. В эти годы друзья и единомышленники наиболее ярко и плодотворно проявили себя в работе «Восточного клуба». Кстати, эта организация появилась во многом благодаря усилиям казанской буржуазии и в первую очередь семьи Апанаевых. Не случайно и то, что новое трехэтажное здание клуба было построено на участке Марьямбану Апанаевой – близкой родственница Вали (ныне ул. Татарстана, 8).

«Восточный клуб» занимался постановкой самодеятельных спектаклей, проведением литературно-музыкальных вечеров, чтением лекций. Среди животрепещущих проблем, волновавших умы и сердца писателей, ученых, публицистов, актеров, музыкантов, безусловно, самыми главными были вопросы становления профессиональной художественной литературы, театра, музыки, живописи, науки. Вместе с тем молодая татарская интеллигенция, воодушевленная взлетом национального самосознания, особое внимание уделяла устному народному творчеству и в первую очередь песенному фольклору. Не будет преувеличением сказать, что одним из энтузиастов, создавших при клубе оркестр струнных инструментов, стал Вали Апанаев. Бесконечно влюбленный в на-

родную песню, он совместно с И.Галиакберовым и Г.Зайпиным организовал замечательный музыкальный коллектив, репертуар которого составили классические образцы национального песенного фольклора. Практически на всех мероприятиях «Восточного клуба» звучали песни и мелодии «Ашказар», «Эллиюки», «Тафтиляу», «Жизнэкай», «Зиляйлюк», «Салкын чишмэ» и др. Необходимо отметить, что публика с восторгом принимала эти первые, пусть еще несовершенные опыты татарских музыкантов – опыты, имевшие большое воспитательное воздействие. Г.Тукай по этому поводу писал: «Да, наступила свобода, на общественную арену вышла молодежь. Она пошла в народ. Она сумела дать новую жизнь этим уже позабытым национальным мелодиям, которым уже было перестали придавать значение...» Таким образом, Вали Апанаев внес свой пусть небольшой, но исторически очень важный вклад в создание основ профессиональной музыкально-песенной культуры татарского народа. Еще на заре XX в. он создал ряд самостоятельных сочинений, среди которых большой популярностью пользовалась инструментальная пьеса «Сююмбака», посвященная легендарной царице Казанского ханства. Вали Апанаева можно назвать одним из первых наставников знаменитых С.Сайдашева и М.Музафарова, также начавших свою музыкальную карьеру в оркестре «Восточного клуба».

Конечно, его деятельность не ограничивалась одним лишь музицированием. Подобно своим товарищам, Вали пытался проявить себя и в других сферах культурного просветительства. Современники очень любили лекции Апанаева, посвященные истории народной музыки, а издательства довольно часто обращались к нему с просьбами о качественном художественном переводе зарубежной и русской литературной классики.

К сожалению, счастливая творческая пора Вали Апанаева была недолгой. Постепенно татарские молодежные группы все более и более политизировались, подпадая под влияние радикальных социалистических учений. Все это вызывало оправданное недовольство в обществе и довольно жесткие преследования властей. К тому же лидеры молодежи, в реформаторском запале отвергавшие устоявшиеся традиции, не всегда отличались приемлемым для мусульманской морали поведением, что приводило к потере их популярности среди татарского населения Казани. Заложником такой ситуации и оказался музыкант. В результате он был исключен за антиправительственные выступления из университета, нанес определенный ущерб своей репутации и осложнил отношения с представителями влиятельных и богатых купеческих семей. В

трудное время на помощь ему пришел брат – Мухаметшакир, сумевший вырвать Вали из опасной среды. Он привлек его к своему успешному коммерческому предприятию и даже сумел заинтересовать хитрой арифметикой торговых операций. В 1914 г. новоиспеченный предприниматель женился на дочери симбирского торговца Шайхутдина Бахтиева. Конечно, за новыми занятиями он не забыл своих прежних привязанностей и увлечений. По-прежнему в доме Апанаевых печальными мелизмами переливалась скрипка, велись долгие и жаркие разговоры о судьбах татарской культуры. Близким другом Вали стал муж его сестры Бибигайши – первый татарский театральный критик Габдрахман Карам. Однако окончательно превратиться в степенного и солидного буржуа бывшему бунтарю и подвижнику не дала новая советская власть. Не выдержав преследований и нападков на свою семью, крайне тяжело перенеся голодный и холодный 1921 г., Вали Апанаев тяжело заболел и скончался в возрасте тридцати четырех лет.

Гали Рахим (1892–1943)

Ярчайшим представителем поколения молодых татарских гуманитариев начала XX в. был Мухаметгали Мухаметшакирович Абдрахимов (Гали Рахим, 1892–1943) – писатель, публицист, литературовед, историк – разносторонний, талантливый человек, любимец всей татарской Казани.

Детство Гали прошло в особняке на Екатерининской улице (ул. Тукая, 78), который принадлежал его отцу – второй гильдии купцу Мухаметшакиру Бикчентеевичу Абдрахимову (1854–1917). Предприниматель, родившийся в д. Большие Метески Лаишевского уезда и лишь в конце XIX в. обосновавшийся в губернском центре, считался одним из самых активных и преуспевающих торговцев, не жалевший ни сил, ни средств на упрочение своего влияния среди единоверцев. Он женился на дочери богатого казанского купца – Бибигайше Исхаковне Айтугановой (1869–1899), которая приходилась близкой родственницей знаменитым казанским династиям – Бигаевых, Усмановых, Галикеевых, Губайдуллиных. Общественное положение купца упрочилось и после избрания его гласным городской думы, где он проявил себя грамотным и энергичным деятелем, выступавшим с различными инициативами и предложениями. Мухаметшакир Абдрахимов, заботясь о судьбе своего прекрасно налаженного мануфактурного дела, старался

дать старшему сыну хорошее образование. После начального курса в медресе «Мухаммадия», Гали Рахим в 1903 г., по настоянию отца, поступил в казанское коммерческое училище, где проучился до 1913 г. Однако способного, мечтательного юношу карьера предпринимателя совсем не интересовала. Свободное время он проводил за чтением книг, втайне мечтая посвятить жизнь литературе.

Еще находясь в стенах коммерческого училища, Гали написал увлекательный, современный учебник географии для медресе, который был опубликован в 1909 г. Этот первый опыт пера молодого человека почти сразу же заметили признанные мэтры татарской культуры. Галиаскар Камал, посвятивший книге специальную рецензию, с восторгом отзывался о таланте и художественном вкусе автора и прочил ему большое будущее. Поддержка и благословение выдающегося драматурга окрылили Гали, который в это время уже начал пробовать свои силы в прозе, драматургии и поэзии. До революции он сумел завоевать определенную известность как детский писатель, публикуя в журнале «Ак юл» рассказы, основанные на сюжетах и образах народных сказок.

М.Магдеев, первый серьезный исследователь творчества Г.Рахима, особо подчеркивал его стремление к эстетическому отражению естественной гармонии человека и природы, несколько отстраненное отношение к животрепещущим социальным проблемам. В эти же годы Гали обращает серьезное внимание на жанр литературной критики, выступает в печати с большими теоретическими работами, посвященными истории национального фольклора.

Впрочем, несмотря на явные успехи сына, Мухаметшакир Абдрахимов ничего не хотел слышать о его специализации в научной и творческой сфере. Рачительный хозяин по-прежнему видел своего первенца во главе процветающего семейного дела. Поэтому после окончания коммерческого училища Гали Рахим уезжает в Москву на учебу в коммерческий институт. Однако экономическое образование талантливому литератору давалось с огромным трудом, и после смерти отца в 1917 г. он сразу же бросил нелюбимый им институт и вернулся в Казань.

После революции имя Гали Рахима зазвучало в числе самых маститых мастеров слова. Впрочем, даже в это горячее время он держался особняком, сознательно сторонился шумных митингов и собраний, старался не ввязываться в столь популярные тогда бескомпромиссные споры и диспуты. Казалось, что писатель, увлеченный лишь художественным творчеством, просто не замечал ни кровавых столкновений на улицах родного города, ни беско-

нечную смену власти, ни надвигающейся разрухи и голода. Но это лишь на первый взгляд. Глубоко переживая крах старого мира, осуждая сознательное разжигание классовой неприязни в обществе, Гали Рахим мог позволить себе сотрудничество в «контрреволюционной» газете «Курултай» и неосторожные высказывания об отсутствии у революции логики и разума. Его пьесы и прозаические произведения того периода выделялись вызывающей апотичностью.

Настоящий скандал в «красной» критике вызвало появление в 1921 г. повести «Идель», которую Г.Рахим полностью посвятил рефлексиям старорежимного татарского интеллигента в смутную предреволюционную эпоху. У истинных ценителей настоящей литературы она вызвала едва скрываемый восторг, так как напомнила лучшие произведения молодого Ф.Амирхана с их изысканным стилем, тонким психологизмом и мощной интеллектуальной энергией. Гали Рахим, смело заявивший о верности классическим традициям, стал, наверное, последним певцом индивидуальной свободы человека в татарской прозе советского периода.

Конечно, в стремительно идеологизируемой культурной среде перспектив у таких творческих поисков не было. Поэтому писатель полностью переключился на историко-филологические исследования. Вместе со своим двоюродным братом, известным ученым Газизом Губайдуллиным, пишет фундаментальные труды по истории татарской литературы, занимается исследованиями в области языкознания, фольклористики, археологии, уделяет большое внимание вопросам становления татарского музыкального искусства. Известен он и в качестве переводчика шедевров мировой литературы на татарский язык.

Большая личная и творческая дружба связывала Гали Рахима с первым татарским композитором Султаном Габаши. Ровесники, рано оставшиеся без матерей, выросшие в состоятельных семьях и получившие европейское образование, они жили одними мечтами и стремлениями, одинаково горели мечтой о культурном прогрессе своего народа. Самое известное их произведение – знаменитый романс «Кукушка». Словами к нему стало стихотворное посвящение Гали Рахима своей возлюбленной, одной из самых красивых девушек татарской слободы Гайше Апанасовой. Она и стала первой исполнительницей романса на литературно-музыкальном вечере, организованном мусульманской молодежью города. В 1919 г. С.Габаши написал ряд музыкальных номеров к пьесе Г.Рахима «Джанвар».

В середине двадцатых годов, после шумного успеха первой татарской оперы «Саняя», Гали и Султан задумали написать новое сочинение по мотивам восточного сказания «Буз егет». Однако уже после создания либретто стало ясно, что по идеологическим причинам появление такой оперы невозможно. Так, эстетические пристрастия талантливого писателя вновь показали кому-то опасными, и он опять оказался не у дел.

Скромный, тихий, молчаливый доцент педагогического института Гали Рахим со своей показной и оттого не очень искренней лояльностью к новому строю постоянно вызывал интерес у соответствующих органов. Он подвергся преследованиям уже в начале тридцатых годов, в первую волну массовых репрессий. Чуждое социальное происхождение, интерес к средневековой татарской культуре, просто независимость мыслей и суждений неминуемо привели его в тюремную камеру.

Гали Рахим, как и почти все его родственники, друзья и единомышленники, был обречен. Даже случайное освобождение не спасло его от нового ареста и гибели в одном из сталинских лагерей. Так жестокий режим беспощадно расправился с одним из самых талантливых наследников татарского духовного возрождения конца XIX – начала XX века.

Газиз Альмухаметов (1895–1938)

В двадцатые-тридцатые годы имя этого артиста было у всех на слуху. Его пению рукоплескали повсюду – в далеких станциях кочевников, в скромных сельских клубах, в роскошных залах столичных театров. Затем память о Газизе Альмухаметове, любимом певце татарского и башкирского народов, была надолго вычеркнута из истории нашей культуры.

Блестящий вокалист, талантливый композитор, неутомимый исследователь и педагог Газиз Салихович Альмухаметов родился в 1895 г. в деревне Моратгал Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Младший сын в большой бедной крестьянской семье, он с малых лет был вынужден зарабатывать себе на жизнь. Зимой, как и все дети, учился в сельском медресе, а летом пас общинное стадо посреди бескрайнего великолепия башкирских лугов и степей. У любого пастушка, как известно всегда есть два постоянных друга: свирель да незатейливая мелодия. Вот и Газиз часами наигрывал на курае древние напевы, услышанные им от взрослых

односельчан, уносясь в своих мечтах в дальние края, к удивительным людям и событиям.

Детские мечты иногда сбываются. В 1909 г., когда Газизу едва исполнилось четырнадцать лет, старший брат Абдрахман забирает его с собой в Ташкент, надеясь обучить там мальчика торговому ремеслу. Однако приказчик из него не получился. То ли заскучав от однообразной работы в купеческих конторах, то ли затосковав по родным местам, Газиз вдруг неожиданно для себя запел. Да так искусно, что окружающие его люди были просто поражены. В красивом и чистом голосе юноши сливались в одно целое невыразимая печаль и бьющая через край нежность. Это был голос, как нельзя лучше подходивший для исполнения протяжных татаро-башкирских песен с их вычурным звуковым орнаментом, непростым эмоционально-философским содержанием.

В 1913 г. Альмухаметов впервые выступил на сцене местного клуба, а уже через год полностью посвящает себя концертной деятельности. Его сольные гастролы проходили по всей территории Российской империи – он с успехом выступал в Средней Азии и Сибири, на Урале и Поволжье, в Москве. Причем куда бы ни приехал артист, везде он изучал народные обычаи, записывал образцы песенного фольклора, стремился разнообразить свою программу.

Например, вошли в историю уфимские концерты 1917 г., когда в течение нескольких вечеров Газиз Альмухаметов выступал вместе с легендарным поэтом Шайхзаде Бабицем, мастерски владевшим жанрами сатирического и юмористического стиха. Вот что вспоминал об этих концертах писатель С.Кудаш: «Если бы Бабич и Альмухаметов проводили отдельные вечера, – писал он, – то никогда бы не добились такого успеха как при совместных выступлениях. Поэтому что они необычайно дополняли друг друга. После песен Газиза на зал опускались облака грусти, но весельчак Бабич своим смехом быстро разгонял их. И наоборот. Взбудораженная юмором Бабича публика приходила в благоговейный трепет после печальных песен Газиза».

К этому времени Альмухаметов становится самым популярным исполнителем среди первого поколения национальных вокалистов. Пресса тех лет, пытаясь разобраться в секрете такого успеха, в первую очередь указывала на бережное обращение певца с народной песней. Он подбирал в свой репертуар лишь те произведения, которые заслуженно считались «жемчужинами» фольклора: «Гульназира», «Сакмар», «Ак каен», «Зульхижа». При этом вовсе не стремился как-то «облагородить» их – изменить ритм,

слова, мотив. Он пел их так, как веками поют где-нибудь в забытом Богом ауле.

Один из критиков середины двадцатых годов писал: «Когда слушаешь пение Газиза, перед глазами встают герои древних легенд, и совсем забываешь то, что сидишь в театре большого города, по улицам которого мчатся трамваи и автомобили. Под воздействием его песен переносишься в башкирские степи, под их небосклоном, расцвеченным синим маревом, видишь волнующиеся на ветру темные травы и белый ковыль, ... слышишь улетающие вдаль мелодичные звуки курая».

Но не в одном лишь пении проявился художнический дар Газиза Альмухаметова. К началу двадцатых годов относятся его первые композиторские опыты. Современной публике известно, пожалуй, одно-единственное сочинение музыканта – песня «Качаются лодочки» (слова Н.Рахматуллиной). Между тем среди десятка оригинальных композиций певца выделить одну, создание которой, наверное и предопределило дальнейшую судьбу Альмухаметова. Это песня под названием «Зловещий ветер». Она была написана совместно с поэтессой С.Бикчуриной и посвящена послеоктябрьской трагедии народа.

В ее мелодии композитор воплотил всю свою печаль по разоренным гражданской войной селам и городам Отечества, в ней он оплакал гибель тысяч людей в классовых сражениях, всех тех, кто не вынес последствий разрухи и ужасного голода 1921 г. Безусловно, это был не только творческий подвиг, но и по настоящему честный и смелый поступок гражданина.

Конечно, Альмухаметову, как впрочем, и другим представителям молодой татарской интеллигенции порой не хватало добротного образования, элементарных условий для творчества, но все трудности преодолевались фантастической одержимостью, неустанной работой во благо национальной культуры. Результаты же были ошеломляющие. Осуществлялись мечты, которые еще совсем недавно казались несбыточными. Именно Газиз Альмухаметов стал инициатором создания национальной оперы. По свидетельству музыканта И.Илялова, в 1920 г. певец находился на гастролях в Баку. Уже в то время азербайджанская музыка имела довольно развитые профессиональные формы (достаточно вспомнить замечательные произведения У.Гаджибекова). Газизу здесь предложили сыграть роль в одном из музыкальных спектаклей, после участия в котором он буквально загорелся идеей создания татарской национальной оперы.

Вернувшись в Ташкент, он немедленно находит единомышленников, пишет либретто, подбирает для него народные мелодии и готовит к постановке спектакль под названием «Сания», премьера которого состоялась в 1922 г. Зрители, в общем-то, тепло встретили это представление. Но деятели татарской культуры, жившие тогда в Ташкенте (кстати, был там и К.Тинчурин), во время обсуждения спектакля посоветовали автору: «Ты, Газиз, начал большое дело в татарской музыке, однако настоящая опера не может быть такой примитивной, для нее надо специально музыку писать, да и либретто должно быть более глубоким по содержанию. Поэтому один ты с этим грандиозным делом не справишься, тебе надо ехать в Казань, встретиться с композитором Султаном Габяши...».

Осенью 1922 г. Газиз отправляется в Казань, встречается с Габяши и посвящает его в свои планы. Но тот отказывается от этой затеи, заявив, что опера «не делается составлением в ряд 10–15 мелодий». Казалось, что на мечте артиста на этом можно было поставить крест. Но победило завидное упорство Альмухаметова. Совершенно не отчаиваясь, он через год, уже прочно обосновавшись в Казани, наконец-то добивается согласия от Габяши на участие в совместном написании оперы. Свою помощь в гармонизации и оркестровке мелодий предложил русский композитор В.Виноградов. А уже через два года пятилетие государственности Татарстана отмечалось премьерой первой татарской оперы «Сания», в которой Г.Альмухаметов с успехом исполнил одну из главных партий.

Символично, что этот дружный и поистине интернациональный коллектив, кроме второй оперы «Эшче» (либретто М.Гафури), написал и первое в башкирской музыке произведение для духового оркестра – «Марш к 10-летию Башкортостана», долгие годы являвшееся своеобразной «визитной карточкой» этой республики.

Газиз Альмухаметов не оставлял и концертную деятельность. Стараясь не изменять давним привычкам, колесил с различными концертными бригадами из одного конца страны в другой. Но, возвратившись в Казань, держал двери своей квартиры открытыми, ожидая скорого прихода друзей. Здесь порой стихийно начинались и проходили импровизированные музыкально-поэтические вечера с неизменными их участниками – композиторами С.Сайдашевым и С.Габяши, гармонистом Ф.Туишевым, поэтом Х.Такташем, певцом С.Айдаровым. Это был один из самых радостных и плодотворных периодов в жизни Газиза. Он много учился, брал уроки академического вокала в Восточном музыкальном техникуме, участвовал в

многочисленных экспедициях, изучал народное песенное наследие. Так, например, с композитором В.Виноградовым впервые в истории опубликовал отдельными изданиями ряд образцов башкирского музыкального фольклора. Весомым было участие Альмухаметова и в популярных теоретических дискуссиях.

К концу двадцатых годов он стал широко известен не только как самобытный и талантливый исполнитель, но и как композитор, исследователь и педагог.

Его по праву считали своим учителем наши певцы Галия Кайбицкая, Асия Измайлова, Наиля Рахматуллина. А в 1929 г., учитывая эти заслуги и многолетнюю творческую деятельность, правительство Башкирской республики присвоило Альмухаметову почетное звание народного артиста. Вскоре из Уфы последовало официальное приглашение помочь «музыкальному строительству» в Башкортостане, и в 1931 г. Альмухаметов покидает Казань. Вернувшись в родные края, певец сразу же принялся за дело. Скорое ему удастся решить множественные насущные проблемы. В республике не хватало педагогических кадров, в местном музыкальном училище практически отсутствовала башкирская и татарская молодежь, естественно не могло быть и речи о профессионализации музыкального творчества. Альмухаметов начинает с основ. Занимается о научной и методической литературе, при составлении учебных планов и программ обращается за помощью к русским и татарским композиторам. Он добивается правительственного решения о вызове из Казани С.Габяши, спасая тем самым лучшего друга от неминуемого ареста в Казани. И теперь они вместе совершают длительные командировки в отдаленные районы Башкирии в поисках одаренных юношей и девушек. В училище организуют национальные классы, готовятся будущие студенты Московской консерватории.

Благодаря усилиям Альмухаметова стала реальностью идея создания при консерватории башкирской оперной студии. Газиз Салихович искренне радовался успехам молодых, но на душе у него было неспокойно. Как художник, порожденный народной стихией, он чувствовал приближение худших времен в искусстве. Известный тезис о культуре, национальной по форме, социалистической по содержанию, вызывал у него решительный протест. Свои во многом противоречащие официальным установкам взгляды музыкант изложил в книге «Борьба за башкирскую музыкальную культуру», вышедшей в 1933 г. Автор, наверное, и сам понимал, что перешел в ней опасную черту, но иначе поступить не мог. В НКВД досье на певца становилось все более объемистым.

Ему не могли простить оплакивание горькой участи татаро-башкирского крестьянства, вызовом казался и сольный репертуар любимого народом исполнителя, который почти полностью состоял из древних, а значит, «отживших» свой век произведений, и уже совсем опасным преступлением, по мнению органов, явилась его публичная теоретическая защита национального своеобразия в музыке. Трагический финал был предreshен. На страницах печати появились заранее подготовленные обвинения, в которых Альмухаметов объявлялся «певцом кулацкий настроений».

В 1936 г. он, как будто прощаясь с городом, где начался его творческий путь, проводит большие гастрольные концерты в Ташкенте. А еще через год Газиза Салиховича не стало. Говорят, что его арестовали прямо во время концерта, когда сцена была завалена цветами, а ничего не подозревавшие слушатели восхищенно аплодировали.

Зловещий ветер, чью страшную силу когда-то проклял певец, настиг его самого. Он принес ему пытки и казнь в сталинских застенках. Настиг, но не сломал.

Опера «Сания» (1925)

25 июня 1925 г., в культурной жизни Казани произошло невиданное событие, получившее широкий резонанс далеко за пределами молодой советской страны. Торжественные мероприятия, посвященные пятилетию образования Татареспублики, увенчались масштабной премьерой первой татарской оперы «Сания». Предстоящий спектакль воспринимался общественностью как безусловный триумф государственности Татарстана, выдающийся успех дореволюционной национальной интеллигенции, вышедшей из стен джадидских медресе и мечтавшей о скорейшем приобщении своего народа к европейской цивилизации.

А началось все со смелой идеи молодого певца и музыканта Газиза Альмухаметова, много гастролировавшего по Кавказу и принимавшего участие в постановке азербайджанских музыкально-драматических произведений. Этот необычайно талантливый человек, выросший в бедной башкирской семье, был одним из самых популярных исполнителей мусульманской публики начала XX в. В то же время он являлся страстным просветителем и педагогом, поэтом и подающим большие надежды композитором. Играя в Бакинской опере, Газиз недоумевал, почему же до сих пор

этот замечательный жанр отсутствует в передовой для всего тюркского мира татаро-башкирской культуре.

Впрочем, не мучаясь сомнениями и не откладывая дело в долгий ящик, артист сам начал готовить текстовый материал для будущей оперы, написав поэму о великой силе любви простой крестьянской девушки Сании и джигита Зи, живущей в их сердцах, несмотря на запреты, социальное неравенство и предрассудки. Затем он поделил ее на сюжетные части, подобрав для каждой из них определенный народный напев. Понимая, что его знаний и опыта явно недостаточно для создания масштабного произведения, Газиз в 1922 г. решает приехать в Казань, с тем чтобы найти единомышленника, способного приступить к этой сложной работе.

Так получилось, что в данный период в столице Татарстана его мог выслушать и чем-то помочь только один человек – первый татарский композитор Султан Габаши. Сын видного религиозного и общественного деятеля, блестяще образованный, широко мыслящий представитель молодой татарской интеллигенции, он по праву считался корифеем национальной профессиональной музыки. За плечами бывшего студента казанского университета, прапорщика царской армии, первого руководителя военного оркестра частей «Милли Шуро» было создание популярных песен, романсов, инструментальных произведений, музыкальное оформление спектакля по пьесе Г.Исхаки «Зулейха» в постановке Г.Кариева. В первой половине двадцатых годов Султан Габаши являлся единственным композитором татарского театра, написавшим около десятка музыкальных комедий и драм. Кроме этого, он уже несколько лет преподавал в Восточном музыкальном техникуме, руководил многоголосным хором и, следовательно, хорошо знал всех ведущих исполнителей.

Однако первый разговор Альмухаметова с Габаши не получился. Султан Хасанович скептически отнесся к мысли о написании оперы на основе 10–15 мелодий, справедливо заметив, что необходимо еще выстроить особую композицию, сделать оркестровую партитуру. А такого опыта не было даже у него. Но Газиз Альмухаметов добился главного – Габаши, несмотря на свой отказ, тоже начал жить этой невероятной идеей. Поэтому, когда певец вновь оказался в Казани в 1923 г., композитор уже был готов к тесному творческому сотрудничеству.

В короткий срок авторы разделили «Санию» на действия и написали увертюру. Оперу решили создавать на основе фольклорного материала, с органичным вплетением авторской музыки. На этом этапе большую помощь оказал знаменитый писатель Фа-

тих Амирхан – признанный мастер художественного слова, обладавший безупречным эстетическим вкусом. В его квартире на Большой Красной проходили многочасовые обсуждения будущей оперы, прослушивались музыкальные и вокальные эпизоды, корректировался текст либретто.

Для гармонизации и оркестровки произведения по обоюдному согласию пригласили видного русского композитора Василия Ивановича Виноградова, уже имевшего опыт сочинения симфонических композиций на национальные темы. Как впоследствии писал сам С.Габаши: «Работа велась следующим образом: мы приносили ему (т.е. В.И.Виноградову – прим. Р.С.) черновой вариант, он делал гармонизацию и клавиру для двух роялей. Если это одобрялось, приступал к оркестровке, а потом мы втроем обсуждали написанное. Если считали удачным – оставляли в том же виде, если нет – переделывали и давали «добро» на окончательную оркестровку. Виноградову не разрешалось исправлять написанные нами мелодии, только инструментальные фрагменты. Например, в связках между вокальными номерами или местах активного сценического действия он с нашего согласия мог добавлять свою музыку».

То есть практически весь мелодический материал оперы сочинялся Габаши и Альмухаметовым. Творческий процесс осложнялся болезнью В.И.Виноградова, но несмотря на это, плод сотрудничества трех музыкантов был очень положительно воспринят специалистами и публикой. Номера из первой части оперы, показанные на различных концертах, имели большой успех у слушателей и положительную прессу. Тем не менее после некоторых раздумий авторы, сочтя первый акт слишком большим, разделили его на два акта.

К началу 1925 г., когда начали вырисовываться контуры будущего произведения, правительство республики стало просить композиторов завершить работу к пятилетию Татарстана. Близкие дружеские отношения Султана Габаши с председателем Совнаркома Хаджи Габидуллиным, как правило, шедшим навстречу всем просьбам и пожеланиям авторского коллектива, обзывали в короткий срок представить оперу в законченном виде. Для этого Газиз и Султан уехали в Малый Сулабаш (ныне Высокогорский район РТ) – родное село Габаши, где завершили третий акт «Сании».

В апреле-мае 1925 г. проходила подготовка к постановке спектакля – под руководством балетмейстера Юлия Адольфовича Муко ставились балетные номера, музыкальный руководитель оперы А.А.Литвинов репетировал с оркестром, Габаши разучивал хоровые партии, Виноградов совершенствовал оркестровку.

Роль главной героини изначально предполагалось отдать студентке Московской консерватории Саре Садыковой. Она была любимой ученицей Султана Габаши. Как он сам ее называл, «источником вдохновения». Именно благодаря протекции своего педагога и при личной поддержке Хаджи Габидуллина юная мусульманка из Старотатарской слободы получила республиканскую стипендию и целевое направление на учебу в это престижное учебное заведение страны. Следует особо отметить, что все арии Сании Султаном писались, прежде всего, с учетом вокальных данных Сары Садыковой. К сожалению, по семейным обстоятельствам певица не смогла принять участие в премьерном показе оперы. Ее заменила младшая сестра Разия – также одаренная исполнительница. Кстати, муж С.Садыковой – известный театральный деятель Газиз Айдарский стал одним из первых режиссеров оперы.

Премьера оперы «Сания», перед началом которой взволнованно выступил писатель Галимзян Ибрагимов, прошла в переполненном зале, в присутствии гостей и представителей зарубежных делегаций, приехавших на первый юбилей Татарской республики.

Безусловная удача и всеобщее признание вдохновили Габаши, Альмухаметова и Виноградова на создание второй национальной оперы. Уже в 1926 г. они планировали начать работу над новым монументальным произведением на либретто Гали Рахима «Буз Джигит», написанным по мотивам древней восточной легенды. Однако руководитель Академцентра Г.Ибрагимов, крайне обеспокоенный стремлением музыкантов писать оперу на политически неблагонадежную тематику, убедил их обратиться к поэме «Эшче» («Рабочий») татаро-башкирского классика Мажита Гафури, в которой поднимались актуальные проблемы классово-борьбы национального пролетариата. Премьера оперы «Эшче» состоялась в конце февраля 1930 г.

Триумфальное шествие первых татарских опер на сцене казанских театров неожиданно прекратилось в 1932 г., когда, не выдержав бесосновательных обвинений в контрреволюционности, пантюркизме и «султангалеевщине», город и республику навсегда покинул Султан Габаши. Несколько ранее в Уфу перебрался Газиз Альмухаметов. В 1938 г. этот любимый певец двух народов, бессменный исполнитель партии Зии в «Сание», педагог и публицист, был арестован и расстрелян, а на его творчество было наложено негласное табу. Все это позволило некоторым молодым музыкальным деятелям, выросшим в обстановке политической демагогии и страха, обвинить первые татарские оперы в художе-

ственной незрелости и попытаться навсегда вычеркнуть их из истории татарской культуры. Однако память о них еще долгие годы жила в сердцах людей. Не случайно в конце тридцатых годов XX в. власти Татарстана, встревоженные крайне низкой посещаемостью оперного театра, отсутствием интереса к произведениям композиторов нового поколения, начали переговоры с С.Габаши, проживавшим в Уфе, о возвращении его в республику и новой постановке оперы «Сания» в Казани. По поручению Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А.Динмухамедова их вел известный композитор А.С.Ключарев. Лишь начавшаяся вскоре война и скоропостижная смерть Султана Габаши 8 января 1942 г. не позволили этим планам осуществиться.

Мансур Музафаров (1902–1966)

Мансур Ахметович Музафаров – композитор, фольклорист, педагог, чья судьба и творчество олицетворяет блистательный путь народа, сумевший в невероятных тяжелых условиях подняться до мировых высот культуры. Будущий музыкант родился 1902 г. в Казани, в семье муллы. Своим воспитанием он был полностью обязан матери – Махруй Музафари, женщине неповторимой и в чем-то легендарной. Когда-то совсем еще юной девушкой ее выдали замуж второй женой за пятидесятилетнего хазрата и вскоре ей уже самой пришлось заботиться о хлебе насущном. Открыв в своем доме школу для девочек, Махруй Музафария становится активной участницей джадидского движения, успешно занимается литературным творчеством. Ее стихи и рассказы печатаются в ведущих городских изданиях. Писательница тесно общалась с Г.Тукаем, Г.Камалом, Ф.Амирханом и другими видными представителями татарской литературы. В соответствующей обстановке росли и ее дети. Старшая дочь Махмуда, в будущем известная поэтесса, а сын Мансур посвятил музыке всю жизнь.

Символично, что именно в те годы, когда национальная интеллигенция еще только мечтала о появлении татарских балетов и опер, Мансур Музафаров крепко подружился с Салихом Сайдашевым. Кроме обычных игр на улице, мальчиков необычайно интересовала увлекательная, красивая сказка – театр. «Я познакомился с Салихом в 1913 г., – вспоминал впоследствии Мансур Ахметович, – и с этого времени началась наша дружба. В Казани в те годы существовал Восточный клуб, где ставились татарские

спектакли... Во время антрактов там играл струнный оркестр, которым руководил Гали Зайпин. Мы с Салихом с восторгом слушали его. Увлечение оркестром и сблизило нас, пробудило любовь к музыке, оказало большое влияние на выбор жизненного пути. Салиху купили пианино, а мне – мандолину. Мы начали посещать театр, а года через два стали участвовать в татарском струнном оркестре».

Несомненно, огромное влияние на молодых музыкантов оказала личность Г.Зайпина, скрипача-виртуоза, увлеченно собиравшего фольклор и пробовавшего сочинять собственные произведения. В эти же годы начинает свою творческую деятельность один из первых татарских композиторов – З.Яруллин, который становится учителем С.Сайдашева.

К тому же с 1916 г. труппа «Сайяр» приступает к постановке музыкальных драм, где юноши в качестве оркестрантов имели дело не только с народной музыкой, как, например, в спектаклях «Галиябану» и «Молодые сердца», но и с крупными композиторскими сочинениями, такими, как оформление пьес «Зулейха», «Тагир и Зухра», автором которых являлся С.Габяши.

Общение с первым татарскими исполнителями и композиторами не проходит даром. Быстро миновал период ученичества, Мансур и Салих уже не мыслят себя вне искусства. Сайдашев сразу же после революции 1917 г. активно занимается музыкальным просветительством, а Музафаров в 1919 г. поступает в Казанский музыкальный техникум. Интересные воспоминания оставил его однокашник, композитор Ю.Виноградов: «По существу, татарской музыкальной интеллигенции в те годы не существовало. Ни одного музыканта с высшим образованием. Помню, мы все, студенты Казанского музыкального техникума, сбежались, как на чудо, смотреть и слушать, как играл седьмой вальс Шопена на кларнете. Это был юный Мансур Музафаров в году двадцать втором. Чуть позднее также еще удивлялись, когда слушали Сайдашева, игравшего сонату Моцарта».

Постепенно определяется и круг их музыкальных устремлений. Если С.Сайдашев всерьез увлекается театральной музыкой (с 1922 г. он – заведующий музчастью Татарского академического театра), то М.Музафаров, влюбленный в национальное песенное наследие, поступает в 1923 г. в Московскую консерваторию на этнографическое отделение. Мечтая о расцвете татарского музыкального искусства, он, конечно же, понимал, что успех здесь возможен лишь при условии бережного отношения к фольклору, органичного его претворения в любых, даже самых новаторских формах и поисках.

Надо отметить, что данный выбор отнюдь не сулил безмятежного, спокойного труда. Дело в том, что по мере усиления идеологического диктата в культуре борьба за национальную самобытность в музыке становится не только трудным, но и опасным делом. Примером тому служит трагическая судьба Султана Габяши.

Мансур Музафаров, для которого слова Г.Тукая о народной песне как о кладезе прекрасного и совершенного были ободряющей поддержкой в этом принципиальном споре, подхватывает идеи опального композитора Габяши, проводя долгие годы за тщательным изучением и обработкой, пожалуй, самого бесценного наследия татарского народа – протяжных мелодий. Примерно к середине двадцатых годов относятся и первые оригинальные сочинения композитора. Среди них – «Песня пастуха», «Марш колхозников», «Марш к 10-летию Татарстана», в которых уже довольно четко проявилась особенность творческого почерка композитора, точно подмеченная искусствоведам М.Нигмедзяновым: «В его музыке не просто отделить народное от авторского – настолько естественно, незаметно для слуха переплетаются эти начала».

Между тем и в событийном плане жизнь М.Музафарова был насыщена до предела. Еще во время учебы в консерватории он сотрудничает с московским татарским театром, являясь его музыкальным руководителем и дирижером. В 1931 г., вернувшись в Казань, становится музыкальным редактором республиканского радио. Новый этап в жизни Музафарова начинается в 1934 г., когда он вновь отправляется в Москву, на этот раз уже в качестве студента татарской оперной студии при Московской государственной консерватории. Здесь, кроме учебы на дирижерском отделении, успевает руководить учебной частью Башкирской оперной студии. Именно в это время М.Музафаров проявляет себя крупным, масштабным мыслящим композитором, достигшим значительных успехов во многих совсем новых для национальной музыки жанрах.

Можно лишь пунктирно очертить сферу его творческих интересов, так она широка и многогранна. В середине тридцатых годов он, например, создает «Лирическую сюиту» для симфонического оркестра, пишет множество песен и романсов, ныне заслуженно считающихся классикой, работает над хоровыми композициями для созданного в 1937 г. ансамбля татарской песни и пляски и, наконец, совместно с поэтом А.Ерикеем приступает к написанию оперы «Галиябану». Она была закончена в 1939 г. и вместе с оперой Н.Жиганова «Качкын» стала первым произведением в репертуаре только что открывшегося в Казани оперного театра.

К сожалению, этому творению Музафарова была уготована короткая сценическая жизнь. По ряду причин, порою надуманных, опера сходит с театральных подмостков, чтобы безвременно превратиться в достояние истории. Еще более незавидная судьба постигла вторую оперу композитора «Зульхабира» (либретто А.Файзи). Написанная в 1943 г., она так и не дождалась своего воплощения на сцене. Что здесь сыграло роль – то ли глубоко национальная тематика и содержание музыки, неугодные тогдашним чиновникам, то ли трудные военные годы – нам остается только догадываться.

Впрочем, времена для искусства тогда наступили тяжелейшие, все более усиливалось грубое администрирование (вспомним только кампанию по «проработке» оперы В.Мурадели «Великая дружба»). В этих условиях и проявились величие таланта и сила духа Мансура Музафарова, сумевшего противопоставить драматическому сюжету эпохи радость свершений и созидания, высокую нравственность и просто человеческую порядочность. Его почти не слышно на шумных собраниях, практически не выступает он и в периодической печати, но много работает, порой до рассвета, виртуозно, без помощи инструмента расписывая сложнейшие партитуры будущих своих сочинений. Вновь и вновь возвращается к отвергнутым операм, неоднократно редактируя их, изучает мировую музыкальную классику. Являясь первым среди татар композитором с высшим специальным образованием, он в послевоенные годы становится одним из самых авторитетных музыкальных деятелей не только у себя в республике, но и далеко за ее пределами. Его творчество переходит в совершенно новое качество. Произведения Музафарова тех лет по праву можно назвать основополагающими в татарской профессиональной музыке. Здесь и многочастные хоровые кантаты, не имевшие прежде аналогов в национальной культуре, симфонические сочинения и скрипичные концерты, оказавшие мощное влияние на композиторское мышление пятидесятих-шестидесятых годов.

Так или иначе школу Музафарова прошли многие известные музыканты. Достаточно назвать имена Р.Еникеева, А.Монасыпова, Ф.Ахметова, М.Яруллина, Б.Муллюкова и многих других композиторов, кому посчастливилось учиться у Мансура Ахметовича.

Вообще творческая молодежь буквально боготворила своего наставника. С момента открытия в 1945 г. Казанской государственной консерватории он до конца своих дней преподавал на кафедре композиции, передавая ученикам не только накопленные знания и опыт, но и неповторимый аромат истории, свидетелем которой он

был. Еще в далеком детстве, общавшийся с Г.Тукаем, друживший с С.Сайдашевым, видевший на сцене Г.Кариева и С.Гизатуллин-Волжскую, Музафаров и через много лет сохранил те качества, которые были присущи молодой, а теперь уже легендарной интеллигенции начала века. «Он был человеком мягкой и широкой души, готовый любому протянуть руку помощи», – говорил З.Хабибуллин, коллега и друг композитора. Ему вторит и певец И.Шакиров: «Первое впечатление о Мансуре Музафарове было таким – это человек никогда и никому не сделает зла». Вот лишь два характерных примера из жизни музыканта, подтверждающие сказанное.

В 1956 г. осиротел пятнадцатилетний сын композитора Султана Габяши. Отца он не помнил, а после скоропостижной смерти матери остался один в пустой квартире, без всяких средств к существованию. Мансур Музафаров, которого в свое время горячо поддерживал Габяши, не остался в стороне от мальчишеского горя. Принес денег и, самое главное, внес в дом тепло человеческого участия.

Уважая своих учителей, он одновременно был очень заботлив к ученикам. Композитор Р.Еникеев вспоминает, что его мама поначалу относилась немного настороженно к жизненному выбору сына, предвидя, какую нелегкую ответственность берет он на себя. И вот на одном из концертов приветливо улыбающийся Мансур Музафаров познакомил ее с приехавшим в Казань Д.Шостаковичем. После выступления Рената Шостакович сказал своей новой знакомой следующее: «У вас талантливый сын, берегите его». Эти слова знаменитого маэстро удивительно подействовали на нее – опасения женщины как-то сами собой исчезли. А Ренат Еникеев впоследствии стал видным представителем татарской музыкальной культуры.

Так неназойливо и тонко дарил Музафаров добро окружавшим его людям. О себе же он почти не думал. Даже будучи тяжело больным, продолжал писать, увлеченный новыми планами, большинству из которых не суждено было, к сожалению, осуществиться. 20 ноября 1966 г. Мансур Ахметович Музафаров скончался.

Одна из лучших песен композитора посвящена Габдулле Тукаю. Созданная на стихи Сибгата Хакима, она называется «Повсюду в сердце». В задумчивой, печальной ее музыке – память о Человеке, благословившем когда-то одиннадцатилетнего Мансура на служение искусству, в ней безмерная тоска по художнику, несшему измученному народу свет красоты, гуманности и надежды, в ее мелодии – неповторимое ощущение Родины. Эта песня как нельзя лучше отражает личность самого Мансура Музафарова.

Галия Кайбицкая (1905–1993)

Галия Кайбицкая родилась и выросла в семье просвещенного муллы, который еще в середине XIX в. покинул родные края (деревню М.Кайбицы ныне Кайбицкого района РТ) и отправился по свету в поисках новых знаний. Окончив медресе в Кышкарах и знаменитый университет «Аль-Азгар» в Каире, он стал имамом в одной из мечетей Уральска, где учредил передовое для той поры учебное заведение – медресе «Мутыгия». Именно здесь взошла звезда Габдуллы Тукая, в числе учеников хазрата был и будущий основоположник татарского театра Габдулла Кариев.

Все семеро детей муллы с детства воспитывались в любви к наукам, художественному слову, музыке. В доме имелось пианино, а мать – Гисинас абыстай – вела регулярные занятия с первым в истории татарской культуры женским хором.

У незаурядных родителей вырастают незаурядные дети. Старший брат Галии Кайбицкой Камиль Мотыги, получив прекрасное образование, вместе с Тукаем начал издавать одну из первых национальных газет «Мысль», журнал «Новый век». Но наибольшую известность он получил в качестве профессионального певца, пользовавшегося в начале XX века огромной популярностью. Тут, кстати, надо отметить, что разветвленный род Тухватуллиных дал татарской музыке и композитора М.Музафарова. Перед Галией не стояло извечной для юности проблемы: «Кем быть?». В 1923 г. она поступает в только что открывшийся в Казани театральный техникум. Талантливую, музыкально одаренную девушку сразу же заметили. И вот неслыханная радость: ей, первокурснице, предложили роль не где-нибудь, а на сцене Татарского гостеатра. Впрочем, кто лучше самой Галии Мотыгуловны может рассказать об этом? Вспоминая о тех счастливых днях ее днях, Галия-апа озарялась такой молодой и светлой улыбкой, что хотелось не прерывать ее рассказы, а только слушать и слушать.

«В 1923 г. я была студенткой театрального техникума, – вспоминала она. – Драматург, артист Карим ага Тинчурин, обучавший нас азам актерского ремесла, начал одновременно давать мне маленькие роли в театре. Среди них была младшей дочери хана в спектакле «Тахир-Зухра». Образ был музыкальным. Изумительно красивую арию для него создал композитор Султан Габяши. Именно ее исполнение принесло мне первый большой успех. Зал почти непрерывно аплодировал, пришлось два раза выйти на «бис». После выступления Габяши пришел за кулисы, крепко пожал руку, поблагодарил и неожиданно спросил: «Ты почему, дочка, с таким

голосом решила поступать в театральный, а не в музыкальный техникум?». А уже на следующий день наш директор З.Баязитский, вызвав меня к себе, заявил: «Сегодня ко мне пришел директор музтехникума А.Литвинов и попросил перевести тебя для продолжения учебы к нему. Что будем делать? Думай сама»¹⁰.

Галия не стала долго раздумывать. Изучение драматического искусства она начала успешно совмещать с учебой в Восточном музыкальном техникуме. Подобная разносторонность молодой актрисы предвещала ей большое будущее. Она все ярче и ярче заявляла о себе, выступая на сцене с такими признанными мастерами, как Айдаров и Кушловская.

Поворотным моментом в жизни Галии Кайбицкой и, не будет преувеличением сказать, в истории татарской музыки, стала ее творческая дружба с Тинчуриным и Сайдашевым. Драматург и композитор в эти годы находились в сложнейшем творческом поиске, работая над созданием музыкальной драмы. А в лице Кайбицкой они нашли то, что долго искали, – свою исполнительницу. В течение десяти лет – с 1923 по 1933 гг., – играя одни лишь главные роли в спектаклях ТГАТ имени Г.Камала, она сумела воссоздать обобщенный музыкальный образ татарской женщины, отвечавшей вековым представлениям народа о красоте, свободе, счастье. Галиябану, Сарвар, Майсара, Гульюзум, Гуляндам – вот только некоторые из персонажей национальной классики, сценическое воплощение которых принесло актрисе невиданную славу.

Но это было лишь началом триумфа. Годы, проведенные в татарской оперной студии при Московской государственной консерватории, открыли новую страницу в творческой биографии талантливой артистки. Она стала ведущей солисткой татарской оперы. Теперь о Кайбицкой знали не только в родной республике, но и далеко за пределами. Ведь кроме прекрасного исполнения главных партий в новых операх татарских композиторов, а среди них такие шедевры, как «Галиябану» Музафарова, «Алтынчеч» Жиганова, Галия Мотыгулловна в числе первых татарских вокалисток с успехом представила национальному зрителю лучшие произведения русской и западноевропейской классики.

Вот лишь несколько ее ролей, навсегда вошедших в золотой фонд оперного искусства. Это Марфа в «Царской невесте» Римского-Корсакова, Снегурочка в одноименной опере Чайковского, Джилда в «Риголетто» и Виолетта в «Травиате» Верди. По поводу последней искусствовед З.Хайруллина пишет: «...Видный со-

¹⁰ Интервью автора с Г.М.Кайбицкой (1993 г.) Личный архив Р.Р.Салихова.

ветский режиссер Л.В.Баратов отметил, что Виолетта Кайбицкой – естественный дар самой природы. Нежная и страстная, убедительная и эмоциональная, Виолетта явилась, пожалуй, вершиной ее творчества на оперной сцене».

Однако при всей своей стремительности восхождения к вершинам мастерства было очень и очень непростым делом. К сожалению, для актрисы искусство, радость творчества являлись только одной из линий ее жизни, которая не всегда пересекалась с другой, подчас непредсказуемой и трагичной. Никогда не забыть Галие-апе косых взглядов и откровенно враждебного отношения со стороны некоторых радетелей классовой чистоты, считавших, что дочь муллы не вправе представлять музыку советского Татарстана. Как не забыть ей полные слез глаза Сайдашева в день, когда их обоих настигло страшное известие об аресте Тинчурина. Разве можно было поверить в то, что Карим Галеевич, добрый «ангел-хранитель», чуткий наставник, столько раз выручавший актрису из самых безвыходных ситуаций, оказался вдруг «врагом народа»? А тут еще смерть любимого, дорогого человека – Ситдика Айдарова. Только Аллах знает, сколько сил понадобилось этой маленькой женщине, чтобы выстоять. Выстоять, а потом бросить вызов несправедливому веку всей своей нерастраченной добротой и любовью.

В годы Великой Отечественной войны Галию Кайбицкую часто можно было увидеть в действующей армии. Только в августе 1943 г. она вместе с гармонистом Туишевым дала около ста концертов, и не где-нибудь в тылу, а на передовой. «Да, мы были на передовой позиции, – вспоминала Галия-апа. – В перерывах между обстрелами, когда канонада затихала, поднимались на импровизированную сцену – грузовик. Солдаты даже не вылезали из окопов, готовясь к бою. Я смотрела на них, и сердце готово было выскочить из груди. Я пела изо всех своих сил»¹¹.

Кстати, в одну из таких поездок, когда певице приходилось пробираться к «публике» то ползком, то перебежками, она была ранена. Вскоре за проявленную отвагу артистку представили к государственной награде. Да, чего-чего, а мужество Галие Мотыгулловне не занимать. Но вряд ли когда-нибудь она всерьез думала о подвигах. Просто жила по велению сердца, не переставая восхищать окружающих широтой и благородством души. Это и сегодня загадка – как сумела она, оперная звезда первой величины, выкраивая время между репетициями и гастролями, вырастить троих собственных детей и двух девочек-сирот, чьи родители

¹¹ Интервью автора с Г.М. Кайбицкой (1993 г.). Личный архив Р.Р.Салихова.

погибли в Великую Отечественную войну? И каких детей! Сын Галии Кайбицкой Сайяр Айдаров стал первым среди татар доктором архитектуры. Впрочем, все эти годы рядом с ней был замечательный человек, талантливый музыкант И.Аухадеев.

Более полувека провела на сцене народная артистка Татарстана Галия Кайбицкая. Целая историческая эпоха вместилась в ее яркой и долгой судьбе. Вокруг бушевали страсти, сменяли друг друга правители, начинались и прекращались войны, а она оставалась неизменной в своей вере, принципах, пристрастиях. Поэт Сибгат Хаким в поздравлении к одному из юбилеев актрисы нашел действительно чудесные слова: «Галия-ханум! Вы очень счастливый человек: в искусстве вас благословил Тукай, а приветили в нем Сайдаш и Тинчурин. Поэтому вся ваша жизнь – это удивительная песня. Ваш звонкий и чистый голос навсегда останется с нами символом красоты, изящества, вдохновения...».

Умерла Галия Гайбицкая в Казани 16 мая 1993 г.

Латиф Хамиди (1906–1983)

Сколько их еще – неосуществленных творческих планов, так и не дошедших до современного читателя поэм и романов, ни разу не исполненных песен и опер, неисследованных рукописей, быть может, навсегда потерянных для нас или же безнадежно пылящихся на полках архивов. Горькие, ничем не оправданные потери, – следы эпохи тоталитаризма.

Но есть в этом ряду и потери иного рода, объяснение которым сегодня даже найти непросто. Одна из них – наследие Латифа Абдулхаевича Хамиди – выдающегося татарского композитора, одного из основоположников казахской профессиональной музыки, музыканта поистине общетюркского масштаба.

Будущий композитор родился 17 июля 1906 г. в деревне Бували Свяжского уезда Казанской губернии (ныне – Кайбицкий район РТ). Здесь, среди бескрайних полей, таинственных чащоб знаменитого Кайбицкого леса, прошло его детство, оставившее неизгладимые впечатления на всю последующую жизнь.

Отец Латифа – Абдулхай, крестьянин, едва сводивший концы с концами на своем клочке земли, часто нанимался сезонным работником на различные заводы и горные выработки. Несколько лет спустя после рождения сына он решает совсем покинуть родные края и вместе с семьей отправляет скитаться по России в по-

исках лучшей доли. Немало потрудившись на шахтах Донбасса, металлургических заводах Кавказа, Абдулхай-ага, наконец, обосновывается в узбекском городе Катта-Курган, где отдает маленького Латифа в медресе, руководимое видным татарским просветителем Зарифом Кадыри.

В стенах этого прогрессивного для тех лет учебного заведения впервые раскрываются незаурядные способности мальчика. С помощью одного из своих учителей Гимада Тимербулатова он учится играть на мандолине, а под началом другого педагога – поэтессы Загиды Бурнашевой (Гиффат туташ) пишет стихи и рассказы, некоторые из которых были опубликованы в детском журнале, издававшемся в Самарканде. Вскоре Л.Хамиди становится первым учеником только что открывшейся Катта-Курганской музыкальной школы, обучается в ней по классу фортепиано и скрипки.

В 1920 г. одаренного юношу командируют в Ташкент для поступления в Татарский институт просвещения. Надо сказать, что этот институт являлся своеобразным центром культуры для татар, проживавших тогда в столице Узбекистана. Его развитой художественной самодеятельности могли бы позавидовать и многие современные вузы. Музыкальным кружком, например, руководил русский композитор Ф.Вынежев, литературным – ученый-филолог Г.Сагди. Настоящим праздником для студенческой молодежи были вечера искусств, где наряду с молодыми артистами, музыкантами, поэтами регулярно выступали К.Тинчурин, З.Башири, Г.Альмухамедов.

Хамиди как-то сразу сумел выделиться из общей любительской среды. Писал стихи и рассказы, обращавшие на себя внимание специалистов, руководил оркестром народных инструментов, начал пробовать себя в музыкальном сочинительстве. В 1922 г. он создает две композиции: «Первый вальс» и «Вперед, комсомол», которые сразу же принесли молодому автору популярность, – настолько очевидным было их новаторство. Салих Сайдашев даже включил песню-марш «Вперед, комсомол» в один из своих спектаклей, а «Первый вальс» превратился в неофициальный гимн татарской молодежи 1920–30-х годов.

Ободренный таким началом, Латиф мечтал лишь об одном – продолжить музыкальное образование. Поэтому, когда в Ташкенте появился заведующий учебной частью Восточного музыкального техникума Султан Габяши и предложил ему переехать для учебы в Казань, Хамиди, не раздумывая, согласился.

Время, проведенное в столице Татарстана, оказалось очень важным в творческой биографии начинающего музыканта. В эти годы культура республики переживала пору расцвета: ставились

первые татарские оперы, в театре шли драмы К.Тинчурина и С.Сайдашева, бурлила спорами и дискуссиями литература. И хотя Хамиди не нашел в местном техникуме того, что искал – класса композиции, он все-таки начал заниматься игрой на виолончели, несколько раз выступил со старейшиной татарской музыки пианистом З.Яруллиним, а познакомившись с Мусой Джалилем написал песню «Веселая молодежь». В среде казанской интеллигенции он стал своим человеком и, вероятно, уезжая в 1927 году в Москву, поступать в Первый Московский музыкальный техникум, лелеял мечту о скором возвращении на берега Идели.

В Москве молодому композитору повезло. Его наставником стал известный ученый-музыкант Б.Яворский, раскрывший перед учеником премудрости теоретических дисциплин, того, чего обычно не хватало многим национальным музыкантам-самородкам. Результаты сказались немедленно. Творческая деятельность Л.Хамиди переросла любительские рамки и превратилась в заметное явление татарской культуры. Он много и успешно работает над оформлением спектаклей московского Рабочего театра. Продолжая сотрудничать с М.Джалилем, пишет серию детских песен «Зайчик», «Юнгштурм», «Песня об Октябре», «На празднике урожая»), кстати, заложившие основу этого жанра в нашей музыке, начинает всерьез заниматься обработкой фольклора.

Казалось бы, настало время возвращаться в Казань, чтобы там, на родине, употребить весь свой талант и знания, но вместо этого Латиф в 1933 г. вдруг уезжает в Алматы.

Причина такого поступка, видимо, заключались в той нездоровой обстановке, которая складывалась в 1930-е годы в Татарстане вокруг деятелей музыкального искусства. По чьей-то злой воле началось настоящее преследование композиторов старшего поколения. Спешно покидают республику Г.Альмухаметов и С.Габяши, в «стол» пишет М.Музафаров, не так часто слышно и С.Сайдашева. Газеты, журналы пестрят разоблачительными статьями о «буржуазных вредителях» и «националистах» в музыке, где, порой, нелестно отзываются и о самом Хамиди. А ведь для таланта, как известно, нет ничего дороже «покоя и воли».

Отъезд в Казахстан не был делом особо болезненным: Хамиди получил приглашение из Казахского драматического театра поступить туда на работу в качестве заведующего музчастью. Так в его жизни начался новый и главный период, связанный со становлением и развитием профессиональной казахской музыки. Латифу Хамиди предстояло здесь сделать то, чем занимались Габяши, Сайдашев, Музафаров в татарской культуре – начать этап

музыкального строительства, создать развитые профессиональные формы.

Для перечня всего, что сделал за эти годы Хамиди, понадобится объем не одной монографии. Поэтому ограничимся некоторыми штрихами, характеризующими восхождение музыканта к выдающимся творческим свершениям. Тут и музыкальное оформление театральных постановок по пьесам М.Ауэзова «Ночные раскаты», С.Муканова «Два праздника» (совместно с композитором С.Шабельским), создание четырех опер, определивших стилевое направление этого жанра в казахской музыке, написание нескольких симфонических произведений, множества удивительных песен и романсов, до сих пор волнующих сердца слушателей. Наверно, особую гордость может составить и то, что наш земляк является одним из авторов гимна ныне независимого государства Казахстан.

Своим подвижничеством, трепетным отношением к искусству татарский композитор сумел завоевать искреннюю любовь и уважение казахского народа. Да и как можно забыть, не заметить, например, тот факт, что, пропадая месяцами в этнографических экспедициях, собрав свыше двухсот образцов музыкального фольклора, Латиф Хамиди записал (а значит, сохранил для потомков) несколько песен великого просветителя Абая Кунанбаева. Кстати, эти песни были затем использованы музыкантом в его работе (совместно с первым композитором-казахом А.Жубановым) над монументальной оперой «Абай».

Но Хамиди не оторвался от родных корней. Сотрудничая с казахским драмтеатром, он пишет музыку к пьесе выдающегося татарского драматурга А.Рахманкулова «Документ», а по окончании оперной студии при Московской гос. консерватории в 1938 г. представляет на суд публики «Татарскую сюиту» для симфонического оркестра.

Являясь преподавателем кафедры народных инструментов Алма-Атинской консерватории, он написал ряд учебных пособий для ее студентов, воспитал десятки замечательных композиторов и исполнителей. Из их числа достаточно упомянуть дирижера Государственного театра оперы и балета в Киеве Г.Дугашева и дирижера Большого театра, художественного руководителя симфонического оркестра Татгосфилармонии Ф.Мансурова.

Известно, что в творчестве любимого народом композитора всегда есть «визитная карточка». Таков, например, «Марш Красной Армии» С.Сайдашева. Символично, что у Латифа Хамиди таких сочинений два: «Первый вальс», восходящий своими истоками к татарской народной песне, и романс «Соловей», в основе

которого мотивы древних казахских мелодий. Оба они одинаково дороги как казаху, так и татарину. И это ли не образец естественного, не показного взаимодействия и взаимопроникновения культур. Впрочем, истинно прекрасное не признает каких-либо запретов или границ.

Он дожил до своего триумфа в Москве.

Вот как описывает татарский писатель Т.Айди приезд Латифа Хамиди в 1958 г. на вторую декаду казахской литературы и искусств: «На улицах звучит гимн Казахстана, на сцене Большого театра идет опера «Абай». Аплодисменты, повсюду аплодисменты! «Браво, Хамиди! Ваш «Соловей» – прекрасен!».

Латиф Хамиди оказался невольным «эмигрантом» в собственной республике, неизвестно кем и за что осужденным на забвение своим же татарским народом. Но как хочется, чтобы подобное чувство его музыки произошло, наконец, в Татарстане, на той земле, где он родился. Несомненно, Латиф-ага мечтал об этом всю жизнь.

Революция и татарская антропонимия

В конце 1913 г. в татарской газете «Кояш» появилась любопытная статья «Национальные имена». Неизвестный автор привел интересный исторический обзор. Он писал, что когда татарское духовенство было под влиянием Бухары, то в народе были популярны «сартские имена», позднее в моду вошли арабские. На рубеже XIX–XX вв., когда установились более тесные контакты с Османской империей и появились люди, получившие образование в стамбульских учебных заведениях, некоторые татары начали давать своим детям турецкие имена – Мидхат, Рафъат, Шафкат, Энвер и другие. Но, по замечанию автора, в последние годы наметилась крайне важная тенденция – молодые люди предпочитают не заимствованные имена, а обращались к татарскому историческому наследию. *«Настоящий молодой более интеллигентный класс Казани стремится отыскивать и давать детям красивые национальные имена. Например, Чингиз, Сююмбика, Узбек, Айсылу. Пройдет еще 5–6 лет и вместо имен Абдулла-Джан, Сахим-Джамал будут Чингиз, Узбек, Бату, барышни Сююмбика, Зябярджян»*, – прогнозировал он. Автор мечтал о большей популярности национальных имен, чтобы нашелся человек, который бы указал

«исторические и истинно-национальные имена и перечислил их в одном из наших журналов»¹².

Однако в 1913 г. никто и не мог предположить, что через 5–6 лет в моду войдут совсем другие имена – латинские, русские, а также появившиеся как плод воображения самых преданных поклонников советской власти.

В целом, краткий исторический обзор в имянаречении, приведенный автором статьи в газете «Кояш», характеризует удивительную гибкость татарской культуры и постоянную готовность ее носителей к экспериментам в антропонимии. В этой связи, другие критики еще до 1917 г., в том числе Ш.Марджани, Г.Тукай, выражали недоумение имятворчеством татар, когда они использовали невероятные сочетания арабских и тюркских слов. Порой, даже не зная точного значения слова на арабском языке.

Принято считать, что западноевропейские заимствования являются исключительно продуктом советской эпохи. Однако, как показывают некоторые примеры, определенные заделы в этом направлении были уже до 1917 г. Так, популярный среди татарской интеллигенции поэт Сагит Рамиев назвал своего первенца итальянским именем Рафаэль – в честь великого живописца. Сын его родился в 1915 г. По сведениям литературоведа М.Гайнуллина, свой нетрадиционный для татар выбор имени С.Рамиев объяснял следующим образом: *«Хотя мой сын не будет художником, но мне хочется, чтобы это имя сделало его немного похожим на людей, служивших искусству»*. В XX в. это мужское имя, действительно, станет весьма популярным среди татар.

Но не только Рафаэли рождались еще до 1917 г. Например, в сентябре 1911 г. в Касимове в семье купца Кастрова, родилась девочка, которую назвали Рауза. Кстати, ее дедушкой был известный московский купец и благотворитель Салих Ерзин. Рауза Ахмедовна прожила долгую жизнь и дожила до 100 лет. Неизвестно, чем руководствовались ее родители – дети татарских предпринимателей, когда давали своей дочери латинское имя. Возможно, повлияло проживание в русскоязычной среде, в том числе в Москве, знакомство с новыми веяниями этого времени. Но нельзя исключать и того, что они хотели дать дочери цветочное имя и вернуться к татарским традициям XVIII вв., где особенно много было сложносоставных имен с приставкой «Гөл». Здесь обращает на себя внимание то, что если в турецком языке роза – это *гюль*, то на арабском языке роза звучит примерно как *рууз*, аналогично звучание и на фарси.

¹² ГА РТ. Ф.430. Оп.1. Д.228. Л.246.

Между тем, уже через десять лет имя Рауза в татарской среде будет одним из популярных. Оно сочетало в себе сразу несколько важных значений. С одной стороны, имя продолжало цветочную традицию имянаречения. С другой, отвечало марксистскому тренду. Давая новорожденным дочерям имя в честь Розы Люксембург (1871–1919), родители подтверждали свою политическую благонадежность. Поэтому после 1917 г. имена Роза¹³, Розалия, Рауза прочно вошли в татарскую среду. Так же, как и имя другой немецкой марксистки и феминистки – Клары Цеткин (1857–1933).

Как и новорожденные девочки, нарекаемые Розами и Кларами, новорожденные мальчики в советское время получали имена в честь Маркса и Энгельса. Последнее имя было адаптировано под особенности татарского произношения, оно известно также, как Энгель, Ингель. Конечно же, целый ряд новых имен было посвящено вождю революции – Владимиру Ильичу Ленину. Встречались самые разные вариации использования имени вождя революции. Например, известно женское имя Нинель, которое является обратным прочтением фамилии Ленин.

По мнению специалистов, традиционные мусульманские имена после 1917 г. были под запретом¹⁴. Безусловно, произошло это не сразу. Но, особенно осязаемым стал этот тренд с 1930-х гг.

Например, проанализируем имятворчество сразу в нескольких татарских семьях. Одна из них проживала в бывшем Белебеевском уезде Уфимской губернии. Супругов звали Назифа (1895 г.р.) и Фатхелислам (1893 г.р.). Первый ребенок (девочка, родившаяся в семье вскоре после революции, в 1919 г.) получил нейтральное имя Алифа (первая буква татарско-арабского алфавита). Возможно, имя Альфия, ставшее популярным чуть позднее, является как раз вариацией Алифы. Вторую дочь, появившуюся в 1922 г. нарекли именем Мадина. Оно имело обезличенный характер, но, очевидно, что в советское время к нему часто обращались именно как к мусульманскому символу. Судя по всему, большинство татарских родителей постоянно колебались между новыми требованиями и привычными именами. Так, в этой семье сыновьям, родившимся в 1924-м и 1926 гг. дали имена, состояв-

¹³ Имя Роза породило среди татар и другие похожие имена латинского происхождения – Резеда, Азалия, Лилия и т.д. Они уже не связаны напрямую с революционной тематикой, но навеяны модой на иностранные цветочные названия.

¹⁴ «Есть мнение, что имя Ренат имеет революционное содержание. Не согласна с этой трактовкой» (интервью с Г.Р.Галиуллиной) // Электронная газета «Реальное время». 16.02.2017 г. realnoevremya.ru

шиеся из арабских и тюркских компонентов: Ахияр и Динислам. Девочка 1927 г.р. была наречена именем Аниса, которое имело арабское происхождение. Но это пример использования различных арабских нарицательных уже в светском значении. Аналогичная тенденция наблюдалась и со словами персидского происхождения. В 1929 г. в семье родился еще один сын, которому дали имя Фатхельбаян. Надо сказать, что в обиходе такие сложно-составные имена, чаще всего, использовались в сокращенном варианте. В 1933 г. у супругов Назифы и Фатхелислама появился сын по имени Магьдин. Опять же мы видим, что они старались сохранить мусульманскую традицию в имянаречения. Но в 1940 г. своей самой младшей дочери дали имя Клара¹⁵. Остается только догадываться, добровольным был выбор этого имени или сыграла свою роль рекомендация работников ЗАГСа.

Еще один пример из бывшего Белебеевского уезда Уфимской губернии. Семья проживала в сельской местности. Глава семейства Идрис (1886 г.р.) учился в медресе и достиг определенных успехов, перед революцией промышлял обучением детей в казахских степях. Его супругу звали Хасбиямал. Дети, рожденные до 1917 г., получили традиционные мусульманские имена: Рахима (1913) и Накия (1915). Следует заметить, что в этот период становились популярными односоставные имена. Но девочку, родившуюся в 1918 г., нарекли именем Мугалима. Это было уже новое имя, т.к. раньше так называли татарских учительниц. Но уже в советские годы отказались от дореволюционного наименования профессии (мугаллим/мугаллима) и придумали слово-замену – укытучы. Так, слова Мугаллим и Мугаллима получили распространение среди татар уже в качестве антропонима. Дочерей появившихся позже в этой семье тоже старались называть по-новому. Так, в 1920 г. родилась Мадина, в 1923-м – Муссабиха, в 1930-м – Савия, в 1934-м – Роза (Рауза). Лишь сын, родившийся в 1926 г., был назван традиционным, двусоставным именем Габдулбарый. Изменения в имянаречении этой семьи происходили на фоне трансформации мировоззренческих установок главы семейства. Бывший шакирд Идрис в 1920-е гг. выселился из родового села и с небольшой группой молодежи образовал трудовую артель. В новой деревне он исполнял духовные требы местных жителей, был муллой. Но по мере усиления атеистических настроений и репрессий, Идрис добровольно отказался от этой службы¹⁶. Веро-

¹⁵ Личный архив Л.Р.Габдрафиковой.

¹⁶ Личный архив Л.Р.Габдрафиковой.

ятно, давая младшей дочери революционное имя Роза, бывший мулла в какой-то степени защитил себя и жизнь своих близких.

Проведем такой же анализ в татарской семье из Заказанья. Отец семейства Гариф поддерживал социал-демократические идеи и принимал непосредственное участие в организации советской власти в новом Арском кантоне ТАССР. Супругу Гарифа звали Хаят, она была женщиной традиционных взглядов, всю жизнь оставалась правоверной мусульманкой. Старшего сына, появившегося в этой семье в 1919 г., нарекли мусульманским именем Талгат. Детей, родившихся в 1920-е гг. назвали Зубаржат, Лейла, Фархат. Это была уже новая тенденция по замене мусульманских традиций имянаречения близкими татарской культуре персидскими именами. Так, еще одного сына 1935 г.р. нарекли Рустемом. Интересное новое имя Язгулюм («мой весенний цветок» в переводе с тат. яз.) получила дочь Гарифа и Хаят, рожденная тоже в первой половине 1930-х гг. Это можно назвать переломным моментом в данной семье, когда наряду с персидскими именами, стали рассматривать и абсолютно новые имена. Так, самому младшему сыну, родившемуся в 1937 г., дали имя в духе новых веяний – Рим¹⁷. Подобные перемены в 1920–1930-е гг. происходили почти в каждой татарской семье. Практически за одно поколение традиции имянаречения претерпели кардинальные перемены.

Особую группу новых татарских имен составляют имена французского происхождения. Некоторые из них связаны с событиями Великой французской революции. Вообще, российские революции начала XX в. часто сравнивали с этим историческим явлением. Поэтому неудивительно, почему в советское время среди татар стало популярным имя лидера французской революции Жан-Поля Марата. Вероятно, сыграло свою положительную роль и то, что имя Марат было созвучно с тюркским именем Мурат. Кроме Марата, среди татар стали популярными имена Марсель (в честь предводителя французских рабочих Марселя Кашена), Луиза (в честь французской революционерки Луизы Мишель).

Пожалуй, самым революционным именем можно назвать Люцию. С одной стороны оно напоминает итальянскую Люцию (свет). Например, была Санта Лючия (покровительница слепых). Однако имя напрямую связано со словом Революция и является составной частью этого термина.

«Всплеск имятворчества в татарском антропонимиконе произошел вскоре после Октябрьской революции и продолжался с

¹⁷ Личный архив Р.Р.Салихова.

разной степенью интенсивности в течение всего XX столетия, – отмечает исследователь татарской антропонимии Г.Р.Галиуллина. – Первый период имятворчества можно охарактеризовать как беспорядочный поиск новых имен, взрыв творческой стихии в антропонимическом пространстве»¹⁸.

В начале 1920-х гг. появились имена-аббревиации, совершенно новое для татарской культуры явление. В этой связи, можно отметить такие новые имена, сокращения от Владимира Ильича Ленина: Виль (Вил), Виля, Вилия, Вилен, Вилена. Кроме того, Вилюр(а) – сокращение от «Владимир Ильич любит рабочих». Надо признать, что популярное в советское время татарское женское имя Флюра тоже созвучно с этим революционным антропонимом, хотя специалисты склонны связывать его со словом «флора». В целом, по мнению филологов, татарские женские аббревиатурные имена встречаются реже, чем мужские¹⁹.

Сокращениями различных словосочетаний революционной тематики являются следующие имена: Вилуза – «Владимира Ильича Ленина-Ульянова заветы», Ким – «коммунистический интернационал молодежи», Ленар – «Ленинская армия», Лениза – «Ленинский завет», Ленур – «Ленин учредил революцию», Лемара – сокращения от Ленин и Маркс +а, Марлен, Марлена – сокращения от Маркс и Ленин, Ревмир, Ремир, Рем – «революция мировая», Ренат – «революция, наука, труд» или «революция, национализация, Троцкий», Ренас – «революция, наука, союз», Замвил – «заместитель В.И.Ленина», Юнир – «юный революционер» и другие.

Целый ряд новых татарских имен породили лозунги советской власти: Дамир – «Да здравствует мир» или «Даешь мировую революцию», Вильсор – «Владимир Ильич Ленин – создатель Октябрьской революции».

Вообще, революционные имена приживались, если были созвучны с традиционными именами. Например, Вильдан (Уйылдан), Дамир (Тимер), Марат (Мурат) и т.д. Имя Рем (его варианты – Рим, Римма) имеет целый ряд пояснений о его революционном происхождении: «революция мировая», «революция, электрификация, механизация», «революция, Энгельс, Маркс», «революция, электрификация, мир». Но это имя напоминало и привычное для татар имя Карим, и именно этим можно объяснить его распространенность.

¹⁸ Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте. Автореферат дисс. ... д.филол.н. Казань, 2009. [Электронный ресурс] <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/92788>. Дата обращения 29.04.2019.

¹⁹ Валиева М.З. Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен. Автореферат дисс. ... к.филол.н. Казань, 2007. С.28.

Кроме того, была и другая тенденция, когда традиционные персидские имена преподносились татарами как сокращения революционных лозунгов. В этой связи можно упомянуть имена Зарема («За революцию мира»), Лейла или Лаиля («лампочка Ильича»). Аналогичный ход использовался и с некоторыми именами арабского происхождения. Например, Рамиль трактовался как сокращение словосочетания «Рабочая милиция». То же самое наблюдалось и с западноевропейскими именами, которым «находили» революционное объяснение. Так, имя Эмиль связывали с сокращением от фамилий Энгельс, Маркс и Ленин.

Наряду с неологизмами и западноевропейскими именами, в татарскую среду проникали и русские имена. Так, особое место занимает имя Светлана, которое получило популярность среди татар в 1920–1930-х гг. Это имя и для русской культуры было новым, поскольку оно было нецерковным и имело литературное происхождение, стало известно благодаря балладе В.А.Жуковского. До революции имя Светлана использовалось только как название морских судов и предприятий. Однако в эпоху расцвета атеизма Светлана стала модным антропонимом, особенно когда носителями данного имени стали дочери первых лиц Советского государства²⁰.

Популярность имен-неологизмов, а также интерес к западноевропейским и русским антропонимам в советские годы был обусловлен и ростом межэтнических браков. «Нейтральные» западноевропейские имена нивелировали национальные традиции татар и представителей других народов и служили компромиссом в таких семьях.

Вместе с тем, в некоторых случаях, аббревиатуры сочетались с тюркскими компонентами. Например, как в имени Вильдан (Виль + дан (в переводе с тат. «слава), Вильнур – Виль + нур (в переводе с тат. «свет»). Кроме того, революционные имена адаптировались под звучание татарского языка. Как, например, Ринат, Линар и т.д.

В советские годы появился целый ряд имен, начинающихся на букву Э. В каких-то случаях, это объяснялось использованием начальной буквы фамилии Энгельс, где-то это было связано с электрификацией. Многие эти имена имели созвучные аналоги в западноевропейских культурах (Эльмира, Эльмар, Эмиль и т.д.). Но этот тренд, а также негласное поощрение на использование имен с приставкой «Вил», утвердил курс на новые имена в татар-

²⁰ Душечкина Е. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С.76–87.

ской культуре с татарским словом «ил» (страна, государство): Ильсур, Ильсояр, Ильнур, Ильнара, Ильшат, Ильгиз, Ильгиза и т.д. Это было показателем нового национального самосознания, связанного с созданием собственной автономии – ТАССР. Хотя надо признать, что единичные схожие примеры были и до 1917 г. Например, с конца XIX в. получает распространение имя Ильдархан. В советское время, кроме татарских имен с приставкой «Ил», завоевали популярность такие революционные антропонимы, переводимые с татарского языка как «свобода»: Ирек и Азат.

Таким образом, революция 1917 г. стала важной вехой в татарской антропонимии. Она перевернула традиционный именной репертуар народа и породила целый ряд новых имен. Наряду с заимствованными из других культур антропонимами, в советские годы появились имена, характерные исключительно представителям татарского народа.

На волне революции: населённые пункты ТАССР 1920-х гг.

В топонимике Республики Татарстан нередко встречаются названия, связанные с революционной эпохой и властью Советов. Это многочисленные «красные», «новые», «светлые» поселки, в том числе на татарском языке с приставкой «кызыл / кзыл», «яңа», «якты».

Все эти названия являются яркой иллюстрацией настроений той эпохи, светлых надежд и мечтаний определенной части общества. Прежде всего, молодежи. Например, в Собакинской волости Арского кантона в 1920 г. образовалась деревня *Яшь көч* (Молодая сила), а в Сармановской волости Челнинского кантона появилась деревня *Яшьләр* (Молодежь), на территории совр. Пестречинского района был поселок *Кзыл-Яшьляр* (Красная молодежь). Именно молодые семьи стремились образовать на освободившихся землях выселки и начать там новую жизнь. Популярными в эпоху революции лозунги о всеобщем равноправии и свободе обещали помочь претворить в жизнь самые смелые задумки.

Слово «Свобода» было одним из самых популярных среди названий населённых пунктов. Оно звучало на разных языках. Например, в 1926 г. на территории современного Альметьевского района возникла деревня с жизнеутверждающим названием *Ирекле* (Свободный). Ранее на месте деревни были земли хуторян

и помещиков. В Закамье появилось особенно много советских поселков. В 1926 г. в Ирекле было зафиксировано 28 жителей. Новая деревня у реки Холодная входила в Старо-Михайловский сельсовет Кармалинской волости Мензелинского кантона Татарской АССР. Основали ее выходцы из деревни Дюсумово (совр. Сармановский район). Позднее прибыли крестьяне из д. Лешев-Тамак²¹. В отличие от многих других советских поселков, Ирекле выдержало вызовы нового времени. В 2002 г. в населённом пункте было зафиксировано 236 жителей.

Деревни под таким же названием Ирекле возникли и на территории совр. Азнакаевского района. Одно Ирекле, расположенное на р. Чалпинка, основано в 1920-х гг., а другое Ирекле, на р. Мелля, образовано в 1931 г. *Ирекле-2* существует и в соседнем Сармановском районе.

В Спасском районе переселенцы из с. Старый Баран (совр. Иске Рязяп) основали деревню *Ирек* (Свобода). Любопытно, что сначала новая деревня тоже называлась Старый Баран. В 1926 г. в нем было зафиксировано 28 человек²². Близкое по звучанию к слову Ирек название деревни *Иркен* (Просторно). Она расположена на территории совр. Бугульминского района и основали её в 1924 г. переселенцы из села Карабаш.

Кроме «*ирек*», как свобода переводятся и другие татарские слова «азат» и «хоррият». Они тоже нашли отражение в топонимике ТАССР. В 1920-е гг. на территории совр. Аксубаевского района была образована деревня Азат, а в Ютазинском районе – Хуррият (Хоррият).

Топоним Свобода был одним из самых популярных и среди русских населённых пунктов. Так, только среди исчезнувших деревень насчитывается пять поселений под названием *Свобода*. Такие поселки были в Агрызском, Лаишевском, Пестречинском, Сабинском, Черемшанском районах. Большинство из них исчезли в 1940–1960-е гг. Лишь Свобода в Черемшанском районе была исключена из списка деревень в 2001 г. Кроме того, в 1920-е гг. появились поселки *Свободный Пахарь* (совр. Черемшанский район), *Свободный Труд* (совр. Сармановский район)²³. Но многие из них тоже считаются исчезнувшими деревнями. В последнем по-

²¹ Галимуллин И.И. Очерки по истории населённых пунктов Альметьевского района. Казань, 2005. С.38–40.

²² Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.597.

²³ Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан: справочник / под ред. Р.В.Шайдуллина. Казань, 2016. С.219.

селке Свободный труд в Камско-Устьинском районе в 2002 г. проживало лишь 9 человек²⁴.

Перекликается с топонимами Свобода и Ирек названия деревень с компонентом *воля*. Например, в Агрызском районе в 1920-е годы образовался поселок *Вольный труд*. В конце 1930-х годов в нем проживало более 300 человек. Поселок был смешанным. Жили там татары, русские и удмурты. По данным 2000 г. в п. Вольный труд было зафиксировано лишь 35 человек.

Схожая судьба у многих других новых поселков советской поры. Так, в 1920-е гг. поселок под названием *Новая жизнь* появился на территории современного Кайбицкого района РТ, а в Мензелинском районе татары-кряшены образовали свой поселок *Яңа Тормыш* (Новая жизнь). Сельскохозяйственная артель с таким же названием заработала и на территории совр. Азнакаевского района. Но новые поселения очень часто существовали лишь несколько десятилетий. Яңа Тормыш не упоминался в справочных изданиях уже с конца 1940-х гг., а Новая жизнь – после 1960-х гг.²⁵ Некоторые деревни в 1920-е гг. получили незамысловатые названия – *Яңавыл* (Новая деревня). Такие поселки возникли в совр. Агрызском, Буинском районах, а поселки *Новая деревня* – Елабужском, Заинском районах.

Основатели поселений революционной поры подчеркивали новизну не только самой жизни, но и страны. Например, в Верхнеуслонском районе возникла сельхозартель *Новая Россия*²⁶.

Главным символом революции был октябрь. Поэтому вслед за событиями октября 1917 года появились сельхозартели и поселки с характерными названиями: *Октябрина*²⁷, *Красный Октябрь* (совр. Нурлатский район), *Октябрьский* (совр. Зеленодольский, Верхнеуслонский районы), *Октябрино* (совр. Кукморский район). Татарские деревни чаще всего назывались *Октябрь бүләге*, *Октябрь-Буляк* (подарок Октября). Такие населённые пункты были в Тукаевском, Азнакаевском районах. Но встречались и поселки под названием *Бүләк* (совр. Актанышский район). В некоторых волостях выделяли именно Октябрь-Буляк из-за того, что имелись старинные населённые пункты под названием Буляк. Так, деревня Буляково на территории совр. Муслюмовского района существовала еще в XVIII в.

²⁴ Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.281.

²⁵ Исчезнувшие населённые пункты... Казань, 2016. С.166.

²⁶ Там же. С.167.

²⁷ Поселок возник в 1918 г.

Связаны с революционной символикой татарские деревни под названием *Йолдыз* (Звезда). Они есть в Азнакаевском, Верхнеуслонском, Спасском районах. Все эти деревни возникли в начале 1920-е гг. На территории совр. Заинского района переселенцами из с. Керекес в 1926 г. была основана татарская деревня *Байрак* (Знамя).

Новая эпоха, революция и свобода ассоциировались и с именем Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Неудивительно, что некоторые русские поселки были названы в честь вождя революции. Деревни под названием *Владимировка* возникли на территории совр. Аксубаевского, Альметьевского, Сармановского районов. Были переименованы во Владимировку и старинные населённые пункты. Так, кряшенская (крещено-татарская) деревня Малый Берсут Нижне-Суньской волости Мамадышского уезда после революции стала Владимировкой.

Кроме Владимировки в качестве нового названия выбирали *Ленино*. Например, на территории совр. Новошешминского района деревня Нижнее Никитино, известная еще с XVIII в., в 1924 г. получила название Ленино. Но самым знаменитым Ленино в ТАССР стало село Кокушкино (Пестречинский район). Деревня насчитывала свою историю со времен Казанского ханства и неоднократно меняла названия. Так татарская Янасала с XVIII в. превратилась в Кокушкино. Именно там располагалось имение А.Д.Бланка – деда В.И.Ульянова по материнской линии. Знаменитый революционер и сам часто бывал в Кокушкино, в этой усадьбе студент Володя Ульянов отбывал ссылку в 1887–1888 гг. С 1924 г. село получило новое название Ленино, а в 1960-е гг., после объединения с соседней деревней Апакаево, появилось современное наименование Ленино-Кокушкино. Сегодня в населённом пункте создан Государственный историко-культурный музей-заповедник «Ленино-Кокушкино».

Почти как лозунг-призыв звучал топоним *Алга* (Вперед). Так, был назван поселок, основанный в 1925 г. в Бугульминской волости одноименного кантона. Позднее в этой же волости появился еще один населённый пункт с таким названием. Деревня Якты Ялан²⁸, образованная в 1920-е гг., уже в 1930-е гг. сменила название на Алга. Выходцы из с. Новое Каширово в 1924 г. недалеко от своих родных мест основали поселок и назвали его *Социализм*. Однако уже через пять лет сменили его на более привычное и простое *Сабанчы*²⁹ (совр. Альметьевский район). Неизвестно с

²⁸ Светлая поляна (пер. с тат.).

²⁹ Плугарь или пахарь (пер. с тат.).

чем было связано такое переименование, но сегодня уже деревня не существует.

Тем не менее, вера в начало другой жизни 1920-х гг. нашла отражение в названиях поселков с названиями *Ак-Юл*³⁰ (совр. Ютазинский район), *Заря* (совр. Аксубаевский район), *Восходящая заря* (Тукаевский район), *Восход* (совр. Нурлатский район), *Восход солнца* (совр. Буинский район), *Пробуждение* (совр. Нижнекамский район), *Восточная звезда* (совр. Верхнеуслонский район). На татарском языке тоже появились деревни с топонимами схожего значения. Например, на территории совр. Чистопольского района был образован поселок *Чулпан* (Утренняя звезда), а в Нурлатском районе – *Мөселман Таңы* (Утро мусульман).

Вообще на территории этого района было много новых населённых пунктов. В Нурлатском районе было сразу два поселка под названием *Берлик* (единство). Один из них исчез в 1940-е гг., другой позднее вошел в состав д. Михайловка. Был аналогичный русский населённый пункт, образованный в 1921 г. на базе сельскохозяйственной артели «Единение». Деревня *Единение* входила в Егоркинскую волость Чистопольского кантона и была основана выходцами из сел Егоркино, Вишневая Поляна и д. Караульная гора.

Тема единства обыгрывалась и в названиях населённых пунктов в других регионах. Например, деревня *Берлек* (Объединение) в 1920-е гг. возникла в Бугульминском и Буинском кантонах, в Свияжском кантоне – *Берек* (Объединяйся), *Берләш* – на территории совр. Апастовского района. В Мензелинском кантоне выходцы из деревни Старый Пьяный Бор основали в 1920 г. поселок *Дружба*.

Многие новые населённые пункты возникли как трудовые (сельскохозяйственные артели). В условиях дефицита, неурожая и голода люди надеялись совместными усилиями преодолеть все вызовы наступившей эпохи. Свой будущий успех на новом месте в одних случаях они связывали с плодородием земли (пос. *Благодатный*, совр. Азнакаевский район) или на взаимопомощь (пос. *Ярдәм*³¹, совр. Спасский район), в других полагались на собственные умения и навыки. Многие поселки получили незамысловатые названия: *Игенче*³² (совр. Тукаевский район), *Эшче*³³ (совр. Мамадышский район). Например, на территории совр. Аксубаевского района в 1920-е г. возник поселок *Труд* или *Уголок Брат-*

³⁰ Светлый путь (пер. с тат.).

³¹ Помощь (пер. с тат.).

³² Хлебороб (пер. с тат.).

³³ Рабочий (пер. с тат.).

ского труда. Позднее за этим селом сохранилось название Трудолюбово. С этими настроениями перекликается и название татарского поселка *Тырыш* (Трудолюбивый) в Азнакаевском районе.

Для первых лет советской власти были характерны поселки, в названиях которых присутствовал компонент Светлый. Некоторые топонимы повторяли старые. Например, *Светлое озеро*. Деревни под таким названием в 1919–1920-х гг. возникли в Зеленодольском, Нурлатском, Высокогорском районах. Но село с аналогичным названием, основанное еще в начале XVIII в. было и в Заинском районе³⁴. Кроме того, недолгое время существовали поселки *Светлый ключ* (Бугульминский район), *Светлый пахарь* (Азнакаевский район). Интересно, что в последнем поселке жили татары. Очевидно, это тот случай, когда название было навязанным извне.

На татарском языке новые топонимы сочетались со словом Якты (Светлый). В этот период возникли поселки *Якты-Тау*³⁵ (Черемшанский район), *Якты-Елга*³⁶ (Бавлинский район), *Якты кен*³⁷ (Арский район³⁸), *Якты-куль*³⁹ (Азнакаевский район), *Якты-Юл*⁴⁰ (Азнакаевский район), *Якты Ялан*⁴¹ (Бугульминский район)⁴².

Образование вместо бывшей Казанской губернии Татарской Республики вдохновило местных жителей на новые топонимические обозначения. Например, в Свияжском кантоне ТАССР в 1923 г. возникла татарская деревня *Ватан*⁴³ (совр. Верхнеуслонский район). Уже в 1926 г. в нем проживало 97 человек. Обращает на себя внимание название татарской деревни *Ильдус* (переводится с татарского языка как Друг страны или Страна-друг). Этот населённый пункт был образован в Мамсинской волости Арского кантона в 1920-е годы. Позднее новый топоним стал популярным антропонимом.

Создание автономии и возрождений традиций татарской государственности актуализировали историческую память. Очень популярным топонимом стал *Болгар*. Обращение к теме Волжской Болгарии было неслучайным. Некоторая часть татарского общест-

³⁴ Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.275.

³⁵ Светлая гора (пер. с тат.).

³⁶ Светлая река (пер. с тат.).

³⁷ Светлый день (пер. с тат.).

³⁸ Основана в 1932 г.

³⁹ Светлое озеро (пер. с тат.).

⁴⁰ Светлый путь (пер. с тат.).

⁴¹ Светлая поляна (пер. с тат.).

⁴² Татарская энциклопедия. Т.6. Казань, 2014. С.505.

⁴³ Отечество (пер. с тат.).

ва вдохновлялась примерами из великого прошлого еще до 1917 г. Поэтому в Урсалинской волости Бугульминского уезда Самарской губернии еще в 1918 г. переселенцами из д. Новое Каширово была основана деревня Болгар (совр. Альметьевский район). Спустя несколько лет, вблизи этих земель, образовался еще один поселок Болгар. Его основали уже выходцы из д. Кутемели Челнинского кантона. В том же Бугульминском кантоне, но уже в Чершилинской волости (совр. Лениногорский район) в 1923–1924 гг. возникла еще одна татарская деревня с одноименным названием Болгар. Деревня-тезка в этот период была основана и в Челнинском кантоне ТАССР (совр. Нижнекамский район). Одинаковые топонимы, иногда в одном и том же административном районе, явно указывают на то, что выбор названия новых поселков был исключительно желанием самих жителей, и они руководствовались только собственными мотивами.

В этот период в разных уголках новой республики возникли поселки *Татарстан*. Один из них был на территории современного Мамадышского района. В поселке жили татары-кряшены. Кроме того, населённые пункты под названием *Татарстан* появились на территориях уездов, относившихся ранее к Вятской и Самарской губерниям. Один из поселков находился на территории современного Агрызского района, другой – в Бавлинском районе⁴⁴. Вероятно, жители этих районов хотели подчеркнуть собственную принадлежность к новому Татарстану и показали они это самым доступным способом – назвали так свои деревни.

Любопытна и история поселка *Тукай* в Агрызском районе. Он был основан в 1923 г. уроженцами татарских деревень Турдали и Хороший ключ. Позднее сюда переселились и русские крестьяне из деревни Крынды. Из-за реки, протекающей через населённый пункт, поселок в первое время называли Вязовой ключ. Но весной 1924 г. жители дали своему поселку новое название – *Марджани* в честь богослова и ученого Шигабутдина Марджани. Очевидно, что такой выбор тоже был созвучен с созданием ТАССР и вхождением бывших территорий Вятской губернии в состав новой автономной республики. Однако этот топоним, связанный с именем мусульманского религиозного деятеля, не прижился. Марджани заменили на соответствовавшее духу нового времени название. Так поселок Вязовой ключ-Марджани стал носить имя демократического поэта Габдуллы Тукая.

⁴⁴ Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан: справочник / под ред. Р.В.Шайдуллина. Казань, 2016. С.242.

Кроме поселка Тукай в Агрызском районе, в ТАССР насчитывалось еще шесть поселений, носящих имя татарского поэта. Возможно, названия многих из них были приурочены к 10-й годовщине со дня смерти Габдуллы Тукая (1923 г.). Эта дата не прошла незаметной для представителей новых органов власти. В 1920-е гг. поселки Тукай возникли на территории совр. Нурлатского, Спасского и Черемшанского районов. Чуть позднее, в 1930-е гг., татарские деревни в честь Тукая были основаны в Аксубаевском и Менделеевском районах.

Уже в первые годы советской власти было увековечено в топонимике края и имя революционера, руководителя Мусульманского социалистического комитета *Мулланура Вахитова*. Деревни его имени были основаны на территории совр. Буинского и Верхнеуслонского районов. В Мамадышском кантоне в 1924 г. в *Вахитово* (Вахит) переименовали старинную татарскую деревню Старый Горелый Ельник. Деревня была основана еще в XVIII в.

Любопытно, что в 1920-е гг. сменила свое название и деревня Новый Горелый Ельник, основанная выходцами из Старого Горелого Ельника также в XVIII в. До революции она тоже входила в Мамадышский уезд. В 1924 г. деревня была переименована в *Ямашево* или Ямаш. Судя по всему, названа она была так в честь первого татарского большевика Хусаина Ямашева, умершего еще в 1912 г.

Именем азербайджанского революционера и государственно-го деятеля *Наримана Нариманова*, скоропостижно скончавшегося в Москве в 1925 г., были названы новые поселки на территории совр. Верхнеуслонского и Нурлатского районов.

Имя русского революционера польского происхождения Вацлава *Воровского* было увековечено на бывших землях мензелинских шляхтичей, на месте загородной дачи Мензелинского Покровского женского монастыря. Сначала трудовая артель, основанная еще в 1919 г., именовалась Никольской. Но после гибели В.В. Воровского в 1923 г., с 1924 г. получила его имя.

Появились в этот период поселки, названные в честь М.И. Калинина. Они назывались *Калинино*, *Калиновка*. Так, в Старо-Челнинской волости Чистопольского кантона в 1920-е гг. был основан чувашский поселок Калиновка (совр. Нурлатский район).

На заре советской эпохи появлялись поселения в названиях которых улавливается попытка примирить старое и новое. Так, на территории Верхнеуслонского района в начале 1920-х гг. образовался поселок *Яңа Болгар* (Новый Болгар). А в Высокогорском и

Чистопольском районах появились поселки *Кзыл-Болгар* и *Кзыл-Булгар*, т.е. Красный Болгар.

Вообще, «красных» топонимов и гидронимов в Татарстане в 1920–1930-е гг. появилось очень много. Например, *Кзыл Байрак*⁴⁵ (совр. Верхнеуслонский и Тукаевский районы), *Кзыл Буляк*⁴⁶ (Мальбагушевский сельсовет, совр. Азнакаевский район), *Кзыл-Иль*⁴⁷ (совр. Лаишевский район), *Кзыл-Каин*⁴⁸ (совр. Буинский район), *Кзыл-Кичу*⁴⁹ (совр. Альметьевский район), *Кзыл коллектив*⁵⁰ (совр. Чистопольский район), *Кзыл куль*⁵¹ (совр. Высокогорский район), *Кзыл Сарай*⁵² (Штырьский сельсовет, совр. Арский район), *Кзыл-Сука*⁵³ (Трехозерский сельсовет, Спасский район), *Кзыл Тан*⁵⁴ (совр. Зеленодольский район), *Кзыл-Тау*⁵⁵ (совр. Аксубаевский и Апастовский районы), *Кзыл-Чишма*⁵⁶ (Чубар-Абдуловский сельсовет, совр. Азнакаевский район; а также аналогичные поселки в совр. Алексеевском и Бугульминском районах), *Кзыл Юл*⁵⁷ (совр. Заинский, Нурлатский и Тукаевский районы), *Кзыл-Игенче*⁵⁸ (совр. Арский район), *Кзыл-Иль*⁵⁹ (совр. Лаишевский район), *Кзыл-Кеч*⁶⁰ (совр. Альметьевский район), *Кзыл-Сукаче*⁶¹ (совр. Азнакаевский район), *Кзыл-Уракчы*⁶² (совр. Алексеевский район), *Кзыл Шәрек*⁶³ (совр. Тетюшский район), *Кзыл-Юлдуз*⁶⁴ (совр. Азнакаевский район), *Кзыл-Юл*⁶⁵ (совр. Тукаевский район), *Кзыл-Ялан*⁶⁶ (совр. Чис-

⁴⁵ Красное знамя (пер. с тат.).

⁴⁶ Красный подарок (пер. с тат.).

⁴⁷ Красная страна (пер. с тат.).

⁴⁸ Красная береза (пер. с тат.).

⁴⁹ Красный брод (пер. с тат.).

⁵⁰ Красный коллектив (пер. с тат.).

⁵¹ Красное озеро (пер. с тат.).

⁵² Красный дворец (пер. с тат.).

⁵³ Красная соха (пер. с тат.).

⁵⁴ Красная заря (пер. с тат.).

⁵⁵ Красная гора (пер. с тат.).

⁵⁶ Красный родник (пер. с тат.).

⁵⁷ Красный путь (пер. с тат.).

⁵⁸ Красный хлебороб (пер. с тат.).

⁵⁹ Красная страна (пер. с тат.).

⁶⁰ Красная сила (пер. с тат.).

⁶¹ Красный пахарь (пер. с тат.).

⁶² Красный жнец (пер. с тат.).

⁶³ Красный восток (пер. с тат.).

⁶⁴ Красная звезда (пер. с тат.).

⁶⁵ Красный путь (пер. с тат.).

⁶⁶ Красная поляна (пер. с тат.).

топольский район), *Кзыл-Яр*⁶⁷ (совр. Нижнекамский район) и другие населённые пункты.

Некоторые из этих поселков сначала носили русские названия. Например, деревня Кзыл-Сукаче в Азнакаевском районе была основана в 1924 г. В народе населённый пункт называли Чатра, а официальным топонимом был выбран Красный пахарь. Судя по всему, позднее стал применяться переводной вариант названия. Деревня Кзыл-Тюбяк в Мензелинском районе тоже была основана еще XVIII в., в 1939 г. населённому пункту неблагозвучное Чуплек (свалка в пер. с тат.) сменили на «красное» название.

Иногда наоборот «красные» названия оказывались неблагозвучными. Так, деревня Кзыл-Сука, основанная в 1925 г., уже к 1940-м гг. сменила название на *Урняк* (Спасский район). Урняк (Образец) был тоже популярным татарским топонимом первых лет советской эпохи. Поселки с таким названием возникли в Зеленодольском, Муслюмовском, Лениногорском районах. В последнем районе поселок назывался Урняк-Кумяк, что можно перевести как Образцовое сообщество. К слову, в Кривоозерской волости Чистопольского кантона в 1920-е гг. был основан поселок *Образцовый* (совр. Аксубаевский район).

Кроме того, возникли несколько поселков *Красная Заря* (совр. Бугульминский и Тукаевский районы), *Красная Звезда* (совр. Агрызский, Заинский, Тетюшский районы). А также *Красный берег* (совр. Аксубаевский район), *Красный бор* (совр. Нижнекамский район), *Красная Москва* (совр. Агрызский район), *Красное озеро* (совр. Тетюшский район), *Красная Роща* (совр. Черемшанский район), *Красные Тарханы* (совр. Тетюшский район), *Красная Слобода* (совр. Мамадышский район), *Красноармейский* (совр. Нурлатский район), *Красномайский* (совр. Нурлатский район), *Красное Знамя* (совр. Бугульминский район), *Красное Поле* (совр. Арский район) и другие населённые пункты.

Надо отметить, что в этот период и часть старых деревень тоже получила новые «красные» названия. Например, в Апастовском районе старинная деревня Куллар с 1946 г. стала называться *Кзыл-Тау*. Превратилась в 1940-е гг. в *Кзыл-Яр* историческая деревня Селенгур (Старый Куллар) в Арском районе. Знаменитая усадьба Святой ключ купца И.И.Стахеева и населённый пункт рядом с 1925 г. тоже были переименованы в *Красный ключ* (совр. Нижнекамский район).

⁶⁷ Красный берег (пер. с тат.).

В некоторых случаях «красные» поселки, родники и другие природные объекты вытеснили из народной памяти старые названия.

Например, недалеко от поселка Джалиль есть родник «Кызыл бакча», что переводится с татарского языка как «Красный сад». В 1920-х гг. рядом с родником образовалась деревня *Кызыл бакча*. Советская молодежь из ближайших населённых деревень с энтузиазмом строила новую жизнь, подальше от бдительного взора старшего поколения. Конечно же, в стране, где повсюду развевались кумачовые флаги революции, не могло быть другого названия. Вот и для татарской молодежи Кармалинской волости Челнинского кантона ТАССР будущая счастливая жизнь на новом месте у скромного родника представлялась прекрасным садом, Красным садом.

Интересно, что именно в этот период, в 1922 г., был опубликован английский перевод книги датского дипломата Хеннинга Кейлера под названием «Красный сад», где он описывал свои впечатления от поездки в революционную Россию. *«Распахнуты все шлюзы сердца, раскрыты все поры души. Рывок – и колесо истории остановилось! Время повернулось вспять, человек снова попал в эпоху до грехопадения. И опять люди в своём тотальном имморализме вкушали плоды райского сада, по ту сторону добра и зла. И злобы в них пока не было, она появится лишь тогда, когда листья опадут с деревьев»*, – писал иностранный наблюдатель об этой эпохе⁶⁸. Произведение Х.Кейлера в оригинале называлось «Русские хроники», но английские редакторы заменили первоначальное название книги на «The red garden». Видимо, хотели тем самым усилить эмоциональное восприятие текста о стране Советов. Но вряд ли они знали, что даже в отдаленных уголках нового государства люди, искренне верящие в светлое будущее своего Отечества, давали такое же название новым поселкам.

В 1926 г. в Кызыл бакча проживало 26 человек. С 1930 г. деревня вошла в состав нового Сармановского района. Судя по всему, поселение не всегда развивалось динамично. Случались и периоды спада, так в 1938 г. здесь было зафиксировано всего 17 жителей, но уже в 1949 г. население выросло до 78 человек. В 1961 г. здесь был основан поселок нефтяников Джалиль, а деревня Кызыл бакча с 1989 г. стала частью поселка. Наверное,

⁶⁸ Цит. по: *Шевченко Е.Н.* Субъективное восприятие русской истории в книге Х.Кейлера «Красный сад» // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Казань, 2012.

основатели населённого пункта в 1920-х гг. и не могли представить такого поворота событий.

Других поселков с названием Кызыл бакча или Красный Сад в ТАССР не было. Но на территории совр. Альметьевского района в 1922 г. образовался поселок *Гульбакча*. Основали его выходцы из Заказанья, бежавшие от голода. К 1980-м гг. и этот поселок уже опустел. Остался лишь родник с одноименным названием.

Населённые пункты советской поры под названиями *Бакча-Сарай*⁶⁹ тоже отсылают к Красному саду. Но очевидно и то, что эти топонимы были выбраны и из-за своего сходства с крымскотатарским Бахчисараем. Деревни Бакча-Сарай появились на территории совр. Верхнеуслонского, Тукаевского районов.

Недалеко от поселка Актюбинский расположен родник «*Кызыл чишма*» («Красный родник»). Вероятно, именно первые поселенцы Старой Актюбы и дали такое название. А происходило это тоже в начале 1920-х гг., когда уроженцы деревень Мальбагуш (совр. Азнакаевский район) и Кама-Исмагилово (совр. Альметьевский район) выбрали для нового поселения место, окруженное родниками и лесными полянами. Первые жители получили щедрые земельные угодья, переехали сюда зажиточные крестьяне, привыкшие вести добротное хозяйство. В 1922 г. первые поселенцы засеяли свои земельные участки⁷⁰.

Некоторые названия лишь косвенно указывают на революционный «след». Например, на границе двух районов – Сармановского и Азнакаевского – есть небольшой уголок, где открывается взору поляна в обрамлении могучих сосен и нежных березок. Здесь находится родник с неожиданным названием «Культура». Происхождение этого источника тоже связывают с событиями 1920-х годов, когда советская молодежь с воодушевлением начала строить свой собственный мир. В Александровском сельсовете, недалеко от с.Буралы, возникла деревня *Культура*. На карте современного Сармановского района в 1920–1930-е гг. вместе с *Культурой*, образовались еще поселки *Яшьляр*, *Алга*⁷¹, *Владимировка*, *Дружба*, *Кызыл Бакча*, *Таза-Чишма*. Большинство из них уже опустели и считаются исчезнувшими населёнными пунктами.

По рассказам местных жителей, деревня *Культура* образовалась в 1927 г. «*Появился в округе парень, – рассказывают они. – Он особенно выделялся активностью среди своих товарищей. Ой,*

⁶⁹ Сад-дворец (пер. с тат.).

⁷⁰ Актюба. Б.г., 2006. С.9.

⁷¹ Поселок под названием *Алга* существовал и на территории совр. Нурлатского района, но уже после 1930 г. считался исчезнувшим.

большевик был! Большой чин вроде имел. Так вот, решил он новую деревню заложить, чтобы там было все по-новому и отвечало высшим требованиям культуры. Чтобы люди жили там счастливо! Название тоже придумал он – «Культура».

В деревне *Культура* проживало русское население, возможно они были переселенцами из Александровки. В 1930 г. в *Культуре* был зафиксирован 41, в 1939 г. – 82 человека. Очевидно, новая деревня не выдержала испытания военных лет и давления усиливающейся урбанизации. В справочных изданиях после 1963 г. *Культура* уже не упоминается⁷². Деревня исчезла, но в память о молодежных мечтаниях первых советских лет остался родник «*Культура*».

В Татарстане в 1920-е гг. поселки *Культура* появились также на территории современного Верхнеуслонского района (в 6 км от пристани Шеланга), Спасского (в составе Ямбухтинского сельского совета), Черемшанского (в составе Кутеминского сельского совета). Кроме того, на территории современного Нижнекамского района образовалась деревня *Культурный* или *Культуровка* (в 7 км от пристани Камские Поляны). Во всех населённых пунктах население было зафиксировано как русское. Хотя в селе Кутема и близости проживали мордва-эрзя. Все деревни «*Культура*» так же, как и *Культуровка*, исчезли в 1950–1960-е гг.⁷³

На территории современного Алексеевского района была образована сельскохозяйственная артель *Чувашская культура*. В этом небольшом чувашском поселении в 1930 г. жили и работали всего 16 человек. К сожалению, в 1955–1956 гг. деревня попала в зону затопления Куйбышевского водохранилища, поэтому жители переселились в с. Ромоданово Алексеевского района⁷⁴. Названия этих поселков показывают, что на заре эпохи Советов слову «*культура*» придавалось особое значение, практически революционное.

Вместе тем, очевидно, что новые названия не всегда выбирались коллективно, а инициировались отдельными лицами. Например, в ТАССР были поселки под названиями *Коминтерн* (совр. Спасский район), имени *Третьего Интернационала*, *Индустриальный* (совр. Аксубаевский район), *Вперед к социализму*, имени *Третьего съезда* (совр. Нурлатский район) и т.д.

⁷² Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан... С.124.

⁷³ Там же. С.123–124.

⁷⁴ Там же. С.269.

Таким образом, татарские и русские названия населённых пунктов ТАССР 1920-х гг. можно объединить в несколько условных групп. Прежде всего, названия связанные с революционной символикой, лозунгами, именами революционеров. Они отражали генеральную линию партии большевиков. Во вторых, названия передающие настроения, заданные еще февральской революцией 1917 г.: в этой группе преобладали компоненты свобода, новый и т.п. В третью группу можно включить топонимы, связанные с татарской культурой. Так, в послереволюционный период появился целый ряд татарских деревень с названием Болгар, а также Ватан, Давлят, Ильдус, Татарстан. Все они были навеяны идеями автономии и образованием ТАССР. Продолжением тренда на советизацию татарской культуры можно обозначить возникновение населённых пунктов имени поэта Габдуллы Тукая.

Однако многие советские поселки, особенно небольшие сельхозартели, имели короткую историю. Они просуществовали лишь несколько десятков лет и большинство исчезло уже в послевоенные годы. Вместе с ними исчезли и многие топонимы первых лет советской власти, оставив в память о себе в некоторых случаях «красные» названия родников или других природных объектов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

**Прошение попечителя Казанского учебного округа
М.Ломиковского на имя казанского губернатора
с просьбой ограничить доступ учащихся
к театральным показам в Казани**

27 февраля 1917 г.
Казань

Согласно с постановлением Комиссии г.г. начальников средних учебных заведений г.Казани имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о недопущении учащихся ведомства Министерства народного просвещения к посещению «Большого театра» в г. Казани.

ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.160. Л.152.

Приложение №2

О геологических экспедициях в Казанской губернии

Распоряжение
геологического комитета
Министерства торговли и промышленности

17 февраля 1917 г.
Петроград.

С утверждения г. Министра торговли и промышленности, командирова в текущем году для производства геологических исследований в Казанской губернии практиканта Геологического комитета, коллежского секретаря, барона Георгия Николаевича Фредерикса, комитет имеет честь просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении о доставлении в Комитет открытого листа на имя барона Фредерикса для беспрепятственных разъездов по Казанской губернии, с целью геологических исследований и для оказания ему, в случае надобности, законного содействия к успешному исполнению возложенного на него поручения.

И.об. вице-директора (подпись неразборчива).

ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.160. Л.164.

Ответ казанского губернского комиссара
на просьбу сотрудника
Геологического комитета
Министерства торговли и промышленности,
ассистенту по кафедре геологии
Казанского университета В.А.Чердынцеву

14 мая 1917 г.
Казань

Исполнительный орган Казанского Губернского Комитета общественной безопасности, обсудив Ваше словесное заявление об оказании содействия при производстве Вами геологических исследований в пределах Казанской губернии, находит настоящее время крайне не соответствующим для предполагаемых работ, так как крестьянское население, не будучи достаточно осведомлено о характере научных исследований, может истолковать эти работы в нежелательном виде и создать возможные осложнения. Если же Вам не представится возможным отказаться в настоящее время от предполагаемых Вами научных исследований, то при Вашем о том заявлении Комитет не преминет принять все зависящее от него и возможные меры по оказанию Вам содействия по успешному выполнению Ваших научных работ.

ГА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д. 160. Л.124–124 об.

Приложение №3

**Обращение протоиерея Транквиллина Земляницкого¹
к чувашской интеллигенции**

май, 1917 г.
Казань

Настало время, когда вам никто не может воспретить соорганизоваться, сплотиться, отстаивая свою народность, свой язык, свои обычаи. Всякая нация, как бы она ни была малочисленна, имеет полное и неоспоримое право на самостоятельную духовную жизнь. Чем более в той или иной народности национального са-

¹ Земляницкий Транквиллин Апполинариевич (1871–1953) – священник, ученый, собиратель чувашского фольклора. Родился в Ядринском уезде. Окончил Казанскую духовную семинарию, в 1900–1912 гг. служил священником в с. Хыркасы Козьмодемьянского уезда, а также некоторое время – в Херсонской губернии (до 1915 г.). В советское время жил в Иркутске и Самаре, занимался научной деятельностью. Умер в Казани.

мосознания, тем она сильнее, крепче и устойчивее и имеет более шансов на уважение, и с ней не могут не считаться сильнейшие народности. А вас, чуваш, не менее миллиона. Это такая компактная масса, что представляет большую силу, если эта сила была объединена. Поэтому вы, если не хотите потерять свой облик, должны сплотиться и чем скорее, тем лучше.

Главным средством для объединения, несомненно, служит печатный орган. Десять лет тому назад, во дни первого проблеска народной свободы, в Казани издавалась независимая чувашская газета «Хыпар» и вокруг этого органа мысли сгруппировалась вся чувашская интеллигенция, но это дело объединения вскоре было задавлено.

Вы, деятели своего народа, цвет его, не имеете никакого правительственного права бросать на произвол судьбы своего корня, из которого вы выросли; вы должны создать с вой печатный орган, объединиться при нем и вести свой народ к культурной жизни на народных началах.

К вам на помощь приходит восточнокультурное общество в г. Уфе. Оно немедленно приступит к изданию чувашской газеты, если дадите средства на это дело.

Жертвуйте на издание чувашской газеты!

От редакции:

В настоящее время газета «Хыпар» восстановлена. 1 мая выйет №1-й и будет выходить 2-жды в неделю (цены до 1 янв. 3 р.). Редакция ее в Казани (Георгиевская улица, д. Пятканина).

Земская неделя. – 1917. – 7 мая. – №18. – С.12.

Приложение №4

Экологическое состояние г. Казани

Июнь-август, 1917 г.
Казань

Санитарное безобразие. Администрации станции «Казань», обнаружив у себя на складе в числе не истребованных грузов целый вагон гнилой рыбы, распорядилась выбросить эту рыбу близ станции на лугу под мост на своей дамбе. В настоящее время огромные кучи этой рыбы разлагаются под мостом, распространяя страшное зловоние, разносимое ветром не только до городской дамбы, но и до Адмиралтейской слободы.

Камско-Волжская речь. – 1917. – 10 июня. – №125.

Порча деревьев в городских садах. За последнее время в городских садах, в особенности в «Швейцарии» и в народном Черноозерском саду наблюдается крайне небрежное отношение гуляющих здесь граждан к садам и растущим в них деревьям. Еще никогда раньше не замечалось здесь такого количества поломанных сучьев и молодых деревьев и того хаоса, который царит здесь в настоящее время, когда, казалось бы, каждый посетитель сада, без всякого с чьей бы то ни было стороны напоминания, должен знать, что общественный сад – народное достояние и что охрана таких садов вверяется самой же публике, пользующейся садом.

Камско-Волжская речь. – 1917. – 21 июня. – №134.

Санитарное состояние номеров. Профессор Н.Н. Парфентьев обратился в санитарную комиссию «Биржи» и «Париж», в виду их явного антисанитарного состояния. По осмотру номеров состояние «Парижа» оказалось за немногими исключениями удовлетворительным. Содержание «Биржи» далеко неудовлетворительно: лестница и коридоры грязны; на полу масса мусора. В кухне ужасный беспорядок: сальная посуда, повсюду носильное платье и проч.

Камско-Волжская речь. – 1917. – 4 августа. – №168.

Приложение №5

Из воспоминаний художника П.А. Радимова о революции в Казани

«Вечером 24 октября 1917 г. я шел с педагогического заседания в художественной школе на свою Кирпичнозаводскую улицу, когда раздалась ружейная стрельба, и потом из-за Арского поля от военных казарм прокатился над городом снаряд. Какой-то поручик на улице говорил, что это чепуха, что очень скоро усмирят взбунтовавшихся солдат. А меж тем с другого конца нашей улицы из казарм Суконной слободы уже шли серые шеренги солдат без оружия, они шли не к штабу города, а за Арское поле.

Всю ночь не смолкала стрельба. Утром я вышел на улицу. По немощенной мостовой бесшумно проехал броневик с юнкерами и завернул за угол. Любопытствуя эту смертоносную машину, я по-

шел за ней, чтобы посмотреть повнимательнее на бронированное чудовище. Машина мягко катила по сухой дороге, но ее тотчас же заметили и осыпали пулями. Прицел был взят немного высоко, и пули-пчелы пропели как раз над моей головой. Не понимая опасности, я перешел улицу, и, только когда доски забора разбились в щепы, я пригнулся и заторопил свой шаг. Арское поле охнуло пушками, над городом белым дымком стала рваться шрапнель, а один неразорвавшийся снаряд упал в двадцати метрах от моего жилья, в навоз около нашего моста. Дома я не пошел в свою мастерскую со стеклянным верхом, хотя три месяца назад я храбро перенес сильнейший взрыв казанского завода, когда подлинный дантов ад три дня и три ночи стоял в предместьях города, вулканическими кострами на Волге горела нефть, а взрывы не прекращались ни на минуту. Половина населения Казани тогда бросила свои дома с открытыми от сотрясения дверями и разбитыми окнами. Но сейчас опасность дому и семье казалась близкой, как никогда. Мне оставалось одно – успокоить ребенка, когда он спросил: «Папа, не оторвется ли у нас крыша?». В нашем доме и на самом деле не оторвалась крыша, ни одно стекло не было разбито в моей мастерской. В час дня прекратилась стрельба, я снова вышел на улицу и увидел первый конный отряд большевиков. Командир в полушубке с разгоряченным красным лицом кричал, чтобы население было спокойно, что они прогнали юнкеров».

*Знаменитые люди о Казани и Казанском крае
/ сост. А.В.Гарзавина, И.А.Новицкая. –
Казань, 1999. – С.340–341.*

БИБЛИОГРАФИЯ

I. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф.23 – Министерство торговли и промышленности. Оп.17. Д.160.*
Ф.821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп.8. Д.1204; Оп.133. Д.477.
Ф.1287 –Хозяйственный Департамент МВД. Оп.41. Д.1458.

Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ)

- Ф.677 – Строгановское центральное художественно-промышленное училище. Оп.1. Д.104.*
Ф.2437 – Февральский Александр Вильямович (1901–1984) – театровед. Оп.3. Д.987.

Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ)

- Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора. Оп.3. Д.1899, 5632, 9416, 9073, 10080; Оп.4. Д. 288, 371, 2035; Оп.5. Д.123.*
Ф.2 – Казанское губернское правление. Оп.3. Д.2716.
Ф.41 – Казанский окружной суд, г. Казань. Оп.4. Д.811.
Ф.92 – Попечитель Казанского учебного округа. Оп.2. Д.23547, 23548, 25133, 25412.
Ф.94 – Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов г. Казани. Оп.1. Д.11, 7142, 10991; Оп.2. Д.503, 798, 802, 804.
Ф.98 – Казанская городская управа. Оп.4. Д.27; Оп.6. Д.683.
Ф.114 – Казанская городская и шестигласная дума, г. Казань. Оп.1. Д.3166, 4530, 31282.
Ф.125 – Казанская Мариинская женская гимназия, г. Казань. Оп.2. Д.371.
Ф.186 – Гаспринская Шафика – общественный деятель, делегат Всероссийских мусульманских съездов. Оп.1. Д.77.
Ф.199 – Казанское губернское жандармское управление. Оп.1. Д.772; Оп.2. Д. 1493, 1636.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф.201 – Казанская окружная комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание. Оп.1. Д.142, 145, 147.

Ф.350 – Казанское губернское дворянское собрание. Оп.2. Д.378.

Ф.420 – Казанский временный комитет по делам печати. Оп.1. Д.227.

Ф.512 – Казанская городская пожарная команда и канцелярия бренд-майора. Оп.16. Д.7.

Ф.777 – Чистопольская городская управа Казанской губернии. Оп.47. Д.4; Оп.48. Д.29.

Ф.1130 – Лесничий 1-го Елабужского лесничества Вятской губернии. Оп.1. Д.295.

Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии. Оп.1. Д.509.

Ф.1154 – Местная военно-цензурная комиссия при штабе Казанского военного округа. Оп.1. Д.35.

Ф.1246 – Канцелярия Казанского губернского комиссара Временного правительства. Оп.1. Д.25, 26, 28, 32, 42, 156, 136, 160.

Ф.П30 – Партийный архив Татарского рескома КПСС, г.Казань. Оп.3. Д.381, 1184.

Ф.П36 – Отдел истории партии Татарского обкома ВКП(б). Оп.1. Д.164, 219, 309; Оп.3. Д.171, 176, 189.

Ф.Р7 – Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан. Оп.1. Д.9.

Ф.Р98 – Казанский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет (КАЗГУБИСПОЛКОМ). Оп.1. Д.125.

Ф.Р109 – Масловский Волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет Лаишевского кантона Татарской АССР. Оп.1. Д.25.

Ф.Р115 – Народный комиссариат труда Татарской АССР Народного комиссариата труда РСФСР. Оп.1. Д.58.

Ф.Р262 – Казанский политехнический институт Народного комиссариата просвещения РСФСР. Оп.1. Д.1, 20; Оп.4. Д.7, 10, 86.

Ф.Р-516 – Татарский филиал Института промышленно-экономических исследований. Оп.1. Д.187.

Ф.Р571 – Казанский льнокомбинат им. В.И. Ленина. Оп.1. Д.4, 9.

Ф.Р-1337 – ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина». Оп.1. Д.42; Оп.2. Д.1.

Ф.Р-1339 – Северо-Восточный археологический и этнографический Институт Народного Комиссариата просвещения Татарской АССР. Оп.1. Д.6, 7, 17, 32.

Ф.Р-1431 – Казанская художественная школа. Оп.1. Д.6.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф.Р1821 – Управление государственными советскими хозяйствами Татарской АССР, объединенными в трест «Татсовхозтрест». Оп.1. Д.230.

Ф.Р–3682 – Министерство образования Республики Татарстан. Оп.2. Д.432.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

Ф.76 – Канцелярия Симбирского губернатора. Оп.6. Д.280; Оп.7. Д.591.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО)

Ф.400 – Инспекция мелкого кредита Самарской конторы государственного банка. Оп.1. Д.266.

Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ)

Ф.56 – личный фонд Евфимия Малова. Оп.1. Д.1, 5.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБЛ К(П)ФУ)

Ед. хр. 4911, 10007, 7.597.

Периодическая печать

За землю и волю. – 1918.

Земская неделя. – 1917.

Знамя революции. – 1917, 1919.

Голос труда. – 1917.

Город Казань. – 1914.

Известия Казанского губернского комиссариата (Губерн. ведом.). – 1917.

Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1919, 1920.

Известия по Казанской Епархии. – 1917.

Известия ТатЦИК. – 1921, 1922.

Иктисад. – 1913. (на тат. яз.)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Йолдыз. – 1916. (*на тат. яз.*)
Казанская рабочая газета. – 1917.
Казанские губернские ведомости. – 1862.
Казанский биржевой листок. – 1889.
Казанский телеграф. – 1900, 1907, 1914, 1915.
Казанское слово. – 1917, 1918.
Камско-Волжская речь. – 1908, 1917.
Крестьянская Казанского губернского земства газета. – 1917.
Мусульманская газета. – 1914.
Народная армия. – 1918.
Новое время. – 1916.
Социал-демократ. – 1917.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 224 с.
2. Воинское чинопочитание и постоянный вестовой (деньщик): Памятка для ниж. чинов по уставам гарнизон. и внутр. службы / сост. И.Ильенко. – Калуга: тип. Архангельской, 1901. – 32 с.
3. Государственная Архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.): Сборник документов и материалов / отв. сост. Д.И.Ибрагимов; сост. Л.В.Горохова, Н.Д.Нерозникова, Н.А.Шарангина. – Казань: «Гасыр», 2006. – 208 с.
4. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О революционных трибуналах (Положение) от «12» апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1919. – №13. – Ст. 132.
5. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О революционных трибуналах (Положение) от «12» апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1919. – №13. – Ст. 132.
6. Декрет СНК Татарской АССР о создании Казанского клинического института им. В.И.Ленина. 9 февраля 1921 г. // Культурное строительство в Татарии: документы и материалы. 1917–1941 / под ред. д.и.н. М.К.Мухарямова, к.и.н. М.З.Тутаева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – С.157–158.
7. Документы по истории Октября в Татарии: март 1917 – март 1918 / под ред. И.М.Ионенко. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 212 с.
8. Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства, 1–3 июня 1905 г., 16–20 февраля и 19 марта 1906 г. – Казань: Губ. тип., 1906. – 84 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

9. Записка об устройстве Образовательного Дома для рабочих на Алафузовских фабриках и заводах в Казани; Проект устава Попечительного общества для распространения образования и правильных развлечений среди служащих и рабочих на алафузовских фабриках и заводах в Казани. – Казань: Типография П. Кидалинского, 1899. – 16 с.

10. Из докладной записки ректора Казанского института сельского хозяйства и лесоводства уполномоченному по делам вузов г. Казани о состоянии института. 18 января 1925 г. // Культурное строительство в Татарии. 1917–1941 / под ред. д.и.н. М.К.Мухарямова, к.и.н. М.З.Тутаева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – С.221.

11. История Казани в документах и материалах. XIX век / под ред. И.К.Загидуллина. – Кн.5. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 761 с.

12. История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань: Магариф, 2004. – 711 с.

13. Казанская губерния в период Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И.Ибрагимова; отв. сост. Л.В.Горохова, сост. О.Е.Пантелеева, О.В.Федотова, Н.А.Шарангина. – Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2014. – 208 с.

14. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2005. – 256 с.

15. Казанское уездное земское собрание. Постановления Казанского уездного земского собрания. Экстренного 1871 года. – Казань: Губ. тип., 1872. – 63 с.

16. Кинематограф в Казани. 1897–1917 гг. Сборник документов и материалов / сост. Е.П.Алексеева; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2007. – 144 с.

17. Культурное строительство в Татарии, 1917–1941 / под ред. М.К.Мухарямова, М.З.Тутаева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – 412 с.

18. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.) / сост. Р.Р.Фахрутдинов. – Казань: КГПИ, 1992. – 128 с.

19. Мулланур Вахитов. Сб. документов и материалов / под ред. Р.И.Нафигова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 270 с.

20. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. – Л.: Наука, 1968. – 420 с.

21. Постановления XL очередного Казанского уездного земского собрания с 30 сентября по 8 октября 1904 г. – Казань: Губ. тип., 1904. – 506 с.

22. Постановления Казанского губернского земского собрания, состоявшегося в заседаниях его с 3 по 22 декабря 1875 г. – Казань: Губ. тип., 1876. – 474 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

23. Правила воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд. – Санкт-Петербург: Воен. тип., 1884. – 29 с.

24. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1919. – №66. – Ст.590.

25. Сборник правил о службе сестер милосердия. Мобилизационный отдел Канцелярии Главного Управления Российского Общества Красного Креста. – Петроград: Государственная Типография, 1916. – 47 с.

26. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 1. – Отдел 2. – № 93. – СПб., 1917. – 555 с.

27. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 1. – Отдел 2. – № 94. – СПб., 1917. – 555 с.

28. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 1. – Отдел 2. – № 95. – СПб., 1917. – 555 с.

29. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сборник документов и материалов / под ред. Л.В.Гороховой. – Кн.2. – Казань: Гасыр, 2003. – 208 с.

30. Упрочение советской власти в Татарии: окт. 1917 – июль 1918 гг.: сб. документов и материалов / Центр. Гос. Архив ТАССР; под ред. и предисл. Н.А.Андрианова. – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 708 с.

31. Устав Общества врачей для подачи скорой медицинской помощи в г. Казани. – Казань: Тип. Д.М.Гран, 1903. – 10 с.

Материалы личного происхождения

32. *Абзалина Р.А.* Воспоминания о первом театре // Театр XXI века и вызовы нового времени: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра / под ред. Э.М.Галимовой. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – С.62–68.

33. *Арбузов А.Е.* В годы грозные // Александр Ерминингельдович Арбузов. Очерки. Воспоминания. Материалы. – М: Наука, 1989. – С.35–38.

34. *Баруди Г.* Памятная книжка // Казань. – 1997. – №10–11. – С.79–89.

35. *Баруди Г.* Памятная книжка // Казань. – 1998. – №1. – С. 21–48.

36. *Беньков П.П.* 1879–1949. Воспоминания, переписка / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.А.Соколова. – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1981. – 239 с.

37. *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. – М.: Альта-Принт, 2007. – 538 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

38. *Габдрафикова Л.Р.* Забытая тетрадь татарского шакирда эпохи революции: 1909–1918 (воспоминания Шарифа Замилова) // Историческая этнология. – 2017. – Т.2, №2. – С.346–358.

39. *Еники А.* Страницы прошлого. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – 448 с.

40. *Кудаш С.* Незабываемые минуты. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1964. – 284 с.

41. *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008. – 342 с.

42. Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. – Л.: Художник РСФСР, 1975. – 171 с.

43. О настроении крестьян (из бесед с А.Н.Боратынским) // Обновление. – 1906. – № 28 (14 февр.).

44. *Порфирьева И.* С.И.Порфирьев и его дневник // Гасырлар авазы. – 2010. – №.1/2. – С. 218–301.

45. *Радимов П.А.* О родном и близком. Воспоминания. – М.: Моск. рабочий, 1973. – 160 с.

46. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов / сост. Р.Р.Исхаков, Г.А.Николаев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. – 312 с.

47. Тихая Волга: Документальная хроника 1917–1935 гг. / авт.-сост. С.А.Хакимов, Е.Г.Артемова. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2006. – 191 с.

48. Фатих Карими: Научно-биографический сборник / авт.-сост. Р.Марданов, Р.Миннуллин, С.Рахимов. – Казань: Рухият, 2000. – 320 с.

49. *Юнусов Г.* Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.92–134.

50. *Урманче Б.* Былое перед глазами // Баки Урманче. – Казань: Заман, 2017. – С.104–105.

На татарском языке

51. *Бәшири З.* Замандашларым белән очрашулар: язучы истәлекләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 292 б.

52. *Бәшири З.* Сайланма әсәрләр: истәлекләр, бәян, публицистик язмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 427 б.

53. Риза Ишморат: Истәлекләр / тез. Р.Ишморат. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 240 б.

54. Салих Сәйдәшев турында истәлекләр / тез. Р.Исхакова-Вамба, С.Сәйдәшева, З.Хәйруллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 159 б.

55. *Шамов А.* Чын хикәяләр: хикәяләр, очерклар, истәлекләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 440 б.

56. *Урманче Б.* Хатирәләр // Татарстан. – 1997. – №2. – Б.32–36.

БИБЛИОГРАФИЯ

57. *Урманче Б.* Гомернең беренче хәтирлэләре // Баки Урманче и татарская культура. Сборник. – Казань: Фән, 2005. – С.333–336.

58. *Урманче Б.* Казан сәнгать мәктәбе: заман һәм кешеләр // Казан утлары. – 1993. – №3. – Б.169–170.

Справочная литература и статистика

59. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. – Казань: Тип. Губерн. правления, 1916. – LXVII, 1–860, I – СХIII с.

60. Башкирская энциклопедия [Электронный ресурс] <http://башкирская-энциклопедия.рф>. Дата обращения 12.12.2017.

61. Большая медицинская энциклопедия. – Т. XXII. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 544 с.

62. *Гайнетдинов А.М.* Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә сакланучы афишалар. – Казан: ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институты, 2016. –40 б.

63. *Износков И.А.* Список населённых мест Казанского уезда, с кратким их описанием. – Казань: Губ. тип., 1885. – 80 с.

64. Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан: справочник / под ред. Р.В.Шайдуллина. – Казань, 2016. – 308 с.

65. *Ключевская Е.П.* Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. – СПб.: Славия, 2009. – 120 с.

66. Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. – 2 изд., доп. – Казань: ГАУ при КМ РТ, 1999. – 615 с.

67. Объекты культурного наследия Республики Татарстан: Административные районы. Иллюстрированный каталог / под ред. А.М.Тарунова. – Т.1. – М.: НИИЦентр, 2017. – 928 с., ил.

68. Профессора исторического факультета Казанского университета (1939–1999): биобиблиографический словарь / под ред. Г.Н.Вульфсона. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 79 с.

69. Путеводитель по Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского / сост. Н.В.Ермолова, В.И.Шишкин. – Казань: Унипресс, 1998. – 32 с.

70. Репертуар Татарского академического театра имени Галиасгара Камала. 1906–1996 гг. / сост. И.Илялова. – Казань, 1996. – 46 с.

71. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / Центральной статистическое управление. Отдел военной статистики. – М.: типография МКХ им. Лаврова, 1925. – 103 с.

72. Рукописный фонд русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского. Путеводитель. – Казань: Форт-диалог, 1999. – 142 с.

73. Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Ин-т татарской энцикл., 2008. – Т.4. – 768 с.

74. Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Ин-т татарской энцикл., 2014. – Т.5. – 736 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

75. Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Ин-т татарской энцикл., 2014. – Т.6. – 720 с.
76. Центральный государственный архив ТАССР. Путеводитель. – Казань, 1967. – 277 с.
77. *Червоная С.М.* Художники Советской Татарии (биографический справочник). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 212 с.
78. *Червоная С.М.* Художники Советской Татарии (мастера изобразительного искусства Союза художников ТАССР). – Казань, 1984. – 460 с.

III. ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин Х.М.* Командующий войсками Казанского военного округа Александр Генрихович Сандецкий: поступки и восприятие обществом в 1917 г. // Частные миры Великой русской революции. Сб. научных трудов. – Казань, 2017. – С.218–223.
2. *Агафонова А.Б.* Идея справедливого распределения лесных ресурсов и их эксплуатация в Вологодской и Новгородской губерниях в последней трети XIX – начале XX вв. // Проблемы социальной справедливости и современность. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Череповец: Издательство Череповецкого государственного университета, 2014. – С. 95–101.
3. *Алексеева Е.П.* Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917). – Казань: Фэн, 2007. – 180 с.
4. *Алексеева-Боратынская О.А.* Баратынка // Казань. – 2000. – №11. – С. 42–47.
5. *Амирхан Ф.* На перепутье. Рассказы и повести (пер. с тат.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. – 332 с.
6. *Амирханов Р.У.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 152 с.
7. *Андреев Д.А.* Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С.495–522.
8. *Анохин В.А.* Инфекционная служба: заслуги прошлого и взгляд в будущее. К 80-летию кафедры детских инфекций Казанского государственного медицинского университета // Вестник современной клинической медицины. – 2013. – Том 6, вып. 3. – С.5–7.
9. *Артеменко Н.А., Петрище Т.Л.* Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы // Вестник ВГМУ. – 2015. – Том 14, №6. – С.93–103.
10. *Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском

БИБЛИОГРАФИЯ

университете. – Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – 179 с.

11. *Багин С.А.* О пропаганде ислама путем печати. – Казань: Центральная типография, 1909. – 31 с.

12. *Баскин Л.М., Прищепов А.В.* Динамика популяций лося (*Alces alces*) в Поволжье // Поволжский экологический журнал. – 2011. – №2. – С. 218–222.

13. *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. – СПб.: Азбука, 2015. – 416 с.

14. *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 240 с.

15. *Бигиев М.* Избранные труды: В 2 т. / сост. и пер. с осман. А.Хайрудинова. – Т. 2. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 256 с.

16. *Бикбулатов Р., Мустафин Р.* Казань и ее слободы. – Казань: Заман, 2001. – 208 с.

17. *Бикташева А.Н.* Вместо Императорского – государственный: 1922–1929 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 166–181.

18. *Благов Ю.А.* Казанский русский драматический театр в процессе преобразования из частной антрепризы в репертуарный советский театр (1919–1939 гг.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 3. – С.57–66.

19. *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. – М.; Л.: Издательство Товарищество «Книга», 1925. – 344 с.

20. *Богоявленский В.Ф.* Профессор Семен Семенович Зимницкий – врач, ученый, патриот. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. – 98 с.

21. *Бурдые П.* Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

22. *Валеев Н.М.* Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. – Казань: Заман, 2016. – 440 с.

23. *Валеев Н.* Библиотека беспокойного гласного // Гасырлар авазы. – 2006. – № 1. – С.243–244.

24. *Валева Н.Г.* Библиотечно-просветительная деятельность Казанского и Вятского земств. 1865–1917 гг. – М.: Альянс, 2005. – 301 с.

25. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Т.Веблен; пер с англ. и вступ. статья к.э.н. С.Г.Сорокиной. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

26. Вехи истории Национальной библиотеки Республики Татарстан: Казанская городская публичная библиотека в 2-х кн. – Кн. 1. / отв. ред. И.Г.Хадиев. – Казань: Милли китап, Казань, 2015. – 160 с.

27. *Виноградов А.В.* К вопросу об экологическом состоянии завода бр. Крестовниковых в Казани (вторая половина XIX в.) // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее. Материалы VI Международных Стахеевских чтений. – Елабуга, 2013. – С.58–60.

БИБЛИОГРАФИЯ

28. Вишленкова Е.А. Не пей воду из Кабана! Экологический кризис в Казани XIX века // Родина. – 2005. – №8. – С.94–98.
29. Восточное наследие / авт.-сост. Н.Г.Гараева, ред. З.С.Миннуллин. – Казань: Заман, 2009. – 9 с.
30. Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» Заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г.Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.) / отв. ред. А.Г.Иванов. – Йошкар-Ола, 2018. – С.188–193.
31. Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 384 с.
32. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 367 с.
33. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.
34. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 275 с., илл.
35. Гали Б. Молнией «Яшен» сверкает в облаках народных бед...» (Татарские сатирические журналы начала XX в.) // Гасырлар авазы. – 2007. – №1. – С.249–253.
36. Галимуллин И.И. Очерки по истории населённых пунктов Альметьевского района. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – 91 с.
37. Гарипова З.Г. Казань: общество, политика, культура (1917–1941). – Казань: Магариф, 2004. – 165 с.
38. Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). – Казань: Фэн, 2002. – 205 с.
39. Голубев П. Кустарные промыслы в Казанской губернии. – Казань, 1886. – 58 с.
40. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. – М.: Художественная литература, 2000. – 63 с.
41. Государственный институт для усовершенствования врачей имени В.И. Ленина в г. Казани. 1920–1925 / под ред.: проф. Р.А.Лурья, проф. Е.М.Лепского, проф. А.И.Тимофеева и проф. М.О.Фридланд. – Казань, 1925. – 270 с.
42. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, г. Казань. – М.: Белый город, 2002. – 64 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

43. *Григорян Н.А.* А.Ф.Самойлов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 204 с.
44. *Давлетбаев Б.С.* Большая Ока. История села. – Уфа: РИО Министерства печати и средств массовой информации, 1992. – 192 с.
45. *Давлетшин Т.Д.* Советский Татарстан. – Казань: «Жиен», 2005. – 485 с.
46. *Давыдов Д.* «А беззубые старухи их разносят по домам» (Как боролись с крестьянскими слухами в 1920-е годы) // *Родина.* – 2010. – №8. – С.107–109.
47. *Демьянов Г.П.* Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери Астрахани). Издание 4-ое. – Нижний Новгород: М.В.Клюкин, 1898. – 324 с.
48. *Джераси Р.* «Окно на Восток»: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 538 с.
49. *Дитякин В.Т.* Творческий облик К.Маркса (Этюд по психологии творчества). – Казань: Гос. изд-во Т.С.С.Р., 1922. – 34 с.
50. *Дитякин В.Т.* Управление, контроль и научная организация труда. В связи с последней статьей тов. В.И.Ленина // *Известия ТатЦИК.* – 1923. – 9 февраля. – С.1.
51. *Дмитриев А.Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // *Новое литературное обозрение.* – 2007. – №88. – С.10–38.
52. *Дмитриев А.Н.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой половины XX века) // *Новое литературное обозрение.* – 2013. – №4. – С.108–133.
53. *Дульский П.* Искусство в Татарской Республике за годы революции. – Казань: Госуд. Объедин. типо-литогр. Татполиграф, 1929. – 16 с.
54. *Дульский П.* Николай Иванович Фешин. – Казань: Казанское отделение государственного издательства, 1921. – 32 с.
55. *Душечкина Е.* Светлана. Культурная история имени. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 228 с.
56. *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. – Казань, 1976. – 103 с.
57. *Ермолаева Н., Скоробогатов А.* Новый путеводитель в мире рукописей // *Гасырлар авазы.* – 2000. – №1. – С.300–301.
58. *Жарова М.* Краткий очерк развития медицинской этики в Европе и в России // *RELGA. Научно-культурологический журнал.* – 15.06.2010. – №8 [206] [Электронный ресурс] <http://www.relga.ru>. Дата обращения 30.11.2017.
59. *Жарова М.Н.* Медицинская культура российского общества // *Главврач.* – 2011. – №6. – С.87–95.
60. *Железнякова Ю.Е.* Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. – Казань: КГЭУ, 2005. – 203 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

61. *Зайнутдинов Д.Р.* Татарские правоведы и татарская правовая мысль в начале XX века // Частные миры Великой русской революции. Сборник научных трудов (на рус. и тат. языках) / под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – С. 142–149.
62. *Зарипова Л.Д., Сальникова А.А.* Призрак свободы // Казань. – 1995. – №. 7–8. – С. 88–97.
63. Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / сост. А.В.Гарзавина, И.А.Новицкая. – Казань: Kazan-Kazan, 1999. – 423 с.
64. *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. – Казань: Издательство Казанского университета, 2001. – 705 с.
65. *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. – 1999. – № 2. – С.108–127.
66. *Иванов А.Ю.* Казанский государственный медицинский университет в зеркале социокультурной истории. – Казань: Медицина, 2014. – 247 с.
67. *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России (1910–1914). – М.: Наука, 1987. – 282 с.
68. *Ильяева И.А.* Культура общения. Опыт философско-методологического анализа. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. – 167 с.
69. *Ингвар И., Илялова И.* Русский театр в Казани (советский период). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 284 с.
70. Искусство, рожденное Октябрем: (о творчестве народного художника Татарии Б.Урманче): сб. ст. / АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова; сост. Ф.В.Ахметова. – Казань: ИЯЛИ, 1989. – 120 с.
71. История библиотечного дела Татарстана. Дореволюционные библиотеки Казани и Казанской губернии / сост. К.Б.Фатхеева, отв. ред. А.Р.Абдулхакова. – Вып. 2. – Казань: Изд-во «Милли китап», 1999. – 64 с.
72. История Казани. – Кн.1. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 352 с.
73. История Казанского государственного ветеринарного института им. Н.Э.Баумана (1873–1973). Очерки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 318 с.
74. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) – Самарканд: МИЦАИ, 2012. – 335 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

75. История селений Ашитского джиена Заказанья / под ред. А.И. Ногманова. – Казань, 2017. – 240 с. + 20 с. цв. вкл.
76. Казанский ГИДУВ им. В.И. Ленина. 1920–1990. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 260 с.
77. Казанский институт научной организации труда. 5 лет работы. 1921–1926. – Казань: ИИНОТ, 1926. – 84 с.
78. Казанский сельскохозяйственный институт им. М.Горького. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1972. – 106 с.
79. Карпова Е.К. Казанское музыкальное училище в предоктябрьский период (1904–1917) // Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Сб. науч. трудов. – Казань, 1993. – С.35–49.
80. Касимова Д. Баки Урманче в Глазовском уезде (1917–1918 гг.) // Гасырлар авазы. – 2012. – №3/4. – С.111–114.
81. Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени М.-Н.Вахитова (1855–1945). – Казань: Таткнигоиздат, 1950. – 279 с.
82. Ключевская Е.П. Казанская художественная школа. 1895–1917. – СПб.: Славия, 2009. – 240 с.
83. Колоницкий Б. Семнадцать очерков по истории российской революции. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.
84. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999. – 274 с.
85. Контский Ф.М. Врач и больной. Культура медицинского обслуживания и основные элементы врачебной этики. – Изд. 3-е. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1959. – 111 с.
86. Корбут М.К. Вокруг высшей школы // Известия ТатЦИК. – 1922. – 21 марта. – С.2.
87. Корбут М.К. К вопросу о высшем техническом образовании в Татареспублике // Известия ТатЦИК. – 1922. – 12 февраля. – С.3.
88. Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30: в 2 т. – Т.2. – Казань: Татполиграф, 1930. – 385 с.
89. Корбут М.К. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет. Речь на открытии Татарского научно-исследовательского экономического института. – Казань: Татполиграф, 1930. – 12 с.
90. Корицкий Э.Б., Васюков А.И., Нинчиева Г.В. Основные течения российской экономической мысли в 20–30-е годы XX столетия. Очерки. – Ч 3: НОТ: борьба идей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1994. – 156 с.
91. Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX века: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 648 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

92. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России в XIX веке: Социальные и культурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.
93. *Кривоноженко А.Ф.* Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. – 2016. – №5. – С.51–56.
94. *Крыштановская О.В.* Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. – М.: Наука, 1989. – 144 с.
95. *Кузьминых С.В., Смирнов А.С.* Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. – 2015. – №.1. – С.214–234.
96. Культурная революция в Татарии (1917–1937 гг.) / М.Х.Вахитов, М.К.Мухарямов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 304 с.
97. Культурология: учебник / Т.Ю.Быстрова [и др.]; под общ. ред. канд. ист. наук, доц. О.И.Ган. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 192 с.
98. *Куницын Б.* Из истории библиотеки Казанской духовной академии // Гасырлар авазы. – 2010. – №3/4. – С.257–263.
99. *Кушкова А.Н.* Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX века. – СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2016. – 318 с.
100. *Латыпова Г.М.* Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. – Казань: Гл. арх. упр. при Каб. Министров Республики Татарстан, 2013. – 223 с.
101. *Латыпова Г.М.* Организация советских органов управления народным образованием в Казанской губернии (1917–1918 гг.) // Гасырлар авазы. – 2015. – № 1–2. – С.64–73.
102. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / Институт марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Т. 38. Март – июнь 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1965. – 579 с.
103. *Лоскутова М.В.* «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // Ab Imperio. – 2011. – №2. – С.83–121.
104. *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М.: АИРО-XXI, 2006.– 142 с.
105. *Малышева С.Ю.* Философия счастья Константина Сотонина // Татарстан. – 1994. – № 7–8. – С.110–115.
106. *Малышева С.Ю.* «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы. – 2003. – №1/2. – С.87–92.
107. *Манойленко К.В.* В.В.Лепешкин: путь к эмиграции // Историко-биологические исследования. – 2010. – №2. – С.25–42.
108. *Марабаева Ю.А.* Педагогическая и просветительская деятельность И.С.Морева: к вопросу становления и развития специального музыкального образования в Казани // Вестник КНИТУ. – 2012. – №5. – С.252–256.

БИБЛИОГРАФИЯ

109. *Мартынова Ю.А.* Р.А.Гуммерт и его роль в становлении профессионального музыкального образования в Поволжье // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С.336–339.

110. *Машковцев А.А.* Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. – Киров: Изд-во «Радуга-Пресс», 2015. – 378 с.

111. *Мингазова Н.М.* Казанские озера (исторический обзор). – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 173 с.

112. *Миранова Е.В.* Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны / под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С.292–300.

113. *Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. – Казань: Фэн, 1997. – 111 с.

114. *Мустафина Г.М.* Видный педагог-просветитель Шакирджан Тагиров // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки в науке и культуре: материалы научно-практической конференции, приуроченной к открытию мемориальной доски на здании Казанской татарской учительской школы, где с 1876 по 1918 год учился и преподавал Ш.А.Тагиров (1 июня 2012 г.). – Казань: Изд-во «Отечество», 2013. – С.31–40.

115. *Назипова Г.Р.* Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. – Казань: «Kazan-Kazan», 2000. – 272 с.

116. *Насурдинов Э.С.* Правовая культура: монография / отв. ред. Ф.Т.Тахиров. – М.: Норма, 2016. – 352 с.

117. *Насыров Т.* Октябрь и гонения на казанскую русскую не-большевистскую прессу // Гасырлар авазы. – 2014. – №3/4. – С.75–84.

118. Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И.Колчинский. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 1040 с.

119. Национальная библиотека Республики Татарстан. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 375 с.

120. *Неболюбов.* «Профтехническое образование. К трехлетию Татгавпрофобра» // Известия ТатЦИК. – 1923. – 3 февраля. – С.1.

121. *Никифоров Б.М.* Павел Петрович Беньков. – М.: Советский художник, 1967. – 118 с.

122. *Новицкий А.И.* Баки Урманче. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. – 192 с.

123. *Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – 592 с.

124. *Офицерова Н.В.* К вопросу о «новой этике»: поведение рядовых коммунистов в 1920-е гг. // Духовная жизнь региональных со-

обществ: история, традиции, современность. Сборник докладов Международной научной конференции. – Казань: Изд-во Казанск. гос. архитектур.-строит. ун.-та, 2013. – С.203–208.

125. Памяти Ф.П.Гаврилова. Сборник статей. – Казань: Полиграфшкола им. А.В.Луначарского, 1927. – 80 с.

126. *Пашенный Н.Л.* Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://genrogge.ru/isj/isj-091-4.htm#v49>. Дата обращения: 22.09.2017.

127. Пионеры конструктивизма: Фаик Тагиров, Александра Коробкова в Казани и Москве. К 100-летию со дня рождения Фаика Тагирова. Каталог выставки: Книжная графика. Рисунок. Гравюра. 24 ноября 2006 г. – 15 января 2007 г. – Казань: Заман, 2006. – 64 с., илл.

128. *Писарева С.* Казанский университет в Первой мировой войне [Электронный ресурс] <https://kpfu.ru/news/kazanskij-universitet-v-pervoj-mirovoj-vojne-80333.html>. Дата обращения 15.11.2017.

129. *Рейснер Л.* Избранное. – М.: Художественная литература, 1980. – 372 с.

130. *Розенталь И.С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. – М.: Новый хронограф, 2007. – 400 с.

131. *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) – М.: РОССПЭН, 2017. – 903 с.

132. *Руденко К.А.* Учитель и ученик в археологии Казани в первой – второй трети XX в. (к постановке проблемы) // Учитель и ученик в социокультурном пространстве Евразии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2016. – С.64–74.

133. *Рыжковский В.В.* Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальной мобилизации // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С.682–775.

134. *Салихов Р.Р.* Служилая Ура: рождение татарского капитализма. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 280 с. + 8 с. цв. вкл.

135. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань: Издательство «Фест», 1995. – 280 с.

136. *Сальникова А.А.* Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С.149–165.

137. *Самойлов А.Ф.* Диалектика природы и естествознания // Под знаменем марксизма. Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал. – 1926. – №4–5. – С.61–82.

БИБЛИОГРАФИЯ

138. Сборник здравоохранения ТССР, посвященный 10-летию юбилею советской медицины / отв. ред. К.Х.Магдеев. – Казань, 1928. – №1. – 130 с.
139. *Сидорова И.Б.* Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг.) // Гасырлар авазы. – 2003. – №3/4. – С.65–81.
140. *Симонова О.* Образ сестры милосердия в русской литературе конца XIX – начала XX века: диалог с традицией // Интелрос. – 2015. – №1 [Электронный ресурс] <http://www.intelros.ru> Дата обращения 15.11.2017.
141. *Синицына К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. – Казань: «Kazan-Kazan», 2002. – 280 с.
142. *Сорокин П.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – 315 с.
143. *Спиридонова В.М.* Казанское музыкальное училище в первые годы советской власти. // Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Сб. науч. трудов. – Казань, 1993. С. 50–71.
144. *Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В.* Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике. 1917–1934. Очерки истории. – Казань: Медицина, 1999. – 237 с.
145. *Субаев Н.* Польский журнал в Казани // Гасырлар авазы. – 1996. – №3/4. – С.226–230.
146. Султан Габяши. Материалы и исследования в двух частях. Часть 1. – Казань, 1994. – 114 с.
147. *Султанбеков Б.Ф.* Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 г.) // Ученые записки КГПИ. – 1977. – Вып.173. – С.3–26.
148. *Траубенберг П.В.* Казанская Мариинская женская гимназия. Краткий исторический очерк, ее современное состояние и деятельность. – Казань: Лито-типография Харитонова, 1900. – 44 с.
149. *Троепольская О., Троепольская Н.* «Я не столько археолог и музейст, сколько историк-археолог и архивист...» (О работе И.М.Покровского в Казанском губернском архиве в 1920–1930-е гг. // Гасырлар авазы. – 2009. – №2. – С.106–122.
150. *Троепольская О.В., Троепольская Н.Е.* К истории составления и издания сборников «Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии» // Гасырлар авазы. – 2015. – №3/4. – С.228–238.
151. *Тутаев М.З.* Октябрь и просвещение (очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые

БИБЛИОГРАФИЯ

годы Советской власти). – Казань: Казан. Гос. пед. институт, 1970. – 443 с.

152. *Улемнова О.Л.* Художественная династия Тагириных // Шакирджан Тагиров (1858–1918) и его потомки в науке и культуре: материалы научно-практической конференции, приуроченной к открытию мемориальной доски на здании Казанской татарской учительской школы, где с 1876 по 1918 год учился и преподавал Ш.А.Тагиров (1 июня 2012 г.). – Казань: Изд-во «Отечество», 2013. – С.47–55.

153. *Уэллс Г.* Россия во мгле. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 104 с.

154. *Файзуллин М., Абдуллина Д.* Мирхайдар Файзи: Повествование о жизни. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 119 с.

155. *Файнберг А.Б.* Художники Татарии. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 232 с.

156. *Фаттахов Г.А., Валеев Р.К.* Академический центр Татарии: 1920-е годы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 96 с.

157. *Фирсов Н.Н.* Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. Журнал Ассоциации востоковедения Союза ССР. – 1928. – №20–21. – С. 324–332.

158. *Хабибрахманова О.А.* Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-е гг // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – №1. – С.36–39.

159. *Хайрутдинова Д.Р.* Опыт создания виртуальных экскурсий для молодежи: Казань – город развлечений (театр, музыка, кино в Казани в начале XX века) // Вестник ТГГПУ. – 2008. – № 3(14). – С.31–36.

160. *Хакимов Р.С.* Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. – 2017. – Т.2, №1. – С.6–27.

161. *Хлопин Г.В.* Химическая промышленность и народное здоровье. Очерки из области профессиональной гигиены. Очерк 1. – Петроград, 1920. – 87 с.

162. *Худяков М.* История казанского губернского музея // Казанский губернский музей за 25 лет. Юбилейный сборник статей. – Казань: «Восток», 1923. – С.5–27.

163. *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 214 с.

164. Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 360 с. + 24 с. цв. вкл.

165. Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р.Габдрафиковой; с предислов. Р.С.Хакимова. –

БИБЛИОГРАФИЯ

Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 432 с. + 20 с. цв. вкл.

166. *Червонная С.М.* Искусство Татарии: история изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. – М.: Искусство, 1987. – 352 с.

167. *Червонная С.М.* «Легенда Баки Урманче» в парадигме национального Ренессанса // Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.И.Урманче, Казань, 21–22 февраля 2012 г. – Казань, 2012. – С.18–19.

168. *Чканова Т.Б.* Алафузовский Образовательный дом // Ежегодник–2004. Национальный музей Республики Татарстан. – Казань, 2006. – С. 154–155.

169. Шакир Мухамеджанов. Альбом-монография / сост. И.Лобашева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 162 с.

170. *Шамсутдинова Р.* Архивное строительство в Татарстане 1917–1920 гг. // Гасырлар авазы. – 1999. – №1/2. – С.283–292.

171. *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). – Казань: Гасыр, 2007. – 231 с.

172. *Шарангина Н.* Первый Казанский уполномоченный Главархива // Гасырлар авазы. – 2005. – №1. – С.265–268.

173. *Шишкина Д., Нерозникова Н.* «Трудиться не покладая рук, не щадить себя, полностью отдаваться любимому делу» (к 110-летию со дня рождения Б.И.Урманче) // Гасырлар авазы. – 2007. – №1. – С.177–184.

174. *Шокарева А.* Дворянская семья. Культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. – М.: НЛО, 2017. – 304 с.

175. *Шевченко Е.Н.* Субъективное восприятие русской истории в книге Х. Кейлера «Красный сад» // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. – Казань, 2012.

176. *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. – 2006. – №3. – С.68–80.

177. *Арсланов А.* Бакый Урманче // Баки Урманче и татарская культура. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – Б.166–167.

178. *Исанбет Н.* Один из корифеев // Баки Урманче и татарская культура. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – С.148–149.

179. *Монасыпов Ш.* Б.Урманче и татарская музыка // Искусство, рожденное Октябрем (О творчестве народного художника Татарии Б.Урманче). – Казань, 1989. – С.57–58.

Диссертации и авторефераты

180. *Алексеев И.Е.* Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905 – февраль 1917 гг.). Автореферат дисс. ... к.и.н. – Казань, 1997. – 22 с.
181. *Ахунзянов Э.М.* Русские заимствования в татарском языке. Автореферат дисс. ... д.филол.н. – Алма-Ата, 1967. – 58 с.
182. *Валиева М.З.* Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен. Автореферат дисс. ... к.филол.н. – Казань, 2007.
183. *Зарипова Л.Д.* Российская история в трудах Н.Н. Фирсова. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1996. – 226 с.
184. *Галиуллина Г.Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте. Автореферат дисс. ... д.филол.н. – Казань, 2009. [Электронный ресурс] <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/92788>. Дата обращения 29.04.2019.
185. *Мансуров Р.З.* Февральская революция в Казанской губернии как фактор новой общественно-политической ситуации в крае. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2006. – 188 с.
186. *Улемнова О.Л.* Искусство графики Татарстана 1920–30-х годов. Автореферат дисс. ... канд. искусствоведения. – М., 2005. – 29 с.
187. *Фан-Юнг Г.Ю.* Становление и развитие крупных промышленных предприятий в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков (на примере казанского стеариново-мыловаренного завода братьев Крестовниковых). Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2016. – 282 с.
188. *Хайрутдинова Д.Р.* Культурная жизнь Казани в годы Первой мировой войны. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 1997. – 218 с.

На татарском языке

189. «Зөләйха» // Исхакий Г. Әсәрләр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.310–317.
190. *Абдуллина Р.С.* Сөйләм культурасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. – 526 б.
191. *Айдаров С.* Әшраф ханым Синяева // Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. – Казан: Мәгариф, 2003. – Б.244–245.
192. *Әмирхан Ф.* Әсәрләр: 4 томда.. – Т.2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 488 б.
193. *Әмирхан Ф.* Әсәрләр: 4 томда. – Т. 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 390 б.
194. *Әмирхан Ф.* Әсәрләр: 4 томда. – Т.3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 511 б.
195. *Гафури М.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 351 б.

БИБЛИОГРАФИЯ

196. Гобәйдуллин Х. Сабит Яхшибаев // Казан утлары. – 1966. – №3. – Б.110–111.
197. *Ибраһимов Г.* Әсәрләр: 8 томда. – Т.7. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 539 б.
198. *Ибраһимов Г.* Сайланма әсәрләр: 3 томда. – Т.1. – Казан: Таткнигоиздат, 1957. – 528 б.
199. *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. – Т.5. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 616 б.
200. *Ибраһимова Ф.* Мәгърифәт йорты // Казан утлары. – 1986. – №8. – С.186–187.
201. *Исхакый Г.* Сайланма әсәрләр: 15 томда. – Т.8. – Казан, 2001. – 447 б.
202. *Кәрам Г.* «Шәрык» клубында театр вә музыка мәүсимиенәң якүне // Сәхибжамал Гыйззәтуллина-Волжская: әдәби-нәфис, документаль, биографик жыентык / төз.-авт. Ж.Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2012. – Б.404–407.
203. *Кәрам Г.* «Зөләйха»ның өченче мәртәбә уйналуы // Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.303–304.
204. *Кәрам Г.* Бенифислар: «Галиябану» – «Беренче таң» – «Тәһир белән Зөһрә» // Габдулла Кариев: тарихи-документаль жыентык. – Казан, 2011. – Б.301–309.
205. *Кәрам Г.* Габдулла Кариев бенефисы // Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.300–303.
206. *Кәрам Г.* Фатыйма Ильскаяның бенефисы вә «Әльмансур» фаҗигәсе // Габдулла Кариев: тарихи-документаль жыентык. – Казан, 2011. – Б.254–257.
207. *Мәхмүтов Н., Илялова И., Гыйззәт Б.* Октябрьгә кадәрге татар театры: Очерклар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 399 б.
208. *Миңнуллин Ж.* Шәрык клубы. – Казан: Заман, 2013. – 95 б.
209. *Рәми И., Даутов Р.* Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан, 2001. – 399 б.
210. *Рәхимев Ж.* Сайланма әсәрләр: 4 томда. – Т.1. – Казан: Рухият, 2008. – 442 б.
211. *Сүнчәләй С.* Әсәрләр һәм хатлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 367 б.
212. *Тимершин И.* Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. – Казан, 2001. – 164 б., илл.
213. *Тюменов Р.* «Зөләйха» – Мәскәүдә // Исхакый Г. Әсәрләр. – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.305–309.
214. *Урманче Б.* Татарстанның рәсем сәнгате // Совет әдәбияты. – 1960. – №10. – Б.138–140.
215. *Ф.* Гаяз әфәнде шәрәфена // Исхакый Г. Сайланма әсәрләр: 15 томда. – Т.8. – Казан, 2001. – Б. 294–300.
216. *Фәхретдин Р.* Хәсән әфәнде Акчурин (Публ. Р.Миннулина) // Гасырлар авазы. – 1999. – №3/4. – Б.143–150.

БИБЛИОГРАФИЯ

217. *Хаков В.Х.* Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20–30 нчы еллар). – Казан: Казан унив. нәшр., 1985. – 150 б.
218. *Хангилдин В.Н.* Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 96 б.
219. *Ш.Ә. Зөләйха // Исхакый Г. Әсәрләр.* – Т.8. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – Б.290–294.
220. *Шәрәфиев Р.* Жан сызлавында туган «Галиябану» // Безнең мирас. – 2016 [Электронный ресурс] <http://beznenmiras.ru/djan-syzlavynnda-tugan-galiyabanu/> Дата обращения 15.10.2018.

На английском языке

221. *Bonhomme B.* Forests, peasants, and revolutionaries: forest conservation and organization in Soviet Russia. – Boulder: East European Monographs, 2005. – 252 p.
222. *Brain S.* Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. – 232 p.
223. *Fechin A.* March of the Past. – Santa Fe, New Mexico: Writer's Editions (The Rydal Press), 1937. – 164 p.
224. *Hardin G.* The Tragedy of the Commons // Science. – 1968. – Vol. 162. – № 3859. – P.1243–1248.
225. *Idem.* A Revolution in the forests? Forest conservation in Soviet Russia, 1917–1925 // Environmental history. – Vol. 7(3). – P.411–434.
226. *Weiner D.* Models of nature. Ecology, conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. – 325 p.

На французском языке

227. *Goubert J.-P.* Environnement et urbanisation: Rapport General // Sixieme Congres international d'histoire economique, Copenhague 19–23 aout 1974. – Copenhague, 1974. – P.59–69.
228. *Le Roy Ladurie E.* Un concept: L'unification microbienne du monde (XIVe – XVIIe siècles). – Geneva: Edité par Société Suisse d'Histoire, 1973. – P.627–696.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АХРР – Ассоциация художников революционной России
- ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские
- ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
- ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
- ГМИИ РТ – Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан
- ИЯЛИ АН РТ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
- ИРМО – Императорское Русское музыкальное общество
- КПО – Культурно-просветительский отдел при Казанском Совете солдатских и рабочих депутатов
- КТУШ – Казанская татарская учительская школа
- КХШ – Казанская художественная школа
- НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
- НОТ – Научное общество татароведения
- ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
- ОРРК НБЛ К(П)ФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
- РАНИОН – Российская ассоциация научно исследовательских институтов общественных наук
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусств
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
- ЦБК – Центральное бюро краеведения
- ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история России XIX – XX вв., история российского высшего образования, история науки, история повседневности. Автор более 40 научных работ, в том числе монографии «Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917гг.» (Казань, 2012), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т. VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Человек в революции: Казанская губерния. Т. 1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016), «Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. 1917 г.» (Казань, 2017) (авт. колл.).

Виноградов Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, докторант Центра исследований общества и окружающей среды им. Рэйчел Карсон (Университет Людвиг-Максимилиана, Германия). Текущий исследовательский проект – «Борьба с промышленным загрязнением в позднеимперской России (1871–1917)». Член Европейского общества экологической истории.

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: повседневная история татар XIX –нач. XX в., историческая урбанистика, Первая мировая война, рабочая история имперского периода, микроистория. Автор более 80 научных публикаций, в том числе монографий «Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований (вторая половина XIX – начало XX века) (Казань, 2013), «Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местных самоуправлений» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VII» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.» (в соавт. с Х.М.Абдуллиним) (Казань, 2015), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым) (Казань, 2015), «Татарское бур-

жуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2015), «Человек в революции: Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016), «Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г.» (авт. колл.) (Казань, 2017).

Зайнутдинов Динар Рафаилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г.Тимирязова (ИЭУП)», руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний». Область научных интересов: история государства и права антибольшевистской России, национальная государственность татарского народа, история учений о праве и государстве. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографии «Государственно-правовая идеология "белой" государственности в период Гражданской войны (1918–1920 гг.)» (Казань, 2016).

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история Казанской губернии второй половины XIX – начала XX века, дворянство, локальная история. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: «Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861–1917 гг.» (Казань, 2013), «Уездный город Тетюши во второй половине XIX – начале XX века» (Казань, 2015), «Человек в революции: Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016), «Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г.» (авт. колл.) (Казань, 2017).

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, действительный член Академии наук РТ, заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Область научных интересов: история татарского предпринимательства, история промышленности, история населённых пунктов. Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографий: «Республика Татарстан: Памятники

истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков)» (в соавт. с Р.Р.Хайрутдиновым) (Казань, 1994), «Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в.» (Казань, 2001), «Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.» (Казань, 2004), «Очерки истории Национального банка Республики Татарстан» (авт. колл.) (Казань, 2000), «Сбербанк в Татарстане: традиции и современность» (авт. колл.) (Казань, 2004), «Исторические мечети Казани» (в соавт. с Р.Р.Хайрутдиновым) (Казань, 2005), «Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX вв.» (авт. колл.) (М., 2010); «История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т.VII» (авт. колл.; научный редактор тома) (Казань, 2013), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Л.Р.Габдрафиковой, Б.И.Измайловым) (Казань, 2015), «Служилая Ура: рождение татарского капитализма» (Казань, 2015), «Человек в революции: Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг.» (авт. колл.) (Казань, 2016).

Человек в революции: Казанская губерния. Культура

Коллективная монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 26.06.2019 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 23,0+1,75 цв. вкл. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КОНСТАНТА»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Березовая, 1/12

Тел./факс: (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РФ

Татаровед.рф